

Russian academy of sciences
Siberian branch
GUMANITARNYE NAUKI V SIBIRI

Series: Philology

№4, 2009

TABLE OF CONTENTS

Congratulation of person whose anniversary.....	3
---	---

LITERARY CRITICISM

<i>Romodanovskaya, E.K.</i> Translated collections of works as complexes of new plots in Russian literature	5
<i>Balbuurov E.A.</i> Memory and time: the problem of literary integrity in M. Proust's novel «In Search of Lost Time».....	8
<i>Proskurina, E.N.</i> G. Gazdanov and V. Nabokov: an unfami-liarity plot	11
<i>Kapinos E.V.</i> Martha-Mariinsk mercy abode as depicted in Bunin's story «Chisty Ponedelnik»	15
<i>Vasilyeva, G.M.</i> «To become a proverb and byword to all people»: the image of Goethe and images of «Faust» in A.P. Chekhov's prose.	19
<i>Nepomnyashchikh N.A.</i> «An incendiary» as a complex of motifs in the literature of the beginning of the 1920s (L. Andreev, M. Voloshin, A. Remizov, L. Leonov, and others)	23
<i>Sevastyanova, S.K.</i> Patriarchy Nikon's Epistolary heritage in Orthodox memory of culture: traditional methods of dealing with Scripture texts.	27
<i>Bologova, M.A.</i> Reminiscences inspired by F.I. Tyutchev in the context of E. Shklovsky's lyrics of protection.....	30
<i>Malinina, E.E., Semenova, M.V.</i> Image of a hero in Japanese ego-novel.	35
<i>Kulikova, Ye.Yu.</i> «The 'Flying Dutchman' in N.Gumilev's «Strayed Tram».....	39
<i>Barinova, E.E.</i> Riddle genre in popular scientific literature for children.	43
<i>Silant'ev, I.V.</i> Philosophy of discourse in V. Pelevin's novel «Generation "P"».....	47
<i>Kovaleva, T.I.</i> On a plot fragment from Kirill Belozerskiy's Life in Ferapont Belozerskiy's Life.....	50
<i>Lushnikova, G.I.</i> A cognitive approach to interpreting literary parody.	53

LANGUAGES OF PEOPLE OF SIBERIA

<i>Ilyina, L.A.</i> Common features of evidential verb category in Samoyedic and Yukagir Languages	57
<i>Butorin, S.S.</i> Correlative-relative locative sentences in the Ket language.	60
<i>Golovaneva, T.A.</i> Mechanisms of introductive reference in Koryak and Alutor Languages (exemplified by nominations of persons)	64
<i>Fedyuneva, G.V.</i> On etymology of particle taj 'ведь, же' in the Komi and Mansi Languages.....	70
<i>Ivanova, G.P.</i> Semantic types of conditional sentences in the Vep language.....	73
<i>Onina, S.V.</i> Structural types of compound nominations in the Khanty Language.....	77
<i>Maltseva, A.A.</i> Functions of the infinitive in the complex sentences in Alutor.....	81
<i>Telyakova, V.M.</i> Valency system of sound perception verbs in the Shor Language.	88
<i>Bayir-ool, A.V.</i> Verb-derived particle iyik in analytical constructions with conditional-subjunctive semantics in Tuviniian	93
<i>Fedina, N.N.</i> Allomorphs of local cases indices in Chalkan (in comparison with Turkic languages of South Siberia).	97
<i>Zhukova, L.V.</i> Typological analysis of terms of blood relationship in English and Shor Languages.....	101

THE GENERAL AND RUSSIAN LINGUISTICS

<i>Krutova, M.S.</i> Semantic peculiarities of loan-words as used in the titles of the 11th-19th century manuscript books.	106
<i>Sheremetyeva, E.S.</i> Inter-relationship of adnominal relatives and coordinating conjunctions.	110
<i>Tomas, E.V.</i> Spatial semantics of «сквозь/ через + accusative* constructions (based on the data of the National Russian Language Corpus).....	112
<i>Khoruk, K.M.</i> Adverbial modifiers of manner as a means of compressing logical propositions of qualitative characterization.....	117
<i>Libert, E.A.</i> Past tense in the Low German dialect of Siberian Mennonites.	120
<i>Shapoval, V.V.</i> Novosibirsk regional dialecticisms in the Dictionary of Russian Folk Dialects (issues 1-41): problems of lexicographical authenticity.	123
<i>Durova, M.V.</i> Models of existential-spatial elementary simple sentences in the Japanese language.....	127
<i>Voitishek, E.E.</i> «Plant code» in the Japanese culture in the framework of Shinto ceremonial rites (based on hana-fuda flower cards).	131

FOLKLORE

<i>Oinotkinova, N.R.</i> Regularities of Altai proverb variation in spoken language	139
<i>Limorenko, Y.V.</i> Onomastics in Russian translation of folklore texts in the series «Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East».....	143
<i>Zhimuleva, E.I.</i> The reflection of folk eschatologic ideas in traditional spiritual poems on the soul departing from the body.	147
<i>Prokopyeva, P.E.</i> Birds in traditional forest Yukagir conceptions (based on folklore and ethnographic data).....	151

© The Siberian branch of the Russian
Academy of Science, 2009

© Publishing house of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Science, 2009

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE

“GUMANITARNYE NAUKI V SIBIRI”

It is published since January, 1994

There are four issues a year

Founders: the Siberian branch of the Russian Academy of Science;
Institute of history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding member of the Russian Academy of Science V.A. Lamin (chairman of the Board, Novosibirsk), academician of Russian Academy of Science V.V. Alekseev (Ekaterinburg), corresponding member of the Russian Academy of Science B.V. Bazarov (Ulan-Ude), doctor Ch. Dashdavaa (Ulan Bator, Mongolia), doctor of historical science N.I. Drozdov (Krasnoyarsk), doctor of historical science V.P. Zinovyev (Tomsk), doctor of historical science V.A. Ilyinyh (Novosibirsk), doctor of historical science O.N. Kationov (Novosibirsk), doctor of historical science YU. F. Kiryushin (Barnaul), academician of Russian Academy of Science V.I. Molodin (Novosibirsk), academician of Russian Academy of Science N.N. Pokrovskiy (Novosibirsk), corresponding member of the Russian Academy of Science E.K. Romodanovskaya (Novosibirsk), doctor of historical science N.A. Tomilov (Omsk), doctor E.B. Sydykov (Semey, Kazakhstan Republic), doctor of historical science M.V. Shilovskiy (Novosibirsk), doctor of historical science A.H. Elert (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor doctor of historical sciences V.A. Ilyinyh
Executive secretary candidate of historical science D.A. Ananyev

Doctor of historical science N.N. Ablazhey (deputy chief editor), candidate of historical science S.N. Andreenlov, doctor of historical science S.S. Bukin, doctor of historical science N.S. Guryanova, doctor of historical science V.I. Isaev, doctor of historical science V.A. Isupov, doctor of historical science S.A. Krasilnikov, doctor of historical science L.V. Kuras, doctor of historical science V.E. Larichev, doctor of historical science S.N. Lyutov, doctor of historical science N.P. Mathanova, doctor of historical science S.P. Nesterov, doctor of historical science A.L. Posadkov, candidate of historical science V.M. Rynkov (deputy chief editor)

Responsible for the issue

Doctor of philological science E.N. Kuzmina, candidate of philological science A.A. Maltseva, candidate of philological science E.N. Proskurina

The address of editorial office: 630090 Novosibirsk, Nikolaeva street, 8,

Institute of history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
office 301, tel. 330-24-31.

<http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>

agro@history.nsc.ru

Editorial staff manager Smirnova Vera Ivanovna

The magazine is registered in the Ministry of Press and the information of the Russian Federation 17.06.93 № 0110807

Editor V.I. Smirnova

Computer nesting and layout E.N. Zimina

Signed for printing 17.12.09. Format 60X84 1/8. Offset printing.

Conditional printer's sheet 20,0. Publisher's signature. 20,0 Circulation of 500 copies. Order № 449.

Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090 Novosibirsk, Morskoy prospect, 2

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

Серия: Филология

№ 4, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравляем юбиляра	3
---------------------------	---

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ромодановская Е.К.</i> Переводные сборники как комплексы новых сюжетов в русской литературе	5
<i>Бальбуров Э.А.</i> Память и время: проблема художественной целостности в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»	8
<i>Проскурина Е.Н.</i> Г. Газданов и В. Набоков: сюжет незнакомства	11
<i>Капинос Е.В.</i> Марфо-Мариинская обитель в рассказе И.А. Бунина «Чистый понедельник»	15
<i>Васильева Г.М.</i> «Стать притчей во языцех»: Образ Гёте и образы «Фауста» в прозе А.П. Чехова	19
<i>Непомнящих Н.А.</i> «Поджигатель» как комплекс мотивов литературы начала 1920-х гг. (Л. Андреев, М. Волошин, А. Ремизов, Л. Леонов и др.)	23
<i>Севастьянова С.К.</i> Эпистолярное наследие патриарха Никона в православной памяти культуры: традиционные методы работы с текстами Священного Писания	27
<i>Бологова М.А.</i> Реминисценции из Ф.И. Тютчева в контексте поэтики защиты Е. Шкловского	30
<i>Малинина Е.Е., Семенова М.В.</i> Образ героя в японском эго-романе (на примере творчества Таяма Катай)	35
<i>Куликова Е.Ю.</i> «Летучий Голландец» в «Заблудившемся трамвае» Н. Гумилева	39
<i>Баринова Е.Е.</i> Жанр загадки в детской научно-популярной литературе	43
<i>Силантьев И.В.</i> Философия дискурса в романе В. Пелевина «Generation “П”»	47
<i>Ковалева Т.И.</i> О сюжетном фрагменте из Жития Кирилла Белозерского в Житии Ферапонта Белозерского	50
<i>Лушикова Г.И.</i> Когнитивный подход к интерпретации литературной пародии	53

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СИБИРИ

<i>Ильина Л.А.</i> Общие черты глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках	57
<i>Буторин С.С.</i> Коррелятивно-релятивные предложения в кетском языке	60
<i>Голованева Т.А.</i> Механизмы интродуктивной референции в корякском и алutorском языках (на примере номинаций людей)	64
<i>Федюнева Е.В.</i> К этимологии частицы тай 'ведь, же' в коми и мансийском языках	70
<i>Иванова Г.П.</i> Семантические типы условных предложений в вепском языке	73
<i>Онина С.В.</i> Структурные типы составных наименований в хантыйском языке	77
<i>Мальцева А.А.</i> Функции инфинитива в полипредикативных конструкциях алutorского языка	81
<i>Телякова В.М.</i> Система валентностей глаголов восприятия звука в шорском языке (в сопоставлении с русским)	88
<i>Байыр-оол А.В.</i> Отглагольная частица <i>ийик</i> в аналитических конструкциях условно-сослагательной семантики в тувинском языке	93
<i>Федина Н.Н.</i> Алломорфы показателей локальных падежей в чалканском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири)	97
<i>Жукова Л.В.</i> Типологический анализ терминов кровного родства в английском и шорском языках	101

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Крутова М.С.</i> Семантические особенности заимствованных слов в названиях русских рукописных книг XI–XIX вв.	106
<i>Шереметьева Е.С.</i> Взаимодействие отыменных релятивов и сочинительных союзов	110
<i>Томас Е.В.</i> Пространственная семантика конструкций «сквозь / через + Вин. падеж» (на основе данных Национального корпуса русского языка)	112
<i>Хорук К.М.</i> Обстоятельства образа действия как средство свертывания логических пропозиций качественной характеристики ..	117
<i>Либерт Е.А.</i> Прошедшее время в нижненемецком диалекте сибирских меннонитов	120
<i>Шаповал В.В.</i> Новосибирские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (вып 1–41): проблемы лексикографической достоверности.	123
<i>Дурова М.В.</i> Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке	127
<i>Войтищев Е.Э.</i> «Растительный код» в культуре Японии в контексте синтоистской обрядности (на примере цветочных карт хана-фуда)	131

ФОЛЬКЛОР

<i>Ойроткина Н.Р.</i> Закономерности варьирования алтайских пословиц в устной речи	139
<i>Лиморенко Ю.В.</i> Ономастика в русском переводе фольклорных текстов в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»	143
<i>Жимулёва Е.И.</i> Отражение народных эсхатологических представлений в духовных стихах о расставании души с телом	147
<i>Прокопьева П.Е.</i> Птицы в традиционных представлениях лесных юкагиров (по фольклорным и этнографическим материалам) ...	151

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*

Д-р ист. наук *Н.Н. Аблажей* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора)

Ответственные за выпуск
д-р филол. наук *Е.Н. Кузьмина*, канд. филол. наук *А.А. Мальцева*, канд. филол. наук *Е.Н. Проскурина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>
agro@history.nsc.ru
З а в . р е д а к ц и е й *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Е.Н. Зимилина*

Подписано к печати 17.12.09. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 500 экз. Заказ № 449.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

*Поздравляем
доктора филологических наук
Людмилу Павловну Якимову
с Юбилеем!*

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

29 октября 2009 г. исполнилось 80 лет Людмиле Павловне Якимовой – доктору филологических наук, главному научному сотруднику сектора литературоведения Института филологии СО РАН.

Имя Людмилы Павловны Якимовой среди сибирских литературоведов – одно из самых известных. После окончания аспирантуры Горьковского педагогического института и первых лет работы в Горно-Алтайском педагогическом институте, где после защиты кандидатской диссертации, посвященной творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка, она возглавляла кафедру русской и зарубежной литературы, Людмила Павловна вместе с семьей – мужем Евгением Дмитриевичем Малининым и двумя детьми, Димой и Лизой, – переехала в Новосибирский академгородок. Здесь в 1964 г. она начала работать в отделе гуманитарных исследований Сибирского отделения Академии наук, который вскоре был преобразован в Институт истории, филологии и философии. Сразу же включившись в подготовку пятитомной «Истории Сибири», создававшейся под руководством А.П. Окладникова, она взялась за разделы по истории литературы сибирских народов. По ее словам, в этом ей чрезвычайно пригодился опыт жизни в национальном регионе.

Новая страница в научной биографии Л.П. Якимовой открылась в связи с созданием сектора русской и советской литературы под руководством Ю.С. Постнова, тогда и началась многолетняя работа по созданию «Очерков русской литературы Сибири». Этот труд впервые в отечественной и мировой научной практике представил картину литературной жизни сибирского региона на протяжении всей его истории – от XVII в. до 70-х гг. XX в., объединив вокруг сектора значительную группу сибирских литературоведов – от Тюмени до Хабаровска. Была создана первая в российской филологии развернутая история региональной литературы. В этот период сибирская литература заняла ведущее место в исследованиях Людмилы Павловны – наибольший интерес вызывал у нее современный литературный процесс. В 1982 г. после кончины Ю.С. Постнова она возглавила сектор русской и советской литературы, организовав его рабо-

ту таким образом, что до публикации были доведены оба тома обобщающего труда – они вышли в том же 1982 г.

Занимаясь исследованием сибирской литературы, Людмила Павловна стремилась выявить общие вопросы литературного регионализма, закономерности развития местного литературного процесса. Прежде всего она обратила внимание на специфику собственно Сибири: только здесь русская литература жила и развивалась в постоянном контакте с инонациональными литературами, а быт и традиции коренных народов постоянно оставались предметом интереса и исследования русских литераторов. Итоги этих наблюдений нашли отражение в монографии Л.П. Якимовой «Многонациональная Сибирь в русской советской литературе» (Новосибирск, 1982). Эта проблема отражена и в последующих книгах: «Сибирский очерк» (Новосибирск, 1983 [совместно с Б.М. Юдаlevичем]) и «Литература и литераторы Сибири» (Новосибирск, 1988).

Идеи, возникшие в процессе создания «Очерков русской литературы Сибири», в дальнейшем были положены в основу нового проекта – «Истории русской литературной критики Сибири», осуществлявшегося сектором во второй половине 1980-х гг., которым руководила Людмила Павловна. Как и «Очерки русской литературы Сибири», проект собрал вокруг себя литературоведческие силы всего региона. В серии опубликованных сборников впервые картина литературной жизни Сибири обогатилась ценнейшим материалом, отразившим движение местной литературно-критической мысли, развитие журналистики и газетного дела. Кроме серии тематических сборников, итогом данного проекта стали проспект обобщающего труда «История русской литературной критики Сибири» (Новосибирск, 1989) и коллективная монография «Литературная критика журнала “Сибирские огни”. 1920 – 1980-е годы» (Новосибирск, 1998 / Авторы: Л.П. Якимова, Н.Н. Соболевская, Э.А. Бальбуров, Б.М. Юдаlevич).

Новый поворот в творческой биографии Л.П. Якимовой определился вследствие ее знакомства с романом Л. Леонова «Пирамида», опубликованном в 1994 г.

В настоящее время Людмила Павловна – признанный специалист в области современного леоноведения. Не случайно без нее не проходит ни один из общероссийских семинаров по творчеству писателя, организуемых на базе Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), ни одна конференция по творчеству Л. Леонова. Итогом ее научных изысканий стали монографии «Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида»» (Новосибирск, 2003) и «Повести Леонида Леонова 20-х годов о революции и гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл» (Новосибирск, 2007). На базе первой из упомянутых двух монографий Людмила Павловна в

2004 г. защитила в Пушкинском доме докторскую диссертацию.

Исследования Л.П. Якимовой чрезвычайно ценны не только для современного леоноведения, но и для успешной реализации большого коллективного проекта – создания первого в российской филологии «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы», осуществляемого в настоящее время в секторе литературоведения Института филологии СО РАН.

В свой юбилей Людмила Павловна полна творческих планов и новых идей. Мы, ее коллеги, выражаем ей глубочайшее уважение и искреннюю признательность и желаем сил, здоровья и исполнения всех замыслов.

*Коллеги, сотрудники
сектора литературоведения
Института филологии СО РАН*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Е.К. РОМОДАНОВСКАЯ

ПЕРЕВОДНЫЕ СБОРНИКИ КАК КОМПЛЕКСЫ НОВЫХ СЮЖЕТОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

член-корреспондент РАН,
директор Института филологии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: dzerv@mail.ru

В статье рассматриваются три переведенных с польского в XVII в. сборника, послуживших источником новых сюжетов для русской литературы.

Ключевые слова: древнерусская литература, переводная литература, текстология, сюжетные комплексы.

В течение последней трети XVII в. в Москве были переведены три крупнейших сборника повестей, известных во всех европейских странах с XII–XIII вв. – Великое Зерцало (ВЗ), Римские Деяния (РД) и фацеции. Все они велики по объему: в двух переводах ВЗ более 900 небольших повестей, в РД – до 40, в сборнике фацеций – более 70 анекдотов и новелл.

Среди вновь переведенных повестей некоторые приближались к давно бытовавшим на Руси – не столько текстуально, сколько сюжетно. Так, в составе РД на Русь пришли новые (западные) версии житий Алексея человека Божия, Григория папы римского, Евстафия Плакиды; Повесть о пустынножителе и ангеле («О судьбах Господних неисповедимых»), открывающая многие списки РД, в минейной версии известна у нас с XII в. [1]. Больше сходных сюжетов в ВЗ, поскольку еще в латинской его версии широко использовались раннехристианские и византийские источники, многие из которых были известны на Руси с домонгольских времен и теперь пришли в новом изложении. Сходные с ВЗ рассказы встречаются в патериках (Синайском, Скитском, Египетском, Римском) [2, с. 72–73; 3, с. 52, 61–62], Прологе, Паренесисе Ефрема Сирина, Великих Миней Четиех [2, с. 43, 68–69, 71]. Это, конечно, помогало усвоению и новых сюжетов, которые в большинстве своем значительно отличались от традиционного русского репертуара.

Какие сюжеты принесли в русскую литературу переводные сборники? Исследователи отмечают це-

лый ряд их влияний, сказывающихся у писателей от XVII до конца XX в. Так, А.И. Белецкий перечисляет в «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого десятки произведений, сюжеты которых навеяны рассказами из ВЗ или РД [4] (правда, автор оговаривает, что Симеон мог знать их и непосредственно по польским или латинским изданиям разных сборников); О.А. Державина пишет об использовании сюжетов ВЗ писателями XVIII–XIX вв. – В.И. Майковым, А.П. Сумароковым, Н.М. Карамзиным, Н.А. Некрасовым, Н.С. Лесковым [3, с. 149–153] – впрочем, они знали их скорее всего через лубочную литературу или фольклор, куда эти сюжеты легко проникали в форме легенд или духовных стихов; во всяком случае, на Некрасовского «Власа» повлияли скорее всего не легенды ВЗ о мучениях грешников в аду, а сходные рассказы древнерусского Синодика, как известно, оказавшие большое влияние на народные эсхатологические представления и распространенные в лубке.

Частные случаи обращения к западным повествовательным сюжетам отдельных писателей встречаются достаточно часто¹, но, говоря о переводных сборниках как «поставщиках» новых веяний в русскую литературу, наиболее важно, на мой взгляд, обратить внимание на те явления, которые благодаря им появляются впервые.

С переводом РД в русскую литературу приходит ряд мировых сюжетов, до того ей неизвестных. В первую очередь надо говорить об античных сюжетах в средневековом пересказе. Так, русский читатель впер-

*Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (общенациональный и региональный аспекты)».

¹ Среди работ об источниках тех или иных классических произведений можно отметить те, которые касаются и переводной повести [5; 6; 7].

вые знакомится с мифом о Минотавре² (РД, глава 24³). Сопоставление латинского рассказа с мифом проведено М. Грабарь-Пассек: «Минос, царь Крита, заменен... императором Веспасианом, устроившим около своего дома огромный сад с запутанными дорожками. Его дочь... не носит имени Ариадны, а называется Владычица-Утешительница, Минотавр заменен страшным львом, бродящим по саду. Тесей – безымянный смелый воин. Схема – чисто сказочная: рука царской дочери обещана тому, кто убьет льва и выйдет из сада невредимым» [10, с. 239–240].

К античности тяготеет и сюжет о столпе Вергилия (РД, глава 3): по распоряжению императора Тита мудрец Вергилий, имя которого в средние века окружалось таинственной легендой [11], создает посреди площади столп, который ежедневно сообщает императору о всех, нарушивших его запрещение работать в день рождения сына; только кузнец Фока доказывает императору необходимость ежедневной работы.

М.Е. Грабарь-Пассек показывает полную вымышленность этого сюжета: имя Тита взято случайно, у него никогда не было сына, и т.п. [10, с. 239–240]. Но самым интересным здесь является мотив говорящего столпа, или статуи, также впервые появившийся в русской литературе. Легенды о говорящих статуях известны в византийских хрониках; как правило, их создание связано с кудесниками, обладающими сверхъестественной силой [12] – точно так же и Вергилий создает столп своей «чернокнижной наукою»⁴.

Еще один античный сюжет – о льве Андрокла. Он известен по Элиану (VII, 48), который повторяет сюжет из «Аттических ночей» Авла Геллия: беглый раб Андрокл, прячущийся в пещере, помогает хромому льву. Позднее и раб, и лев пойманы, и когда Андрокла бросают на арену на съедение зверям, лев его не трогает и оберегает в течение нескольких дней, после чего Андрокла отпускают на волю [13]. В РД (глава 31) сходный с Элианом сюжет претерпел смену героя: не беглый раб, а рыцарь. Этот сюжет использован и Симеоном Полоцким в «Вертограде» – стихотворение «Лев» [14].

Рассказ о льве Андрокла входит в группу междunarодных сюжетов о благодарных зверях. С домонгольских времен на Руси была известна лишь одна его разновидность – об авве Герасиме и льве [15; 16], которая включает три существенных эпизода: 1) инок встречает льва, занозившего лапу, и вылечивает его; 2) благодарный лев начинает служить иноку, который поручает ему стеречь осла, возящего воду; когда прохожие купцы крадут осла, лев, обвиненный в том, что

съел его, по приказу инокa выполняет его работу, а через какое-то время встречает тех же купцов и возвращает осла старцу; 3) после смерти Герасима лев умирает на могиле старца. В новой литературе сюжет «Заноза в лапе» известен прежде всего по рассказу Н.С. Лескова «Лев старца Герасима» (1888), хотя писатель полностью перерабатывает проложную версию, которой он пользовался [9].

В цикле сюжетов о благодарных зверях перевод РД обогащает литературу еще одним, также междunarодным – «Звери в яме». В РД (глава 8) приклад называется «О невдячности [неблагодарности]», что отражает суть событий: в яму-ловушку попадают человек (придворный царя) и три зверя – лев, обезьяна и змей; всех их спасает бедный дровосек, которому придворный обещает щедрую награду; в дальнейшем он отрекается от обещания и жестоко бьет бедняка, а звери приносят ему богатые дары.

Этот сюжет имеет богатую фольклорную и литературную историю: он вошел в древнекитайский буддийский сборник и в «Панчатантру», откуда воспринят «Калилой и Димной» и другими знаменитыми книгами средневековья с многочисленными переводами на европейские языки, причем по большей части рассказ бытует в письменном виде [17, с. 125]. То же происходит и на русской почве: «Сравнительный указатель сюжетов» фиксирует лишь единичные записи сказок, притом поздние [18, с. 160], письменный же рассказ широко распространен в рукописной традиции [19].

В новой литературе сюжет «Благодарные звери» мне известен лишь в одном произведении – это пьеса Т. Габбе «Город мастеров». Сходно с традицией, в яме оказываются человек, лев, медведь и заяц; их выручает метельщик улиц, которого спасенный богат (метельщик) и подстраивавший ловушку, но сам в нее попавший) обвиняет в преступлении, звери же являются на суд безмолвными свидетелями истины и спасают героя.

Приклад о невдячности привносит в русскую литературу и новый оттенок, разрушающий традиционную метафорическую систему. В древнерусской литературе змея/змей всегда была символом коварства, обмана и вреда для человека. Такое понимание навеяно библейской традицией, где змий – виновник грехопадения Адама и Евы; подобная символика прослеживается от Кирилла Туровского до Повести о Горе-Злочастии [20, с. 94]. Но в РД едва ли не впервые для Руси появляется положительный образ змея – одного из благодарных зверей. Мало того: в выкладе этого рассказа змей толкуется как символ священника, «пралата». Такое приравнивание змея к иерею совершенно невозможно в литературе Древней Руси.

Переводные сборники принесли на Русь иное, более свободное и мягкое, отношение к нечистой силе, к магии.

Так, в ВЗ мы находим ряд параллелей к Повести о Савве Грудцыне, первом русском романе, где в основе сюжета – договор человека с дьяволом [21]. Наиболее яркой среди них является рассказ ВЗ «Како враг диавол служа некоему честну человеку и како не тер-

² Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы зарегистрировал этот сюжет лишь с 30-х гг. XIX в. [8, с. 357–358].

³ Номера глав указываются по Основной редакции, см. публикацию [9].

⁴ Чаще всего в хрониках говорящая статуя (столп) сообщает о надвигающихся врагах или взбунтовавшихся окраинах Римской империи. Это напоминает пушкинскую «Сказку о золотом петушке». Не знал ли А.С. Пушкин какие-либо из этих легенд по хрестоматиям своего времени?

пит, идеже приносится молитва» [3, с. 230–231], где нечистый нанимается слугой к воину. И в «Савве Грудцыне», и в рассказе ВЗ сходным образом слуга-бес переводит героя через реку, в которой никогда не было брода, спасая его от врагов-поляков или от разбойников. В обоих повествованиях слуга-дьявол помогает своему подопечному – спасает от преследования, выручает в трудных ситуациях, лишь в конце Повести предъявляя свой страшный счет – а в рассказе ВЗ воин расплачивается с бесом деньгами, как с обычным слугой; таким образом, здесь отсутствует мотив потусторонней расплаты человека с дьяволом, характерный для сюжета о договоре с нечистой силой. Вся эта ситуация соответствует отмеченному еще Ф.И. Буслаевым новому восприятию и изображению беса, которое, по его словам, «было осложнено у нас в XVII в. более свободным, легким и поэтичным чтением, переходившим с Запада на Русь...» [22, с. 7]. В русской Повести автор умело соединил сюжет о продаже души дьяволу с мотивом службы дьявола человеку⁵, благодаря чему бес стал более активным и инициативным героем, основным двигателем сюжета.

В Повести о купце Григории⁶, созданной как переработка приклада РД «О чернокнижнике и рыцаревой жене» (глава 5), едва ли не впервые в русской литературе главным сюжетообразующим элементом стала тема колдовства и доброй магии (своеобразное соревнование доброго и злого волшебников); автор вслед за своим западным источником полностью отказался от традиционного для древнерусской литературы христианского обличения любых колдовских действий⁷.

Появившись единожды в литературе, сюжет, как правило, остается в ней навсегда. Как показывает работа над Словарем сюжетов и мотивов русской литературы, сюжеты могут модифицироваться, исчезать на некоторое время, а потом возрождаться в новом обличии. Ярким примером этому служит сюжет «Калиф на час», пришедший на Русь также с переводным сборником фавел и первоначально распространявшийся в родственном им окружении – новых переработках фавел, в сборнике «Рассказчик забавных и увеселительных повестей» (СПб., 1777). Но в конце XIX в. он оживает в рассказе А.П. Чехова «Сапожник и нечистая сила» (1888 г.), где соединяется с традиционным, известным с XII в. сюжетом «Договор с дьяволом» [26].

Переводные сборники XVII в. изучены еще недостаточно. Наиболее повезло фавелам – они издавались в разных редакциях [27; 28] и доступны исследователям. Недавно подготовлено издание Римских Деяний [9]. Еще ждет настоящего полного исследования Великое Зерцало, которое опубликовано лишь во вто-

ром переводе [3], из первого, более объемного, изданы 120 повестей из 700 [29]; при этом, несмотря на основательные труды П.В. Владимирова, О.А. Державиной, Э. Малэк, дающие общую картину развития сборника, до сих пор не решена задача текстологического исследования памятника и его редакций, что частично показала Б. Вальчак-Срочиньска [30].

По-видимому, в ходе дальнейшего изучения сотен повестей, наполняющих перечисленные сборники, будут выявляться все новые детали их значения для развития русской литературы и, в частности, обогащения ее новыми сюжетами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромодановская Е.К. Сюжет о пустынноике и ангеле («судьбы Господни неисповедимы») в древнерусской литературе // Материалы к словарю сюжетов и мотивов. Новосибирск, 2009. Вып. 8: Сюжет, мотив, история. С. 43–46.
2. Владимирова П.В. Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884.
3. Державина О.А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.
4. Белецкий А.И. Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 330–334.
5. Гудзий Н.К. К истории сюжета романа о бедном рыцаре // Пушкин. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 145–158.
6. Крестова Л.В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н.М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 192–226.
7. Черединова М.П. Древнерусские источники повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 361–369.
8. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2008. Вып. 3, ч. 1.
9. Ромодановская Е.К. Римские Деяния на Руси: Проблемы текстологии и русификации. М., 2009.
10. Грабарь-Пассек М. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
11. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 12. С. 510.
12. Каждан А.П. Смеялись ли византийцы? (Homo Byzantinus ludens) // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000. С. 192–194.
13. Элиан К. Пестрые рассказы. М.; Л., 1963.
14. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, статьи и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 44–45.
15. Луг Духовный / Творение блаженного Иоанна Мосха. Владимир, 2002. С. 129–132. [Репринт. изд.: Сергиев Посад, 1915].
16. Синайский патерик / Изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М., 1967. С. 183–187.
17. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
18. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.
19. Ромодановская Е.К. Опыт текстологического исследования «Приклада о неведячности человечестей» из Римских Деяний (международный сюжет «Благодарные звери») // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003.
20. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
21. Журавель О.Д. К вопросу о влиянии «Великого Зеркала» на русскую литературу переходного периода // Изв. СО АН СССР. Сер.: История, философия и филология. 1991. Вып. 3. С. 50–51.

⁵ Мотив службы беса человеку был известен издавна, в частности по Киево-Печерскому патерику, но всегда работа беса была итогом победы святого над ним; в сюжете о договоре с дьяволом этот мотив впервые появляется в Повести о Савве Грудцыне, что было отмечено Д.С. Лихачевым (см.: [23, с. 530]).

⁶ См. публикацию: [24].

⁷ См. подробнее: [25, с. 155–164].

22. Буслаев Ф.И. Бес: К истории московских нравов XVII века. СПб., 1881.
23. Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
24. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 95–97.
25. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.
26. Курешева Л.А. Фацеция «О рае пьяного мужика» и рассказ А.П. Чехова «Сапожник и нечистая сила»: к истории сюжета «Калиф на час» на русской почве // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 112–120.
27. Державина О.А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.
28. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 86–132, 597–600 (публикация текста и комментарии С.И. Николаева).
29. Московские высшие женские курсы. Семинарий по древнерусской литературе. Сергиев Посад, б.г. Вып. 9: Из Великого Зеркала (публикация М.Н. Сперанского).
30. Walczak-Sroczyńska B. Wielkie Zwierciadło Przykładyw – dzieje tekstologiczne // Slavia Orientalis. 1976. N 4. S. 493–508.

Э.А. БАЛЬБУРОВ

ПАМЯТЬ И ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В РОМАНЕ МАРСЕЛЯ ПРУСТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ»

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: africanov@rambler.ru

В статье рассматриваются неклассические принципы художественной целостности в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени». Они составили в своей совокупности концепцию «внутренней книги» Пруста – книги памяти, в которой сохранилась подлинная реальность прожитой жизни, ее живое время. Анализ роли произвольных воспоминаний и впечатлений в художественном завершении эпопеи М. Пруста приоткрывает существенные черты в поэтике неклассического романа, проливает свет на проблему художественной правды и подлинности. Убедительно обоснована изоморфность прустовского повествования внутреннему психологическому миру автора, наличие в композиционной структуре произведения архитектурных особенностей внутренней речи.

Ключевые слова: целостность, память, утраченное время, произвольные воспоминания, впечатления, симулякр, внутренняя книга.

Мир, который мы видим, явлен нам в своих завершенных формах. Мы к этому привыкли и не задумываемся над тем, какой гигантской работой сознания обеспечена эта целостность и каким бы предстал мир, не будь эта работа проделана. Попробуем представить себе это с помощью В. Набокова. Герой его рассказа «Ужас» однажды, выйдя на улицу, не узнал привычного облика вещей: «И вот в тот страшный день, когда опустошенный бессонницей, я вышел на улицу в случайном городе и увидел дома, деревья, автомашины, людей – душа моя отказалась воспринимать их как нечто привычное, человеческое... Я глядел на дома, и они утратили для меня свой привычный смысл; все то, о чем мы можем думать, глядя на дом... архитектура... такой-то стиль... внутри комнаты такие-то... некрасивый дом, удобный дом – все это скользнуло прочь, как сон, и остался только бессмысленный облик, как получается бессмысленный звук, если долго повторять, вникая в него, одно и то же обыкновеннейшее слово. <...> Охваченный ужасом, я искал какой-нибудь точки опоры, исходной мысли, чтобы, начав с нее, построить снова простой, естественный, привычный мир, который мы знаем. Думаю, что никто никогда так не видел мира, как я видел его в те минуты. Страшная нагота, страшная бессмыслица» [1, с. 401–402]. Набоков прав: никто никогда не

видел такой наготы и бессмыслицы. Проблема завершения не актуальна для обывденного сознания, прочно защищенного своим априоризмом, его готовыми формами, избавляющими от труда мысли. Но она встает перед сознанием художника в его задаче нового сотворения мира. Феноменология этого процесса стала предметом пристальной рефлексии в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

Роман начинается с пробуждения героя, с ситуации, напоминающей ту, что описал Набоков. Это нулевая точка, минута, свободная от временного порядка, когда разумение и воля еще не начали свой, по выражению Пруста, полезный и злосчастный синтез, оспаривающий правду истинных впечатлений, когда рассеянный в своих смыслах мир еще предстоит собрать вновь. Этому и посвящен роман. На протяжении всех его семи томов происходит собирание мира, отличающегося от его привычной картины одним важным свойством – оно происходит при живом присутствии собирающего, посредством его впечатлений и сохраняющей их памяти.

Память для Пруста – не просто хранилище прожитой жизни, а единственно подлинная реальность, которая уникальным образом отложилась и завершилась в виде «внутренней книги», «цветистой» стенограммы остановленного времени. Теперь должен

прийти «переводчик», чтобы «дешифровать», «осветить своим личным усилием», дать слово в качестве духовного эквивалента книге, которую продиктовала и «впечатлила» нам сама действительность. Это под силу только единственному средству: «может ли оно, – вопрошает Пруст, – быть чем-то еще, кроме произведения искусства?» [2, с. 223].

Синтез памяти защищен от прямого воздействия настоящего, свободен от его сумбурных принуждений, гипноза целей и устремлений, предвзятых мыслей, оспаривающих правду впечатлений. Останавливая поток жизненных событий, память как бы сообщает им «массу покоя», предметность, необходимые для уяснения их последнего смысла. Поэтому воспоминание, с точки зрения Пруста, как образ реальности обладает своими преимуществами перед непосредственным актуальным наблюдением. «Оттого ли, – пишет он, – что вера, творящая действительность, иссякла во мне, оттого ли, что подлинная реальность образуется только памятью, – цветы, показываемые мне теперь в первый раз, не кажутся мне настоящими цветами».[3, с. 201] «Мое сегодняшнее “я” – это заброшенная каменоломня; ... но любое воспоминание, как греческий скульптор, извлечет отсюда бесчисленные статуи» [2, с. 231].

Подобные свидетельства можно найти у многих писателей. Так, Гоголь о своих впечатлениях пишет: «Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнитесь с большою силою» [4, с. 297]. В другом месте он проливает свет на причину этой силы: «Беда произносить писателю свое слово в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений... когда не пришла еще в стройность его собственная душа» [4, с. 20–21]. Эту стройность она обретает по прошествии времени, «когда мы отдалимся от предметов, которые описываем», и взглянем на них, будучи свободными от них. У Ницше это освобождение души уподоблено аполлоническому сну, который навевает мудрый целитель Аполлон, чтобы перевести смутные диониссические состояния души в ясные пластические образы. Байрон писал, что его поэзия – это сон его усыпленных страстей.

Память в этих свидетельствах – место, где писатель освобождается от времени, от непосредственного принуждения миром, от незавершимого настоящего, которое им владеет. Жизнь противится завершению: она изменчива, она течет вместе со временем. Есть старая притча о мудреце Солоне и царе Крезе. Царь спросил у философа, видел ли он когда-нибудь совершенно счастливого человека. На его отрицательный ответ царь сказал, что счастливый человек стоит перед ним, это Крез, самый могущественный и богатый человек в мире. На что Солон ответил, что об этом судить рано, потому что царь еще жив. Правота мудреца подтвердилась: вскоре государство Креза пало, а сам он был убит. Жизнь становится понятной, когда под ней подведена черта, и она стоит перед нами как таковая, с определенностью и завершенностью предмета. За смертью следует новая жизнь, просветленная пониманием предыдущей. Образ умирающего и воз-

рождающегося бога стал базовым символом духовной культуры, начиная с великого протосюжета – обряда инициации. Символическая смерть испытуемого сопровождалась духовной метаморфозой, означавшей его новое рождение: физиологическая зрелость принимала в себя истины духовной зрелости, необходимые для взрослой жизни. Таков смысл смерти в античной максиме *memento mori*, а также в многочисленных предсмертных прозрениях героев литературы («Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого и др.).

Завершающую работу совершает и память. Память предшествует и следует за смертью, они связаны. Пруст обнаруживает эту связь в том, что и то и другое отражает разрушение нашего существа, смерть – радикального, память – частичного. Содержание памяти – впечатления. Что-то с нами происходит и называется этим словом. Они написаны не нами прочерченными рельефными буквами-иероглифами, и этот рельеф вылеплен из нашей плоти, из материала нашего разрушающегося существа. При этом сила, смысловая глубина впечатлений как-то связана с расходом этого материала. «Счастье целительно телу, – пишет Пруст, – но именно горе воспитует силы духа... Надо чтобы в счастье мы оковали себя нежными и крепкими нитями доверия и привязанности, чтобы разрыв, с такой пользой для нас, порвал нам что-то в сердце, что и зовут несчастьем». Такова цена рождающегося понимания, которое Пруст сравнивает со светом сгорающего вещества, молнией, разряжающей напряжение природы. Страдания и боль распадающегося тела, считает Пруст, готовят материю наших книг, в которой все отпадающие частицы соединяются вновь в новом ясном и светлом качестве [2, с. 254–256].

Пруст – один из пионеров осмысления проблемы подлинности в XX в., которая приобретает особую остроту во второй его половине в обсуждении таких понятий, как гиперреальность, симулякр, первичность и вторичность копий (Делез, Бодрийар, Деррида и др.). В эпоху тотального распространения и поглощения информации теряется различие между реальностью и ее представлением, репрезентацией; реальность замещается ее подобиями и образами, среди которых неизбежны симулирующие ее и размножающиеся лжекопии и лжеобразы, «процессия симулякров» – по выражению Бодрийара. Исказать правду впечатлений можем только мы сами, нашим произвольным и зачастую неумелым вмешательством. «В тех истинах, которые разум выхватывает в просветах залитого солнцем мира, есть что-то не столь глубокое и необходимое, как в истинах, которые *против нашей воли вручают нам жизнь во впечатлении* (курсив мой. – Э.Б.)» [Там же, с. 223] «Только впечатление, сколь бы ни был слаб его след, есть критерий истины, только за него способен ухватиться разум, ибо лишь оно способно, если разум сможет высвободить из него истину, привести к величайшему совершенству и принести чистую радость» [Там же, с. 2, 224–225]. Помещая в основу своего художественного метода память и впечатление, Пруст убежден, что «работа художника противоположна тому

труду, который ежесекундно на протяжении жизни ... продлевает себялюбие, страсть, интеллект и привычка, накапливая поверх подлинных впечатлений, тем самым полностью перекрывая их, номенклатуру и практические устремления, ошибочно соотнесенные нами жизнью». Все эти наслоения уничтожаются «искусством, пустившимся в *обратный путь*, вернувшимся к глубинам, где погребена неведомая нам реальность – искусство заставит нас найти ее» [Там же, с. 244].

Уничтожаемые искусством наслоения и открываемая им подлинная реальность противопоставлены Прустом в его концепте двух миров. «*Мы чувствуем в одном мире, – пишет он, – мыслим, наименовываем в другом*, мы способны установить между двумя мирами соответствие, но не способны заполнить разделяющее их расстояние» [5, с. 47]. Эту разделяющую дистанцию Пруст показывает на примере отношения героев третьей части романного цикла («У Германтов») Марселя и Робера Сен-Лу к Рахили. Для первого она была двадцатифранковой проституткой, до такой степени ему безразличной, что, если б она стала ему рассказывать о себе, он «слушал бы только из вежливости, в одно ухо впуская, в другое выпуская» [Там же, с. 166] Для второго Рахиль – возлюбленная и смысл существования. «Я понимал, – рассуждает Марсель, – что вещь, за которую я не дал бы и двадцати франков в публичном доме, где мне ее предложили бы за двадцать франков, – не дал бы, потому что там она была всего-навсего женщиной, которой хотелось заработать двадцать франков, – может стоять больше миллиона, дороже семьи, дороже самого завидного положения в обществе, если сперва она представилась нашему воображению существом неведомым, манящим, которое нелегко словить и удержать. Разумеется, и Робер и я видели одно и то же некрасивое узкое лицо. Но пришли мы к нему *разными путями*, которые никогда не сойдутся, и о наружности этой женщины мы так до конца и останемся при своем мнении» [Там же, с. 5, 167]

Два восприятия одного и того же, которые случились на разных уровнях. В знакомстве Марселя не произошло чуда импрессии, не сверкнула ее «молния», которая бы осветила и всколыхнула глубины души. «Это лицо, с его взглядами, улыбками, движениями губ, я узнал, будучи *посторонним наблюдателем*, только как лицо некоего предмета, который за двадцать франков сделает все, что я захочу. Таким образом, его взгляды, улыбки, движения губ показались мне лишь знаками каких-то общих проявлений, в которых ничего индивидуального нет, отыскивать же личность под этими знаками у меня не достало любопытства» [Там же, с. 167].

У Сен-Лу все было по-другому, и Марсель – герой романа – дает этому свое рациональное объяснение: такое случается в борделе с впечатлительными, душевно ранимыми мужчинами. «Но то, что мне было предложено в качестве исходного пункта, это на все согласное лицо, для Робера являлось конечной целью... Он давал более миллиона, чтобы иметь, – что-

бы не доставалось другим, – то, что мне, как и другим, предлагалось за двадцать франков. Почему он не получил этого за такую цену – это могло зависеть от чисто случайного мгновения, мгновения, когда та, что как будто уже готова была отдаться, уклоняется – может быть, потому, что у нее назначено свидание или же еще почему-либо, из-за чего она сегодня менее сговорчива. Если подобного сорта женщина имеет дело с мужчиной душевно ранимым, то – если даже она этого не замечает, в особенности же если заметила, – начинается страшная игра. Слишком сильно переживая свою неудачу, чувствуя, что без этой женщины он не может жить, душевно ранимый мужчина гонится за ней, она от него убегает, и вот почему улыбка, на которую он уже не смел надеяться, оплачивается им в тысячу раз дороже того, во что должна была бы ему обойтись высшая ее благосклонность» [Там же, с. 168].

Марсель-автор, т.е. сам Пруст, вскрывает более глубокую причину этих парадоксальных различий восприятия. Все, что видят глаза, подмечает ум, не сразу обретает качества подлинного впечатления. Можно смотреть и не *видеть*. «Впечатление сдвоено, – пишет Пруст, – одной частью скрыто в самом предмете, а другой половинкой, единственно доступной нашему разумению, продолжено в нас самих, мы торопливо пренебрегаем этой второй, за которую только и можем ухватиться, и останавливаем внимание на первой, хотя мы не можем ее усилить, потому что она целиком снаружи» [2, с. 238]. Эта «наружная» часть впечатления «прикреплена» к нашим понятиям, наименованиям, но их безнадежно мало, чтобы схватить, обозначить все оттенки его глубинной части. Так порой не узнают пришедшую любовь в качестве понятия в той огромной и всегда новой совокупности нюансов, которыми она наполняет душу. Узнавание происходит потом, когда обе части впечатления соединятся. Можно почувствовать, но не сразу *узнать* достоинства человека, произведения. Более того, «произведения действительно прекрасные, – пишет Пруст, – при непосредственном их восприятии, должны особенно разочаровывать нас, потому что в наборе наших понятий нет ни одного, которое соответствовало бы нашему новому впечатлению» [5, с. 47].

Мир названий существует самодостаточно, без нашего присутствия, не нуждается в нем. Живя в нем, мы его не проживаем, не чувствуем – названия избавляют нас от этого труда. В романе Пруста это характерно для людей света и проанализировано в работе Жюль Делеза «Пруст и знаки». «Светские люди, – пишет он, – не думают и не действуют, но производят знак... Светский знак возникает в качестве заместителя действия или мысли... Он аннулирует мысль так же, как и действие, и декларирует самодостаточность» [6, с. 31–32]. Этому ритуальному и формализованному миру привычки Пруст противопоставляет мир произведения, воссоздаваемый при живом присутствии автора: «Благодаря искусству мы совершаем самые драгоценные открытия, без которых для нас навсегда

осталась бы утаенной наша настоящая жизнь, реальность, как мы ее чувствовали, – до такой степени несхожая с тем, *что мы сочли ею*, что нас переполняет счастье, когда подворачивается случай обрести *подлинное воспоминание*. Я удостоверился в этом, убедившись в лживости так называемого реалистического искусства, – все это вранье возможно только благодаря нашей привычке, сформировавшейся на протяжении жизни, приписывать чувствам чрезвычайно отличное от них выражение, которое мы примем, спустя какое-то время, за саму реальность» [2, с. 226].

Если прав Витгенштейн, утверждавший, что языковые игры изоморфны миру, его глубинной грамматике, то дискурс Пруста изоморфен внутреннему, психологическому миру. Непосредственная связь его речемышлительного процесса с внутренними состояниями придает ему некоторые архитектурные особенности внутренней речи. Согласно концепции Выготского, внутренняя речь представляет собой особый внутренний план речевого мышления, возникающий как субъективная трансформация внешней, коммуникативной по своей природе речи. Изменяется ее функция: от обслуживания трансцендентных коммуникативных практик, требующих формальной определенности значений и логически ясного синтаксиса, она переходит в распоряжение внутренней психологической жизни, где требования к речи совсем другие, так как говорить с другим и говорить с самим собой – вещи разные. Референтное поле внутренней речи не имеет строго очерченной предметности. Это события смысла, который возникает в сознании как нерасчлененная целостность. Отсюда принцип развертывания внутренней речи не от части к целому, не от слова к предложению, а от целого к части. Этот принцип опознается

и в дискурсе Пруста. От спонтанных событий внутренней жизни, какими являются его произвольные воспоминания, он развертывается в хронологически локализованную картину и в структуру произведения, подчиняющуюся этой живой динамике. «Роман Пруста не закончен, – писал Мераб Мамардашвили. – И дело здесь не в том, что автор умер раньше, чем был опубликован его роман. По рукописям Пруста видно, что он бесконечно его переделывал, что корректуры тех частей романа, которые издавались при его жизни, разрастались, как живые существа... А ведь у такого романа по определению не может быть конца, – если тот, кто пишет его, сам содержится написанным и меняется вместе с романом. Меняющемуся вместе с ним автору всегда еще что-то нужно написать» [7, с. 337]. В этом смысле все такого рода романы в XX в. – неоконченные романы». В качестве примера философ приводит «Человек без свойств» Музиля и «Поминки по Финнегану» Джойса. В подобных произведениях происходит сопребывание автора со становящимся словом, обуславливающее его особые взаимоотношения с жанровой и повествовательной традицией. Весь ансамбль жанровых и сюжетно-повествовательных структур дискурсивная инициатива автора превращает в *modus operandi* смыслопорождающей работы. Отсюда их жанровая синтетичность и формальная неоконченность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1.
2. Пруст М. Обретенное время. М., 2003.
3. Пруст М. В сторону Свана. Л., 1992.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1950. Т. 6.
5. Пруст М. У Германтов. СПб., 2005.
6. Жиль Делез. Марсель Пруст и знаки. СПб, 1999.
7. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995.

Е.Н. ПРОСКУРИНА

Г. ГАЗДАНОВ И В. НАБОКОВ: СЮЖЕТ НЕЗНАКОМСТВА*

канд. филол. наук,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: proskurina_elena@mail.ru

В статье представлены некоторые аспекты литературных отношений Г. Газданова и В. Набокова – двух ведущих персон первой русской эмиграции.

Ключевые слова: биографический сюжет, литературная игра, творческий диалог.

Литературный дуэт «Газданов – Набоков» давно уже привлекает внимание исследователей. То, что оба писателя не просто были знакомы с творчеством друг

друга, но являлись своего рода соперниками, – уже известный факт в газдановедении, еще почти не отраженный, однако, исследователями творчества Набокова**. Этот биографический сюжет подробно описан в монографии Л. Диенеша [2, с. 273–282] – дебютном научном сочинении о творчестве Газдано-

*Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (общенациональный и региональный аспекты)».

**Ярким исключением является статья С.А. Кибальника [1].

ва. Остановимся на некоторых наблюдениях исследователя фактического характера. «...литературное общество русской эмиграции тридцатых годов ... рассматривало этих двух романистов как “соперников”, как двух наиболее талантливых авторов приблизительно равной величины и значимости среди так называемого молодого или второго поколения русских писателей эмиграции. Они оба подавали одинаковые надежды на творческие свершения. <...> В статье об эмигрантской литературе самого общего характера Адамович, проводя сравнение с двумя величайшими писателями русской литературы девятнадцатого столетия, выделяет Набокова и Газданова как обещающих стать современными “Толстым и Достоевским”...» [Там же, с. 273–274].

При этом есть свидетельства, что они никогда не были лично знакомы, хотя и являлись участниками одних и тех же событий. Л. Диенеш приводит отрывок из письма Газданова Эндрю Филду, написанного в 1969 г., где он так отвечает на вопрос о своем знакомстве с Набоковым: «Как ни странно, я никогда не был с ним лично знаком и единственный раз видел его на литературном вечере в Париже, на котором он выступал вслед за Ходасевичем. Он очень хорошо прочел свой рассказ; в то время он уже был автором своих лучших произведений» (далее указываются «Пильграм», «Весна в Фиальте», «Защита Лужина») [Там же, с. 280]. Как пишет далее Л. Диенеш, у двух писателей была неоднократная возможность личного знакомства (один из таких случаев представлялся на похоронах Ходасевича в 1939 г.), но ни тот, ни другой ею не воспользовались. Подобные факты избегания личных отношений складываются в своеобразный биографический сюжет *незнакомства*, в котором, по кажущемуся нам верным предположению Л. Диенеша, большую роль сыграли личные свойства обоих персон, среди которых выделяются, с одной стороны, гордость, тщеславие, ревность, а с другой – склонность к одиночеству и своего рода деликатность. На ревностное отношение Набокова к Газданову есть намек в таких, например, обнаруженных Л. Диенешем фактах: «В 1929 и 1930 годах в журнале “Руль”, который издавался Набоковым в Берлине, мы находим его рецензии на два выпуска “Воли России”, но те, в которых не было рассказов Газданова ... Набоков написал рецензии и на несколько новых романов, принадлежавших писателям-эмигрантам и вышедших в свет в последующее десятилетие (например, роман Одоевцевой Изольда и роман Берберовой Последние и первые), и вряд ли может быть случайным тот факт, что он оставил без внимания крупнейшую литературную удачу Газданова 30-х годов – роман “Вечер у Клэр”, с появлением которого критики стали говорить о Газданове как о самом значительном писателе эмиграции, ставя его в один ряд с Набоковым» [Там же, с. 280]. На сюжет незнакомства двух писателей, несомненно, отложило отпечаток то обстоятельство, что при сравнении их творчества критика отдавала свое предпочтение

Газданову и обрушивалась на Набокова, как произошло это, например, на страницах первого номера «Чисел», вышедших сразу же после публикации «Вечера у Клэр», где Г. Иванов назвал Набокова «самозванцем» и «вульгарным имитатором» современной французской литературы и отдал симпатии Фельзену и Газданову.

Из этой сформированной критикой интриги оба писателя пытаются высвободиться на страницах своих произведений. Так, Газданов в 1934 г. в журнале «Встречи» выступил с критической статьей «Литературные признания», где в достаточно резкой форме отстаивал свою точку зрения о том, что Набоков является «единственным одаренным писателем “молодого поколения”» [Там же, с. 281]. Словно в ответ на это публичное признание Газдановым своего творчества, Набоков в рассказе «Тяжелый дым» (опубликован в 1935 г.) вставляет «Вечер у Клэр» в ряд любимых книг своего героя, по соседству с собственным романом: «Полки тянулись сразу над столом ... Тут был и случайный хлам ... были и любимые, в разное время потрафившие душе, книги, “Шатер” и “Сестра моя жизнь”, “Вечер у Клэр” и “Bal du compte d’Orgel”, “Защита Лужина” и “Двенадцать стульев”, Гофман и Гёльдерлин, Баратынский и старый русский Бздекер. Он почувствовал, уже не первый, – нежный, таинственный толчок в душе...» [3, с. 343]. Газданов, в свою очередь, в статье 1936 г. «О молодой эмигрантской литературе» вновь обращается к набоковской теме, теперь словно бы в ответ на диалогический жест самого Набокова, еще отчетливее формулируя в ней свою ранее высказанную мысль: «Я выделил Сирина. Но он оказался возможен только в силу особенности, чрезвычайно редкого вида его дарования – писателя, существующего вне среды, вне страны, вне остального мира ... ему будет не о чем ни говорить, ни спорить с современниками; он будет идеально и страшно один» [4, с. 276]. Надо сказать, что эта реплика Газданова оказалась пророческой для судьбы Набокова.

Несколькими годами позже в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» (опубл. в 1941 г.) Набоков прибегает к способу непрямого диалога с творчеством Газданова, используя прием номинативного тождества: возлюбленной своего героя он дает имя Клэр, которое в среде русских литераторов-эмигрантов уже приобрело эмблематическое значение – как «фирменный знак» газдановской прозы. Несомненно, писатель именует героиню своего романа с расчетом на это распознавание его очередного диалогического жеста. Но и у Газданова есть подобный способ диалога с Набоковым: в романе «Призрак Александра Вольфа» (опубликован в 1947 г.) он называет одного из своих главных героев именем набоковского персонажа из рассказа «Музыка» – Вольфом (рассказ входит в сборник «Соглядатай», опубликованный в 1938 г.), при этом делая его тонким знатоком музыки, тем самым как бы удваивая намек. Вполне вероятно, что и название сво-

его позднего романа «Пилигримы» (1953–1954) Газданов выбирает с ориентацией на набоковского «Пилиграма», входящего в тот же цикл «Соглядатай». У Набокова же реплика персонажа его позднего романа «Прозрачные вещи» (1972): «ведь каждый из нас – паломник» [5, с. 76] – звучит, в свою очередь, дальним эхо газдановских «Пилигримов» («мы все похожи на пилигримов» [6, с. 415]), словно прощальный привет, выражение посмертного признания своему литературному сопернику (Газданов умер в 1971 г.). Кроме того, сцена удушения в этом набоковском романе, по наблюдению Л. Диенеша, показательным совпадает с эпизодом удушения Щербакова в «Возвращении Будды» Газданова. Подобные примеры дают основание говорить о резонансном созвучии творчества двух писателей, проявляющемся не только на уровне осознанной рецепции, но и на «тонком плане» эстетических «излучений».

Настроенность Газданова на набоковскую «волну» можно обнаружить уже в его дебютном «Вечере у Клэр» (1930), который наиболее часто по типу сюжета сравнивают с «Машенькой» (1926). Но эта близость выражена Газдановым уже эпиграфом к роману, который, как и у Набокова («Воспомня прежних лет романы, // Воспомня прежнюю любовь...»), взят, из «Евгения Онегина» Пушкина: «Вся жизнь моя была залогом // Свиданья верного с тобой). Кроме того, прием двойничества в уже названном нами «Призраке Александра Вольфа», а отчасти и в других «русских» романах Газданова – раздвоение одной индивидуальности (авторской) на двух героев-антиподов, где один как будто подглядывает за другим – также, нам кажется, воспринят Газдановым от Набокова, а именно из его романа «Соглядатай» (1930). Диалог героев-двойников как «соглядатайство» автобиографического героя за теневой стороной собственного Я, а автора – за ними обоими, т.е. в итоге за самим собой – характерный художественный прием Набокова, что неоднократно отмечалось исследователями его творчества.

Наиболее плотно набоковское присутствие проявлено в романе Газданова «Возвращение Будды» (1949), где есть фрагменты, отсылающие к «Подвигу» (1932). Это экспозиционный эпизод смерти героя и сцена из заключительной части, где газдановский я-повествователь видит собственную смерть изображенной на картине с горным пейзажем, корреспондирующим с началом произведения. Сам этот композиционный прием напоминает построение романа Набокова, где в финале словно материализуется пейзаж с картины, когда-то висевшей в детской спальне Мартына (с чего начинается роман), в котором он в итоге и исчезает. Сравним, однако, две сцены «в горах» из названных произведений.

«Возвращение Будды»:

«Я увидел себя в горах; мне нужно было ... взобраться на высокую и почти отвесную скалу. Кое-где сквозь ее буровато-серую, каменную поверхность неизвестно как про-

растали небольшие колючие кусты, в некоторых местах даже были высохшие стволы и корни деревьев, ползущие вдоль изломанных вертикальных трещин. Внизу, в том месте, откуда я двинулся, шел узкий каменный карниз, огибавший скалу, а еще ниже, в темноватой пропасти, горная река текла с далеким и заглушенным грохотом. Я долго карабкался вверх, осторожно нащупывая впадины в камне и хватаясь пальцами то за куст, то за корень дерева, то за острый выступ скалы. Я медленно приближался к небольшой каменной площадке, которая была мне не видна снизу, но откуда, как я это почему-то знал, начиналась узкая тропинка; и я не мог отделаться от тягостного и непонятного – как все, что тогда происходило, – предчувствия, что мне не суждено больше ее увидеть и пройти еще раз по тесным ее поворотам, неровным винтом поднимавшимся вверх и усыпанными сосновыми иглами» [6, с. 125]; «Я поднялся, наконец, почти до самого верха, ухватился правой рукой за четкий каменный выступ площадки, и через несколько секунд я был бы уже там, но вдруг твердый гранит сломался под моими пальцами, и тогда с невероятной стремительностью я стал падать вниз, ударяясь телом о скалу ... В течение еще одной секунды перед моими глазами стояло неудержимо исчезающее зрительное изображение отвесной скалы и горной реки, потом оно пропало, и не осталось ничего» [6, с. 126–127].

«Подвиг»:

Склон становился все круче ... Спереди, наверху, сверкало нагромождение скал, и между ними пролегал желоб, верная трещина, полная мелких камушков, которые пришли в движение, как только он на них ступил. Этим путем нельзя было добраться до вершины, и Мартын пошел лезть прямо по скалам. Иногда корни или моховые лапки, за которые он хватался, отрывались от скалы, и он лихорадочно искал под ногой опоры, или же, наоборот, что-то поддавалось под ногами, он повисал на руках, и приходилось мучительно подтягиваться вверх. Он уже почти достиг вершины, когда вдруг поскользнулся и начал съезжать, цепляясь за кустики жестких цветов, не удержался, почувствовал жгучую боль оттого, что коленом поскреб по скале, попытался обнять скользкую вверх крутизну, и вдруг что-то спасительное толкнуло его вверх под подошвы. Он оказался на выступе скалы, на каменном карнизе, который справа суживался и сливался со скалой, а с левой стороны тянулся саженной на пять, заворачивал за угол, и что с ним было дальше – неизвестно. ... Мартын стоял, плотно прижавшись к отвесной скале, по которой грудью проехался, и не смел отлепиться. С натугой посмотрев через плечо, он увидел чудовищный обрыв ...

Он почувствовал слабость, мутность, тошный страх, – но вместе с тем странно-отчетливо видел себя как бы со стороны, в открытой фланелевой рубашке и коротких штанах, неуклюже прильнувшим к скале ... Скала как будто надвигалась на него, оттесняла в бездну, нетерпеливо дышавшую ему в спину. ... Оставалось полсажени до заворота, когда что-то посыпалось из-под подошвы, и, вцепившись в скалу, он невольно повернул голову, и в солнечной пустоте медленно закружилось белое пятнышко гостиницы. Мартын закрыл глаза и замер, но, справившись с тош-

нотой, опять задвигался. У поворота он быстро сказал: «Пожалуйста. Прошу тебя, пожалуйста», – и просьба его была тотчас уважена: за поворотом полка расширялась... [3, с. 212–213].

Ситуативное сходство двух фрагментов, тождество мотивных комплексов, художественных деталей (скалистый пейзаж, крутой склон, соскальзывание в пропасть, ненадежность опоры под ногами, обрывающиеся под напряжением рук ветки, узость безопасной площадки и др.), вряд ли является случайным. Один романный фрагмент звучит как вариационный повтор другого – с разницей в формах повествования: у Газданова это я-повествование, у Набокова – *Erzählung*. Общим является и принцип двойного присутствия, в тезаурусе Набокова звучащий как «соглядатайство». Отличает же газдановский и набоковский эпизоды отсутствие онирического плана в «Подвиге», а также разность развязок: Мартыну, в отличие от я-повествователя «Возвращения Будды», удается преодолеть кризисный участок горного пути. Эта разница демонстрирует разность художественных стратегий двух писателей: насколько Набокову важно вывести своего героя из-под ауры смерти, настолько Газданов испытывает творческую необходимость пройти смертельный путь до конца вместе со своим автобиографическим героем, буквально физически прочувствовать дыхание бездны. Не случайно его роман начинается с описания смерти его *alter ego*: «Я умер, – я долго искал слов, которыми я мог бы описать это, и, убедившись, что ни одно из понятий, которые я знал и которыми привык оперировать, не определяло этого, и то, которое казалось мне наименее неточным, было связано именно с областью смерти, – я умер в июне месяце, ночью, в одно из первых лет моего пребывания за границей» [6, с. 125].

Сам тип автобиографизма газдановских романов своей сплавленностью воспоминания и воображения, реальности и вымысла также типологически близок автобиографической прозе Набокова, в которой, как пишет в своей монографии «Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической прозы» Б. Аверин, «воспоминание (личное воспоминание автора) идет об руку с воображением, реальность и вымысел теснейше переплетены. В результате герой получает вымышленную биографию, которая в то же время является биографией автора» [7, с. 14]. Эта двоящаяся оптика организует весь цикл «русских» романов Газданова, как и «русский» метароман Набокова. Разница, однако, в том, что если Газданов выражает свое отношение к Набокову разными способами: прямым образом в публицистике и косвенным – в

художественном творчестве, то Набоков – исключительно косвенным, ограничиваясь рамками художественного текста.

Уже этих нескольких примеров достаточно для того, чтобы утверждать, что личное незнакомство двух писателей трансформировалось в их встречу на литературном пространстве. Они не просто пристально всматривались в творчество друг друга, но как бы вступили в некую не выведенную на поверхность и внешне не афишируемую литературную игру, подхватывая друг у друга темы, мотивы, композиционные приемы и пр. Игровое начало присуще творчеству Газданова в не меньшей степени, чем творчеству Набокова. Причем в художественных разработках набоковских тем Газданов идет по пути усложнения, предельно закручивая сюжетную ситуацию, как происходит это в «Возвращении Будды», где набоковская картинная рамка, организующая композицию «Подвига», переносится в онирический план сюжета, трансформирующийся в финале в пространство смерти. Также в «Призраке Александра Вольфа» романный сюжет строится на семантическом обыгрывании имени персонажа одного из рассказов Набокова (подробно см. [8, с. 131–145]). При этом в него оказывается вписан биографический сюжет творческой дуэли двух писателей (подробно см. [1]). Подобные примеры можно продолжать.

Вопрос о способах взаимовлияния двух ведущих литературных персон первой волны Русского зарубежья несомненно составляет большую тему для научного исследования, к которой мы лишь прикоснулись в данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибальник С.А. Газданов и Набоков // Русская литература. 2003. № 3. С. 22–41.
2. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ, 1995.
3. Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4.
4. Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе // Библиотека русской критики. Критика русского зарубежья. М., 2002. Ч. II. С. 272–278.
5. Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5.
6. Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1996. Т. 2.
7. Аверин Б. Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической прозы. СПб., 2003.
8. Проскурина Е.Н. Календарный жанр в прозе Г. Газданова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2009. Вып. 8: Сюжет, мотив, история. С. 131–152.

Е.В. КАПИНОС

**МАРФО-МАРИИНСКАЯ ОБИТЕЛЬ В РАССКАЗЕ И. БУНИНА
«ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»***

старший научный сотрудник, канд филол. наук,
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: dzerv@mail.ru

В статье на уровне микропозтики анализируется финальная сцена рассказа Бунина «Чистый понедельник» (действие происходит в Марфо-Мариинской обители милосердия). Особое внимание обращено на образ настоятельницы обители – великой княгини Елизаветы Федоровны. Автор статьи делает попытку указать на смыслы, возникающие при соотнесении сюжета анонимных главных героев с сюжетами, стоящими за конкретными историческими лицами, описанными в рассказе Бунина.

Ключевые слова: Марфо-Мариинская обитель, М.Н. Нестеров, микропозтика, сюжет, мотив, исторический контекст.

Кульминация рассказа Бунина «Чистый понедельник» обещана в первом абзаце: «Она была загадочна, непонятна для меня, странны были и наши с ней отношения, – совсем близки *мы* все еще не были; и все это без конца держало меня в неразрешающемся напряжении, в мучительном ожидании – и вместе с тем был я несказанно счастлив каждым часом, проведенным возле нее» [1, с. 206]. Однако не только окончательное сближение героев, но и совсем другой, неожиданный, хотя и тщательно подготовленный финал, открывается для читателя: героиня исчезает, а почти через год герой, от лица которого и ведется повествование, случайно увидит ее среди других послушниц на рождественской службе в Марфо-Мариинской обители.

В «Чистом понедельнике» повторяется «вечный» бунинский сюжет: влюбленные герои с необычайной силой устремляются навстречу друг другу, но такая же неодолимая, как и любовь, неведомая сила разводит и разлучает их навсегда. Противоположные тенденции встречи/расставания столь плотно переплетены между собой, что сюжетное напряжение становится поистине колоссальным. Тому же сюжету следуют роман «Жизнь Арсеньева» с исчезнувшей Ликой и множество поздних рассказов Бунина, среди которых «Натали», «Генрих», «Холодная осень», «Таня»... В большинстве случаев сюжет исчезнувшей героини/героя подсвечен эмигрантской темой утраченной родины.

Противонаправленные динамические линии в сюжете «Чистого понедельника» становятся причиной для размышлений о двуплановости, даже «двуликости» главной героини (страстно вкушающая жизненные

наслаждения богачка и тихая, бледная, отреченная от всего земного монашенка), о контрастно сменяющих друг друга пространствах рассказа (сцены веселых гуляний и капустника перемежаются кладбищами, церквами и монастырями) [3, 7]. Нашей задачей будет рассмотрение некоторых фрагментов, в частности, финальной сцены на уровне микропозтики.

Марфо-Мариинская обитель в финале появляется после целой череды упоминаний о других святых местах Москвы. Если подумать над каждым звеном этого перечня святых мест, то окажется, что в рассказ вписана долгая история Москвы: все начинается от Юрия Долгорукого, за которым скрыт геральдический символ Москвы – Святой Георгий-Победоносец: «Как же вы не знаете? “Рече Гюрги...”»

– Как хорошо! Гюрги!

– Да, князь Юрий Долгорукий...» [1, с. 213].

Любопытно, что ассоциации с иконографическим образом неназванного Георгия-Победоносца усиливаются, когда героиня вспоминает «Сказание о Петре и Февронии» – ту его часть, что повествует о муромском князе Павле, к жене которого летал змей-искуситель. Змей, пронзаемый копьем Георгия, и змей-искуситель из «Сказания...» отмечают в рассказе тему страха перед дьявольским, страха перед катастрофой, личной и исторической.

В другом отрывке на мгновение, в составе сложного сравнения, всплывают портреты сподвижников Дмитрия Донского – братьев Пересвета и Осляби, актуализируя тот момент в истории, когда Россия чудом была спасена от монгольского ига. А вместе с упоминанием храма Христа Спасителя подспудно возникает тема еще одного трагического для России эпизода: войны – 1812 г., в честь победы в которой и возведен храм.

*Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН № 25 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России (1. Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов)».

Храм Христа Спасителя виден из окон героини и описан с позиции героя-рассказчика, для которого сакральные смыслы, кажется, отступают перед нарядностью московской панорамы: «В доме против Храма Спасителя она снимала ради вида на Москву угловую квартиру...» [1, с. 207]. От героя, упоенного жизнью и любовью, как бы ускользает «тайна» героини, может быть, пока еще неясная даже и для нее самой. Тайна заключена в ее неотступных размышлениях о вере и вечной жизни, в ее поисках монастыря, куда можно удалиться от мирских страстей. К святым местам героиню притягивают не только их по-московски торжественное величие, но и что-то совсем другое. Влюбленный герой очень точно, детально вспоминает привычки, слова возлюбленной, но зеркальное отражение героини в памяти героя остается иллюзорным, слегка неверным, поскольку глубинные мотивировки ее поведения, даже таких мелочей, как выбор вида из окна, остаются пока скрытыми и для него, и для читателя.

«Слишком новой громадой» назван храм Христа Спасителя в «Чистом понедельник», но по-настоящему новое, и в противоположность храму Христа Спасителя, укромное, сокровенное пространство связано с Марфо-Мариинской обителью, основанной в 1909 г. (в рассказе описываются события, происходившие с зимы 1912 г. до Рождества 1914 г.). Еще в середине «Чистого понедельника» об обители вспоминает героиня, когда вдвоем с героем ночью, впотьмах они блуждают по Ордынке в тщетных поисках дома Грибоедова. Но саму обитель мы пока не видим: «“Тут еще есть Марфо-Мариинская обитель”, – сказала она» [1, с. 212].

В финале герой уже ничего не ищет на Ордынке, но нечаянно находит предмет своего горя и счастья, несмотря на то, что осознанно выполняет просьбу героини («Пусть Бог даст сил не отвечать мне» [1, с. 217]) и не ищет ее, но подсознательно по-прежнему стремится к ней. Возвращение на Ордынку продиктовано действием памяти: герой помнит каждый миг, проведенный вдвоем с возлюбленной, каждое ее, даже будто бы случайно оброненное слово, но смысл ее слов открывается для него с опозданием, с большой ретардацией. Ретардация позволяет не сразу ощутить всю палитру женского образа; героиня не просто контрастна, ее образ полон переходов от тона к тону и раскрывается во всем своем богатстве резкими рывками, но растянуто во времени всего повествования.

На уровне деталей замедление в поиске героини сопровождается напрямую связанным с памятью мотивом ее следов. Несколько раз говорится о башмачках героини¹: в «гранатовом платье и таких же туфлях с золотыми застежками» мы видим ее в начале; оставляя маленькие следы «новых черных ботинок», она идет по

кладбищу; и, наконец, обнаженная, «только в одних лебяжьих туфельках», оборачивается к герою в ночь чистого понедельника. Мотив следов постепенно ведет к крестному ходу, где вереница послушниц и монашенок следует за Елизаветой Федоровной. След – это знак памяти, который остается от исчезнувшей героини, когда она навсегда уходит от мира, от героя, направляясь к жизни праведной и вечной. Одновременно та же тема отнесена не только к призрачной, надмирной жизни, а напротив – традиционно маркирует эротическую тему.

Одна из кульминаций эротической темы – капутник накануне заветной ночи. В пародийном канкане Москвина и Станиславского подчеркнута всего одна деталь: они отплясывают, «падая назад». И эти два слова сразу дают возможность воочию увидеть всю картину. Москвин и Станиславский пародируют визуальный эффект, обязательный для канкана: спина должна быть откинута назад и неподвижна, чтобы зритель видел прежде всего ноги, которые будто бы отделяются от тела, приближаются к зрителю и танцуют «сами по себе». Еще не успел закончиться разудалый травестийный канкан Москвина и Станиславского, как Качалов подходит к героине и с пьяной легкостью обращается к ней «на ты» (тогда как между собой влюбленные разговаривают «на Вы»), не имея совершенной близости даже в речи): «Царь-девица, Шамаханская царица, твое здоровье!». И это еще не все: профессионалы театральной богемы будто сговорились исполнить все тайные желания героя, оттесняя его и шутиливо пытаясь его заместить: «Дозвольте пригласить на полечку Транблан» – приглашает Сулержицкий, и «Шамаханская царица», «улыбаясь, поднялась и, ловко, коротко притопывая, сверкая сережками, пошла с ним среди столиков...» [1, с. 215].

Провоцируя молодого героя на такую же, как у них, смелость, Качалов и Сулержицкий ставят ему высочайшую планку в отношении к героине. В этот момент молодой герой не может не сознавать, что он не имеет столь свободных, блестящих жестов, как великие актеры, и не может, как они, эмоционально и шутиливо разыграть чувства. Лишь одно преимущество остается у героя перед новыми «кавалерами» его возлюбленной: он не разыгрывает чувства, а любит по-настоящему. Кажется, что актеры, в свою очередь, тоже добродушно завидуя красоте и счастью героев, как бы перехватывают их любовь, стараясь подтолкнуть ее, сделать заметной, «вывести на сцену». Яркие, талантливые и известные Качалов и Сулержицкий на мгновение становятся двойниками рассказчика, вступающими в борьбу за руку и сердце его избранницы, и такое умножение героя в двойниках дает возможность Бунину приоткрыть тайные глубины главного героя: его застенное, еще не до конца исполненное чувство. Он становится равновелик героине, и оказывается не менее энигматичным, чем она.

Интересно, что богемные, блестящие двойники героя как бы аннулируют заносчивые автоописания, убирают все, что «выставлено на показ» в начале рассказа: «Мы оба были богаты, здоровы, молоды и на-

¹ Не только в «Чистом понедельнике», довольно часто и в других рассказах Бунина, описывается обувь героев или героинь; чаще всего описание башмачков связано с эротической темой героини, которая манит за собой, но остается недоступной. – См., например, «Начало», «Натали» (танец Натали с Мещерским) и пр.

столько хороши собой, что в ресторанах, на концертах нас провожали взглядами. Я, будучи родом из Пензенской губернии, был в ту пору красив почему-то южной горячей красотой...» [1, с. 207]. Именно на капустнике герой и героиня окончательно перестают быть блестящей парой для других, их любовь, сценично представ перед публикой, становится сокровенной.

В рассказе есть две антонимические реплики:

«Правда, как вы меня любите!» – говорит героиня на Новодевичьем кладбище накануне чистого понедельника, а на следующий день, на капустнике Качалов игриво спрашивает о герое: «А это что за красавец? Ненавижу!» Перед «любовью» и «ненавистью» одновременно, а точнее, не ненавистью, а страхом любви оказываются герои. И страх («ненависть») заключен не только в них самих. Ильин называет «инстинктом» [9, с. 38] предмет описания Бунина, и речь в данном случае идет об инстинкте как архаическом чувстве, которое связывает человека с природой, с историей (со всем «прежде бывшим»). Маску змея-искусителя² из «Сказания о Петре и Февронии» применяет героиня на героя («Конечно, красив. Качалов правду сказал... «Змей в естестве человеческом, зело прекрасном...» [1, с. 216]), но, по сути, чистый, робкий герой – это не «змей». «Змей» заключен в природе любви, в ее катастрофичности, равняющей любовь с историческими и природными катаклизмами. И в самой героине скрыт тот же «змей в естестве человеческом». Однажды она встречает возлюбленного в шелковом архалуке: «...наследство моей Астраханской бабушки...» [1, с. 209], и в этот момент ее манящий облик «Шамаханской царицы» переливается зловещими татарскими красками, еще раз возвращая читателей, уже после Пересвета и Осляби, к татарскому нашествию³.

В финальной сцене в Марфо-Мариинской обители двойники и подмены отнесены Буниным уже не к герою, а к героине. Финальная встреча – это и есть настоящая встреча героев, своеобразный реванш и победа, которую герой одержал в поиске исчезнувшей возлюбленной. Но в обители будто бы узнавшая его героиня принадлежит уже не ему, рядом с ним, в том же, что и он, монастырском саду, она проходит, ступая уже совершенно по другой, вечной, потусторонней земле, никем не зримой в миру. Героиня появляется не одна, а в веренице других монашек, и в повествовании намечается некий сдвиг: если раньше именно героиня была выделена из толпы как самая красивая, как единственная и вожденная (поэтому не случайно, что на капустнике внимание театральной богемы приковано именно к ней), то теперь ее облик почти стирается, а на первый план выступает великая

княгиня Елизавета Федоровна – настоятельница Марфо-Мариинского монастыря⁴. И если в сцене капустника субституируется герой, то в сцене в обители субституируется героиня. Причем великая княгиня занимает место матери героини, которая признается герою на первых страницах рассказа: «кроме отца и вас, у меня никого нет на свете», а в конце рассказа обретает и мать, и сестер. Кстати, великая княгиня называется по имени, тогда как главные герои остаются безымянными. Конкретные имена реальных людей, оставшиеся в истории (Станиславский, Москвин, Качалов, Сулержицкий), конечно, нарочито контрастируют в рассказе с анонимностью главных героев. Исторические лица укрупняют исторический контекст рассказа, московская и русская история из фона повествования превращается в отдельную и самостоятельную хронологическую линию, которая борется и переплетается с линией судьбы главных героев.

И здесь уже становится необходим документальный комментарий. Как известно, история основания Марфо-Мариинской обители неотделима от трагической гибели 4 февраля 1905 г. мужа Елизаветы Федоровны – московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В этот день великий князь был убит бомбой, брошенной террористом Каляевым⁵. Сергей Александрович не упоминается у Бунина, но он тоже незримо присутствует в рассказе, продолжая тему московских князей. После гибели мужа от горя Елизавету Федоровну спасла забота о раненых на Русско-японской войне; постепенно возникла идея создания монастыря, в котором бы могли найти помощь больные и инвалиды. Этот всем известный исторический момент можно было бы не вспоминать в связи с рассказом Бунина, воспринимая Марфо-Мариинскую обитель просто как антураж повествования. Однако в тексте есть один намек, который не позволяет уйти от этих «закадровых» событий.

На рождественской службе в «Чистом понедельник» совершенно не случайно присутствует великий князь Дмитрий Павлович. Лишившись в младенчестве матери, Дмитрий Павлович, сын младшего брата Сер-

⁴ Особая роль Елизаветы Федоровны в рассказе, связь этого образа с исторической перспективой повествования подчеркнута и Н.А.Николиной [7, с. 82], Л.А.Колобаевой [3, с. 22], отдельный этюд на эту тему написан О.А. Лекмановым [4, с. 19–20].

⁵ Не соглашаясь с мягкой политикой правительства по отношению к оппозиции, в.к. Сергей Александрович с 1 января 1905 г. ушел в отставку, но это не успокоило террористов из организации Б.В.Савинкова, а напротив, послужило им вызовом. 4 февраля 1905 г. Каляев метнул бомбу в великого князя в самом сердце Москвы – на Сенатской площади Кремля. «Тело Великого Князя... “оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя четверть груди с левым плечом и рукой” были оторваны и совершенно разрушены» <...> Елизавета Федоровна... с непокрытой головой побежала на улицу и припала к останкам своего супруга. Опустившись на колени, она стала собирать и складывать на поднесенные носилки все то, что осталось от любимого ей человека. Место взрыва было залито кровью» [5, с. 71. – Со ссылкой на ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 60. Д. 23. Л. 1].

² Очевидно, символика Адама и Евы угадывается едва ли не за каждым рассказом из «Темных аллей», и змей-искуситель – не только из «Сказания о Петре и Февронии», но еще и из библейского райского сада.

³ Еще до темных аллей сравнение революционных катаклизмов с нашествием татарского ига стало привычным для Бунина. – См., например, рассказ «Несрочная весна».

гея Александровича, воспитывался (вместе с сестрой Марией Павловной) в доме дяди. Елизавета Федоровна и Сергей Александрович заменили родителей своим племянникам. В ходе следствия по делу убийства великого князя открылось, что Каляев пытался взорвать бомбу на 2 дня раньше, 2 февраля, но его остановило то, что тогда рядом с великим князем он увидел Елизавету Федоровну и детей – Марию и Дмитрия.

Знание об этом реальном событии (а все подробности гибели великого князя сообщались в прессе) объясняет, почему именно великий князь Дмитрий Павлович оказывается на праздничной службе в «Чистом понедельник». Предельно литературная ассоциация, которая связывает чудом уцелевшего от гибели великого князя Дмитрия с убиенным царевичем Дмитрием, еще раз дает рассказу ретроспективу московской/русской истории, напоминая о смутном времени конца XVI – начала XVII в., заставляя ощущать как смутное то время, которое описывается в рассказе Бунина – время начала Первой мировой войны. Все это дорисовывается в сознании читателя, но пунктирный, еле заметный характер подтекстов только добавляет силы художественному переживанию. Пока Москва 1914 г. (какой ее видит Бунин на исходе Второй мировой войны в мае 1944), кажется, еще ничего не замечает, а беспечно гуляет в «кабаках да кабаках», слушает «не в меру разудалого» Шаляпина и веселится на капустниках. Марфо-Мариинская обитель, так тщательно выписанная Буниным в «Чистом понедельнике», уже взывает к покаянию и символизирует начало исторической трагедии.

Прямые и обратные темпоральные проекции придают женским образам «Чистого понедельника» двойственность: Елизавета Федоровна, монашки и послушницы обители, среди которых прячется героиня, кажутся в финале рассказа почти реальными. Конкретная топография – Ордынка, известный монастырь и его настоятельница – делает событие легко представимым, будто сам Бунин, когда-то войдя во двор обители, мог стать свидетелем крестного хода. Однако, с другой стороны, не менее сильна иллюзорность и символичность этой сцены. В прямой исторической проекции рассказа уже содержится память о том, что жизнь Елизаветы Федоровны оборвалась не менее трагически, чем жизнь ее мужа: она погибла в алапаевской шахте, как и ее сестра императрица Александра Федоровна и все члены царской семьи, расстрелянные в ипатьевском доме. И это затекстовое, но неотделимое от повествования событие, усиливает трагизм любви главных героев: с их любовью как будто бы заканчивается вся русская история, вернее, под напором темных сил естества и апокалиптической истории герои устрашаются своей любви, как будто чувствуя то, что еще даже не наступило или уже безвозвратно ушло. Заканчиваясь в своем земном осуществлении, любовь героев обретает святое и непостижимое значение.

Поразительно то, что на памяти одного поколения русских эмигрантов царская семья гибнет, но за гранью земного существования превращается в ту свя-

тую духовную опору, которая держит и собирает вокруг себя православную диаспору за пределами родной страны. Оставляя в стороне пафос по этому поводу, посмотрим, как данный факт отражается в художественной ткани рассказа, где переход от земного к небесному строится за счет легкой экфразистичности финала.

Создавая Марфо-Мариинскую обитель, Елизавета Федоровна много сил вложила не только в необычную, но столь плодотворную для России идею организации «монастыря в миру», но и в заботу о внешнем облике монастыря: великая княгиня, обладавшая утонченным художественным вкусом, принимала участие в обсуждении архитектурного проекта и проекта внутреннего убранства обители. На завершающем этапе строительства был приглашен М.В. Нестеров, который, советуясь с Елизаветой Федоровной, расписал Покровский храм, а также разработал эскизы одежды для сестер⁶. Нестеровский модернистский стиль очень схож с тем, что могло бы вдохновлять Бунина: манеру художника отличает лиризм, пейзажность, особая любовь к светлым голубо-зеленоватым, бело-серым тонам. Монашенки, в светлых длинных одеяниях, идущие друг за другом, бледное пламя свечей, прикрываемое от ветра тонкими пальцами, черты мертвенной отрешенности – вот набор обязательных примет нестеровских полотен и росписей, как будто запечатленных в финале рассказа Бунина: «Но только я вошел во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обрусе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер, – уж не знаю, кто были они и куда шли» [1, с. 218]⁷.

К сказанному стоит прибавить, что в биографии Нестерова есть эпизод, очень близкий бунинским сюжетам: в юности художник обвенчался против воли родителей с Марией Мартыновской, которую любил горячо и страстно. Вскоре жена Нестерова умерла, только вступив в пору своего расцвета [2, с. 51]. Ее смерть, ее лицо Нестеров видел перед собой всегда и воспроизводил многократно, нанося краски нездешнего мира на лики святых. Вот как впоследствии художник вспоминал об этом: «Я видел, как минута за минутой приближалась ее смерть <...> Красавица Маша оставалась красавицей, но жизнь ушла. Наступило другое – страшное, непонятное <...> Образ ее

⁶ По воспоминаниям Н.Я. Тамонькина, сестры обители милосердия выглядели так: «Все они одевались, как и сама великая княгиня, в серое, довольно светлое, длинное платье... Большей частью они пришли сюда из привилегированного класса, были княжны, или по особой рекомендации». [5, С. 156. – Со ссылкой на архив ГНИМА им. А.В. Щусева].

⁷ Кстати, присутствие в рассказе великого князя Дмитрия интертекстуально отсылает и к картинам Нестерова, в частности к «Димитрию Царевичу», вошедшему в собрание Русского музея.

не оставлял меня, везде я видел ее черты... Тогда же у меня явилась мысль написать свою «Христову невесту» с лицом Маши <...> Любовь к Маше и потеря ее сделали меня художником, вложили в мое художество недостающее содержание, и чувство, и живую душу» [6, с. 82].

В финале Елизавета Федоровна не только своей величием, красотой и спокойным терпеливым достоинством будто бы заслоняет героиню от героя, она, словно сошедшая с нестеровской храмовой фрески, увлекает за собой вереницу послушниц к другой, непостижимой жизни. Для мирян живые следы сестер теряются навсегда, но художественная плотность рассказа такова, что их чудесный свет и чистота остаются незабвенными.

Г.М. ВАСИЛЬЕВА

«СТАТЬ ПРИТЧЕЙ ВО ЯЗЫЦЕХ»: ОБРАЗ ГЁТЕ И ОБРАЗЫ «ФАУСТА» В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

канд. филол. наук, доцент,
Новосибирский государственный институт международных отношений и права,
e-mail: v.g_@mail.ru

В ясные вечера наблюдаю небо.

*Не устаю удивляться
сколько там точек зрения.*

Вислава Шимборская (перевод А. Эппеля)

В перспективе русского литературного языка немецкий представляется не столько языком, сколько своего рода текстом. Немецкий оборот любого объема воспринимается в русском дискурсе как цитата. Даже если подобная «цитата» в реальности ничего не цитирует, она отсылает нас к какому-то «источнику». Текст в значительной мере сам создает свой контекст, он обладает способностью регенерировать утраченные внетекстовые связи, создавать новые взамен утерянных. Русский писатель сопоставляет трагедию Гёте с Книгами третьего цикла Ветхозаветного канона – Писания. «Раздвоение» Гёте, параллельное бытование полярных его ипостасей – трагической, благой и карикатурной (со своим кругом сюжетов и устойчивых мотивов каждая) – свидетельствует о том, насколько важный для эпохи круг проблем способна была актуализировать эта фигура.

Ключевые слова: фраза, звучание, образ, контекст, полярный, молва, книжник, храм.

Попытки представить проблему восприятия трагедии Гёте в прозе Чехова предпринимались неоднократно. Ограничимся указанием на монографию В.Б. Катаева, послужившую во многом образцом для исследователей [1]. Подобные материалы содержатся и в аналогичных зарубежных работах [2, с. 154–155]. Однако даже наличие перечисленных и неупомянутых исследований не позволяет еще утверждать, что предварительная работа осуществлена хотя бы в значительной мере.

Как замечала О.Л. Книппер-Чехова, Чехов «очень мало знал по-немецки» [3, с. 396]. Но ему был присущ постоянный и живой контакт со стихией немецкого языка и немецкого поэтического слова. Писатель иногда неожиданно приводит немецкие фразы. Так, в

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. Темные аллеи. М.: Молодая гвардия, 2002.
2. Дурылин С.Н. Нестеров в жизни и творчестве. М., 2004.
3. Колобаева Л.А. «Чистый понедельник» Ивана Бунина // Русская словесность. 1998. № 3. С. 19–23.
4. Лекманов О.А. Из комментария к чистому понедельнику» И.А.Бунина// Русская речь. 2004. № 6. С. 19–20.
5. Марфо-Мариинская обитель милосердия. 1909–2009. М.: Белый город, 2009.
6. Нестеров М.В. О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания. М., 2006.
7. Николина Н.А. Лингвостилистический анализ рассказа И.А. Бунина «Чистый понедельник» // Русская словесность. 1996. № 3. С. 79–83.
8. Шмелев И.И. Бунин // Шмелев И.И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. М., 1991.

рассказе «Надлежащие меры» цитирует обращение к почтмейстеру Ивану Андреичу «sprechen Sie deutsch» из восьмой и десятой глав «Мертвых душ» [4, т. 3, с. 65]¹. Чехов прибегает к экспликации структуры соответствующего русского текста средствами немецкого языка. «Если вы думаете, что в Москве только один Малкиель, то вы ошибаетесь. Их два: «es ist der Vater mit seinem Kind» [4, т. 16, с. 102]. Немецкие фразы входят в контексты, ориентированные на звукоизобразительность и мифопоэтическое этимологизирование. Они заставляют актуализировать глубинные ритмичес-

¹ Ссылки на издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы – по [4]. При цитировании серии писем перед номером тома ставится буква П.

кие основы, дают новое освещение устоявшемуся кругу тем: «В купеческих дочках и отставных титулярных советниках не замечается уже давнишнего стремления «dahin, wo die Citronen blühen» [4, 16, с. 169]². В силу сочетания звуков и смысла эту фразу Гёте можно рассматривать независимо от ближайшего контекста. Она даже создает собственный контекст, как афоризмы или эпиграммы.

Писатель пытается разрешить конфликт, неизбежный для любой живой формы искусства, – конфликт между инструментами нормативного общественного языка, с их грузом традиции и конвенции, и требованиями «непослушного» личного смысла. Значение реализуется и применительно к акустическому, аудиофоническому измерению. Например, «...если бы вдруг не произошел kolossalische Scandal» («Человек в футляре»). Именно в немецкой фразе возникает субаллитеративное эхо, сочетание звонкого согласного с парным ему глухим согласным: *s* аллитерированной пары перекликается с *sch*. Как позже отметит Гертруда Стайн (автор драмы «Доктор Фауст зажигает свет», 1938 г.), в немецком языке слова по звучанию слишком похожи на то, что они делают [5]. Язык является носителем всех впечатлений, когда-либо бытовавших в пространстве и времени. И тем самым именно он обеспечивает непрерывную совокупность человеческого опыта. Оба языка в прозе Чехова имеют свою долю и свою позицию, ведут совокупную игру сближения-удаления³.

Образ Гёте в качестве абсолютного символа является общепонятным знаком русской культуры. Немецкий писатель был сакрализован и признан для Европы таким же явлением, каким стал для эллинов и римлян Гомер. Но с изъятием права на фамильярное обращение с ним, права критики его, которое для античности по отношению к ее центру было чем-то само собой разумеющимся. Без пародий на Гомера античная культура немыслима. Гёте входил в круг интересов русского писателя. И это был не просто круг чтения с неясно очерчиваемыми границами, но тот узкий, близкий к центру круг, который предполагает и определенную степень начитанности в гетевских текстах, и хорошее знание их. 20 января 1902 г. Чехов писал Н.Д. Телешову: «...в “Новом журнале иностранной литературы” печатается теперь гётевский “Фауст” в прозаическом переводе Вейнберга; перевод чудесный»

[4, т. 17, с. 312]⁴. Интерес объяснялся и тем, что трагедия «Фауст» имела сценическое воплощение, сопровождаемое особым «театральным» ритуалом.

Типологическое сравнение при поверхностном подходе очень легко. В нем, кроме самого понятия «тип» (не вполне и не всегда ясного), как бы нет основы сравнения, отсутствует *principium comparationis*. Чехов говорил, что можно сравнивать «гвоздь и панихиду», «огуречный рассол и недоумение» [4, т. 1, с. 125]. Количество результатов сравнения может быть большим, но они остаются на уровне «логического исчисления»: вне скрытого за этими результатами смысла. Характерно, что Чехов выделял «алогичные» сравнения в класс «бессмыслиц», называл их «напастью». В них смысл культуры особенно легко утрачивается, и они выступают как своего рода предупреждение, напоминание, оберег.

Чехов отдает дань литературно-благодарственному этикету, но создает гибридно-антитетический текст Гёте, который, на первый взгляд, имеет «разбросанное» построение. Мир Гёте в прозе Чехова включает самые разные «тексты» – однако в прямом или косвенном, изначальном или вторичном соотношении с религиозной идеей. Как известно, среди «древностей» важное место занимали фигуры деятелей истории и культуры. Слухи, молва неизбежно «собирались» вокруг исторических личностей и подвергались своего рода мифологизации. Чехов выделяет жанр биографии, в значительной степени опирающийся на анекдотический материал, парадоксальные ситуации, «случаи» из жизни, сентенции и присказки. Присказка может также обернуться дразнилкой, что подразумевается вошедшим в русский язык библейским выражением «стать притчей во языцех». Чехов любил «сильные» приемы, их концентрацию и эффекты, вызываемые таким акцентированием. «Великий Гёте, говорят, иногда приходил в такое настроение духа, что позволял себе бить камнями уличные фонари <...> Великий Аверкиев в прошлом году подрался с кем-то. Из сих примеров явствует, что великие люди, когда они не у дел, такие же миряне и суетники, как и мы, грешные» [4, т. 16, с. 63].

Эпизод напоминает о народном персонаже – Немце в театре Петрушки, сценки с которым строились на недоразумении и битье. Подобное изображение, «как-то нелитературно, неделикатно» (если воспользоваться любимым выражением Чехова). Это гротескная притча: краткий рассказ с поучительной тенденцией, с ритмически организованной формой. Как известно, слово «притча» – по-гречески «парабола» – в

² Ср. стихотворный фельетон Lolo «Страничка из письма» в «Новостях дня» (1897 г): «На юг мечтательно уехав, / Оттуда наш милейший Чехов / (Мой неизменный фаворит) / Свои шедевры нам дарит. / Но не в пленительной природе / Страны, где зреет апельсин», / Не в итальянском небосводе / Берет он краски для картин...» – Чеховиана. Чехов и его окружение. – М.: Наука, 1996. – С. 136.

³ Размышления Чехова о языке близки метафизике речи в трудах О. Розенштока-Хюсси, формулирующего свою основную мысль «*Audi ne moriamur*» («Слушай, да не умрешь») [6, с. 545].

⁴ В письме брату Николаю в марте 1886 г. есть упоминание образа трагедии Гёте – погреб Ауэрбаха: «Талант занес тебя в эту среду, ты принадлежишь ей, но...тебя тянет от нее, и тебе придется балансировать между культурной публикой и жильцами *vis-à-vis*. Сказывается плоть мещанская, воспитанная на розгах, у рейнского погребца, на подачках. Победить ее трудно, ужасно трудно!» [4, П. 3, с. 121].

буквальном переводе означает сравнение явлений и вещей. «Идеально точная» параллель – от «великого Гёте» к «великому Аверкиеву» – представляет собой один из видов аналогии, ассоциативного соединения. Здесь не дана универсальная ситуация общечеловеческой жизни; в домашне-семейной парадигме текста происходит умозаключение от частного к частному («иногда», «в прошлом году»). Рассказ завершается аксиомой, утверждающей вечное положение вещей, – «такие же миряне и суетники». Чехова занимает, так сказать, «натюрморт» в человеке, преходящее и тленное. Иначе гений перестает «свободно воспринимать жизнь», убежденный в том, что «великому пристало говорить лишь о великом» [7].

Представители различных философских школ применяли притчу для определения ступени сознания учеников и степени их внутренней свободы. Положение в обществе способно сделать совершенно невозможными и некоторые типы мышления, и вербальное выражение соответствующих взглядов. По Чехову, «причуда» (*um. grottesco* – причудливый) выражает исключительно свойство натуры и художественного мастерства писателя – «причудливого» гения⁵.

Чехов размышляет о том, когда и в силу каких причин писатель канонизируется. Этим объясняется не в последнюю очередь экзотический статус Гёте в его прозе. Е. Толстая пишет, что ряд упоминаний о Гёте и Фаусте «предположительно, превращается у Чехова в лейтмотив Мережковского» [8, с. 166]. Для Мережковского благостность «входила в программу по созданию благоприятного культурного климата с Гёте в качестве образца». Это вызывало Чехова как художника на полемику с Мережковским, который путается в «превыспренних исканиях»: «...если бы променял свой quasigетевский режим» [4, т. 6, с. 181].

Чехов сгущает атмосферу двусмысленности, усиливавшую странность действий Гёте и связанных с ним ситуаций. Образ Гёте «помещается» в неорганичный для него контекст. Данные весьма не тривиальны, более того, они почти неожиданны. Как известно, на примере классики становится особенно заметной и значимой «коллективная сторона» читательского опыта. Чехов транслирует стандартные принципы обращения с текстом – включая практики «пародирования», «низвержения» классики или ее «осовременивания». При этом модели интерпретации текста настолько устойчивы, что можно разделить с другими коллективный читательский опыт даже при отсутствии опыта индивидуального. Не обязательно читать классическое произведение для того, чтобы овладеть канонами суждения о нем.

⁵ Ср. понятие «смешное бессмертие» в романе Милана Кундеры «Бессмертие», одним из героев которого является Гёте. Так же характерен паралингвистический жест в названии книги канадского писателя Андре Мажора «Улыбка Антона, или Прощание с романом».

В драме «Безотцовщина» Венгерович-младший, носитель радикальных требований к литературе, произносит: «Поэт, как человек чувства, в большинстве случаев дармоед, эгоист [...] Гёте, как поэт, дал ли хоть одному немецкому пролетарию кусок хлеба? *Платонов*. Старо! Полно, юноша! Он не взял куска у немецкого пролетария! Это важно [...] Потом, лучше быть поэтом, чем ничем! В миллиард раз лучше!» [4, т. 11, с. 99]. Здесь не просто оставшаяся где-то в глубине истории изолированная обмолвка. Это начало концепции, в соответствии с которой впоследствии можно было составлять проскрипционные списки якобы ненужных, непонятных «пролетарию» книг. В комическом звучащем сегодня пассаже – не переизбыток социологии, а недостаток и недоразвитость ее. Аристократ Гёте и собирательный образ пролетариата как бы неподвижно застыли, ограничив себя своим «классовым» кругозором. Коренная проблема социологии – это проблема общения, на всех уровнях, завершая общением многомиллионных социальных образований. Общественной и эстетической критике сопутствует некий устный воспоминательный текст: споры, «кривые толки», восторженное одобрение. История есть история упрощений, адаптации текста, читательских предпочтений. Разумеется, здесь немало фантазии и мифологии. Но все-таки в них ощутимо то, что дает понять тайну удивительной привязанности народной психеи к произведениям и образу немецкого писателя. Он, идеально «притертый» к своей жизненной нише, представляет собой, в сущности, особый минималистский вариант мотива «каждый на своем месте».

История образов Гёте у Чехова заключает в себе боковую парадоксальную ситуацию, куда писатель взял все материальное и персонажное. Вместо высокого стиля – переключки стилистических голосов, гротескных, акустических и растревоженных. Описание «страдает», помимо курьезных культурных апперцепций, прямыми несообразностями, что представляется довольно странным на фоне ярких и прозрачных определений. В цитатах из «Фауста» сообщены или слишком общие сведения, или такие, которые в трагедии не отражены. Образы «Фауста» сохраняли в силу своего престижа «высокие» значения, тогда как примеры в рассказах Чехова «ухудшали» их. Нарочито безыскусные, банальные, они могли быть поняты как результат опрошения и дегенерации структуры. Выразительный эпизод из рассказа «Хорошие люди»: «Скучно глядеть на тебя! – продолжала сестра. – Вагнер из «Фауста» выкапывал червей, но тот хоть клада искал, а ты ищешь червей ради червей...» [4, т. 5, с. 419]. С простодушной, своевольной свободой персонажи «инвестируют» в текст личные эмоции. Чехов «цитирует» далеко не всех ради таких переиначиваний *ad hoc* и *cum grano salis*. В его прозе – различные способы создания «уклоняющихся» высказываний из Гете (иронических, аллюзионных, метафорических). Ведется тонкая игра на подобных

переходах от бесспорных цитат к «своему» тексту, имитирующему цитируемый источник. Важен исходный литературно-исторический импульс, прецедент. Далее начинается некая *creation pue*, свободное «разыгрывание» темы, ее новые синтезы. О пародийности чеховского типа культуры отчетливо можно судить по ее реминисцентной отзывчивости, скрытой и скрытной цитатности. Пародия в данной ситуации – это и есть сакрализованная цитата, помещенная в развещающий ее контекст.

Чехов отсылает нас к еще одному средостению в области логики потенциальных встреч. В его «Записной книжке» о «Фаусте» сказано: «Чего не знаешь, то именно и нужно тебе, а что знаешь, тем не можешь пользоваться» [4, т. 17, с. 86]. И далее: «Соломон сделал, как говорят, большую ошибку, что просил мудрости» [4, т. 17, с. 152]. В 1888 г. у Чехова было желание создать произведение на исторический сюжет. Отзвук разговоров по поводу драмы о Соломоне содержится в письме от 4 мая 1889 г.: «...По моему мнению, “Екклесиаст” поддал мысль Гёте написать «Фауст» [4, т. 17, с. 438]. Русский писатель сопоставляет трагедию Гёте с Книгами третьего цикла Ветхозаветного канона. Чехов слышит в «Фаусте» не яростные интонации «Книги Иова», но вдохновенно-резонерский голос «Книги Притчей Соломоновых» и ироническую сосредоточенность «Екклесиаста». Чехову близка иудейская сторона, понятие дегероизации. Некогда утешительная импликация-предопределение «где вопрос, там и ответ» возвращает вопрошателя к ситуации вечного повторения иллюзий и их крушения, к тому, что Екклесиаст-Кохелет обозначил как «суета сует и всяческая суета». Сделав, казалось бы, последний и главный вывод, Екклесиаст не подчинил ему свою дальнейшую жизнь.

Писатель не ставил перед собой задачу «аналогического» развертывания жизни Фауста в связи с планом жизни библейского Соломона, но главное все-таки отмечает: мотив разума и знания⁶. Соломон остался в народной памяти как царь-мудрец, а стало быть, прообраз и патрон для ученых. Сам он – книжник, до краев переполненный премудростью. Профессии книжника и врача – древнейшие виды «интеллигентской» специализации. В западной традиции мудрецы храма («учители» в русских текстах) именуются «докторами». У Чехова Соломон, несмотря на мучения и отсутствие смысла, строит храм. «Храм» сохраняет значение языческого храма, что было весьма существенно для Гете: он подчеркивал свой органический интерес к язычеству. В монологе Чехова храм, во всяком случае, не Ветхозаветный и, вполне возможно, не только и не столько христианский, сколько гностический, «синкретический». О та-

ком религиозном синкретизме в России писал Н.А. Бердяев: «Религиозное возрождение было христианскообразным, обсуждались христианские темы и употреблялась христианская терминология. Но был элемент языческого возрождения, дух эллинский был сильнее библейского мессианского духа» [9, с. 146]. В этом смысле Чехов близок русским символистам. Символизм всегда выходил далеко за пределы литературного течения, оставаясь поздним вариантом гностицизма. Причем некоторые глубинные темы гностицизма сказываются, проговариваются именно в русском символизме.

Так в прозе Чехова возникает подвижное, динамическое соотношение, в котором предстают два полярных образа Гёте. Воплощен принцип *suum cuique*, и каждый, в самом деле, находит свое, причем «не свое» не мешает ему. Связь оказывается свободной (не форсированной), взвешенной, ни на чем не настаивающей с той жесткостью, которая неизбежно деформирует каждую из соединяемых частей. У Чехова весьма широкий взгляд на творчество Гёте, постулирование большой степени свободы, допускающей многочисленность вариаций вплоть до случаев, граничащих с произволом. Этот подход отличается от более прочной традиции с ее стремлением к «акрибии» столь высокого уровня, что система правил, исключений и ограничений превращалась в своего рода поиск абсолюта. Истинный писатель отказывается от форм жизни и форм языка, которые сделали бы его «великим» или «значительным». Зримым образом он переживает все ложные вечности, наглядно продемонстрировав умение предвосхищать свой неизбежный конец, а потому – необходимость своевременно погребать все мертвое в себе. Чехов отдает себе отчет, что предмет необъятен, и предложенные «несколько» строк – лишь случайные маргиналии к неисчерпаемой теме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cataev V. Cechov und Deutschland. Zur Problemstellung. 2-e. Aufl. Tübingen, 1994.
2. Фуско Антонио, Томассони Розелла. Творчество А.П. Чехова в зеркале психологического анализа. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир», 2001.
3. Киппер-Чехова О.Л. О Чехове // Вокруг Чехова. М.: Правда, 1990.
4. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1982. (Соч.: В 18 т.; Письма: В 12 т.).
5. Stein G. Lectures in America. Boston: Beacon Paperback, 1957.
6. Fuller J. W.H. Auden: A Commentary. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1998.
7. Major A. . Le sourire d' Anton ou l' adieu au roman. Montreal: Les Presses de l' Universite de Montreal, 2001.
8. Толстая Е. Поэтика раздражения. Чехов в конце 1880-х – 1890-х годов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002.
9. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991.

⁶ Ср. Чехов в письме Суворину: «Знания всегда пребывали в мире <...> Потому-то гении никогда не воевали, и в Гёте рядом с поэтом прекрасно уживался естественник» (4, П 3, с. 216).

Н.А. НЕПОМНЯЩИХ

**«ПОДЖИГАТЕЛЬ» КАК КОМПЛЕКС МОТИВОВ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА 1920-х гг.
(Л. АНДРЕЕВ, М. ВОЛОШИН, А. РЕМИЗОВ Л. ЛЕОНОВ и др.)***

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: dzerv@philology.nsc.ru.

В статье рассмотрен комплекс мотивов, связанный с образным осмыслением революции как уничтожающего огня, включающий мотивы поджога и поджигателя, характерные для литературы начала 1920-х гг. У пролетарских авторов поджигатель становится символом революционера-героя. М. Волошиным, А. Ремизовым, Л. Леоновым огненная стихия интерпретируется как гибельная катастрофа, а поджигатель мыслится ее провокатором.

Ключевые слова: литература начала 1920-х гг., сюжеты и мотивы, образы огня в литературе.

Лексика и метафорика со значением горения, воспламенения и других проявлений огненной стихии широко используется в литературе и публицистике первых послереволюционных лет (1917–1920-е гг.) как для создания грандиозного стихийного образа русской революции, так и для передачи масштабности постигшей Россию исторической катастрофы (М. Волошин «Неопалимая купина: стихотворения о войне и революции», А. Ремизов «Огненная Россия», Н. Клюев «Погорельщина», А. Веселый «Реки огненные»).

Огненная образность активно используется в названиях изданий: «В буре и пламени» (Ярославль, 1918), «В огне и буре», «В огне революции» (приложение к газете «Московский рабочий», 1922–1923), «Искры» (Азербайджан), «Костер» (Ленинград), «Костер» (Владикавказ), «Костры» (Москва, 1922), «Пламя» (Псков). В названиях отдельных произведений: «Пожар» (Смирнов В. Творчество 1918, № 2), Рудин Н. «Пожар революции» (Творчество 1918, № 7), В. Александровский «Огонь» [Там же], Н. Асеев «Огонь» (Красная новь, 1920. № 6) и др.**

Образ революции как бури и пламени довольно быстро становится избитым клише в периодике. В обзорах пролетарской литературы образы огня зачастую трактуются как обобщенная метафора нового лика нарождающейся пролетарской культуры в целом. В. Кремнев в статье «Поэма великой революции» [3] (1920) ставит в заслугу пролетарской поэзии тот факт, что «вместо традиционных архаических образов, вро-

де громяющей колесницы Ильи Пророка, ветреных Геб и Перунов, пролетарский поэт дает нам могучее изображение грозы» [3]. Он иллюстрирует свой тезис строками из стихотворения «Небесный завод» В. Казина, где гроза представлена в образе работающего завода. М. Зенкевич в статье «Об огне искусства» (1918) противопоставляет друг другу две версии о происхождении вдохновляющего огня искусства: мифологическую (миф о Прометее) как версию идеалистическую и материалистическую (первобытный человек овладел огнем и в нем проснулась тяга к искусству), отдавая предпочтение второй [1]. В статье «Буря революции и факел поэзии» (1918) он пишет об искусстве и революции в метафорических выражениях, обозначенных уже в заглавии перифразированной цитатой из А. Шенье [2].

Политический переворот, революция, резкая смена многих традиционных устоев порождают потребность осмыслить происходящее, вписать эпохальные события в рамки человеческого бытия, зачастую эта рефлексия протекает в неомифологических категориях. Актуализируются мотивы и сюжеты, связанные с огнем. Так, революция мыслится пожаром и пламенем, революционер предстает поджигателем.

В театрах страны в 1924–1925 гг. идут спектакли по пьесе А. Луначарского с характерным названием «Поджигатели». В первые послереволюционные годы во многих театрах ставится ранее запрещенная пьеса Л. Андреева «Савва» (1906). Речи и поступки главного ее героя, Саввы Тропинина, призывающего «лечить мир огнем», созвучны настроениям времени. В патетических речах Саввы постоянно звучит, что человек рождается в пламени, и сам он, свободный человек, — пламя и разрушение,¹ что миру необходима очищающая огненная катастрофа:

¹ «Он идет! Я вижу его! Он идет свободный человек! Он рождается в пламени! Он сам — пламя и разрушение! Конец рабьей земле!»

*Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (общенациональный и региональный аспекты)».

**Использованы данные электронного ресурса «Советская литература: сборники 1920–1930-х годов». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruthenia.ru/sovlit/ciss1574.html>. Дата обращения 23.03.2009 г.

...светопрествление и нужно. Лечили их лекарством – не помогло; лечили их железом – не помогло. Огнем их теперь надо – огнем! [4, с.406].

Слова, приписываемые Гераклиту, в речи Саввы приобретают агрессивную интонацию. В целом же речи Саввы – перифраз ницшеанских идей, но в том примитивном, вульгаризированном виде, каком могла их воспринять «кондовая», «уездная» Русь. Во многом они совпадут с речами пролетарских деятелей культуры². Недаром пьеса «Савва» в послереволюционные годы использовалась и для антирелигиозной пропаганды.

Речи Саввы об очищающем землю огне, на который останется «голый человек», чтобы построить новый мир свободного человека, – это, по сути, воплощение тех штампов, которые возобладают в публицистике и пролетарской литературе. Однако слова Саввы имеют не только отвлеченный смысл. Он организует взрыв в монастыре с целью уничтожить чудотворную икону. Логика его проста до примитивности: уничтожить икону, почитаемую чудотворной, – все равно что уничтожить Бога, веру людскую во всемогущество Божие, веру в чудо. Попытка Саввы терпит крах: уничтожить образ Спаса не удалось, поскольку послушник, которого нанял для исполнения задуманного Савва, донес обо всем игумену, а тот распорядился икону на время вынести и вернуть на место уже после взрыва. Поскольку это сохраняется в тайне, то для непосвященных все происшедшее выглядит как чудо: взрыв не смог разрушить икону. Когда толпа паломников узнает, кто организовал взрыв, то гнев обрушивается на Савву – толпа забивает его. Этим и заканчивается пьеса. Огню у Саввы отводится роль «зачистки» под новые всходы. Огнем он хочет одновременно покарать и очистить, здесь его функция совпадает с ролью огня в Ветхом Завете. Савва – это воплощение человека, ставящего себя на место высшего судии. Он присваивает себе право судить и казнить. Именно таким предстает поджигатель в пролетарской литературе.

Как интерпретируется новой победившей культурой образ поджигателя и как образуется новый идеологический сюжет, с ним связанный, наглядно демонстрирует поэма «Герострат» (1920) А. Дорогойченко [5]. Пьеса Л. Андреева заканчивается сценой растерзания толпой Саввы. Во вступлении к поэме «Герострат» сразу обозначен мотив толпы забивающей выскочку-святотатца:

Дерзни... улю-лю заорут, точно спрут
тебя злобы жгутом обовьют,
заплюют, по частям на куски разорвут
в экстазе крысиной грызни.
Кислотой клеветы обольют и –
сожгут на костре...
что пытки тому, кто убил себя сам
в жертву Земным небесам,

чей дух для дерзанья созрел,
чей мозг на костре добровольцем сгорел –
быть на горе.

Поджигатель!

Впрочем, поэма – это в данном случае условное жанровое наименование. В произведении радикально переосмыслен сюжет о Герострате. Он представлен как революционер, как человек, который в древности посмел первым открыто посягнуть на святыню, не побоялся разрушения храма, он не был понят толпой, его растерзавшей. В новую эпоху, современную автору поэмы, Герострат – это народ, осмелившийся пожечь и уничтожить свои прошлые святыни. Герострат у А. Дорогойченко – прежде всего «дерзкий» тот, кто осмелился презреть общепринятые ценности, поджечь и уничтожить прекрасный храм, и уже потом тот, кого обрекли на забвение, но вопреки тому имя его живет. Мотив «дерзновения», уравненного со святотатством и моральным бунтом заявлен уже во вступлении:

Если дух твой в огненный колос созрел – дерзай.
Если сам на костре сгорел –
сжигай... [5, с. 25].

Мотив поджога реализуется поступательно. Призыв «Сжигай!» и «Сжигайте!» – это лейтмотив поэмы: Сначала это призыв к деревне сжигать древние святыцы, взрастить «готового к поджогу святотатца», далее дважды обозначено намерение сжечь Содом, который отождествляется с буржуазным городом, а после высказано намерение сжечь старый корабль – Россию и весь старый мир:

О, скоро весь мир подожжем –
как свечу
в жертву Земным небесам! [5, с. 35].

И далее:

Бурей и искра раздуется в пламя (...)
Дерзких ищите –
апостолов крови,
безумцев огня. [5, с. 34].

Автор в лозунговом стиле благославляет факел Герострата на поджог, а время начала революции обозначено как звук пожарного колокола, ее разгар прогнозируется как «по степи/ о, запляшут, запляшут сполохи» [5, с. 31]. Звучит тот же, что и у Саввы призыв жечь старое искусство, культуру, государство:

Пожар!
Государства... Искусства...
Культуры...
варвары подожгли Капитолий [5, с. 37].

Мы наблюдаем поступательное наращивание масштабов того, что подлежит сожжению: город – Россия – мир. Поджигатели мыслятся не иначе как героями. В финале поэмы появляется мотив самопожертвования, самосожжения:

² См. об этом: Ключ Э. Ницше в России. Революция морального сознания. СПб., 1999.

Пусть в пожаре своем же сгорим мы
от голода, битв, нагими.
Но потомству навеки остались крылатыми
строители нового вечного Рима.
Отныне на суше, в морях и в пустыне
Слава, / слава тебе миллиардоголовый
поджигатель миров – Герострат! [5, с. 45].

Роль в революции современного поколения – поджог старого мира, расчистка места под будущее строительство, даже ценой самосожжения вместе со старым миром. Здесь, как и в «Савве» Л. Андреева, очищающему огню отводится роль наказания и уничтожения, расчистки места под мир новый, в произведениях никак не представленный. Меняется только ценностный ориентир: позиция Саввы – позиция бунтующего против Бога и людей одиночки-святотатца, фанатика. Савва – это герой, вульгаризированный и утрированно представляющий своими пространственными речами нищенские идеи, порой их перефразируя. Недаром в его речах так много отводится места ему самому, его выдающейся роли в этом ничтожном мире. Позиция «нового Герострата» – это переход от выскочки-поджигателя к позиции «сознательного поджигателя» – революционера, причем в лице коллектива, массы. Однако огню отведена все та же роль уничтожающей силы и карающего орудия, только теперь в руках революционных масс. Новый Герострат поджигает святыни старого мира не в одиночку, и не в надежде на славу и память потомков, а для бескомпромиссного уничтожения старых ценностей.

Поджигатель как герой времени воспринимается положительно не каждым автором, а идея революции как великого поджога старого мира с целью «зачистки» приемлется отнюдь не всеми. В произведениях представителей «старой» культуры огненная стихия ассоциируется скорее с мотивом гибели России, с апокалиптическими настроениями и образностью. У М. Волошина это трагический, но неизбежный исторический виток, возможность преображения, «переемуществления». Волошин пишет во времена революции: «Воистину вся Русь – это Неопалимая купина, горящая и несгорающая сквозь все века своей мученической истории» [6]. Сборник стихотворений о войне и революции назван «Неопалимая купина», одноименное стихотворение замыкает собою цикл «Пути России», а заключительные строки почти дословно повторяют авторский прозаический комментарий:

Мы погибам, не умирая,
Дух обнажая до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!
(1919) [7].

В состав того же цикла входит стихотворение «Китеж», оно концентрирует в себе максимум огненных образов и мотивов. Доминантным является образ Руси-костра, с которого стихотворение начинается:

Вся Русь – костер. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век...
Здесь же задан по сути своей риторический вопрос:
Не сами ль мы, подобно нашим предкам,
пустили пал? А ураган
раздул его, и тонут в дыме едком
леса и села огнищан [7].

Мотив самосожжения только намечен, но он не случаен: «Я – сам огонь. Мятеж в моей природе...», – это звучит в «Китеже», а сразу за циклом «Пути России» в волошинском сборнике следует поэма «Протопоп Аввакум». В «Китеже» обозначены историософские взгляды Волошина, которые развиты в цикле «Усобица» и поэме «Россия», замыкающей сборник «Неопалимая купина». По сути, «Китеж» – это краткий обзор тех важных событий русской истории, которые, по Волошину, неизбежно повторяют друг друга:

Они пройдут – расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропшет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвась от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit ярую свечу... [7].

По Волошину, история вновь совершает круг, развитие циклично и переживаемая революция – лишь его очередной виток:

Молитесь же, терпите же, примите ж,
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществимый сон! (1919) [Там же].

А. Ремизовым все произошедшее с Россией толкуется совершенно иначе – это «погибель Русской Земли». Тем не менее, он свой плач о случившемся с родиной выстраивает, прибегая к тем же образам и мотивам. В «Слове о гибели Русской Земли», открывающем книгу «Огненная Россия» (1921), образ Китежа и мотивы поджога и разбушевавшегося пожара приводят к неутешительным размышлениям о гибели:

Приходи и строй! Приходи, кому охота и делай дело свое, – воздвигай новую Россию на месте горелом. А про старое, про бывалое – забудь. Ты весь Китеж изводи сетями – пусто озеро, ничего не найти [8, с. 24].

То, что было неистребимо «от века», теперь в прошлом, совершилась гибельная катастрофа. Сожжение России в «Слове о гибели...» становится структурирующим лейтмотивом, организующим лирический сюжет гибели (сожжения) России. Каждый раз, когда этот мотив появляется в тексте, происходит прираще-

ние смыслов. В начале произведения просто фиксируется факт того, что «запылала Русь»:

Ты горишь – запылала Русь – головни летят. А до века было так: было уверено – стоишь и стоять тебе, Русь широкая и раздольная, непоколебимою во всей нужде, во всех страстях [Там же, с.11].

Потом, по мере оплакивания былого величия России, появляются мотив падения Руси и мотив поджигательства «человекоборцами безбожными, на земле мечтающими создать рай земной...»:

Русь моя, ты горишь! Русь моя, ты упала, не поднять тебя, не подымешься! Русь моя, русская земля, родина беззащитная, обезпощаженная кровью братских полей, подожжена, горишь! [Там же, с.13].

В финале и вовсе говорится о «месте горелом», о возможности выстроить новую Русь, поскольку старой больше нет. Здесь Ремизов «смыкается» с представителями новой пролетарской культуры: для них строительство новой России должно начинаться с «расчистки» огнем места для строительства. Но если у пролетарских поэтов и писателей поджог всего старого мира приветствуется и даже воспринимается как подвиг, то для Ремизова – это несомненная трагедия.

В эту пору вступает на литературное поприще Л. Леонов. Его рассказ «Деяния Азлазивона» (1921) опубликован при жизни автора не был и впервые был издан только в 2001 г. Герои его – разбойники-душегубы, решают построить в лесу скит. Скит выстроен, однако стоять ему недолго. Гибнут один за другим новоиспеченные праведники, вступая в неравную борьбу с нечистой силою. Сам бес Азлазивон в финале поджигает обитель, и все сгорает в огне пожарища. Желание выстроить «идеальное здание» терпит крах без внутреннего преображения грешников. В этом маленьком рассказе словно дана модель, развернутая в «Пирамиде» при оценке Леоновым революции и ее последствий. На протяжении всего творческого пути Леонова основной темой, притягивающей к себе максимум огненной образности, будет тема революции, сливающаяся в «Пирамиде» с темой Апокалипсиса-пожарища.

Герой леоновской повести, опубликованной в 1924 г., поджигателем стать не может по сути своей. Безобидный обыватель Ковякин, герой, от лица которого ведутся «Записи Ковякина», так подводит к концу грустное повествование свое:

Вчера Библин спрашивал меня: «Что это ты, Андрей Петрович, в архаровца перерядился? Уж не собираешься ли Гоголев поджечь, чтоб золушка одна осталась, а ее ветерком?» Ведь этакое, милый человек, сгородит. [9, с. 344].

Саму мысль о том, что герой намерен стать поджигателем, в контексте восприятия этого литературного образа в начале 1920-х годов можно считать значимой. Тем более значима реакция героя: «этакое сгородит!», – в ответ на *такое* предположение. Нет, Ковякин городок свой не подожжет. Ему слишком любо

и дорого все, что здесь есть. В отличие от многих русских писателей, Леонов вовсе не воспринимал «уездную», провинциальную Русь как вместилище пороков, которые необходимо выжечь огнем революции. Новая интерпретация этой повести Л. Леонова, предложенная Л.П. Якимовой [10], как раз свидетельствует о том, что писатель вовсе неоднозначно реагирует на революционные события. Невозможность стать поджигателем – это еще одна говорящая деталь, характеристика героя, противопоставляющая его людям нового толка.

В «Пирамиде» писателем синтезирован целый комплекс огненных мотивов, в том числе и тех, что актуальны в 1920-е. В последнем романе мотив революции-поджога осмыслен через образ «пала», пущенного по стране из края в край по бесовскому подстрекательству. Этот мотив также тесно связан у Леонова с мотивами самосожжения и Апокалипсиса. Революция, по мысли писателя, вопреки надеждам на преобразование жизни, стала для России гибелью, поучительной для других исторической катастрофой. Лейтмотивом гибельности революционной идеи становятся образная цепочка, в которой каждое слово «говорит от имени русской литературы»: «искра – гроза – костер/факел – пожарище – погорельщина». Не раз уже было отмечено, что сгорающий Старофедосеевский некрополь в финале романа также весьма символичен. Таким образом, Л. Леонов, которому единственному из названных здесь авторов удалось уцелеть и дожить до конца XX в., словно подвел итог разноголосому спору о роли огня революции и ее поджигателей в судьбе России.

Что касается литературы первой половины 1920-х гг., то в ней четко просматривается комплекс мотивов, связанный с образным осмыслением революции как уничтожающего (очистительного – гибельного) огня, а также выявляется мотив поджигателя (революционера-героя – «человекоборца безбожного»), напрямую связанный с зажженным им огнем революции. Нами названы только некоторые имена и произведения, весь материал не уместился бы в рамки статьи. Удивительно, что при всей полярности оценок мифологемы у авторов, приверженцев разных идеологических и художественных позиций, совпадают, что в свою очередь демонстрирует необычайную продуктивность мотивного комплекса огня в послереволюционную эпоху, его несомненный порождающий характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зенкевич М. Об огне искусства // Художественные известия Отделения искусств саратовского совета народного образования. 1918 (28–31 дек.). № 27. С. 6–7. (Подпись: «М. З-ич» (М. Зенкевич)) // Избранные статьи и рецензии в саратовской периодике 1918–1923 годов. Вступление, подготовка текстов, примечания С.Е. Зенкевича [Электронный ресурс]. 2001. Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». Дата обращения 23.03.2009 г.
2. Зенкевич М. Буяра революции и факел поэзии // Художественные известия Отделения искусств Саратовского совета народ-

ного образования. 1918 (18–20 дек.). № 24. С. 4–5. (Подпись: «М. З-ич»). Вступление, подготовка текстов, примечания С.Е. Зенкевича. Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». [Электронный ресурс] 2001. Дата обращения 23.03.2009.

3. Кремнев В. Поэма великой революции // Кузница. 1920. № 5–6. С. 62–69. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2646.html>. Дата обращения 23.03.2009 г.

4. Андреев Л.Н. Савва // Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 425.

5. Дорогойченко А. «Герострат» // Кузница. 1920. № 5–6. С. 25–45. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruthenia.ru/sovlit/j/2644.html>. Дата обращения 23.03.2009.

6. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Сост., вступ. статья, подготовка текста и комментарии З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М.: Правда, 1991.

7. Волошин М. А. Стихотворения. М., 2009.

8. Ремизов А.М. Слово о гибели Русской Земли // Огненная Россия. Ревель, 1921. Факсим. изд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/remizov_ognennaya_rossia_1921.pdf. Дата обращения 21.05.2009 г.

9. Леонов Л.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 1. С. 344.

10. Якимова Л.П. Повести Леонида Леонова о революции и гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл. Новосибирск, 2007.

С.К. СЕВАСТЬЯНОВА

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА В ПРАВОСЛАВНОЙ ПАМЯТИ КУЛЬТУРЫ: ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ С ТЕКСТАМИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ*

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: sevask@mail.ru,

В статье рассмотрены методы работы патриарха Никона с библейскими источниками его писем и посланий современникам и сделаны выводы о том, что способы и приемы работы автора с книгами Священного Писания соответствовали традиции православной письменной культуры.

Ключевые слова: традиционный источник, цитата, преемственность, библейская лексика и фразеология, цитатный монтаж, писатели патриаршего круга.

Обращение к собственному культурному прошлому во все времена было необходимым условием для выживания цивилизации. Значительную роль в возрождении культуры играли ее религиозные основания. Из всех мировых культур наиболее ошутима связь с традицией на русской почве в православии [1, с. 5–14]. Православие выработало и особого рода отношение к прошлому, и целый ряд форм увековечения, позволяющих ощутить не только преемственность, но, по существу, временное и пространственное единство мира [2, с. 4, 7]. Для православной письменной культуры характерны обращенность к определенным типам источников и прежде всего к Священному Писанию и святоотеческим трудам, строгая приверженность канону, традиции, ориентация на высокий образец.

Патриарх Никон – знаковая для истории и культуры России XVII в. фигура. Он оставил обширное литературно-публицистическое наследие. Желание владыки взяться за перо определялось жизненными обстоятельствами его биографии. Для Никона, как и

для многих его современников, писательство стало важнейшим способом выражения своих идей.

Священное Писание – главный первоисточник средневековой культуры [3, с. 31], при помощи которого автор создает сочинение «в соответствии с традицией» и «продолжая традицию» [4, с. 81]. Книжная византийская традиция опоры на Священное Писание обязывала русского средневекового автора следовать литературной этикетности с выработанными ею канонами [5, с. 355]. Многовековая традиция подобия авторитету определила способы работы патриарха Никона с библейскими источниками.

Библейская цитата в эпистолярных сочинениях патриарха Никона выполняет три функции – дидактическую, полемическую и эмоционального воздействия на адресата. Автор придерживается традиционных принципов введения цитаты [6, с. 71–72, 75]: она обозначена как слово, произнесенное Богом или Его учениками («Божественный апостол Павел глаголет»; «Господь глаголет во святем своем Евангелии»); источник указан по имени автора библейской книги или ее названию («во Апоколеписи пишется»; «Яко же Еклисиаст пишет»); указание на инкорпорируемый текст при помощи безличных конструкций говорения и письма.

В посланиях Никона разных лет встречаются цитаты, точный источник которых установить невозможно.

*Работа выполнена в рамках Программы Президиума СО РАН № 25 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России (1. Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов).

но, поскольку их текст в разных книгах Священного Писания передается одинаково. «Любите враги ваша» [7, с. 390]. Ср.: Мф. 5: 44 [8, л. 3 об.] и Лк. 6: 27 [8, л. 30 об.]. Или: «Лиси язвыны имуть, и птицы небесныя – гнезда, Сынъ же человеческий не имать, где главы подклонити» [7, с. 581]. Ср.: Мф. 8: 20 [8, л. 5] и Лк. 9: 58 [8, л. 33 об.]). Текстуальное сходство с библейским источником имеют известные фрагменты из молитв и проповедей Иисуса Христа о любви и милосердии, ставшие частью богослужебных текстов. «Прощающему у тебе дай» [7, с. 587, 545] (ср.: Мф. 5: 42 [8, л. 3 об.]); «Остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим» [Там же, с. 391, 419] (ср.: Мф. 6: 12 [8, л. 4]).

Библейская лексика и фразеология органично встраиваются в авторскую речь, и поиск библейского источника становится бессмысленным: он перестает играть существенную роль в повествовании. Типичные для эпистолярного жанра концовки и приветствия Никон строит на библейской фразеологии: «И да приложит Господь Богъ святому вашему царствию дни на дни и лета ваша до дне рода и рода» [7, с. 429, 434] (ср.: Пс. 60: 7 [8, л. 11 об.]); «Не забываем и реченое апостолом, иже заповеда молитися первие за царя и всех, иже во власти сущих, яко да дасть вамъ Господь тихо, мирно и безмятежно житие; яко да и мы проживем во всяком благоверии и чистоте» [7, с. 390, 395, 399, 404, 413, 419, 426] (ср.: 1 Тим. 2: 1–2 [8, л. 54 об.]).

Отсутствие локализуемого источника заимствований погружает читателя в обширную область топики. В текстах Никона это прежде всего «микротопика» формул, «языковые кодовые включения» [9, с. 415, 417–417, 426]: «да бежу, оттряся и прах ног своих» [7, с. 401, 441] – Ср.: Мф. 10: 14; Мк. 6: 11; Лк. 9: 4–5; Деян. 13: 50–51; «прежде посыпав главу пеплом» [7, с. 402] – Ср.: 2 Цар. 13: 19; Неем. 9: 1; Есф. 4: 1; Иер. 6: 26; Пл. 2: 10; Иез. 27: 30; Откр. 18: 19; «и по делом руку твоею воздасть тебе Господь» [7, с. 442] – Ср.: Пс. 27: 4; 61: 13; Пр. 12: 14; «А аз чистъ от сих» [7, с. 391] – Ср.: Иов 33: 9; Пр. 20: 9; Деян. 18: 6; 20: 26; 2 Тим. 2: 21; «паки ста противу лицу оскорбивших его» [7, с. 401] – Ср.: 2 Пар. 25: 8; Иер. 18: 17; 19: 7; «везде плачь и сокрушение, везд стенание и въздыхание, и несть никоу веселящаяся во днех сих» [7, с. 403] – Ср.: Ис. 29: 13; Иер. 31: 15; Пл. 2: 5; Иез. 2: 10.

Из всех книг Священного Писания наибольшей популярностью у Никона пользовалась Псалтирь. Средневековыми книжниками псалтырные стихи воспроизводились спонтанно, как готовые фрагменты текстов, форм и конструкций. «Колико в седмь летъ борють мя тии лукавии человецы и глаголють все ложное, и не возмогають, яко Господь побораеъ по насъ» [7, с. 581] – Ср.: Пс. 3: 6; «Тем же паки молим: престани, Господа ради, гоня нас, и оскорбляя, и веруя клеветником» [7, с. 401] – Ср.: Пс. 36: 8; «изведите от печали душу мою» [7, с. 484] – Ср.: Пс. 142: 11; «не даждь во смятение ноги твоя, да не въздремлет храняи тя Господь» [7, с. 552] – Ср.: Пс. 120: 3; «погуби глаголюция неправду. Да и мы помолимся Господу

Богу, чтобы потребил Господь вся усты лъстивыя и языкъ велеречивый» [7, с. 562] – Ср.: Пс. 62: 12; 11: 4. В споре с оппонентами использование Псалтири стало у Никона регулярной практикой [10, с. 371–392]. Устойчивые выражения и библейские фразеологизмы служили Никону «общим языковым и тематическим кодом, вводящим проекцию жизненных событий на высокий и вечный фон» [11, с. 315].

Излюбленный прием патриарха Никона – цитатный монтаж. Между «звеньями» цитатной цепи он вставляет типичные слова-связки, при помощи которых привлекает внимание адресата к наиболее важным высказываниям. Приведу пример: «Хощеши ли самого Христа прияти? Мы твоему благородию покажемъ, како Господу свидетелствующу: “Приемляй васъ – Мене приемлетъ” (Мф. 10: 40). И: “Елико сотвористе менших Моих – Мне сотвористе” (Мф. 25: 40). И: “Идеже бо два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде ихъ” (Мф. 18: 20). И инде паки: “И се, аз с вами есмь до скончания века. Аминь” (Мф. 28: 20). И: “Приемляй васъ – Мене приемлетъ” (Мф. 10: 40). И: “Слушая васъ – Мене слушаетъ” (Лк. 10: 16). Иже твое благородие изволит, то да сотворит, или во имя Господне приими нас, и дому отверзи двери, да мзда твоя по всему не отменит, якоже есть писано» [7, с. 426]. Патриарх соединяет пять цитат; союз «и» помогает наращивать цитатную массу. Выражение «и инде паки», обладающее усилительным значением, ставит логическое ударение на цитате, которая завершается словом «аминь» и разрывает цепочку на две части: Мф. 10: 40 – Мф. 25: 40 – Мф. 18: 20 – Мф. 28: 20 и Мф. 10: 40 – Лк. 10: 16. Следующая часть цепи начинается с той же цитаты, с которой началась предыдущая, но наполнение «звена» меняется. Если первая часть монтажа учит, что о глубине веры в Христа можно судить по отношению к благовестникам, то смысл второй части конкретизируется: о глубине веры можно судить по тому, как исполняется слово Божие. Оставаясь в рамках одной темы, в подборе цитат автор переходит на новый содержательный уровень.

Авторские комментарии, обрамляющие единичные цитаты и цепочки из них, содержат цитатную лексику; автор подводит читателя к восприятию цитаты, расставляя так называемые «эксплицитные маркеры» [12, с. 38–39] – «метатекстовые нити» (А. Вежицкая), слова-сигналы [13, с. 43]: «А что было твоего, великого государя, жалования, милости ко мне, богомольцу твоему, и то истоших алчным, жадным, странным, нагим, босымъ, в темницы за ваше, государево, душевное спасение и телесное здравие. Да в день судный з десными достояние ваше будет, и да сподобитесь слышати сладкий глас Господень, реченный: “Приидете, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира: взалках бо ся и дасте ми ясти” и прочее. И сихъ ради не остави и нас алкати» [7, с. 495].

Фразеология Священного Писания, на которой базируется авторская речь, коррелирует с цитатной, образуя лексический и синонимический повтор, кото-

рый скрепляет в единстве авторские рассуждения и цитатное слово. Повтор организует повествование, вычленяет ведущие семантические линии: «Приидом же в кротости и смирении, яко же Господь наш научи мя, глаголя: “Научитесь от Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцем” (Мф. 11: 29), нося с собою миръ, его же Господь нашъ Иисус Христос, смиливъ Себе, преклонив небеса, сниде на землю и снесе его, и остави святым своим учеником и апостолом. И по них по времени священнодействующим во святей Его церкви архиереом, глаголя: “Миръ Мой оставляю вам, миръ Мой даю вам” (Ин. 14: 27). Ко входящим же во град или дом заповеда, глаголя: «В онъже град или дом входите, первые глаголите: “Миръ дому сему”. И аще убо будет ту сынъ мира, почитет на немъ миръ вашъ» (Лк. 10: 5–6)» [7, с. 426]. Слова-синонимы «кротость», «смирение» и образованная от них лексика сменяют друг друга в авторских рассуждениях и цитатах, создавая сквозной повтор, при помощи которого формируется словообразовательное гнездо с вершиной «мир» («смирении» – «смирени» – «смирив» – «мир»). Слово «мир» – ключевое в этом текстовом фрагменте.

Другой способ подачи библейских текстов – контаминирование фрагментов из разных источников по принципу центона, широко распространенному в средневековой литературе и популярному в постмодернистском тексте [9, с. 432–433; 14, с. 256; 15, с. 5, 71]. Особенность таких построений у Никона состоит в том, что каждое следующее добавление расширяет и дополняет смысл предыдущей фразы, а содержание синтаксической конструкции выражает полноту библейского учения по важнейшим вопросам веры: «По сему вас и познают, яко Мои ученицы, аще в любви пребудете (ср.: Ин. 13: 35), аще заповеди Моя соблюдете (ср.: Ин. 15: 10)» [7, с. 367]; «Болныя исцеляйте, прокаженные очищайте, мертвыя воскрешайте, бесы изгоните (Мф. 10: 8) и друг другу ноги умывайте (ср.: Ин. 13: 14)» [7, с. 598]; «Шедша же ученика и сотвориша, якоже повеле има Иисусъ: приведоста ося и жребя и возложиша верху ею ризы своя (Мф. 21: 6–7) и всадиша Иисуса (Лк. 19: 35)» [7, с. 387]; «Ей, погибнут вси ненавидящии тя (ср.: Пс. 33: 22), и сокрушит Богъ челюсти их (ср.: Пс. 57: 7), и сами разсыплются, яко прах (ср.: Пс. 34: 5)» [7, с. 442]. Центон помогает Никону добиваться сходства ситуаций – библейской и ему современной.

Подведу итоги. Священный текст присутствует в сочинениях патриарха Никона на разных уровнях. Заимствования из Священного Писания становятся для патриарха Никона «тематическим ключом», устанавливающим «высший», «духовный» смысл его повествования, «который может быть явлен только через боговдохновенные слова священного текста» [16, с. 684]. Никон ведет себя как типичный книжник, продолжая многовековую традицию древнерусской книжности, где «художник осознавал себя искусным инструментом, направляемым соборным сознанием православной Церкви» [17, с. 228].

Традиционный текст в эпистолярных сочинениях Никона, как правило, маркирован. Но когда он присутствует в повествовании имплицитно, связь с источником устанавливается на уровне «индексов», «знаков» и «намёков», «нескольких опорных извлечений, с которыми читатель ассоциирует «ключевой» текст во всем его семантическом охвате» [18, с. 200].

В истории русской культуры XVII в. опора автора на авторитетный текст свидетельствовала о принадлежности его к литературному лагерю традиционалистов, представителей московского духовенства, творцов «субстанциональных» текстов [19, с. 271–284], которых характеризовало бережное отношение к священным и авторитетным источникам при их воспроизведении [16, с. XII]. Традиционное отношение патриарха Никона к словесному творчеству сближает его с писателями патриаршего круга, поборниками греко-византийской традиции, принадлежащими к умеренному крылу партии реформаторов, – с иноком Евфимием и иеродиаконном Дамаскиным. Свой способ создания текста Евфимий характеризовал как «тканье от творцев» [20, с. 195–200], а Дамаскин отвергал «величавые глаголы» собственных авторских рассуждений и призывал читать писания святых отцов [21, с. 100]. Сочинения патриарха Никона свидетельствуют о прочных знаниях им законов писательского ремесла, его традиций и норм. Общественно-церковным целям, выражению своих идей патриарх Никон подчинил возможности средневековой христианской культуры и письменности. В «книге книг» московский патриарх находил ответы на все вопросы современности. Древнейшие методы и приемы работы с традиционным текстом патриарх Никон встраивал в русло современной ему культурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Святославский А.В.* Традиция памяти в православии. М.: «Древлехранилище», 2004.
2. *Культура памяти: Сб. науч. ст. / Под ред.: Э.А. Шулеповой; сост. А.В. Святославский.* М.: «Древлехранилище», 2003.
3. *Пиккио Р.* Древнерусская литература / Пер. с итал. М.Ю. Кругловой и др.; предисл. А.С. Демина; под ред. Д.С. Менделеева. М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. *Двигалин Ф.Н.* Традиционный текст в торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библейская цитация // *Герменевтика древнерусской литературы* / Под ред. О.В. Гладкова, Е.Б. Рогачевская. М.: Наследие, 1995. Сб. 8. С. 81–101.
5. *Лихачев Д.С.* Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1: О себе. Развитие русской литературы; Поэтика древнерусской литературы. Монографии.
6. *Станчев Кр.* Поэтика на старобългарската литература. София, 1982.
7. *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / Под ред. Е.К. Ромодановской. М.: Индрик, 2007.
8. Библия. Острог, 1581.
9. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. стат. / Под ред. П.Е. Бухаркина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.

10. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.
11. Герасимова Н.М. О поэтике цитат в «Житии» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 314–318.
12. Семенова Н.В. Цитата в художественной прозе (На материале произведений В. Набокова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.
13. Козицкая Е.А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте: Пособие по спецкурсу. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999.
14. Ронен О. Подражательность, антипародия, интертекстуальность и комментарий / Пер. с англ. Я. Гончаровой // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 2 (42). С. 252–256.
15. Эпштейн М. Постмодерн в России. – М.: ЛИА Р. Элинина, 2000.
16. Ликкио Р. Slavia orthodoxa. Литература и язык. М.: «Знак», 2003.
17. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: В 2 т. СПб.; М.: Университетская книга, 1999. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия.
18. Смирнов И.П. Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX века: На материале «Слова о полку Игореве» // Блоковский сборник IV: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики / Под ред. З.Г. Минц. Тарту, 1981. С. 246–276.
19. Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 271–284.
20. Матхаузерова С. «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 195–200.
21. Панич Т.В. Книга Чит веры в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2004.

М.А. БОЛОГОВА

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ИЗ Ф.И. ТЮТЧЕВА В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ ЗАЩИТЫ Е. ШКЛОВСКОГО

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: dzerv@philology.nsc.ru

В статье рассматриваются взаимосвязи сюжетно-мотивной структуры рассказов книги Е. Шкловского «Та страна» и лирики Ф. Тютчева. Проза современного писателя вступает в диалогические отношения с поэзией классика, где-то пародируя известные стихотворения, где-то апеллируя к ним как к высшей правде о человеке. Интертекстуальные переключки становятся возможны благодаря общему и для поэта, и для писателя мотиву защиты от страха и от желаний.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, Е.А. Шкловский, современная русская литература, сюжет, мотив, литературная традиция

Нам уже доводилось писать о роли мотива *защиты* в произведениях Е. Шкловского [1; 2]. Этот мотив присутствует в каждом произведении писателя и оформляет в единое целое их смысловую структуру, так что точнее было бы говорить о *поэтике защиты*, поскольку эта семантика реализуется и в образах, и в хронотопе, и в сюжете, и в метафорах, и на тематическом уровне, и в субъектно-объектной организации и т.д. С этим мотивом тесно связаны и реминисценции в рассказах Е. Шкловского, в частности, из поэзии Ф.И. Тютчева, некоторые из них мы и рассмотрим.

Реминисценции из Тютчева используются в рассказах именно в той или иной стратегии защиты. В подавляющем большинстве случаев защита бесполезна, но, тем не менее, ее созданию посвящены все силы героев и автора. Логика здесь, возможно, та же, что и в стихотворении «Два голоса», т.е. в двунаправленности взглядов на одни и те же бесполезные – но не бессмысленные – человеческие деяния: «Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги: // Бессмертье их чуждо труда и тревоги; // Тревога и труд лишь для смертных сердец... // Для них нет победы, для них есть конец»

и «Пускай Олимпийцы завистливым оком // Глядят на борьбу непреклонных сердец. // Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком, // Тот вырвал из рук их победный венец! [3, с. 172] Быть побежденным тем, от чего защищался, – не конец, но победа «смертных сердец». Этот парадокс и является движущим импульсом поэтики Е. Шкловского.

Реминисценции из Тютчева многообразны. Так, они прослеживаются в «несобранном» цикле «ночных» рассказов книги «Та страна» [4]: «Угол», «Переход», «Стук», «Ночной звонок», «Крик», «Средство от бессонницы». Этот ряд рассказов объединен бессонницей и открывающимися с ней тайнами ночи. У Тютчева можно выделить читательский тематический цикл «ночных», «бессонных» стихотворений: «Бессонница», «Как сладко дремлет сад темно-зеленый...», «Видение», «Как океан объемлет шар земной...», «На мир таинственный духов...» и др. С пародийным переосмыслением стихов Тютчева о поэте и поэзии связан сюжет рассказа «Ласковый поэт».

Знаменитый тютчевский «Фонтан» отражается в рассказе «Шар», посвященном искусству выдувания мыльных пузырей: «мир был пойман в сеть, в блиста-

иющую взвесь мельчайших мыльных капелек» [Там же, с. 217]. Далее «ключ потерялся», но был обретен дочерью, и «мир снова был в шаре». Эфемерное совершенство создает защитную гармонию в мире, при этом отсутствует неизбежный конец мыльных пузырей – обычно они лопаются, здесь же – «даже когда шар лопался, он все равно оставался». В рассказе Шкловского шар «возносится ввысь», «наполняется голубизной неба, ... золотится и сверкает им из вышины». И по своим качествам – сверкание и сияние на солнце, многоцветье, слияние капель (пыль огнецветная) – он и напоминает о фонтане Тютчева, но без второй части – «ниспасть на землю осужден». Слепительная защита таинства жизни состоялась, пусть и на мгновения детства.

Создается ощущение, что сюжеты некоторых рассказов рождаются именно из зримых, живописных образов лирики Тютчева.

«Ангелы» – рассказ, построенный на переплетении двух внутренних монологов: одинокой пожилой сердечницы, защищающейся от тягот жизни искусством (музыка, картины: «человек ведь сживается с искусством, не оторвать» [Там же, с. 77]) и «ангелов» – врачей скорой помощи («Нельзя эту действительность воспринимать всерьез, только через защитную пленку... Словно не по-настоящему. Сочувствовать нельзя. Стоит только пожалеть этого идиота... – и все, ты готов, можно списывать» [Там же, с. 75]). «Самое трудное – вызвать их», хотя она и «сохранная» для больницы, врачи жаждут «дойти» пациентов за услуги. Героиня обманута, платя за помощь, она платит за смерть («мест очень мало, ... старых оставлять дома»), а ангелы уносят с собой ее защиту – «Краски и вправду хорошие. Радость жизни в них. Окошечки в другой, светлый и теплый мир. Она часто смотрит на них, особенно когда утреннее солнце часов в десять заглядывает в комнату – вспыхивают весело, словно оживают. Просто геометрические фигуры, чистая абстракция, но действует поразительно», «они почему-то взяли картины, ... непонятно почему».

Здесь сочетаются мотивы ангелов смерти, ангелов-хранителей, падших ангелов, просто ангелов небесных. Первые выдают себя за вторых, являясь на самом деле третьими, бессознательно стремясь стать четвертыми, – поэтика защиты, которая всегда требует сокрытия, определяет мотивную вариацию. Картины – «краски все такие мягкие, светлые», «ласковая теплота красок ослабляет их волю, целеустремленность и деловитость. <...> Фигуры. Цвета. Краски. Другое» [4, с. 75] – напоминают о стихотворении Тютчева об ангелах и красках «Хоть я и свил гнездо в долине...». Облака – изначальная, нерукотворная абстракция.

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, –
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно

Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога... [3, с. 223]

Ангелы уносят свое.

Последний раздел книги составляют рассказы любовной тематики, и в них тоже прослеживается Тютчев. Сюжет рассказа «Горькая сладость победы» – один из стариннейших комических сюжетов¹: любовное соперничество матери и дочери (или в более широком смысле юной девушки и ее пожилой наставницы, обычный сюжет для французской литературы XVII–XVIII вв.²). У Тютчева есть перевод из Гейне.

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой! –
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумье, хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глаза:
Который лакомей из двух?... [3, с. 358]

Ситуация, в которую попадает мужской персонаж этого рассказа, аналогична первым двум строфам; что касается финала, то расторопный герой не упустил ни одной возможности³. Ракурс видения смещен, персонаж «я» – здесь мать. Защищаясь от разрушительных действий дочери (мать «маниакально чистоплотна», «любит стиль» [4, с. 315]; «Елена считает обихожное пространство вокруг себя просто необходимым, чтобы чувствовать себя человеком. Чтобы иметь возможность расслабиться» [4, с. 316]) и от ее самозащиты («получает в ответ, что ее саму чистоплотность не спасло от одиночества (самое ее уязвимое место)»), от старости («упорно борется с возрастом») и гордости юности первой победой («у Маши появился парень»), она соблазняет при дочери предмет раздора. То, что сильнее всего уязвляло, создало не только несокрушимую защиту, но и разрушило мир разрушительницы, исходно – близкого человека. Первое предложение рассказа: «Мать и дочь – две формы одной сущности», – одновременно и последнее, оно повторяет заглавие, замыкая круг. Эта тяга к замыканию персонажа в круг сюжета (исходно круг очерчивали вокруг себя для защиты от темных сил, у Шкловского

¹ У А.П. Сумарокова есть комедия «Мать – совместница дочери» (1772). Тот же сюжет у раннего романа Джейн Остин «Леди Сьюзен» [5].

² То же у Киплинга в стихотворении «Моя соперница»: семнадцатилетняя героиня завидует пятидесятилетней, у ног которой все поклонники.

³ «...Благополучно отбыл, слегка ошалевший от привалившей удачи» [4, с. 319].

замыкание в себе и своей проблеме чревато саморазрушением персонажа и самоубийством), события часто отражаются и в композиционном расположении фраз, заголовков. Последний рассказ книги, например, называется «Первый».

Героиня «Расставаний» жаждет романтической сложности жизни, чтобы ее ждали и беспокоились о ней, поэтому она постоянно повторяет ритуал «Я ухожу». Это еще и ее защита от «положения зависимого и страдательного», в котором остается герой. Ее муж, напротив, воспринимает желание жены как агрессию против себя («начинает раздражать, вызывает досаду, скуку или тоску» [Там же, с. 306]). Поэтому он ищет способы спасения в показном равнодушии. Итог: «В следующий раз можно будет поменяться ролями: я буду уходить, а она останется. Любопытно, спросит ли она и что я отвечу, если отвечу и если она спросит» [Там же, с. 307]. Слишком хорошая защита от боли воображаемой превращает использующих ее в жертву боли реальной и непрестанной. Этот осадок, остающийся от «разлук» и отравляющий жизнь, сродни загадочному «покрывалу» Тютчева.

Как нас ни угнетай разлука,
Не покоряемся мы ей –
Для сердца есть другая мука
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Все то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится – и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас! [3, с. 280]

А., герой «Благородной души», в защиту от надоевших связей превращает угрызения совести, хотя, казалось бы, «болит и плачет», «душа не на месте» – синонимы незащитности, на самом же деле – прекрасный повод дать «задний ход» и не превращать «романтику» в грех и разврат. Тематически этот рассказ перекликается с «Расставаниями» и выглядит злой пародией на известное «философское» стихотворение Тютчева, написанное до Мандельштама и многочисленных рефлексий о разрывах Пастернака («и манит страсть к разрывам»).

В разлуке есть высокое значение –
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек... [Там же, с. 180]

«Угрызения совести» героя, «в соответствии с данной философской точкой зрения» [4, с. 338], претендуют на «высокое значение» и «пробуждают» «жадность» к жене, однако оказываются обычной пошлостью жизни.

Сюжет «Удостоенной» возникает из тематического рисунка тютчевских «Близнецов».

Есть близнецы – для земнородных
Два божества – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных –
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца –
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворажают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь
Не ведал ваших искушений –
Самоубийство и Любовь! [3, с. 156]

Героиню («лошадиное лицо, толстый нос, угреватая кожа»⁴ [4, с. 346]) «страстно любили» («неодолимая женская привлекательность», в которой сомневается рассказчик, – самозащита и нападение), а один от безответной любви (ей «тепло и спокойно от этого огонька, так что можно было вернуться к шахматисту» [4, с. 348]) покончил с собой. Бытовая неординарность ситуации (диковина, которой тешит гордость героиня) воспоминанием о Тютчеве переходит в некую универсалию бытия, искусы (совмещение страстного желания и страха последствий, отвержение защиты), испытанные каждым. В согласии с исходной заземленностью, рассказ упрощает загадку «близнецов», делая отношения любви и самоубийства логической последовательностью, защищается от сложности исходной тайны.

В рассказе «Будь мужчиной, Макс!» разбивает стены защиты временем сон: «Снова она ему снится» [Там же, с. 349]. Желание встречи с подругами юности соединяется в герое со страхом этой встречи, и пришедшим друзьям он просто не открывает дверь (постоянно воспроизводимая у Шкловского ситуация),

⁴ «Любовник страстный, видит, очарован, Елены красоту в цыганке смуглой» (Ф.И. Тютчев. «Любовники, безумцы и поэты... (Из Шекспира, 1)» [3, с. 354]).

наблюдая за ними из окна. Это лирическая тема стихотворения «Я встретил вас – и все былое...» [3, с. 283], только герой боится реальной встречи. Из сна «повеет вдруг весною и что-то встрепет в нас» – «как после вековой разлуки гляжу на вас, как бы *во сне*». *Смотреть* герой не отказывается, хотя «тех лет душевную полноту» в непосредственном общении с «девушками» переживает его друг.

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты [3, с. 283].

Есть тютчевские реминисценции и в рассказе, давшем заглавие всей книге. Слушательница на концерте, «с танцующими, как у Шивы или Вишну, руками» [Там же, с. 227] являет «себя как бы в самом ... сокровенном» («Та страна»). Рассказчик «заворожен», «я тоже хочу туда, в ту солнечную страну, где страсть и нега» [Там же, с. 226]. «В том и кроется порочность женщины (любой) – в способности к полному самозабвению и растворению. <...> К полной и совершенной самоутрате. Женщине открыт доступ в ту страну, где мужчина, увы, редкий и случайный гость. <...> Я ревновал ту страну или ее к той стране, о которой только догадывался по ее танцующим рукам-крыльям, уносящим ее все дальше и дальше» [Там же, с. 226–227]. Исполнительницей для рассказчика на самом деле является эта «менада», он *видит* ее душу, слыша скрипку, видит *свет*, ликующее освобождение от оков *этой* жизни («страны»). То же происходит с лирическим героем стихотворения Тютчева «Ю.Ф. Абазе», но в более традиционном варианте – при слушании певичы, и потому оборачивается более традиционным восхищением, а не противоречиями зависти, ревности, неприязни и полной поглощенности происходящим героя Шкловского.

Так – гармонических орудий
Власть беспредельна над душой.
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

.....
Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...

Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки – *душу живу*,
В них вашу душу слышим мы [3, с. 279].

Состояние героя самого длинного рассказа книги – «Мессия» – тоже родственно стихотворению

Тютчева. «Странно, но радость возвращения быстро сменяется тоской и сожалением, что я снова здесь. <...> Это очень тяжело – жить как на качелях» [4, с. 294].

О вещая душа мой!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жилица двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пуская страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые, –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть [3, с. 206].

Герой – «больной человек», он отказывается от помощи и любви женщины по имени *Вера*. Поставив крест на своей жизни («Моя карта бита. Надо понемногу отчаливать, а я все еще цепляюсь за этот мир»), он видит ангелов: расподобление слитного образа ангела-женщины, утешающего героя на закате дня его жизни из стихотворения «День вечереет, ночь близка...» («не так просто с собой сладить, подсознательно, я, видимо, все-таки надеялся, что Вера появится...»):

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, –
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..
Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.
Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, –
Но с страстной женскою душой [3, с. 183].

«Стекло холодит лоб, снежинки падают как будто прямо на лицо, на глаза, засыпают с ног до головы (вечеру, как концу жизни, соответствует зима. – М.Б.). Лицо мальчика обращено ко мне с той стороны стекла... Мы долго молча смотрим друг на друга... Мальчик прозрачный, как стекло, смотрит сквозь меня» [4, с. 288]. У него болезнь Магомета, «может, даже Христос» болел ею [Там же, с. 290]. Постоянные припадки, перед которыми его пронизывают «страх и напряжение» (матери страх за него «отравил годы»), переводят его через границу жизни и смерти: «Снова и снова проходить через муки рождения...» [Там же, с. 290]. В его откровениях источник человеческих бед – в желаниях: «Какой-то рок мешает им, они постоянно чего-то *хотят*, за что нужно непременно бороться, отталкивая других, впадают в отчаяние, делают подлости и

совершают преступления»⁵ [Там же, с. 290]. Из собственных желаний у него остается интерес к человеческим лицам («я западаю на лица») и поиск защиты, ведущий к противоречиям. «Она спасает меня, не давая мне окончательно замкнуться в моем одиночестве. Она поддерживает мое существование, готова для меня еду и ухаживая за мной. <...> Болезнь – мое убежище. С ее высоты (или, если угодно, из ее глубины) люди кажутся мне маленькими и глупыми. <...> Я должен быть одинок, как степной волк»⁶ [Там же, с. 292–293].

Из стихотворения «Двум сестрам» вырастает «Никто не ушел» – рассказ, варьирующий популярную в романтизме тему двойничества. Потеряв подругу, «мы» в годовщину встречаются с ее сестрой, ставшей неотличимо похожей на ушедшую. «Разговариваешь с ней и забываешь вдруг, что это вовсе не Т., а Л., и она не может помнить того, о чем ты с ней пытаешься разговаривать. Но она как будто помнит, кивая головой, или вспоминая подробности, непонятно каким образом ей известные» [Там же, с. 19].

Обеих вас я видел вместе –
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!
И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!.. [3, с. 75]

⁵ Осуждение человеческих страстей не с позиций века Просвещения, своеобразная вариация на тему «о пользе и вреде страстей», подобно «Посланию о пользе страстей» И. А. Крылова.

Какие мы ни видим перемены
В художествах, в науках, в ремеслах,
Всему виной корысть, любовь иль страх
.....
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить
.....
Хорош сей мир, хорош: но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей [6, с. 342–343, 346].

Там, где не было потребности в защите, можно было шутить (Крылов). Мессия, тоскующий об Эдеме, пугающий улыбкой и пристальным взглядом [4, с. 291] серьезен, как Будда – избавление от страданий в избавлении от желаний.

⁶ Как и во многих других случаях, герой не желает идти дальше начала избранного для рефлексии и аналогий текста. Здесь весь сюжет Гессе с выходом его героя в жизнь с любовью, игрой, искусством аннулируется, персонаж-«я», похожий «на французского актера Жерара Филиппа» не убивает возлюбленную, он последовательно и неуклонно отказывается от нее. Видимо, состояние защиты требует статичности – окопаться в мгновении, не дать ему перейти в следующее, ускользнуть в него, в длительность. Есть только заканчивающиеся начала, а не фабула с перипетиями – «в моем начале мой конец».

Но в отличие от героя Тютчева, в котором рождается любовь, герои Шкловского защищаются этим сходством от страха смерти, терзающего их: «первый звоночек», «думать об этом не хочется», – «никто не ушел»⁷.

Ф.И. Тютчев – гений, всю жизнь «защищавшийся» от собственного поэтического призвания, от настигавшей его любви⁸ и видевший опасность парадоксальным зрением даже там, где ее никто не видел. Все это очень близко авторскому миру Е. Шкловского и все это обуславливает необходимость прочтения «Той страны» с томиком Тютчева одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бологова М.А. Герменевтический круг «Цикла» Евгения Шкловского (современный текст в культурном контексте) // Семиозис и культура: методологические проблемы современного гуманитарного знания. Сыктывкар: Изд-во Коми гос. пед. ин-та, 2008. С. 98–102.
2. Бологова М.А. Мотивы Ф. Кафки в художественном мире Е. Шкловского // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. Т. 1. Ч. 1. С. 93–101.
3. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. 626 с.
4. Шкловский Е.А. Та страна. М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с.
5. Остин Дж. Леди Сьюзен // Иностранная литература. 2002. № 2. С. 150–198.
6. Крылов И.А. Послание о пользе страстей // Лиры и трубы. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. С. 342–346.
7. Кундера М. Бессмертие. СПб.: Азбука, 1996. 365 с. (Б-ка журнала «Иностранная литература»)
8. Эренбург И. Последняя любовь // Чудное мгновение. Любви лирика русских поэтов: В 2 кн. М.: Худ. лит., 1988. Кн. 2. 447 с.

⁷ Младшая сестра, заменяющая старшую и дублирующая ее как улучшенный вариант, – сюжетный мотив и, например, «Бессмертия» М. Кундеры. Экзальтированность и заземленность Лоры («голова, полная грез, устремлена к небу. А тело притянута к земле» [7, с. 259]) сродни героиням Шкловского, особенно таким, как Надя В. («Унесенная ветром»), Рита («Уроки английского»), героиням «Расставаний» и «Удостоенной».

⁸ У Эренбурга в стихотворении «Последняя любовь» (1965):

...Когда, исправный дипломат,
Был к хаоса жрецам причислен.
Он знал и молодым, что страсть
Не треск, не звезды фейерверка,
А молчаливая напасть,
Что жаждет сердце исковеркать.
Но лишь поздней, устав искать,
На хаос наглядевшись вдоль,
Узнал, что значит умирать
Не поэтически, а просто [8, с. 200].

Е.Е. МАЛИНИНА* М.В. СЕМЕНОВА**

ОБРАЗ ГЕРОЯ В ЯПОНСКОМ ЭГО-РОМАНЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ТАЯМА КАТАЙ)

*канд. филол. наук, доцент кафедры востоковедения
гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета,
e-mail: malininae@yandex.ru

**выпускница отделения востоковедения гуманитарного факультета
Новосибирского государственного университета (НГУ),
e-mail: ms.semenovamariya@gmail.com.

Проблема определения жанра эго-романа в японской литературе включает в себя, в частности, проблему выявления художественных способов изображения героя. В настоящей работе предпринята попытка выделить некоторые из таких приемов изображения главного персонажа на материале произведений Таяма Катай – крупного писателя начала XX в., основателя жанра эго-романа в японской литературе.

Ключевые слова: японская литература, эго-роман, Таяма Катай.

В начале XX в. в Японии появляется новый жанр – *ватакуси сёсэцу*, или *сисёсэцу*, название которого традиционно переводится на русский язык как «повесть о себе», «роман о себе», или «эго-роман». И хотя жанру этому суждено занять ведущее место в японской литературе последующих десятилетий, проблема его определения остается одной из важнейших в японской филологии.

Российские и зарубежные исследователи практически единодушно называют родоначальником японского эго-романа крупного писателя начала XX в. Таяма Катай (1872–1930). Мияути Тосисукэ указывает, что термин «*ватакуси сёсэцу*» прочно вошел в литературоведческий оборот между 1917 и 1925 гг., причем японские критики с самого начала считали именно Таяма Катай основателем данного жанра (см. [2, с. 174–175]). Однако основные произведения писателя, традиционно относимые к *ватакуси сёсэцу*, были написаны между 1907 и 1917 гг. К тому же нет никаких свидетельств о том, что писатель целенаправленно стремился создать принципиально новый литературный жанр. Исходя из этого, логично предположить, что в основу японского эго-романа легли особенности индивидуальной творческой манеры писателя, в том числе способы и приемы изображения внутреннего мира человека, рассмотреть которые и входит в нашу задачу.

В центре внимания *ватакуси сёсэцу* находится личность с ее сложным внутренним миром и душевными метаниями. Однако в научной дискуссии по поводу определения жанра эго-романа особенности ее изображения определяются по-разному. Т. Судзуки указывает, что жанр эго-романа определяется обычно или через условный критерий «искренности», правдивости и автобиографичности произведения, или же

через круг определенного рода тем (см. [1]). Иначе говоря, основным художественным способом изображения главного героя в эго-романе являются максимальная подробность и точность в передаче его эмоций, стремление автора ничего не утаить от читателя и ничего не приукрасить. Не менее важный критерий определения жанра эго-романа, по мнению Судзуки, – чрезвычайно узкая сфера бытия героя, включающая в себя только его семейную и личную жизнь. Нам представляется, однако, что художественные способы изображения человека в эго-романе более сложны и в значительной степени обуславливают признаки жанра.

Необходимо отметить в первую очередь то, что читатель погружен в художественную реальность *ватакуси сёсэцу* через мысли и эмоциональное состояние одного только главного героя. Мысли же и чувства прочих персонажей оказываются на периферии повествования, становясь известными лишь тогда, когда о них сообщено кем-то главному герою. В любом произведении Таяма Катай – от небольшого рассказа до исторического романа – без труда можно определить, чьими глазами читатель видит воссозданную в произведении картину мира. Сوما Цунэо, анализируя структуру повести «Постель», пишет: «Основное отличие “Постели” с точки зрения структуры в том, что в повествовании разграничены внутренний мир главного героя, Такэнака Токио, и то, как его воспринимают со стороны окружающие. Читатель же с самого начала оказывается на месте главного героя, глубоко погружаясь в его внутренний мир, чего совершенно нельзя сказать об остальных персонажах произведения» [3, с. 144–145].

К мнению Сوما Цунэо апеллирует и Киси Норико, детально исследовавшая проблему фигуры рассказ-

чика в повести «Постель» (см. [4, с. 87–91]). Наиболее интересным для нас является следующий вывод исследователя: несмотря на то, что повесть написана от третьего лица, во фрагментах, отображающих мысли и чувства главного героя, Таяма Катай фактически смешивает повествование от первого и от третьего лица. В качестве убедительного, на наш взгляд, примера предлагаем отрывок из второй главы повести, где в дом главного героя переселяется его молодая, красивая ученица:

Первый месяц она жила в доме Токио. Волшебный голос, обворожительная фигура, как это было не похоже на прежнюю его унылую, одинокую жизнь! Она с живостью принялась помогать жене, только что вставшей с постели после родов: вязала носки и шарфы, шила кимоно, играла со старшими детьми. Токио словно бы еще раз вернулся в медовый месяц, и когда он, возвращаясь домой, только подходил к воротам, сердце его начинало взволнованно биться. Открываешь дверь – и вот оно, прекрасное улыбающееся лицо, и фигурка в богато украшенном ярком кимоно. Раньше он еще острее чувствовал свое одиночество, когда по вечерам жена и дети спали, как убитые, а он напрасно жег лампу в комнатке в шесть татами. Теперь же, как поздно ни придешь домой, а у лампы всегда ловко что-то вяжут белые руки, и на коленях лежит клубочек яркой шерсти! Веселый, смеющийся голос наполнил собою домик в Усигомэ, обнесенный хворостяным плетнем [5. С. 16].

В переводе данного отрывка мы попытались передать глаголами в форме 2-го лица единственного числа специфическое явление японского языка: при отсутствии категории числа и лица и возможности опущения подлежащего в предложении могут отсутствовать грамматические маркеры того, от чьего лица ведется повествование. Предположение Киси Норико о том, что в подобных случаях в романе можно говорить о повествовании от первого лица, основано на стилистическом отличии аналогичных предложений. Для графики японского языка в целом мало характерно использование восклицательного знака (см. [6, с. 101–102]). В основном Таяма Катай пользуется этим знаком для максимального приближения прямой речи персонажей к разговорной. Так, например, экспрессивность рассматриваемых предложений и разговорность употребляемых в них синтаксических конструкций отображают смешение речи автора с внутренним монологом главного героя в романе «Семейные узы»: «В его голове как будто бушевала буря. Представлялись самые разные картины. Этот позор останется со мной и после смерти!» [7, с. 132]; «Уже четвертый месяц... Да, может быть, уже и пятый. Киёси довольно хорошо понимал, как чувствует себя беременная женщина» [Там же, с. 138]. Таким образом, в повествование от третьего лица «врезаются» не оформляемые как прямая речь мысли главного героя, но *только* главного героя. Покажем это на примере из романа «Жизнь», в котором автор уделяет большое внимание переживаниям своего персонажа, мать которого смертельно больна:

Сердце Тэцуносукэ переполняли разные чувства, он не мог отделаться от ощущения, что беременность жены была чем-то безнравственным, грешным. Вот не зря в старину было принято, чтобы в течение трех лет после смерти родителей супруги спали в разных комнатах. Ведь человек, потерявший родителей, не должен чувствовать ничего, кроме боли и печали. Старое китайское учение о морали с новой силой отозвалось в сердце Тэцуносукэ, и это весьма удивило его самого [8, с. 137].

Одним из наиболее глубоких по проникновению в психологию героя произведений Таяма Катай является повесть «Сельский учитель». Внутренний мир прочих персонажей остается для нас полностью закрытым, читатель не знает, какие чувства они переживают, каковы истинные мотивы их поступков – о них можно судить лишь по реакции на них героя:

Надменная речь старосты больно задела гордость молодого человека ... Он подумал: какой противный, самодовольный тип, ведь, в сущности, он всего-навсего крестьянин, ничего особенного в своей жизни не сделал, пусть даже он богат, но это не дает ему права так нагло себя вести. И ему совершенно наплевать, что вступление молодого человека на преподавательскую стезю и во взрослую жизнь откроется столь холодным занавесом [9, с. 12–13];

Люди, умирающие в полях в страшных мучениях... Для них, наверное, слава не имеет никакого значения. Хочется еще раз увидеть родителей. Хочется увидеть родину. Хочется увидеть дом. Но даже эти люди счастливее меня – больного, безо всякой надежды лежащего в постели... Так думал Сэйдзо, размышляя о соотечественниках, лежащих в далеких пустынных полях Маньчжурии [9, с. 259].

Этот художественный прием, как справедливо отмечает Т. П. Григорьева, – следствие установки писателя на непознаваемость мира, субъективность его восприятия индивидом (см. [10, с. 330–331]). Подобно тому, как в реальной жизни человек не способен проникнуть в мысли и чувства окружающих, так и в художественном произведении автор (а вслед за ним и читатель), по мнению Таяма Катай, не вхож в глубины души «другого». Повествовательную технику, используемую японским писателем, невольно хочется сопоставить с поэтикой потока сознания, акцентированной на изображении я-сознания. Фредерик Рихтер замечает, что передача ощущений героя в сочинениях Таяма Катай «по сути, является не разработанным еще в полной мере приемом потока сознания, хотя и не претендует на воспроизведение необработанных мыслей человека» [11, с. 87]. В контексте романа потока сознания прочитывается, например, фрагмент из рассказа «Рядовой»:

«Ружье было тяжелым, рюкзак был тяжелым, ноги были грузными и плохо слушались, алюминиевый котелок, ударяясь о меч на бедре, противно лязгал. Этот звук постоянно раздражал взвинченные нервы, но, сколько не пытался он исправить это, котелок все равно лязгал. Противно лязгал. Этот лязг уже осточертел» [12, с. 106].

Сюда же вписываются воспоминания, вспышки чувств героев, которые также занимают в произведениях писателя важное место. Часто используются выражения: «в голове проплыли», «перед глазами появились», «он вспомнил, как», «перед глазами вновь ожило», «перед глазами стояли» и т.д.

Итикава Хироаки при анализе структуры повести «Старый вокзал» приходит, однако, к выводу о том, что между сознанием биографического автора и автора текста сохраняется некий зазор, что не дает увидеть произведение «воплощением сознания Катай» [13, с. 38]. Это замечание кажется нам весьма существенным. При определении жанра эго-романа исследователи часто приравнивают фигуру рассказчика к личности самого автора. Так, Кенсиро Хомма пишет: «Несмотря на то, что в романе “Расстрел рядового” повествование ведется от третьего лица, а повествование во многом объективно, эмоциональная наполненность произведения позволяет отнести его к жанру *ватакуси сёсэцу*. Ётаро, будучи совершенно не похожей на Катай личностью, не может быть отделен от эмоций Катай. Субъективизм превалирует в повести, и с точки зрения выражения внутреннего мира, мы можем сказать, что Катай и Ётаро есть одно и то же лицо» [14, с. 81–82]. Образ Ётаро, однако, не списан с автора романа – Таяма Катай не дезертировал из армии, не совершал преступлений, не попадал в тюрьму и т.д. Важно подчеркнуть, что во многих произведениях Таяма Катай *протагонист не может быть напрямую связан с личностью автора, можно говорить лишь о их внутренней близости*.

Позиция максимальной субъективности обуславливает также и специфическое изображение второстепенных персонажей в произведениях Таяма Катай: как отмечалось выше, мы их видим, главным образом, через восприятие героя. Так, Мияути Тосисукэ, исследовавший женские образы в повести «Постель», отмечает, что читателю практически ничего не известно о личности жены героя, ее характере, отношениях с другими персонажами (см. [15, с. 29–30]). Все ее описание предложено нам исключительно через призму мироощущения главного героя, Такэнака Токио:

Когда-то любимая девушка – теперь жена. Раньше он действительно любил ее, но теперь сам дух времени изменился. Четыре-пять лет назад начался резкий подъем женского образования, стали открываться женские институты, студентки начали носить брюки хакама* и прически западного стиля. Теперь уже не увидишь девушку, которая бы постеснялась идти рядом с мужчиной. Больше всего на свете Токио жалел о том, что в этом новом мире ему придется прожить свою жизнь с женой, носящей старомодную традиционную прическу и семенящей голубиной походкой, у которой и нет никаких других достоинств, кроме кротости и целомудрия. Красивые, современные девушки, дружно

*Хакама – элемент традиционной японской одежды, широкие брюки-шаровары. До европеизации Японии во второй половине XIX в., женщинам несколько столетий запрещалось носить брюки.

гуляющие с мужьями по улицам, молодые жены, свободно поддерживающие веселый разговор, когда к мужу зашли друзья – и его жена, даже не пытавшаяся читать произведения, с кровью и потом написанные мужем, и абсолютно равнодушная к его мучениям и страданиям. Только бы воспитывать в достатке детей – а больше ей ничего и не нужно. Когда Токио сравнивал ее с другими женщинами, ему хотелось просто кричать от тоски и одиночества [5, с. 15–16].

То же можно сказать и о возлюбленной героя, его ученице Ёсико:

Лицо ее было не столь красиво, сколько выразительно, но временам оно могло быть удивительно прекрасным, но бывали и моменты, когда на него было как-то неприятно смотреть. Глаза ее сверкали, и это производило сильное впечатление. Четыре-пять лет назад женщины редко выражали эмоции на лице, злость, смех – еще два-три выражения, и только. Сейчас же появилось много девушек, умеющих искусно выражать эмоции своим лицом. Токио по обыкновению думал, что Ёсико была как раз одной из таких девушек [5, с. 20].

В повести «Сельский учитель» главный герой, молодой человек с неустроенной жизнью, встречает старого товарища, с которым давно не виделся:

Кобата, по сравнению с былыми временами, сильно располнел. Он отрастил густую бороду, которая ему очень шла. Форменная одежда учителя в старшей школе тоже была ему к лицу. По-прежнему жизнерадостным голосом он сказал: «А ведь такая жизнь – она мне нравится!» [9, с. 213].

В рассказе «Господин S и его жена» О-Мото, девушка, в которую влюбился господин S, описывается следующим образом: «Если говорить об О-Мото, то, по сравнению с женой господина S, это была девушка добрая, кроткая, словно выросшая в тени трава» [16, с. 79]. Никакой собственной характеристики как личность она, что весьма характерно, не имеет.

Кроме того, описание героя, чаще всего главного, может быть составлено как будто бы со слов окружающих – то, что об этом человеке, например, могла рассказать соседка. Посмотрим, как Таяма Катай представляет нам главного героя рассказа «Одержимость»:

На вид ему было лет тридцать семь-тридцать восемь, сутулый, довольно темнокожий, с приплюснутым носом и торчащими зубами, бакенбарды как-то неприятно покрывали половину лица, на первый взгляд внешность его казалась отталкивающей настолько, что молоденькие девушки пугались, столкнувшись с ним днем. Однако взгляд его был кротким и добрым, казалось, будто он постоянно смотрит на что-то с восхищением [17, с. 668].

Описание героя в подобном случае является в своем роде отражением общественного мнения. В качестве не менее убедительного примера приведем отрывок повести «Чудо одного монаха»:

Новому настоятелю было года сорок два-сорок три, у него была короткая стрижка, очки с сильными линзами в металлической оправе, на однослойное кимоно надет муж-

ской пояс, – если взглянуть на него, то никак не подумаешь, что этот человек может быть буддистским монахом» [18. С. 8].

А вот как выглядит в описании Таяма Катай брат мужа главной героини в романе «Жена»:

Хозяину дома было лет тридцать семь-тридцать восемь, среднего телосложения, с чудесными густыми волосами, всегда одетый в хаори* в желтую полоску, любящий повозиться с миниатюрными деревьями бонсай, он сразу казался очень добрым человеком. Его ценили как человека всегда улыбчивого и жизнерадостного, вежливого в обращении с кем бы то ни было. К тому же он был очень отзывчив, и когда к нему обращались за советом, каким бы сложным ни было дело, он всегда внимательно выслушивал и давал совет, поэтому местные замужние дамочки отзывались о нем как о замечательном господине [19, с. 266–267].

Герой, таким образом, воспринимается как бы со стороны: глазами друзей, соседей, общества, хотя в то же время описание его и включает в себя некоторую оценку: «добрый», «отзывчивый», «замечательный»... Рассказчик при этом намеренно не ставит своей целью объективное многомерное изображение персонажа.

Таким образом, среди художественных способов изображения человека в эго-романе Таяма Катай мы можем выделить, на наш взгляд, некоторые из наиболее существенных. В первую очередь, читатель входит в повествование с позиции главного героя, вне зависимости от того, от чьего лица оно ведется. Для передачи ощущений героя используется прием, близкий к приему потока сознания, имитирующий внутреннюю ментальную жизнь человека. Все второстепенные персонажи показаны в преломлении субъективного восприятия главного героя; читателю неизвестны их мысли, чувства и мотивы поступков, если, конечно, о них не сообщается герою или он не догадывается о них по внешним признакам. Образы второстепенных персонажей не самостоятельны, а представляют собой отражение эмоций протагониста. И, наконец, изображение самого главного героя строится по принципу воссоздания условного «общественного мнения» о данном персонаже.

Вышеперечисленные приемы обусловлены мировоззренческой позицией автора, близкой к крайнему субъективизму и агностицизму. Можно сказать, что конструирование реальности художественного текста как воспроизведения субъективного мироощущения индивидуума и есть основной принцип жанра *ватакуси сёсэцу*. Эго-роман построен на основе изображения мироощущения отдельно взятой личности, что иногда вводит в заблуждение исследователей, пытающихся отождествить героя и автора произведения. *Ватакуси сёсэцу* не является романом *автобиографическим* и не обязательно основан на реальных собы-

тиях из жизни автора. Но именно его «искренность и правдивость», т.е. комплекс принципов художественного изображения, направленных на наибольшую достоверность воссоздания внутренней ментальной жизни человека, принесли жанру эго-романа чрезвычайно высокую популярность в Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Suzuki Tomi. Narrating the self. Fictions of Japanese Modernity. Stanford University Press, 1996. 248 с.
2. *Мияути Тосисукэ*. Сидзэнсюги сисёсэцу-но кэнкю: [Историография изучения натурализма и эго-романа] // Нихон киндай бунгаку-о манабу хито-но тамэ ни [Изучающим японскую литературу Нового времени] / Под. ред. Уэда Хироси, Кимура Кадзуаки, Накагава Сигэми. Токио: Сэкай сисо:ся, 1997. С. 171–176.
3. *Сома Цунэо*. Кайсэцу [Послесловие] // Таяма Катай. Футон. Иппэйсоцу [Постель. Рядовой]. Токио, Иванами бунко, 2007. С. 142–150.
4. *Киси Норико*. Таяма Катай: сакухин кэнкю: [Таяма Катай: анализ произведений]. Токио, Собунся сёппан, 2003. 285 с.
5. *Таяма Катай*. Футон [Постель] // Таяма Катай. Футон. Иппэйсоцу [Постель. Рядовой]. Токио: Иванами бунко, 2007. С. 6–104.
6. *Данилов А. Ю., Сыромятников Н. А.* Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М.: Восток-Запад, 2004. 112 с.
7. *Таяма Катай*. Эн [Семейные узы] // Катай дзэнсю дайни маки [Собр. соч. Таяма Катай. Т. 2]. Токио: Катай канко:кай, 1923. С. 3–309.
8. *Таяма Катай*. Сэй [Жизнь] // Катай дзэнсю: дайитимаки [Собр. соч. Таяма Катай. Т. 1]. Токио, Катай канко:кай, 1923. С. 3–218.
9. *Таяма Катай*. Инака кё:си [Сельский учитель]. Токио: Синтё: бунко, 2006. 304 с.
10. *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция. М.: Глав. ред. восточной литературы Изд-ва «Наука», 1979. 368 с.
11. *Richter Frederic*. A thematic analysis of representative works by Tayama Katai. Indiana University, Ph. D, 1972. 185 с.
12. *Таяма Катай*. Иппэйсоцу. [Рядовой] // Таяма Катай. Футон. Иппэйсоцу [Постель. Рядовой]. Токио: Иванами бунко, 2007. С. 106–132.
13. *Итикава Хироаки*. Таяма Катай «Козэки» рон но:то [К вопросу о структуре повести Таяма Катай «Старый вокзал»] // Гакуэн. Вып. 791. Токио, Showa Women's University, 2006. С. 30–41.
14. *Homma Kenshiro*. The literature of naturalism. An East–West comparative study. Maruzen Kyoto Publishing Center, 2004. 470 с.
15. *Мияути Тосисукэ*. Таяма Катай рон ко: [Анализ произведений Таяма Катай]. Токио: Собунся сёппан, 2003. 440 с.
16. *Таяма Катай*. S-то соно цума [Господин S и его жена] // Катай дзэнсю: дайкю:маки [Собр. соч. Таяма Катай. Т. 9]. Токио: Катай канко:кай. 1923. С. 72–107.
17. *Таяма Катай*. Сё:дзёбё: [Одержимость] // Катай дзэнсю: дайитимаки [Собр. соч. Таяма Катай. Т. 1]. Токио: Катай канко:кай, 1923. С. 667–687.
18. *Таяма Катай*. Ару со-но кисэки [Чудо одного монаха] // Катай дзэнсю: дайкю:маки [Собр. соч. Таяма Катай. Т. 9]. Токио: Катай канко:кай. 1923. С. 3–71.
19. *Таяма Катай*. Цума [Жена] // Катай дзэнсю: дайитимаки [Собр. соч. Таяма Катай. Т. 1]. Токио: Катай канко:кай, 1923. С. 221–517.

* Хаори – вид традиционной верхней одежды, накидка-кимоно, полы которой не сходятся на груди.

Е.Ю. КУЛИКОВА

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ» В «ЗАБЛУДИВШЕМСЯ ТРАМВАЕ» Н. ГУМИЛЕВА

канд. филол. наук,
заведующая кафедройНовосибирского государственного педагогического университета,
e-mail: kulis@mail.ru

В статье центральный мотив трамвая увиден сквозь призму вариаций литературных кораблей-призраков и, главным образом, «Летучего Голландца». Онтологическое плавание героя стихотворения – путь в царство Аида на своего рода лодке Харона рассмотрен на фоне новелл Э. По и В. Гауфа о кораблях-призраках, «Берлинского» В. Ходасевича, «Воздушного корабля» М. Лермонтова и «Geisterschiff» Й.К. Цейдлица. Данный ракурс анализа позволяет увидеть последнее «стихотворение-завещание» Гумилева в рамках постоянных в его творчестве мотивов странничества и путешествий.

Ключевые слова: лирический сюжет, композиция, мотив, путешествие, корабли, трамвай, легенда о «Летучем Голландце».

«Заблудившийся трамвай» – одно из самых загадочных стихотворений Н. Гумилева. Оно неоднократно исследовалось в литературоведении, о нем писали Э. Русинко, И. Мезинг-Делик, Р. Тищенко, Л. Аллен, Ю. Кроль, Ю. Зобнин, Е. Сливкин и др. Трамвай у Гумилева соединил черты всех механизмов начала XX в., описывавшихся в литературе (трамвая, поезда, самолета). В стихотворение, помимо этого, включен важный для поэта оттенок плавания онтологического – пути в царство Аида на своего рода лодке Харона.

Значение морских путешествий в лирике Гумилева – вопрос глубоко изученный, однако невозможно не увидеть в «Заблудившемся трамвае» ассоциаций такого рода. Исследователи творчества Гумилева указывали на некоторые косвенные отсылки к теме морских путешествий (Л. Аллен, Д. Яцутко). О мотивах кораблей-призраков в лирике Гумилева упоминали критики и исследователи творчества поэта, отмечая сходство с образами Э. По, Ш. Бодлера, А. Рембо, Р. Киплинга. Мы попробуем доказать близость заблудившегося трамвая к кораблям-призракам и, главным образом, к «Летучему Голландцу».

Появлению трамвая предшествуют «дальние громы», и уже в первой строфе отмечается, что трамвай *летит*, подобно «Летучему Голландцу». В третьей строфе вводится образ морской бури. Двойная крылатость странного трамвая подчеркнута снова, только летучесть переадресуется буре. Связь «Летучего Голландца» со страшными ураганами, бурями обыгрывается в литературе неоднократно (в новеллах По «Рукопись, найденная в бутылке»¹ и «Низвержение в

Мальстрем»², в «Рассказе о корабле привидений» Гауфа³ и др.). В «Рукописи...» Э. По таинственный корабль первый раз появляется «at a terrific height... and upon the very verge of the precipitous descent»⁴. Он идет «under a press of sail in the very teeth of that supernatural sea, and of that ungovernable hurricane»⁵, подобно тому, как трамвай в стихотворении Гумилева нарушает законы земного тяготения. Трамвай летит, отвергая закономерность своего пути, тем самым сближаясь с образами кораблей-призраков.

Герои, видящие «Летучего Голландца», как правило, в эпицентре бури, то поднимаются на гребне волн⁶, то летят вниз⁷. Корабль-призрак оказывается

² «In less than a minute the storm was upon us – in less than two the sky was entirely overcast – and what with this and the driving spray, it became suddenly so dark that we could not see each other in the smack. Such a hurricane as then blew it is folly to attempt describing» («Не прошло и минуты, как на нас налетел шторм, еще через минуту небо полностью заволочло, и из-за этого и непрерывающегося потока брызг, внезапно наступил такой мрак, что мы перестали видеть друг друга в нашем паруснике. Бессмысленно и пытаться описать начавшийся ураган»)

³ «Aber vergebens! Zusehends brauste der Sturm auf, und ehe eine Stunde verging, krachte das Schiff und blieb sitzen... Fürchterlicher tobte der Sturm» («Откуда ни возьмись налетела буря, и не прошло даже часа, как корабль наш затрещал и застыл на месте... Буря бушевала все сильнее»)

⁴ «на ужасающей высоте... на самом краю обрывистого спуска».

⁵ «спускался по ветру под давлением парусов вопреки этому сверхъестественному морю и неуправляемому урагану»

⁶ «as if into the sky» («словно в самое небо») – в «Низвержении в Мальстрем» По.

⁷ «And then down we came with a sweep, a slide, and a plunge, that made me feel sick and dizzy, as if I was falling from some lofty mountain-top in a dream» («И тогда мы полетели вниз, скользя и погружаясь в воду, отчего я ощутил тошноту и головокружение, как будто я падал во сне с какой-то высокой горы») («Низвержение в Мальстрем» По).

¹ «In the next instant, a wilderness of foam hurled us upon our beam-ends, and, rushing over us fore and aft, swept the entire decks from stem to stern» («В следующее мгновение, огромная масса пены бросила нас на бок и промчавшись от носа до кормы, смела все с палубы»), «the extreme fury of the blast» («беспредельная ярость... вихря»), «the immense pressure of the tempest» («страшный натиск бури»), «breath of the hurricane» («дыхание урагана»).

сверху, он доминирует над терпящими крушение морскими кораблями. Именно такое впечатление создает Гумилев, называя основные слова-сигналы, связанные с мотивами кораблей-призраков.

В «Рассказе о корабле привидений» Гауфа подчеркивается неожиданное и стремительное появление корабля: «Auf einmal schwebte ein Schiff, das wir vorher nicht gesehen hatten, dicht an dem unsrigen vorbei»⁸. Внезапность возникновения – одно из свойств «Летучего Голландца» и трамвая («Вдруг услышал вороний грай...»). Огненная дорожка, которую он «оставлял в воздухе», помимо обыкновенного объяснения (электрические искры), может быть увидена как молнии, разрезающие небо при буре, служащие фоном для появления «Летучего Голландца». «Искры трамвая издавна обросли «астральными ситуациями... Самое обычное сближение из небесной сферы – молнии» [2, с.137]. Аллен спрашивает, «не является ли эта *огненная дорожка* образно-смысловым источником заглавия целой книги «Огненный столп» [1, с.116]. Исследователь называет «фантомный трамвай... Летучим Голландцем земной суши» [1, с.123]. Взаимоналожение различных пространств неоднократно отмечалось учеными, подчеркивая же, что Гумилев практически контаминирует землю и воду, сливая воедино двойственные образы трамвая и корабля. Подобный прием применялся В.Ходасевичем в стихотворении «Берлинское»:

...за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом –
Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб.

Оба поэта видят трамвай соединяющим в себе черты транспорта сухопутного и водного. Он принадлежит одновременно двум стихиям.

«Бездна времен», открывающая просвет бытия в «Заблудившемся трамвае», где оказывается герой, соответствует «потерянному» в пучине времен «Летучему Голландцу». Он блуждает вне времени и границ. Русинко рассматривает стихотворение с точки зрения бергсонского представления о времени: «Having crossed the rivers, the persona finds himself in «the abyss of time», where all sense of sequential chronology is lost»⁹ [4, с. 387–388]. Аллен отмечает, что «на читателя воздействует тщательно продуманный эффект парамнезии (иллюзия уже пережитого и увиденного, обманчивая локализация во времени и пространстве)» [1, с. 128].

⁸ «Вдруг, совсем близко от нас, пронесся корабль, которого мы раньше не видели»

⁹ «Переехав через реки, лирическое «я»... оказывается в «бездне времен», где утрачено всякое ощущение последовательной хронологии».

Вагоновожатый, к которому взывает герой, – вероятно, рок, поэтому невозможно противиться странному «полету» трамвая; в то же время вагоновожатый – это и капитан заблудившегося в бездне времен трамвая-корабля. Вагоновожатый не слышит крика героя, подобно тому, как капитан и матросы «Летучего Голландца» не видят живых людей, попавших на их корабль. Это характерная черта в описании кораблей-призраков. В «Рукописи...» Э. По герой, оказавшийся на странном корабле, пишет в дневнике: члены экипажа «they pass me by unnoticed. Concealment is utterly folly on my part, for the people will not see»¹⁰. В «Корабле призраков» Гауфа о капитане сказано: «er aber schien gar nicht auf die Türe zu achten, die uns verbarg»¹¹.

Хронотоп «Заблудившегося трамвая», виртуальный и провидческий, обращен и в прошлое, которое необычайно ярко проступает в тексте, – через цветные выпуклые личные воспоминания и архетипические образы. Этапы пути летящего сквозь бурю трамвая – картины воспоминаний героя, а пространство сдвигается будто в сторону от морского. Крупными кадрами идут «стена», «роща пальм» и три моста – «через Неву, через Нил и Сену». Четвертая строфа построена как перечисление различных возможностей движения: «обогнули стену», «проскочили сквозь рощу пальм», «прогремели по трем мостам». Это не морской, но и не трамвайный путь. Зато как «мелькание» кадров в памяти – вполне объяснимое явление, напоминающее сновидение, где одно пространство неожиданно сменяется другим.

Обитатели кораблей-призраков уходят из реального мира и застревают в межпространстве, где нет времени, и либо вечно повторяются одни и те же события, предшествующие трагедии, а каждую ночь обыгрывается гибель экипажа; либо герои просто застревают в безвременье, потеряв всяческую связь с реальным миром. В стихотворении Гумилева события всплывают вне временной последовательности, поступки очерчиваются вне логики их совершения, и образы заполняют сознание лирического героя, то надвигаясь совсем близко, то мелькая, как за «оконной рамой». Поэт помещает лирического героя внутрь трамвая-призрака и заставляет видеть свою жизнь в картинах, словно реально возникающих за окном. Одни видения отображают случившееся с героем, другие приходят из будущего, из прочитанных книг, воплощенных мечтаний. Видения приближаются и отдаляются, обретают контрастные цвета, наполняются лирическим переживанием.

В пятой строфе возникает анахронический образ старика, умершего в Бейруте год назад. Бейрут пробуждает восточные ассоциации, возможно, по аналогии со сказками Гауфа, действие которых обычно раз-

¹⁰ «проходят, не замечая меня. Прятаться было бы с моей стороны чистейшим безумием, ибо они меня не желают видеть».

¹¹ «он же, по-видимому, не обращал внимания на дверь, за которой мы скрывались».

ворачивается на Востоке. Ориентализм немецкого романтика отчасти переходит в гумилевский текст, тем более что Гауф обрабатывал легенду о «Летучем Голландце» не только в «Рассказе о корабле привидений», но и в «Стинфольской пещере», сюжетом которой служит поиск затонувшего амстердамского корабля «Кармилхан». Кроме того, Бейрут – крупный восточный порт. Хотя старик мелькает за оконной рамой, более близкой трамвайному локусу, его смерть связывается со случайной остановкой «летучего трамвая» в одном из восточных портов¹². Бейрут оказывается в фокусе морских странствий: старик умер как раз тогда, когда заблудившийся трамвай заходил в порт, но только здесь и сейчас лирический герой может увидеть старика за окном, потому что сам попадает в межвременье.

Следующая остановка – вокзал, где продают билеты в Индию Духа. В. Топоров отметил совмещение «хронотопически определенного с тем неопределенным пространством мистического, где так легко совершаются переходы от *этого* к *тому*, к *иному*, где граней и перегородок практически нет и открывается то дальновидение, которое не что иное как глубоководие, узрение духа-идеи... откровение своей и... петербургской, российской судьбы» [3, с. 305]. Порт Бейрут сменяется вокзалом, что переводит морское пространство в железнодорожное, близкое трамваю и почти противоположное ему, так как *летучий*, мистический трамвай Гумилева движется вне времени и пространства. Восточные мотивы, оставаясь в названии, подменяются западными, напоминая о творчестве поэтов и философов иенской школы. Индию Духа Гумилев мог понимать и как воплощение своих мечтаний о путешествиях в экзотические страны, не обязательно реальных, но и сочиненных.

Образы, всплывающие в прозрении героя в двух следующих строфах, наиболее загадочны. Аллен пишет: «*Мертвые головы* наглядно намекают на кровавые события гражданской войны, при этом возникает ассоциация расправы с пугачевским восстанием...» [1, с.124]. Ученый проводит параллель со сном Гринева из «Капитанской дочки»: «Мужик... выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны... Комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах». Кровавые образы – один из штрихов трагедии «Летучего Голландца» как наказание, которое вынуждены претерпеть моряки. Они ссорятся, убивают друг друга, а потом возрождаются в качестве вечно живых мертвецов. Такова трактовка Гауфа: когда герои поднимаются на борт странного корабля, то видят, что «*der Boden war mit Blut gerötet, zwanzig bis dreißig Leichname... lagen auf dem Boden, am mittleren Mastbaum stand ein Mann, reich gekleidet,*

den Säbel in der Hand, aber das Gesicht war blaß und verzerrt, durch die Stirn ging ein großer Nagel, der ihn an den Mastbaum heftete, auch er war tot»¹³. В стихотворении Гумилева есть палач («в красной рубашке, с лицом, как вымя»), цвет его рубашки оксюморонно сочетается с вывеской:

...кровью налитые буквы
Гласят: «Зеленная».

«Негативная оценка крови... единичный случай в творчестве Гумилева, – пишет Аллен. – Красный цвет – цвет крови... всегда пленял его, оказывая на его воображение какое-то гипнотическое действие» [1, с. 125–126]. И его сочетание с зеленым, даже не цветом, а сутью (название магазина, где продают овощи), смещает акценты. В стихотворении Гумилева «Детство» есть строки:

Людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

Сок трав в «Заблудившемся трамвае» буквально заменен на кровь поэта. Подмена кочана капусты на человеческую голову осуществляется, по-видимому, по ассоциации с другой сказкой Гауфа «Карлик Нос»¹⁴.

«Навязчивая идея обезглавливания изначально связалась с трамвайной темой» [2, с.140]. В «Берлинском» Ходасевича трамвай становится зеркалом, открывающим новое лицо героя. И у Гумилева лирическое «я» оказывается лицом к лицу (как в зеркале) с собственным мертвым двойником. Эффект усилен движением «заблудившегося трамвая» у Гумилева и «многочитых трамваев» у Ходасевича.

Собственная смерть видится герою «Заблудившегося трамвая» не случайно. Капитан и экипаж «Летучего Голландца» мертвы – это уже не люди, а фантомы, знающие о том, что такое гибель, и видевшие свои мертвые головы. Близость переживания героя Гумилева к судьбе капитана и матросов корабля-призрака заставляет его видеть собственное расчлененное тело. Сочетание с «трамвайными» мотивами отсечения головы в русской литературе позволяет увидеть контаминацию мотивов смерти лирического «я», неоднократно обыгрывавшихся Гумилевым, и губительного путешествия на летучем трамвае. Обычно странствия в лирике Гумилева описываются как необходимый духовный опыт, без которого не может быть творчества, но в «Заблудившемся трамвае» путь вне времени является смертельным.

Стихотворение можно условно разделить на две части: восемь строф в первой и семь – во второй. Первые восемь строф состоят из трех частей: 3 + 3 + 2. Сначала три строфы вводят летучий трамвай и героя,

¹² При описании морских путешествий Гумилев любит перечислять порты, куда заходят пароходы (см. в «Сентиментальном путешествии»: «Чайки манят нас в *Порт-Сауд*», «Сеткой путаной мачт и рей / И домов, сбежавших с вершин, / Поднялся перед нами *Пирей*»).

¹³ «весь пол был залит кровью, двадцать или тридцать трупов... лежали распростертые на полу; у грот-мачты стоял богатый одетый человек с ятаганом в руке... воткнутом в лоб большим гвоздем он был приколот к мачте и тоже мертв».

¹⁴ Об этом писали Р. Тименчик (ошибочно упомянувший «Маленького Мука» вместо «Карлика Носа»), Ю. Кроль, С. Полякова.

заблудившихся во времени; следующие три отражают блуждание в пространстве: наконец, в двух финальных строфах первой части описывается видение собственной смерти.

С девятой строфы начинается вторая часть «Заблудившегося трамвая» и вводится любовная тема – появляется Машенька. Топика становится исключительно земной, уходит трагизм странствий, а героиня наделяется чертами возлюбленной странника. Исследователи трактовали образ Машеньки и как вариацию Маши Мироновой из «Капитанской дочки» Пушкина (Аллен, Тименчик, И.Одоевцева), и биографически – как А. Ахматову (Кроль), и как дантову Беатриче (Зобнин, который к тому же отмечает, что черновой вариант имени возлюбленной «Катенька» восходит к первой жене Державина Екатерине Яковлевне), и как М. Кузьмину-Караваеву (А.А. Гумилева, С.К. Маковский; эту версию поддерживает также Зобнин), и как Пенелопу (Русинко). Не отвергая предложенных концепций, отметим близость героини, «ткущей ковер жениху», к гомеровской Пенелопе, ожидающей Одиссея из дальних странствий. Близость переживания образа путешественника к судьбе Одиссея в творчестве Гумилева очевидна, подтверждением тому может служить микроцикл «Возвращение Одиссея». Воспоминания о Машеньке становятся для героя картинками, явившимися из прошлого. Для экипажа «Летучего Голландца» память о доме и потерянных женах остается за границей их бесконечного существования, но у Гумилева обостряются моменты странничества, и образ Пенелопы выходит на первый план.

Реверсивная ассоциация с «Капитанской дочкой», когда герой отправляется к императрице вместо героини, подчеркивает лирический мотив пути, связанный с героем, его «мужским» началом и его движением в бытии. Смерть Машеньки согласуется с переборами пространства и времени, присущими судьбе потерянного экипажа «Летучего Голландца»: герои переживают века, и дух XVIII в. вторгается в эпоху Гумилева: возлюбленная остается в своем времени, где и умирает, а герой переносится на два века вперед. Восклицание «Где же теперь твой голос и тело?» обозначает потерю, связанную с расподоблением времен: ее тело давно истлело, голос уже не звучит, в то время как герой прошел через века.

Воспоминанию о Машеньке посвящены три строфы, и далее Гумилев делает лирическое отступление в повествовании о странном путешествии. Поиск героем свободы напоминает о страданиях моряков корабля-призрака: эта свобода даруется *«оттуда»*, она пронизана «бьющим светом», принимающим в гармонию Вселенной «людей и тени». Мотив теней может возникать от ассоциации с «Летучим Голландцем», ибо моряки на нем практически обращены в тени. Заклятие мешает им умереть: они навечно застывают и уподобляются призракам. Выход из заколдованного пространства и времени – туда, где стоят «люди и тени»,

становится нереализованной мечтой героя, хотя это понимание меняет предначертанность маршрута летучего трамвая и дает надежду на окончание бесконечного пути.

Три строфы второй части, посвященные Машеньке, вводят в пространство Петербурга XVIII в., а три заключительные строфы открывают Петербург XX в., современный автору, узнаваемый по запаху ветра: «знакомый и сладкий». Летучий трамвай приходит в порт – это родина героя, а знаменитый ее символ – памятник Петру I, принадлежит одновременно и XVIII, и XX вв. Вновь упоминается мост через Неву, и на фоне фантастического сюжета о «Летучем Голландце», потерявшемся во времени и пространстве, возникает легенда об ожившем Медном всаднике. Медный всадник попадает в смысловую рифму к трамваю. Он тоже *летит*, точнее, *летит* «всадника длань в железной перчатке / И два копыта его коня». Если трамвай проносится «перед» героем, и тот успевает вскочить «на его подножку», то Медный всадник летит *на героя*. Возникает чисто кинематографический эффект резко набегающей камеры, но эффект не пугающий, а радостный: Петр I связывает героя с родным городом, возвращает домой, куда не может попасть экипаж «Летучего Голландца».

Понимание свободы и видение «людей и теней» «у входа в зоологический сад планет» нарушает невозвратимость пути, дает возможность отменить заклание и, подобно Одиссею, попасть домой. Это понимание появляется после всплывшей картины из прошлого, связанной с Машенькой, которая, как Беатриче, ведет героя к свету, к прощению, к очищению. И потому герой отслужит «молебен о здравье» возлюбленной: он как будто возвращается в то время, когда она была с ним, «стонала в своей светлице». Молитва – то, что он не сделал в XVIII в., а сейчас, благодаря смещению времен, может. Это его прощение и очищение от грехов.

Панихида о самом герое тоже необходима. Матросы на «Летучем Голландце» оказались заложниками своего безбожия, и заклание их настигло потому, что они отвернулись от Бога. Поэтому первое, что делает герой, попав домой, – отправляется в Исакий молиться о своей погубленной душе и о спасшей его Машеньке.

Последняя строфа говорит о страдании героя, о том, что спасение не помогло встрече с Машенькой, а оставило героев по разные стороны бытия – в вечном мучении странника, в вечном свете – его Пенелопу. Строки «Я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить» обозначают преобразование героя, познавшего отчаяние и искупившего свои грехи, но навсегда разлученного с возлюбленной.

Путь героя напоминает путь Наполеона из «Воздушного корабля» Лермонтова и его источника «Корабля призраков» («Geisterschiff») Й.К. Цейдлица. Это тоже возвращение на родную землю, к любимым – умершим, которых не вернуть. «Слезы» императора у

Лермонтова и «грусть» героя «Заблудившегося трамвая» имеют общее основание: невосполнимая потеря наполняет мир пустотой. Попытку остановить летучий трамвай, вырваться из бесконечного повторения своего бытия герой делает в каждой из частей стихотворения: в третьей строфе первой части и в первой строфе второй: «Остановите, вагоновожатый,/ Остановите сейчас вагон». Но лишь путь через страдания ведет к спасению, и герой спасение обретает, а Машенька остается в мире, с которым ему никогда нельзя будет соприкоснуться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева: Комментарий к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 113–143.
2. Тищенко Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии // Символ в системе культуры. Тр. по знак. сист. XXI. Тарту, 1987. Вып. 830. С. 135–143.
3. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995.
4. Rusinko E. Lost in space and time; Gumilev's «Zabludivsijsja Tramvaj» // SEEJ. 1982. V. 26, N 4. P. 383–402

Е.Е. БАРИНОВА

ЖАНР ЗАГАДКИ В ДЕТСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

канд. филол. наук, преподаватель
Новосибирского государственного технического университета,
г. Новосибирск
e-mail: dzerv@philology.nsc.ru

Среди других литературных жанров именно загадка наиболее полно отражает особенности познавательной активности человека и сыграла важнейшую роль в развитии научных форм мышления. В загадке ярко проявляется метафоричность естественного языка, в ней прямо отражена диалектика образного и логического мышления, субъективного и объективного, конкретного и абстрактного. На наш взгляд, загадку можно обозначить как максимально адаптированную для детского восприятия форму трансляции знаний о мире, эвристический и дидактический потенциал «загадочного» текста широко используется в детской научно-популярной литературе. На примере загадки прослеживаются глубокие исторические корни научно-популярного жанра.

Ключевые слова: научно-популярная литература, детская научно-популярная литература, загадка, научный дискурс, приемы популяризации

В данной статье мы остановим свое внимание на архаичном, но по-прежнему актуальном, жанре загадки, который так или иначе актуализируется в современной научно-популярной литературе. Наибольший интерес для нас представляет вопрос об использовании ресурсов «загадочного» жанра в детских научно-популярных текстах. Не раз отмечалось, что загадки отражают детский опыт познания действительности, поэтому в литературе для детей появление элементов этого жанра наиболее органично.

Научно-популярная литература, как правило, находится на периферии исследовательских интересов современной гуманитаристики. О принципах научной популяризации, специфике качественных популярных текстов писали сами просветители науки (Я.И. Перельман, С.И. Вавилов, В.А. Обручев и т.д.), но в их задачи не входило системное исследование научно-популярного жанра. Практически отсутствуют работы об исторических истоках научно-популярной литературы*, о динамике ее развития.

* Я.И. Перельман, например, говорил о Ж. Верне как о родоначальнике этого жанра и мастере научной пропаганды (см.: Перельман Я.И. Что такое занимательная наука? // Техника-молодежи. 1972. № 11. С. 18–21). Но различные виды познавательной литературы встречались и ранее.

Исходя из логики самого понятия «научно-популярный», можно предположить, что этот гибридный жанр мог возникнуть уже вместе с появлением научных текстов. Наука – сравнительно молодой вид познавательной человеческой деятельности, но возникновение современного научного института имело множество предпосылок. Обращаясь к синкретичному периоду развития словесности, можно увидеть, что специфика донаучного архаического мышления тем или иным образом проявляет себя в современном научном дискурсе. Это дает нам основания искать и корни научно-популярного жанра в фольклорных текстах.

На наш взгляд, среди остальных литературных жанров именно загадка как культурная универсалия наиболее полно отражает особенности познавательной активности человека, она сыграла важнейшую роль в развитии научных форм мышления. Среди многочисленных функций загадки в детской научно-популярной литературе в качестве основных можно выделить эвристическую, дидактическую и мнемическую функции.

Загадки и элементы этого жанра часто используются в детской научно-популярной литературе. Такие тексты не являются учебными, в строгом смысле этого слова, а рассчитаны на читателей детского возраста. Вот как, характеризуют эту разновидность научно-популярного жанра, например, авторы книги «Геомет-

рия для малышей»: «Наша книга – не учебник. В ней нет систематического и полного изложения начальных разделов геометрии. /.../ Но несмотря на “облегченность” изложения, книга содержит некоторые серьезные научные сведения» [1, с. 5].

Рассмотрим такие реализуемые в научно-популярных текстах аспекты «загадочного» жанра, как структура, тематика и язык загадки, и кроме того, коснемся специфики субъектной организации жанра загадки, ее прагматики.

Фундаментальной характеристикой загадки является ее двухчастная структура: вопрос и ответ. Сам вопрос (не всегда может быть выражен формально) всегда требует ответа, предполагает его как неотъемлемую часть. Умение поставить вопрос чрезвычайно важно для процесса познания мира. Постановка вопроса возможна только тогда, когда человек способен выделить нечто дискретное в пространственно-временном континууме, зафиксировать внимание на объекте, увидеть его отдельные признаки и характеристики. Это соотносимо с постановкой проблемы в науке, с формулированием целей и задач исследования. Познание есть одновременно и процесс номинации. Уметь корректно сформулировать вопрос – это значит иметь возможность задать его не только себе, но и другому. Диалогичность, социальность также являются неотъемлемой чертой науки. Диалогическая форма характерна для построенных в виде вопросов-ответов космогонических и космологических текстов, носивших изначально сакральный характер и чрезвычайно важных в жизни архаических коллективов.

Реконструируя «загадочный» прототекст, В.Н. Топоров подчеркивает, что единичная загадка не представляет собой целостного текста, она является элементом некоего целого. В такой серии загадок-отгадок можно усмотреть попытки первичной классификации явлений окружающей действительности, своеобразную модель преодоления хаоса и упорядочения мира. «В самом общем виде “загадочный” прототекст организуется по нисходящему принципу, обнаруживающему тесную связь с космогонической подосновой» [2, с. 471], – пишет исследователь, обнаруживая следующую иерархию: небесные явления, время, стихии, земля, растения, животные, человек, вещи, духовная культура (мысль, слово, религия, загадка). «Тематическая систематизация корпуса загадок строится исходя из загадываемых объектов и соответствует наивной таксономии вещного мира» [3, с. 236]. В дальнейшем при составлении письменных сборников загадок эта тенденция к систематизации загадок по темам, по порядку их следования друг за другом сохраняется [4]. Постепенно загадка теряет свой сакральный статус, расширяются тематика и круг ситуаций, в которых загадка может использоваться, она включается в состав сказок и некоторых других фольклорных жанров. Появление шуточных загадок и включение детей в про-

цесс отгадывания свидетельствуют об окончательном снижении статуса загадки.

Такой способ развертывания содержания, как загадка-отгадка, «оказался оптимальной формой для *первичного* изложения интеллектуально насыщенной информации. Вопросно-ответная форма текста расчленяет его содержание на небольшие “порции” смысла и в каждой такой порции выделяет самый главный смысл...» [5, с. 109]. Сегодня это одна из оптимальных форм изложения информации для детей.

В современной детской познавательной литературе загадки включаются в основной текст наряду с головоломками, ребусами, задачами – учебными заданиями, направленными на повышение познавательной и практической активности ребенка. Решение задач носит более *прикладной* характер, загадка же требует решения *в уме* – это развивает работу воображения и образной памяти ребенка.

При нарративном изложении материала включение загадки в повествование выступает как своеобразный сюжетный ход. Так, в традиционных сказках обмен загадками предварял или заменял поединок героев, являлся испытанием для персонажа. В научно-популярной литературе также используется этот прием. Например, героиня «Геометрии для малышей» точка с друзьями путешествует и приближается к неизвестному городу, но стражник у ворот не хочет впускать их. «А мы в него пускаем только тех, кто уже узнал что-нибудь про геометрию и хочет узнать еще больше» [6, с. 66]. Поэтому точке приходится отвечать на вопросы стражника, чтобы продолжить свой путь.

Далеко не всегда загадка встречается в научно-популярной литературе в чистом жанровом варианте, гораздо чаще используется вопросно-ответная структура загадки. Познавательная деятельность начинается с вопроса, поиск ответа предполагает диалог. Во многих обучающих детских книгах, написанных в нарративной форме, участники диалога эксплицированы, их речь полна вопросительных конструкций, стимулирующих внимание и активизирующих мышление. «Жила-была точка. Она была очень любопытная и хотела все знать. Увидит незнакомую линию и непременно спросит: Как эта линия называется? Длинная она или короткая?» [1, с. 27] Как правило, кроме любознательного персонажа имеется и персонаж (все)знающий, способный объяснить и помочь. «Какая интересная линия получилась! Циркуль, как она называется? Ведь это же не прямая.

– Это ломаная линия.

– Ха-ха-ха! – засмеялась точка. – Какое смешное название – сломанная линия! Кто ее сломал?

– Не сломанная, а ломаная. Нужно слушать внимательно» [1, с. 61].

Множество анарративных текстов также содержат в своей структуре вопросительные конструкции. Большинство серий и отдельных книг детской познавательной литературы в самом своем названии содержат во-

прос. Например, ряд энциклопедий: «Что? Где? Когда?», «Где, что и когда?», «Что? Где? Почему?», «Что такое? Кто такой?», «Хочешь знать почему?»; возможны и такие варианты: «1000 вопросов», «100 вопросов и ответов» и т.д. Это не значит, что содержание книг будет выстроено как ряд вопросов и ответов, но, как правило, начало каждого раздела таких справочников будет начинаться с вопроса. Например, три тома энциклопедии «Что?», «Где?», «Когда?», выстроены как ряд ответов на соответствующие вопросы (*Где появились собаки? Где водятся слоны? Где прячутся зимой ежи?* и т.д.).

В изданиях, аккумулирующих большой объем информации, необходима четкая структура. Алфавитный принцип (научных словарей и энциклопедий) еще не очень удобен и понятен для ребенка. Поэтому часто пользуются тематическим распределением материала. Причем в выборке по темам наблюдается тот же нисходящий принцип организации информации, о котором говорил В.Н. Топоров. Например, детская энциклопедия «Большая книга “почему?” Вопросы и ответы, любопытная и полезная информация, викторины и занимательные опыты» содержит несколько тематических разделов: *Земля; Вселенная; динозавры; животные; растения; тело человека; наука; техника*; снабжена алфавитным указателем. Внутри каждого раздела содержится несколько информационных блоков. Некоторые из них представляют подробные ответы на вопросы (*Как устроена Земля? Что находится внутри? Как рождается гора?* и т.д.) [6].

Отметим некоторую инверсию в вопросно-ответной структуре современных текстов по сравнению с традиционными загадками. В загадке максимум информации содержит сам вопрос. В научно-популярной литературе зачастую лаконичный вопрос выступает лишь своеобразным заголовком, а развернутый подробный ответ является практически самостоятельным. Самую полную инверсию мы будем наблюдать в энциклопедиях, в которых информация, возможная в вопросе, субстрируется до однословной номинативной дефиниции, а ответ (в загадке в большинстве случаев однословный) предстает в максимально развернутой форме. Перенос акцента с вопроса на ответ исторически закономерен, особенно если учитывать тот объем информации, которым владеет сегодня человечество. Но зачастую умение поставить вопрос оказывается важнее навыков поиска информации.

Следует сказать несколько слов и о языке загадки. Двойственна не только сама ее структура, но и язык, основным свойством которого является метафоричность. Процесс метафоризации предполагает сопоставление двух различных объектов через поиск общего для них образа. Считается, что участие в процессе загадывания и отгадывания – это не только поиски ответов, но и обучение самому «языку» загадки. «Загадки являются одновременно и продуктом, и ин-

струментом языковой категоризации и концептуализации мира, идентификации, сравнения и систематизации его элементов» [3, с. 235].

В загадке наиболее ярко проявляется метафоричность естественного языка, в ней прямо отражена диалектика образного и логического мышления, субъективного и объективного, конкретного и абстрактного. Загадочный текст отражает законы объективной действительности и возможности ее ассоциативного восприятия. На этот аспект указывал В.Н. Топоров, вычленяя в загадке соотношение двух родов деятельности: аналитически-эмпирической, ориентирующейся на «объективные» связи объектов, а также отражающей «субъективные» связи явлений. Первый путь выстраивает логику загадки. «Второй путь – путь ребенка до формирования у него понятийных структур, путь поэта и художника, путь гения, действующих с целым и нерасчлененно-слитным. Л.С. Выготский в своих трудах по детскому мышлению подчеркивал, что именно эта способность замещать отсутствующие “объективные” связи “субъективными” идеями мощно увеличивает потенциал эвристичности, т.е. именно то, что предполагается самой идеей загадки и ее прагматикой» [7, с. 357].

Космологические загадки, несмотря на сакральность тематики, знакомят с устройством мира через привычные образы. Опираясь на статью З.М. Волоцкой, приведем несколько примеров из загадок, отражающих космологические представления славян. Небо изображается как твердый куполообразный свод (*платок, рогожка, скатерть* и т.п.). Солнце видится как *золотое яблочко, золотая кружечка, красный колобок, кругленькое ясенюшко, светит, смеется* и т.д. Звезды представляются как совокупность однородных предметов, не поддающихся счету: *серебро, просо, пуговицы, пирожки, горошек* [8]*.

Как видим, большая часть представлений, воссозданных в загадке, носит стихийный материалистический характер. Но субъективный аспект воззрений на мир мог становиться основой магических представлений о природе. Этот аспект, к сожалению, актуализируется и в XXI в., отчасти и в самой научной среде; однако здесь уже мы видим не наивность представлений, а псевдонаучные спекуляции, изнаночную сторону идеологии продвижения (псевдо)знаний в массы. Поэтому на книжных полках под рубрикой «Детская научно-популярная литература» кроме изданий по астрономии найдется и «Детская астрология» (и даже что-нибудь вроде «Гадание на картах таро для стильных девочек»); кроме книг по геологии, биологии и зоологии, представляющих эволюцию нашей планеты и жизни на Земле, – целый ряд текстов, пропагандирующих креационизм...

* Интересно сравнить это с современной космологической (астрофизической) терминологией: *солнечная корона, белый карлик, красный гигант, черная дыра, кротовые норы, Большой взрыв* и т.д.

Целостное познание мира строится не только на понятии (как обобщении и абстрагировании), но и на образе. Сама многовековая история человеческой мысли (в том числе и научной) регулярно подтверждает эту точку зрения: «в основе какой-либо теории или целой парадигмы, как правило, лежит представление, восходящее к “наивному” метафорическому образу объекта и предмета данной научной отрасли как части существующего мироздания...» [9, с. 22].

В современных научно-популярных текстах используется этот потенциал «загадочного» языка. Например, там, где это возможно, раскрывается образность терминологии. Линии с одним концом называются *лучами*. «А! – радостно сказала точка. – Я знаю, почему они так называются. Они похожи на солнечные лучи» [11, с. 29]. *Отрезок отрезают* из прямой линии при помощи ножниц [Там же, с. 28] (ср. также *кривая* и *ломаная* линии, *острый* угол, *вершина* угла и пр.). Зачастую те объекты, которые должен усвоить ребенок, олицетворяются, как олицетворяются загадываемые в загадке объекты (это признаки синкретизма, неразличения субъекта и объекта). И героями занимательной геометрии наряду с привычными Буратино, Незнайки и Самоделкиным становятся точка, циркуль, прямая и т.д. Любопытно, что «оживают» далеко не все геометрические понятия. Углы и отрезки в цитируемой книге – только исследуются, треугольники и квадраты также выступают в качестве персонажей, проживающих в «треугольных» и «квадратных» городах и т.д.

С изначальной сакральностью загадки связана высокая степень организации «загадочного» текста на разных уровнях (особый ритм, наличие рифм, анаграмм и пр.) Поэтому загадка долго несет в себе не только эвристическую, но и эстетическую функцию. Множество детских загадок, которые мы сегодня читаем детям, зарифмовано и ритмизовано. Такая форма ориентирована не только на облегчение угадывания, но и на легкость запоминания. Особенно это может быть полезно для усвоения новых терминов: «Он давно знакомый мой. / Каждый угол в нем прямой. / Все четыре стороны / Одинаковой длины. / Вам его представить рад. / Как зовут его?...» [Там же, с. 95].

Кроме стимуляции познавательных способностей также очень важна социальная роль загадки. Как мы писали выше, загадывание загадок было особым видом ритуально-игрового поведения, участие в ритуале подчеркивало вовлеченность человека в коллектив, его активное участие в жизни социума. В.Н. Топоров отмечал, что в ритуале вопрос был важнее ответа, главное, «чтобы ответчик самостоятельно нашел этот ответ, выдержал испытание и тем самым включился бы в подлинный диалог о высших сакральных сущностях» [13, с. 474]. Все это превращало процедуру отгадывания «в подлинное творчество, вновь и вновь организующее мир и, следовательно, причастное к “первому” творению Космоса и продолжающее его каждый раз, когда мир и коллектив переживают кризис-

ное состояние и нуждаются в выходе из него, в спасении от обступающей их универсальной опасности» [Там же, с. 474].

Часто считается, будто одним из важнейших критериев выбора того или иного интеллектуального продукта является прагматизм, т.е. человек готов усваивать только ту информацию, которую он непосредственно может применить в жизни и получить от этого пользу. На наш взгляд, потребность приобщиться к знаниям, ощутить себя полноценным членом социума может являться не менее значимым стимулом к получению новых (научных) знаний. Эта потребность свойственна и ребенку, особенно спешащему освоить мир взрослых. Через загадку он вовлекается в процесс обучения, овладевает языком образов и первичной логики.

Важно также отметить, что двухчастность «загадочной» структуры детерминирует появление отгадки, постоянно указывая на *принципиальную возможность* ответа. Это снимает напряжение с отгадчика и изначально настраивает ребенка на исследовательский оптимизм.

Как уже говорилось, архаичная загадка отражала основные существенные представления человека об устройстве мира. При этом космологические процессы сопоставлялись с вполне конкретными объектами и явлениями, отражающими практический опыт человека, его повседневную деятельность. Несмотря на двухчастность структуры, на конкретику и одновременно образность языка, «загадочный» текст лишен жесткой дихотомии, представления, отраженные в загадках, пронизаны осознанием единства мира, взаимосвязанности космических процессов и жизни коллектива. Как бы следуя этой традиции, авторы многих детских энциклопедий представляют материал таким образом, чтобы показать наиболее полную (научную) картину мира (хотя достижение синтеза проблематично, поскольку отдельная научная дисциплина представляет свой сектор мира в определенном аспекте).

Обращаясь к поиску возможных истоков научно-популярного жанра, широко понимаемого как жанра, отражающего знания о современной картине мира в доступной для широких масс форме, мы преимущественно опирались на семиотические реконструкции в области (только) одного из фольклорных жанров. Тем не менее, это позволяет сделать ряд выводов относительно функционирования жанра загадки в популярной литературе для детей. Вопросно-ответная форма загадки стимулирует внимание и работу мышления, конкретность и образность языка облегчают не только понимание, но и запоминание информации. В целом жанр загадки требует активного участия в процессе познания. Обширная тематика «загадочного» жанра делает его практически универсальным средством не только экспликации традиционных и новейших научных знаний, но и их систематизации, а язык загадки позволяет представить эти знания в наглядной и доступной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житомирский В.Г., Шеврин Л.Н. Геометрия для малышей. М.: Педагогика. 1975. 136 с.
2. Топоров В.Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. С. 471–483.
3. Седакова И.А., Толстая С.М. Загадка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 233–237.
4. Кузнецова Т.С. Загадки Эксетерского кодекса в фольклорно-литературном контексте средневековья. Автореф. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 23 с.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по философии и истории религий. М.: Фаир, 1998. 352 с.
6. «Большая книга “почему?”». Вопросы и ответы, любопытная и полезная информация, викторины и занимательные опыты / Пер. с итал. М.: Росмэн, 2008. 340 с.
7. Топоров В. Заметка о числовом коде русских загадок // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. С. 350–361.
8. Волоцкая З.М. Элементы космоса в фольклорной модели мира (на материале славянских загадок) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 85–72.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

И.В. СИЛАНТЬЕВ

ФИЛОСОФИЯ ДИСКУРСА В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”»

д-р филол. наук, заместитель директора по научной работе,
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: silantev@philology.nsc.ru;

В статье рассматриваются аспекты дискурсных взаимодействий в романе В. Пелевина «Generation “П”». Показывается, что смешение дискурсов выступает основным структурообразующим принципом романа.

Ключевые слова: В. Пелевин, «Generation “П”», дискурс.

О стилистической пестроте романа «Generation “П”» (и в целом творчества В. Пелевина) справедливо пишут многие литературоведы и критики (см., например: [1–3]). Однако реальная картина представляется более глубокой: в текстах писателя смешиваются не только и не столько стили, сколько дискурсы как таковые – неотъемлемыми составляющими которых, конечно же, являются и стили.

Имеет ли это отношение к постмодернизму? И да, и нет.

Нет – потому что феномен смешения и взаимодействия дискурсов (а вслед за этим – и «войны языков», по Р. Барту) характерен для многих и различных культурных времен, и особенно для тех, которые сами отмечены явлениями социальных переходов и культурных смешений, знаками которых и выступают смешения дискурсов. И уж, во всяком случае, самые разнообразные столкновения и смешения дискурсов в российской культуре рубежа XX–XXI вв. – на городских улицах, в пространствах медиа, в политике и публицистике и, в конечном счете, в литературе – вызваны не какими-либо эстетическими факторами, а мощным и слепым напором самой меняющейся жизни.

Да – потому что, вне всякого сомнения, постмодернизм использует смешение дискурсов в риторических стратегиях построения игровых и иронических текстов. О характерном интересе постмодернизма к дискурсным переходам и смешениям пишут и исследователи этого художественного направления, в част-

ности, М. Липовецкий, С. Рейнгольд, И.В. Саморукова [4, с. 252–272, 289–291; 5, с. 209–220; 6; 7]. При этом И.В. Саморукова не только констатирует развитие дискурсных смешений в современной литературе, но и предлагает, опираясь на концепцию Ж.-Ф. Лиотара, свое, на наш взгляд верное, объяснение этого процесса: «Тенденция последних десятилетий – сокращение, сужение, фрагментация пространства метарассказов, утрата ими статуса тотального мифа... Это создает возможность “жанрового восприятия” (а значит, игрового. – И.С.) прежде прозрачных речевых практик, их сближения с литературой, с пространством вымысла, возможностью рефлексии “поэтических приемов” идеологии» [6, с. 144]. И далее: «Если нет главных жанров, ведущих дискурсов, метарассказов – то возникает ситуация жанрового хаоса, смешения жанров речи» [Там же, с. 145].

Что же касается пелевинского романа, то картина взаимодействия различных дискурсов в его тексте является более сложной – и вызвано это тем, что нехудожественные по своей природе дискурсы не просто выступают объектом и средством постмодернистской авторской игры, но и сами – непосредственно, как бы *без спроса* – вторгаются в текст романа, отчасти *сквозь* авторское сознание и отчасти *посредством* его, а вслед за этим формируют и речевую позицию как собственно нарратора, так и героев произведения.

В данной статье мы сосредоточимся на анализе одного из явных, текстуально выделенных дискурсов

романа, который мы назвали *дискурсом откровения* (*сокровенного знания*).

Вавилену Татарскому как *пророку* и, в конечном счете, *избраннику* богини рекламы время от времени являются откровения, и время от времени он (естественно, по воле высших сил) обнаруживает тексты, содержащие некое сокровенное знание (более того, его как настоящего пророка время от времени посещают видения – например, на стройке: три пальмы с пачки «Парламента» и слоган «IT WILL NEVER BE THE SAME» – с. 90*). Взятые вместе, откровения и эзотерические тексты романа образуют особенный дискурс, значимый в произведении сам по себе, как важнейший фактор смыслообразования и одновременно несколько иронически (на уровне, так скажем, языковой игры) отсылающий читателя к мощной культурной традиции дискурса пророчеств и священнописания.

Если рекламный дискурс в романе занимает предельно самостоятельное положение (так что порой бывает трудно определить, что доминирует в тексте романа – дискурс рекламы или собственно романский нарратив), то дискурс откровения (для простоты выражения опустим вторую часть в формуле его названия), напротив, со всей тщательностью изображен в романе. Он – внутри романа, тогда как рекламный дискурс – почти что вне его. Это и понятно, поскольку дискурс сокровенного знания вовлечен в самую фабулу романа, сопряжен с Татарским как фабульным персонажем.

В первый раз читатель встречается с текстовым образчиком дискурса откровения, когда Татарский находит в шкафу «папку-скоросшиватель с крупной надписью «Тихамат» на корешке» [с. 41].

Сразу оговоримся: мы не будем касаться символической роли найденного Татарским текста (и последующих) – понятно, что сокровенное знание, заключенное в тексте, во многих отношениях задает дальнейшее развитие событий и самой судьбы героя – начиная от употребления коричневых мухоморов и заканчивая ритуальным браком с богиней Иштар. Наше внимание сосредоточено на другом предмете – а именно, на дискурсной природе этого и последующих текстов, содержащих сокровенное знание, открывающееся герою.

«Раскрыв ее, он прочел на первой странице: ТИХАМАТ-2. Море земное. Хронологические таблицы и примечания» [Там же]. Уже из этого краткого обращения к тексту видно, что дискурс откровения отчетливо тяготеет к формам научного (чаще – паранаучного) дискурса (что является весьма оправданным, поскольку это одновременно дискурс сокровенного знания). Жанровая сторона найденного текста вполне отвечает его дискурсным свойствам: «У него в руках было, судя по всему, приложение к диссертации по истории древнего мира» [Там же].

Вместе с тем вирус дискурсного смешения, которым поражен роман в целом, проникает и в этот текст, порождая наукообразные и, вместе с тем, очевидно

ненастоящие слова-монстры «Ашуретилшамерситу-баллисту» и «Небухаданаззер» [с. 42], в которых сомневается и сам повествователь: «Цари ... были смешны: про них даже не было толком известно, люди они или ошибки переписчика глиняных табличек» [с. 42–43]. Во всяком случае, героя нашего романа эти псевдоимена отсылают если не к чему-то баллистическому, то к одной из ключевых национальных заповедей – «Не бухай»: «слово «Небухаданаззер» показалось ему отличным определением человека, который страдает без опохмелки» [с. 43].

Другой характерной чертой изображенно-изобретенного дискурса откровения в романе выступает его отчетливый мифологизм – настолько очевидный, что нет особого смысла раскрывать его по существу, тем более что этому посвящены специальные наблюдения и работы [9; 10, с. 55–60]. С точки зрения дискурсного анализа обращает на себя внимание, пожалуй, только одно – смешение не только и не просто собственно дискурсных начал, но и самого *предмета речи*. Так, в один ряд с богиней Иштар многозначительно становится мухомор как «небесный гриб», «шляпа которого является природной картой звездного неба» [с. 44], при этом (в полном соответствии с последующей фабульной линией Татарского как пророка и избранника) «коричневый мухомор ... связывает с будущим, и через него возможно овладеть всей его неисчерпаемой энергией» [Там же]. Кто знает, если бы не нажевался Татарский в лесу мухоморов (заметим, коричневых), так, может быть, и не свершилось бы его финальное восхождение к богине Иштар.

Итак, рассмотренный выше текст тяготеет к жанру скучноватой *диссертации*, точнее, ее *приложения*, в рамках которого в порядке *примечаний* излагаются сокровенные знания, сопряженные с судьбой Татарского. Откровение здесь являет себя несобственным образом, посредством транслирующего научного дискурса. Следующее текстовое воплощение дискурса откровения представлено уже в совершенно адекватном этому дискурсу жанре *трактата*, мистическим образом явленного нашему герою посредством вызванного им духа Че Гевары. Любопытно самоопределение жанровой интенции этого текста: «Первоначально эти мысли предназначались для журнала кубинских вооруженных сил...» и т.д. [с. 111]. «Эти мысли» – данная характеристика отсылает к жанровому ряду *размышлений, соображений, изложения доктрин* и т.п. Собственно, весь этот жанровый ряд (включая и его высшую точку – трактат) принадлежит *дискурсу философствования*, с той только поправкой, что это философствование в нашем случае оказывается прагматически ориентированным на достижение некоего идеологического (или антиидеологического) результата – отсюда, по-видимому, и сам образ Че Гевары, как символа революционного действия.

Конечно же, само по себе включение в романский текст трактата не является новацией. Более того, с точки зрения исторической поэтики текстуальные проявления дискурса философствования в художественной

* Здесь и далее текст романа цитируется по изданию [8], страницы указаны в квадратных скобках.

литературе со времен Просвещения весьма закономерны. Пожалуй, действительно новым здесь является другое – осязаемая игровая интенция рассматриваемого текста (что, конечно же, является характерной чертой постмодернистской поэтики). Это не просто философствование и трактат, а в немалой степени *дискурсная игра* в философствование и *жанровая игра* в трактат, к тому же одобренная *языковой игрой* в революционное письмо как таковое (ср. обращение к читателям трактата: «Соратники!», или вот это: «... великий борец за освобождение человечества Сиддхарха Гаутама во многих своих работах указывал...» и т.д. – с. 112). Можно выразиться несколько точнее – это игра, результатом которой является имитация натуральных дискурсов, причем такая имитация, имитированность которой подчеркнута очевидна.

Пожалуй, наиболее демонстративно в трактате об оранусе имитируется научный дискурс. Приведем пример: «Лабсанг Сучонг из монастыря Пу Эр полагает, что в случае, если некоторую футбольную программу – например, футбольный матч – будет смотреть более четырех пятых населения Земли, этот виртуальный эффект окажется способен вытеснить из совокупного сознания людей коллективное кармическое видение человеческого плана существования <...> Но его расчеты не проверены...» [с. 115]. Что происходит в цитированном тексте? Безусловным в своей дискурсной подлинности формулам научного текста («полагает», «в случае, если», «расчеты не проверены») в субъектную позицию ставится показательно выдуманный «Лабсанг Сучонг из монастыря Пу Эр» (напомним, это названия экзотических сортов чая). Этот кульбит не то чтобы обесмысливает фразу в целом, но как бы заигрывает ее – и именно в дискурсном отношении, поскольку лишает формулы и конструкции научного дискурса их основной опоры – утвердительной интенции изложения некоего достоверного или, по крайней мере, верифицируемого знания.

Другой пример: «... многие миллионеры ходят в рванье и ездят на дешевых машинах – но, чтобы позволить себе это, надо быть миллионером. Нищий в такой ситуации невыразимо страдал бы от когнитивного диссонанса, поэтому многие бедные люди стремятся дорого и хорошо одеться на последние деньги» [с. 119]. Все в этой фразе умно и веско, все на своих местах, кроме одного – зачем этот удивительно мыслящий дух революционера вернул словечко «когнитивный»? Это семантически лишнее слово – подножка всей фразе в ее правильности и стабильности, оно наполняет фразу избыточной научностью и тем самым лишает ее дискурсного основания подлинной научности.

Вот еще более разительный пример. На фоне дискурсивно выдержанной научности («Выше, а также в предыдущих работах ... мы показали всю ошибочность такого подхода» [с. 126]) разворачивается следующая фраза: «Под действием вытесняющего вау-фактора культура и искусство темного века редуцируются к орально-анальной тематике. Основная черта этого искусства может быть коротко определена как ротожоп-

пие» [с. 127]. В принципе, нет вопросов к «вау-фактору» и «орально-анальной тематике» – эти выражения приобретают в тексте трактата характер и статус внутренних терминов (напомним, выше по тексту трактата эти выражения весьма тщательно определены), но вот последнее грубоватое словцо своим появлением разрушает все эти тщательно выстроенные наукообразные конструкции. Грубость как таковая несовместима со стилистикой научного дискурса, и столь откровенное огрубление текста вновь обнажает игровую интенцию смешения дискурсов.

В дискурсную игру вовлекается не только научный, но и мифологический дискурс. Так, «оранус» предстает в трактате как мифическое суперсущество – «примитивный виртуальный организм паразитического типа», который «не присасывается к какому-то одному организму донору, а делает другие организмы своими клетками», при этом «каждая его клетка – это человеческое существо» [с. 120]. Мифологические оживление и оформление орануса, похоже, становится одной из необходимых стратегий смыслообразования в трактате: «У орануса нет ни ушей, ни носа, ни глаз, ни ума (И на фоне этой апофатки читатель невольно представляет себе нечто лишенное ушей, носа, глаз и ума. – И.С.). <...> Сам по себе он ничего не желает, так как просто не способен желать отвлеченного. Это бессмысленный полип, лишенный эмоций или намерений, который глотает и выбрасывает пустоту» [с. 122].

В финале романа дискурс откровения обогащается еще одной значимой компонентой: к мифологическому дискурсу орануса примешивается эсхатологический дискурс, выстраивающийся вокруг образа *пса с известным именем*. Собственно говоря, эсхатологический дискурс является разновидностью мифологического, с той только разницей, что его ключевая коммуникативная стратегия обращает адресата не в прошлое, а в будущее и направлена не на сохранение и закрепление сложившегося порядка вещей, а на предсказание коренных изменений этого порядка.

В романе эсхатологический дискурс, в свою очередь, также оказывается предметом самодостаточной дискурсивной игры и преподносится как бы в двойной обертке: говоря о его источнике, Татарский ссылается на «статью из университетского сборника» про «русский мат» [с. 319], а затем сам пересказывает содержание этой статьи безыскусной бытовой речью, в какой-то мере подстраиваясь под сомнительный интеллектуальный уровень Азатовского. Таким образом, рассказ о псе, которого «в древних грамотах ... обозначали большой буквой «П» с двумя запятыми» (Там же), представляет собой спонтанную смесь конструкций научного и повседневно-разговорного дискурса: «По преданию, он спит где-то в снегах, и, пока он спит, жизнь идет более-менее нормально. А когда он просыпается, он наступает. И поэтому у нас земля не родит, Ельцин президент и так далее» [Там же].

Подводя некоторые итоги, отметим, что текст романа В. Пелевина «Generation “П”» в целом принци-

пиально разомкнут, открыт для мира нелитературных дискурсов, и в своем пределе стремится к объединению с коммуникативным пространством современного российского общества.

Роман отвечает риторике дискурсных смещений и на уровне своей, так скажем, подлинной художественной философии. В отличие от ненастоящих, как бы нарисованных философий, наполняющих в романе дискурс откровения (сокровенного знания), данная философия настоящая, и выражена она в *образах и живом фабульном действии*, как и подобает в художественном произведении. Мы назвали бы ее философией дискурса как такового (при всем ироническом отношении ментального мира, созданного В. Пелевиным, к самой категории дискурса) – и раскрывается эта философия в системе образов, которую, воспользовавшись недавно вошедшим в оборот словечком, можно свести к обобщающему понятию «телемашины» (см., в частности, материал А. Субботина «Мерзость и обаяние голубого экрана» в «Газете.Ru» от 16 декабря 2000 г.).

По существу, *телемашина* и есть институциональное воплощение теледискурса, это, собственно, сращение медийного дискурса и телевидения как системы «средств массовой информации» со всеми его структурами, иерархиями, работниками, авторами, ведущими и т. д., а также с коллекциями героев, персонажей, фигурантов, выдуманных, невыдуманных и додуманных. Как объяснял однажды Татарскому мудрый Морковин: «По своей природе любой политик – это просто телепередача» [с. 230].

Собственно, именно к этому монстру – телемашине – в полной мере относится ключевое положение

книги: *The medium is the message*. Телемашина самодостаточна: по словам все того же Морковина, «Комитет – то мы межбанковский, это да, только все банки эти – межкомитетские. А комитет – это мы». Значит, вторит приятелю Татарский, «... те определяют этих, а эти... Эти определяют тех», и задает главный вопрос: «А на что же тогда все опирается?» [с. 241].

В отличие от героев романа, отвлекающих себя болезненными щипками от попыток ответить на этот вопрос, предложим возможный ответ: «все опирается» именно на дискурс, составляющий существо телемашины, по природе своей дискурс медийный, но сросшийся с началами политики и власти и наполненный агональными стратегиями «шизоманипулирования» [с. 282].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаманский Д.В. Пустота (Снова о Викторе Пелевине) // Мир русского слова. 2001. № 3.
2. Кедров К. Влюбленные числа // Русский курьер. 2003. № 92.
3. Свердлов М. Технология писательской власти // Вопр. литературы. 2003. № 4.
4. Липовецкий М. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997.
5. Рейнгольд С. Русская литература и постмодернизм // Знания. 1998. № 9.
6. Саморукова И.В. Дискурс – художественное высказывание – литературное произведение. Типология и структура эстетической деятельности. Самара, 2002.
7. Усовская Э.А. Постмодернизм в культуре XX века. Минск, 2003.
8. В. Пелевин. Generation «П». М.: Вагриус, 2003.
9. Генис А. Феномен Пелевина // Общая газета. 1999. № 19.
10. Дмитриев А.В. Современная мифология как элемент структуры романа В. Пелевина «Generation «П»» // Гуманитарные исследования: Журн. фонд. и прикл. исслед. Астрахань, 2002. № 4.

Т.И. КОВАЛЕВА

О СЮЖЕТНОМ ФРАГМЕНТЕ ИЗ ЖИТИЯ КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО В ЖИТИИ ФЕРАПОНТА БЕЛОЗЕРСКОГО

младший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: dzerv@philology.nsc.ru

В статье автор сопоставляет сюжетные ситуации *создание монастыря* в обоих памятниках, выявляет приемы, использованные при построении сюжетов Житий, и определяет роль схожего фрагмента в этих текстах.

Ключевые слова: древнерусская литература, поэтика, агиография, литературный источник, цитация текста, сюжетная ситуация.

Проблема исследования топики в медиевистике весьма актуальна (см., например: [1–5; 6, с. 344–370; 7, с. 82–97; 8; и др.]). Интересным памятником в этом отношении является Житие Кирилла Белозерского (XV в.) Пахомия Серба. Главный подвиг Кирилла – основание Белозерской обители. Это событие произошло благодаря видению св. Кирилла, описанному

в рассказе «О явлении Пречистыя Богородица...» (с. 72–74)¹. Текст названного рассказа воспроизводится с некоторыми смысловыми преобразованиями в

¹ В статье используется текст Жития, опубликованный в издании: [9, с. 50–166]. Здесь и далее в скобках указываются страницы этого издания.

ряде житий других основателей монастырей. Он включен в Житие Александра Свирского [10, с. 45–46, 345–346; 11, с. 36, 45], Ефрема Перекомского [12, с. 155, 172], Кирилла Новоезерского [13, с. 12; 14, с. 42] и Филиппа Ирапского [15, с. 182–183].

Особого внимания заслуживает вопрос о цитации текста из Жития Кирилла Белозерского в Житии Ферапонта Белозерского. В этом памятнике в сюжетной ситуации *создание монастыря* повторяется фрагмент из Жития Кирилла, где участником события является сам Кирилл. Соответственно, в этот текст входит и рассказ о видении святого, но под другим заглавием «О видении Пречистыя» (с. 206–208)². Основание монастырей в сюжетах обоих памятников осуществляется также по общей схеме. Но несмотря на отмеченные сходства интересующего нас явления, в каждом из них оно имеет свою специфику.

Обратимся к текстам Житий. Житие Ферапонта Белозерского можно разделить на две части: первую (главным событием которой является создание Ферапонтом монастыря в Белозерье) и вторую (она посвящена созданию этим же святым Лужецкого Можайского монастыря). Текст Жития Кирилла Белозерского имеет три композиционные части: вступительную (в которой описана жизнь и подвиги Кирилла Белозерского до прихода на Белоозеро), основную (в ней говорится о его жизни на Белоозере: создании обители, подвигах и чудесах на святом месте) и заключительную (она повествует о преставлении святого и его посмертных чудесах).

Займствованный из Жития Кирилла фрагмент входит в первую часть Жития Ферапонта. Композиция этого отрывка состоит из трех блоков: вступления, основной части и заключения. Из вступительной части мы узнаем, что инок Ферапонт много лет прожил в Симоновом монастыре, исполняя обязанности, связанные с его хозяйственными нуждами. Он научился беспрекословно и точно выполнять все поручения, поэтому его стали отправлять и в другие местности далеко за пределами обители. Так он пришел на Белоозеро. Старец решил лучше ознакомиться с этим местом и очень полюбил его, поскольку у него было духовное стремление к большей добродетели – безмолвию. Однако, исполнив порученное, он должен был возвратиться в свой монастырь (с. 202–204). Во вступительной части Жития Кирилла в рассказе «О пришествии святого на Симоново» повествуется о том, что Кирилл Белозерский также значительную часть жизни трудился в Симоновом монастыре, став сначала его послушником, а в дальнейшем – настоятелем, но пробыл им недолго. Благодаря своим духовным подвигам, святой прославился в миру, у него стали бывать разные люди, поэтому он отказался от сана для того, чтобы затвориться в келье и безмолвствовать. Но его слава стала причиной зависти нового настоятеля, Сергия

Азакова, и Кирилл вынужден был покинуть монастырь (с. 62–72).

Далее в основную часть Жития Ферапонта вводится вставка из Жития Кирилла Белозерского. Нам сообщается, что и Кирилл, тоже постриженник Симонова, находясь в это время в другом монастыре, принимает решение поселиться в пустыни, чтобы безмолвствовать там, но, не осмеливаясь осуществить задуманное, просит в молитвах Господа и Богородицу указать ему путь спасения, что и происходит в видении. Оно изложено в рассказе «О видении Пречистыя», которым заканчивается основная часть рассматриваемого текста. Рассказ «О явлении Пречистыя Богородица» в Житии Кирилла Белозерского завершает вступительную часть памятника. В одну из ночей, во время пения Акафиста, Кирилл слышит голос, который велит ему идти на Белоозеро, туда, где приготовлено для него место спасения, а вместе с этим голосом он видит яркий свет, указывающий ему направление и озаряющий это богоизбранное место (то, где будет построен монастырь). От увиденного старец испытывает большую радость. После этого его навещает вернувшийся с Белоозера Ферапонт, и блаженный расспрашивает его о том месте, ничего не сообщая о видении, а через некоторое время оба старца туда отправляются. В заключение основной части повествуется, как после долгих поисков Кирилл узнает показанное ему в видении место и подробно рассказывает Ферапонту о явлении Пречистой, они вместе прославляют Господа и Богородицу. Описание этого события в Житии Кирилла завершается в начале следующего рассказа «О пришествии святого на Белоозеро», который открывает основную часть памятника (с. 74–76). Затем в текстах говорится о том, как подвижники совместно начинают обустройство пустынь.

Заключительная часть интересующего нас отрывка в Житии Ферапонта начинается с рассказа «О отшествии святого». Далее становится известно, что Ферапонт недолго пробыл вместе с Кириллом, решив продолжить свой подвиг в одиночестве. Кирилл отпускает духовного брата, оставаясь на прежнем месте, а Ферапонт переходит в другое, но не очень далеко (с. 208–210). На этом моменте в памятнике вставка из Жития Кирилла прерывается. В заключении первой части Жития Ферапонта говорится, что через некоторое время этот святой рассказал Кириллу, где именно поселился и, получив благословение старца, начал самостоятельную жизнь в пустыни. Затем вокруг него стала собираться братия, и таким образом была создана обитель (с. 210–216). В Житии Кирилла также рассказывается о дальнейшей жизни святого на богоизбранном месте и основании им собственного монастырского общежития (с. 76–80).

Сюжетный фрагмент из Жития Кирилла Белозерского составляет основную часть рассмотренного текста и начало его заключения. Собственно в Житии Кирилла он начинается во вступительной части, а заканчивается уже в основной.

² В статье используется текст Жития, опубликованный в издании (см. [Там же. С. 198–233]). Здесь и далее в скобках указываются страницы этого издания.

В обоих Житиях сначала рассказывается о пострижении и жизни Кирилла и Ферапонта в монастыре. Затем авторы акцентируют внимание на духовной потребности святых безмолвствовать в пустыни, которую те не могут осуществить [16, с. 107–108]. Но фигуры этих героев имеют важное отличие: Ферапонт, в противоположность Кириллу, не является очевидцем видения. Это можно объяснить тем, что в произведении показана преимущественно формальная сторона происходящего в жизни святого. Совершенствуясь в добродетелях, Ферапонт преуспевает в службе на благо монастыря. И, наоборот, для Жития Кирилла более важен аспект духовной жизни святого: Кирилл, исполняя во время пребывания в Симоновом монастыре разные обязанности, совершенствуется в духовных подвигах. В Житии Ферапонта, начиная рассказ о том, как осуществилось желание этого святого безмолвствовать, автор прерывает его сюжетную линию и встраивает в повествование линию Кирилла. Во фрагменте, взятом в текст Жития Ферапонта, внимание акцентируется на ситуации внутреннего конфликта святого: он не решается сделать свой выбор. Благодаря видению разрешаются сомнения Кирилла, связанные с намерениями безмолвствовать в пустыни (в его Житии это кульминационный момент сюжета). А затем осуществляется уход Кирилла с Ферапонтом на Белоозеро и их поселение в месте, указанном Богородицей. В заключении рассказа о видении привлекает внимание то, что сюжетная линия Кирилла соединяется с сюжетной линией Ферапонта.

В Житии Кирилла появление инока Ферапонта – это знак для святого, который подтверждает предопределенность его судьбы Всевышним, в этом тексте фигура Ферапонта имеет вспомогательную роль – роль посланника Богородицы, его главная задача – привести святого на уготованное ему место. После чего в сюжете Жития Кирилла линия Ферапонта прерывается.

В Житии Ферапонта, когда повествовательные планы двух святых соединяются, замыкается прерванная линия этого героя. Таким образом, получается, что наиболее важным в тексте является то, что желание Кирилла безмолвствовать, совпавшее с желанием Ферапонта, убеждает последнего вернуться на Белоозеро (в Житии Ферапонта эта точка сюжета является кульминационной). Только после этого в повествовании Жития до конца становится понятна роль видения. В его свете оказывается, что согласно воле Богородицы Ферапонт сначала должен помочь реализовать Кириллу его предназначение. Как только это происходит, в сюжете Жития Ферапонта прерывается повествовательный план Кирилла.

С помощью «вставки» из Жития Кирилла в этом тексте связываются сюжетные планы двух разных героев, при этом план Кирилла встраивается в структуру ведущего в Житии плана Ферапонта; таким образом, на уровне повествования образуется своеобразная рамка, и с помощью этой детали подчеркивается значимость видения для обоих героев [17, с. 62–73; 18, с. 243–249, 264].

Создавая фигуру Ферапонта в описанной выше части его Жития, в том числе и повторяя все сюжетные ходы из Жития Кирилла Белозерского, составитель в первую очередь переосмысливает прием, использованный Пахომием Сербом, – соединение сюжетной линии Кирилла (главной в его Житии) с линией Ферапонта. В результате иной трактовки этого приема автором Ферапонтова Жития акцент делается не на видении (как в Житии Кирилла), а на моменте совместного ухода старцев в пустынь, благодаря чему у читателя складывается впечатление, что перед ним открывается еще одна часть высшего замысла, помимо той, что уже была раскрыта в Житии Кирилла Белозерского. Данные наблюдения объясняют, почему в обоих житиях кульминационный момент находится в разных точках сюжета.

Переоценка указанного момента в повествовании влечет за собой другую трактовку следующего: памятники по-разному представляют ситуацию, когда Ферапонт уходит от Кирилла в другое место пустыни (в этой части сюжета линии героев расходятся). В данном случае разность интерпретации отражают разночтения текста. Согласно Житию Ферапонта этот подвижник растался с Кириллом, так как его не покидало духовное желание самостоятельно обосноваться в пустыни: «“Находит и стужает ми [Ферапонта. – Т.К.] всегда отити на ино место, отче, и безмълствовати особь”. Преподобный же Кирил к нему отвеща: “Аще воля Божия, брате, будеть, может и на дело произыти”. – “Есть месцо, отче, недалече отсюду, яко поприщъ 15 или мало множае, хошу тамо, аще Господь Бог изволит, жителствовати. И молю Бога ради честную ти святыню, да не оскорбишися на мя о разлучении сем”. Преподобный же к нему отвеща: “Воля Божия, брате, о всем да будет”. Молит же его блаженный Ферапонт, да его с любовию отпустит, и молит его молити Бога о нем и Пречистую Богородицу и о всяких вещех богоугодных съвет между собою имети о Христе. И тако молитву взем святыи, отъиде от преподобнаго Кирила, и друг от друга разлучистася. Блаженный же Кирил оста на месте том, Ферапонт же отъиде прочее оттуду и обрете место близ езера, Паское зовомо...” (с. 210).

В Житии Кирилла Белозерского рассказывается, что Ферапонт ушел от Кирилла, поскольку святые не сошлись во взглядах на обустройство пустыни: «Но не съгласни бяхе обычаи в них: Кирил бо тесное и жесткое хотяше, Ферапонт же пространное и гладкое, и сего ради друг от друга разлучашеся: блаженный же Кирил оста на месте том, Ферапонт же отиде прочее оттуду – не далече, но яко 15 поприщ или нечто мало множае, и обрет место тамо близ езера Паское зовомо...” (с. 76).

В результате анализа текстов можно сказать, что в Житии Ферапонта в первую очередь подчеркивается идея глубокого духовного родства святых, только благодаря этому подвижниками, с точки зрения памятника, и могли быть основаны великие монастыри. В Житии Кирилла Белозерского первостепенное значение имеет сам подвиг святого [16, с. 110–111].

Подведем итоги. Благодаря вставному фрагменту из Жития Кирилла в повествовании Жития Ферапонта связываются сюжетные планы двух разных героев. Результаты сравнения сюжетной ситуации *создание монастыря* в обоих текстах показывают, что автор Ферапонта Жития всю рассмотренную нами часть произведения создает, главным образом переосмысливая в контексте своего сочинения прием, использованный Пахомием Сербом, – соединение в сюжете линий Кирилла и Ферапонта. Это и позволяет составителю сделать фигуру последней ведущей в своем сочинении, а также построить событийную канву произведения, следуя логике Жития Кирилла, но трактуя при этом иначе его ключевые моменты (что отражается как на уровне повествования, так и на текстуальном уровне памятника).

Отличия в организации повествовательных планов героев житий объясняются тем, что этот уровень структуры памятника является ведущим в формировании его концепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1902. 389 с.
2. Бугославский С. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 332–336.
3. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 185 с.
4. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 29–40.
5. Панченко А.М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–250.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит. 1987. Т. 1. 261–654.
7. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с. (Библиотека средних веков).
8. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
9. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подгот. Г.М. Прохоров, Е.Г. Водолазкин, Е.Э. Шевченко. СПб.: Глаголь, 1994. 330 с. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях).
10. Яхонтов И. Жития св. северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 377 с.
11. Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель / Сост. И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Л.А. Захарова, К.Н. Лемешев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 216 с. (Памятники русской агиографической литературы).
12. Федотова М.А. К вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 152–198.
13. Карбасова Т.Б. Редакции Жития Кирилла Новоезерского // Житие Кирилла Новоезерского: Текст и словоуказатель / Сост. И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Л.А. Захарова, К.Н. Лемешев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 9–20. (Памятники русской агиографической литературы).
14. Житие Кирилла Новоезерского // Житие Кирилла Новоезерского: Текст и словоуказатель / Сост. И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Л.А. Захарова, К.Н. Лемешев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 25–91. (Памятники русской агиографической литературы).
15. Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб.: Наука, 1996. 368 с.
16. Ковалева Т.И. Роль видений в сюжетной ситуации *создание церкви/монастыря* Житие Кирилла Белозерского и Киево-Печерский патерик // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008. С. 103–111.
17. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 12–148.
18. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с. (Academia).

Г.И. ЛУШНИКОВА

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАРОДИИ

канд. филол. наук,
Кемеровский государственный университет
e-mail: lushgal@mail.ru

Основой литературной пародии является связь между текстом пародии и прототекстом, которая устанавливается только при условии возникновения определенных ассоциаций между единицами текста пародии с соответствующими единицами текста оригинала. Пародия является когнитивной метафорой, в которой представлено видение одного объекта через другой. Ведущая функция пародии заключается в том, что она переформирует когнитивные стереотипы, способствует изменению некоторых сценариев и при определенных условиях может способствовать реконструкции базовых фреймов. Интерпретация пародии предполагает декодирование и сопоставление интенций автора пародируемого произведения и автора пародии.

Ключевые слова: пародия, прототекст, интерпретация, декодирование, когнитивная метафора, фрейм, концепт, сценарий.

Интерпретация художественного текста, несмотря на долгую историю своего существования, продолжает оставаться актуальной проблемой, поскольку по-прежнему вызывают интерес вопросы, связанные с процессами понимания, восприятия и трактовки про-

изведений литературы и фактов культуры в целом. Не случайно интерпретация художественного текста находится в фокусе внимания нескольких наук – таких, как лингвистика, стилистика, литературоведение, а также когнитивистика.

При анализе любого художественного произведения необходимо проникновение в социально-исторический вертикальный контекст, что позволяет получить представление не только о каких-либо общих закономерностях и особенностях, поведения, образа жизни, деятельности и взглядов персонажей, но и о самой «концептуальной» основе жизни того или иного периода жизни общества.

В пародии эта концептуальная основа подвергается осмеянию, веселой критике. Она становится предметом изображения в комическом ракурсе. Для адекватной интерпретации пародии особенно необходимо знание стандартных культурных концептов, типовых реминисценций и вследствие этого понимание инсказаний, намеков, стандартных ассоциаций. Поскольку в пародии наблюдается теснейшее единство филологической и социально-исторической информации разного рода, то при декодировании пародии необходима опора на обширный материал всевозможных словарей, справочников, литературоведческих и социологических работ, поскольку читатель выступает носителем много культурно-исторического опыта.

В когнитивной лингвистике постулируется, что «при интерпретации текста мы активируем определенную контурную схему, в которой многие позиции («слоты») еще не заняты. Более поздние эпизоды текста заполняют эти пробелы, вводят новые сцены, комбинируемые в различные связи — исторические, причинно-следственные, логические и т.п.» [1, с. 189]. Можно сказать, что при интерпретации пародии ее «контурная схема» должна проецироваться на «контурную схему» пародируемого произведения, а для заполнения «пробелов» требуется знание эпизодов, сюжетов, героев, специфических характеристик, лингвистических средств пародируемого объекта. Это очень важно, поскольку основой пародии является связь между текстом пародии и прототекстом, которая устанавливается только при условии возникновения определенных ассоциаций между единицами текста пародии с соответствующими единицами текста оригинала. При декодировании пародии в силу вступают механизмы ассоциативного связывания единиц. Под ассоциацией понимается «связывание двух явлений, двух представлений, двух объектов и т.п., обычно — стимула и сопровождающей его реакции» [1, с. 13]. Как известно, ассоциация лежит в основе метафоры. Восприятие пародии сопоставимо с восприятием метафоры. Метафоричность пародии выражается в наличии второго компонента — текста-оригинала, пародируемого произведения. Именно в нем находятся сигналы, с которыми следует устанавливать ассоциативную связь, исходя из данных текста пародии.

В какой-то мере пародию можно считать когнитивной метафорой, в которой представлено «видение одного объекта через другой... Когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать сходство между разными классами объектов» [1, с. 55].

В основе концептуальных метафор находятся когнитивные модели. Под когнитивной моделью понима-

ется некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знание о мире. Чтобы «уловить» сходство с прототекстом, необходимо знакомство читателя с ним, т.е. предполагается некоторое «совместное знание» [1, с. 174–175] читателя и автора пародии.

Согласно теории креативных блендов М. Тернера, коммуниканты расценивают концепты как «пакеты значений». Значения кажутся локализованными и стабильными. По мнению М. Тернера, параболы помогают нам взглянуть на концепты с другой стороны — как возникающие и формирующиеся из связей нескольких ментальных полей. М. Тернер доказывает это положение на примере говорящих животных из сказки Л. Кэрлла «Алиса в стране чудес» [2, с. 57]. Если параболы, как показывает М. Тернер, способствуют переформированию концепта, то пародии переформируют когнитивные стереотипы, способствуют изменению некоторых сценариев.

В пародии содержится момент неожиданности — наше стереотипное положительное суждение неожиданно подвергается сомнению и, в конечном счете, может быть изменено или разрушено. Здесь уместно процитировать строки из работы А.О. Васильченко о концепте «норма»: «Выражение оценочного значения возможно лишь в том случае, когда происходит сравнение оцениваемого объекта с его стереотипным представлением, т.е. рассмотрение объекта оценки через призму его стереотипа» [3, с. 154]. В пародии не только и не столько критикуется какой-то факт, сколько наше отношение к этому факту.

Схему восприятия любого текста художественной литературы традиционно представляют в виде двух налагающихся друг на друга кругов: первый круг условно обозначает намерение автора (А), второй круг — восприятие этого текста читателем (Ч), а область пересечения кругов обозначает совместное знание писателя и читателя, область, где интенции автора находят читательский отклик.

Схему восприятия текста пародии следует представить в виде трех пересекающихся кругов: первый круг (А1) — намерение автора пародии, второй (А2) — намерение автора/ов пародируемого объекта, третий круг (Ч) — читательское восприятие. Область пересечения кругов А1 и А2 обозначает область декодирования автором пародии пародируемого объекта, область пересечения кругов А1 и Ч обозначает то, что декодировал читатель в пародии, область пересечения А2 и Ч — то, что знает читатель о пародируемом объекте. Область пересечения всех трех кругов — это область

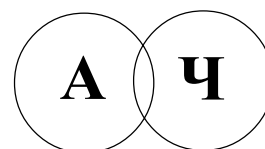

Рис. 1. Схема восприятия текста художественной литературы.

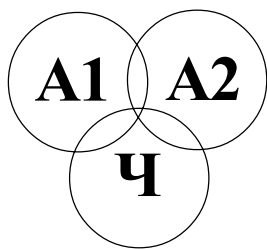

Рис. 2. Схема восприятия текста пародии.

совпадения читательского восприятия и интенций автора пародируемого произведения и автора пародии, это область совместного знания трех субъектов – пародируемого, пародирующего и воспринимающего. Причем пародируемых субъектов может быть несколько, если пародия носит многоадресный характер.

Для интерпретации пародии необходимо знание «базового объекта» – прототекста, т.е. читатель должен обладать неким базовым знанием. На основе базового знания при помощи «когнитивных усилий» происходит выделение, опознание, описание и классификация объектов/прототекстов, их категоризация.

При анализе пародии особенно необходим прототипический подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами. Пародия предполагает категоризацию типичных черт произведения автора, его творчества, литературного направления, жанра или социального факта в зависимости от типа пародии, от того, что пародируется.

В сознании любого индивида присутствует модель окружающего мира. При чтении художественного текста любого жанра эта читательская модель сопоставляется с авторской моделью, которая в той или иной мере представлена в тексте. Результат этого сопоставления может быть различным: сходство, частичное сходство, различие. При восприятии пародии фрагмент модели окружающего мира подается в ином – комическом – свете, происходит переформирование фрейма. Оценка не просто меняется, а происходит переоценка: великое уже не выглядит великим, мудрость подвергается сомнению, серьезное становится смешным.

Как известно, на основании фактов социально-исторических событий, их комментирования в СМИ, анализа в научной литературе, трактовки в публицистике, интерпретации в художественной литературе и прочих обстоятельств формируются культурная картина мира, ключевые концепты, образованные на их основе фреймы, сценарии и заполняющие их слоты.

В пародии, во-первых, концепты могут усложняться, дополняться новыми признаками, фреймы расширяются за счет периферийных необлигаторных элементов. Во-вторых, пародия при определенных условиях может способствовать реконструкции существующих фреймов, изменению сущности концептов. Раскрывается «другая сторона медали»: в положительном выявляются и подчеркиваются отрицательные черты.

Очень часто пародирование формы влечет за собой разрушение содержания. что ведет и к изменению точки зрения на описываемые события. Пародируется система взглядов, подвергается сомнению правильность распространенных, устоявшихся трактовок, разрушаются стереотипы. В конечном счете, могут произойти изменения менталитета.

Не случайно на стыке литературных направлений, при смене одного литературного направления другим наблюдается всплеск пародий. Пародия способствует отказу от предыдущих канонов, традиций: «пародия расцветает обычно в период литературной борьбы, в которой она выполняет важную роль, подчеркивая отжившие, устаревшие шаблоны и нормы. Так, широко известны пародии романтиков против представителей классицизма, пародии реалистов против романтиков и т.д.» [4]. Смена общественно-политических формаций также сопровождается бурным развитием пародийного жанра в целом, который включает литературные, эстрадные, песенные пародии кинопародии и др.

Так, в романе-пародии Гр. Грина «Монсеньер Кихот» [5] дон Кихот Сервантеса превращается в скромного священника, а его Санчо Пансо в оголтелого коммуниста, что не мешает им дружить, путешествовать вместе, подобно их знаменитым предшественникам, вести долгие беседы на политические и религиозные темы. В этом соединены совершенно разнородные вещи – маски героев Сервантеса, принцип романа-странствия, коммунистические, фашистские и церковные постулаты в изложении подвыпивших персонажей. Однако роман Гр. Грина является пародией не только на Сервантеса или на роман-странствие, определенные доктрины. Это пародия, в первую очередь, на существующие трактовки данных доктрин, на фанатиков любого толка, на образ мыслей и жизненные принципы обывателя.

Представляется интересным рассмотреть один из сценариев фольклорной сказки, который претерпевает изменение (переформирование) сначала в авторской сказке, а затем в сказке-пародии. Это сценарий «превращения». В фольклорной сказке превращение зверя, монстра, чудовища, лягушки и т.д. в красавца или красавицу происходит благодаря чудесным событиям, которым способствуют храбрость, героизм, терпение, верность и другие качества героев. Мораль этого сказочного хода заключается в том, что благородные качества могут возвысить предмет любви, сделать его достойным партнера. Этот фрейм сформирован в фольклорной традиции многих народов.

В авторской сказке этот и другие фреймы могут трансформироваться, дополняться другими идеями. В сказке Ш. Перро «Рикке с хохолком» герой превратился в красавца условно – лишь в глазах возлюбленной, которая, влюбившись в него, перестала замечать его физические несовершенства. Пафос этой сказки в том, что духовная красота и интеллектуальное богатство важнее внешней красоты и материальных ценностей.

В пародийно-сказочном мультфильме «Шрек» происходит переформирование сказочного фрейма:

страшила Шрек не превращается, как в обычной сказке, в красавца, чтобы стать достойным своей возлюбленной. Совершенно неожиданно – в противоположность типично сказочному ходу, но согласно пародийному принципу переворачивания, переименования прототекста – его красавица превращается в уродину, чтобы соответствовать своему герою. Мультфильм имеет типично сказочный счастливый конец – герои счастливы в своем уродливом обличье. Во второй части мультфильма «Шрек-2» после перипетий и приключений уже оба – Шрек и его жена Фиона – оказываются перед выбором превратиться или не превратиться в красивую пару. И принимают решение не превращаться, оставаться некрасивыми. Мораль этой сказки-пародии трудно сформулировать однозначно. Здесь высмеивается и принцип, бытующий в настоящее время среди некоторой части молодежи: жить хуже легче, не стоит стремиться к богатству, красоте, совершенству.

Как видим типично сказочный фрейм фольклорной традиции может усложняться, видоизменяться в авторской сказке и существенно реконструироваться, переформировываться в современной сказке-пародии.

В данной связи представляется уместным привести мнение из работы современного социолога У. Бенниса. По его словам, социальный мир несовершенный, непредсказуемый, неустойчивый. Он противоречив и

неясен, полон недоразумений и конфликтов, он подобен клоуну в храме. Он может меняться под твоим взором, иногда потому, что ты на него смотришь. Взгляд У. Бенниса на социальный мир очень напоминает взгляд пародиста, потому что он указывает на недостатки окружающего мира и подчеркивает, что многое зависит от того, как мы смотрим на мир, какова позиция наблюдателя. Под взором пародиста литературный или социальный факт трансформируется, поскольку он высвечивает недостатки и высмеивает их при помощи средств пародии. И сам пародист подобен клоуну в храме, поскольку пародия издавна имела право критиковать и насмехаться над самым высоким и неприкосновенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.
2. Turner M. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language. N.Y.: Oxford University Press, 1988.
3. Васильченко А.О. Объективация концепта «норма» через зевгму // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц. Барнаул; Москва, 2004.
4. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 259.
5. Greene Gr. Monsignor Quixote. L.: Penguin Books, 1983. 256 p.
6. Bennis W. Why Leaders Can't Lead: The Unconscious Conspiracy Continues / W. Bennis. San Francisco, 1989. P. 48.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СИБИРИ

Л.А. ИЛЬИНА

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ГЛАГОЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ В САМОДИЙСКИХ И ЮКАГИРСКИХ ЯЗЫКАХ*

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: Sektor-Tungusov@mail.ru

В статье сопоставляются глагольные формы, грамлеммы и внутрикатегориальные оппозиции засвидетельствованности (эвиденциальности) самодийских и юкагирских языков. Построена и использована при сопоставлении в функции эталона модель общесамодийской категориальной парадигмы засвидетельствованности. Выявлены семантически сходные эвиденциальные формы и функционально сходные эвиденциальные оппозиции сопоставляемых языков.

Ключевые слова: эвиденциальные грамлеммы, эвиденциальные оппозиции, типологическое сопоставление, самодийские языки, юкагирские языки.

Результаты современных исследований распространенности глагольной категории засвидетельствованности (эвиденциальности) в языках мира, ее общих и особенных черт в разных языках и языковых ареалах дают основание для выдвижения и верификации ряда научно значимых гипотез.

1. Языки, имеющие целостную глагольную категорию засвидетельствованности (далее – ГКЗ) с оппозицией глагольных грамлемм, указывающих на прямую (непосредственную) / косвенную (опосредованную) засвидетельствованность реальной ситуации, типологически существенно отличаются от языков, не имеющих ГКЗ, и могут быть выделены в типологическую языковую общность, репрезентирующую особый языковой тип [1; 2].

2. Существенная специфика языков данного типа реализуется как в особенностях организации грамматических систем, так и в особенностях их эволюции. Поэтому она более отчетливо проявляется в языках с древней глубоко исконной ГКЗ, нежели в языках с ГКЗ относительно позднего контактного происхождения. Следовательно, для выявления и раскрытия этой типологической специфики требуется обоснованный выбор в качестве объектов исследования языков, в которых ГКЗ имеет древнее происхождение и долговременно развивалась на исконной основе. Предполагается, что это в первую очередь ряд языков коренных этносов Северной Азии, Северной и Южной Америки.

3. Наличие ГКЗ – один из наиболее универсальных структурных признаков языков коренных этносов Северной Азии. Он типологически объединяет различные генетические языковые общности, становление и / или долговременное историческое развитие которых связано с северно-азиатским языковым ареалом, в том числе самодийскую и юкагирскую. Поэтому правомерно предполагать, что северно-азиатский языковой ареал мог быть древним центром генезиса ГКЗ и ее распространения в языках смежных ареалов вследствие исторических миграционных процессов и языковых контактов.

4. Заслуживает особого внимания и требует объяснения то, что среди языков Северной Азии, имеющих ГКЗ, и вообще среди языков «евразийского эвиденциального пояса» только в самодийских языках обнаружена субкатегория чувственной засвидетельствованности с оппозицией глагольных грамлемм, указывающих на зрительное / не зрительное (слух, осязание, обоняние) восприятие реальной ситуации. Наличие подобной оппозиции в ряде индейских языков Северной и Южной Америки позволяет предполагать, что это не инновационная, а очень древняя эвиденциальная оппозиция, присущая в диахронии языкам с глубоко исконной ГКЗ, но на документированных синхронных срезах эксплицитно сохранный в Евразии лишь самодийскими языками.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНГФ в рамках научно-исследовательского проекта РНГФ «Глагольная категория засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках: общее и особенное», проект № 08-04-00414 а.

Верификация изложенных гипотез в идеале предполагает широкое сопоставительное исследование ГКЗ и сопряженных с ней структурных признаков в языках северно-азиатского и смежных ареалов в предметах синхронической и диахронической типологии. Анализ общих и особенных черт ГКЗ самодийских и юкагирских языков представляется важным этапом такого исследования.

Во-первых, описания семантики и функций грамматических форм глагола на ранних документированных срезах этих языков в работах В. И. Иохельсона и Е. А. Крейновича (юкагирские языки), Г. Н. Прокофьева, Г. Д. Вербова и Н. М. Терещенко (самодийские языки) создали хорошие предпосылки: а) для доказательства существования в сопоставляемых языках целостной ГКЗ с оппозицией граммем прямой (непосредственной) / косвенной (опосредованной) засвидетельствованности; б) для установления и сравнения базовых значений и основных коммуникативных функций юкагирских и самодийских эвиденциальных граммем.

Во-вторых, лингвистические и междисциплинарные данные указывают, что самодийская и юкагирская языковые общности зародились и долгое время развивались в северно-азиатском языковом ареале – вероятном историческом центре генезиса ГКЗ. Это косвенно аргументирует древность и глубокую исконность ГКЗ в самодийских и юкагирских языках.

В третьих, в настоящее время имеет убедительную доказательную базу и широкое признание как среди урاليстов, так и среди юкагироведов гипотеза о родстве юкагирских языков с самодийскими и финно-угорскими языками в рамках уральской языковой семьи или, скорее, в рамках более широкой и древней генетической языковой общности («урало-юкагирской», «протоуральской», «раннеуральской») [3; 4; 5]. Это дает основание для постановки вопроса о возможном единстве происхождения ГКЗ самодийских и юкагирских языков.

Две важные общие черты ГКЗ юкагирских и самодийских языков хорошо прослеживаются при анализе и сопоставлении данных описательных грамматик этих языков: а) наличие в юкагирских и самодийских языках семантически сходных глагольных форм косвенной засвидетельствованности, совмещенно выражающих пересказывательное (цитативное, ренарративное) и инферентное (инференциальное) значения; б) выражение юкагирскими и самодийскими глагольными формами, традиционно трактующимися как индикативные формы времени, базовых значений прямой засвидетельствованности. Аналогичные черты ГКЗ наблюдаются во многих языках Евразии. Следовательно, ГКЗ самодийских и юкагирских языков не являются типологически аномальными на евразийском фоне, несмотря на свои существенные особенности. Сопоставлению ГКЗ двух наиболее документированных самодийских языков – ненецкого и селькупского – посвящены специальные работы [6; 7].

В.И. Иохельсоном в языке колымских юкагиров под термином «evidential mood» (эвиденциальное наклонение), а позже Е.А. Крейновичем в обоих сохранившихся юкагирских языках (колымском и тундренном) под терминами «очевидное наклонение» (в ранних работах) и «неочевидное наклонение» (в поздних работах) информативно описана многозначная глагольная форма косвенной засвидетельствованности с суффиксом =л'эл= [8; 9; 10; 11]. В языке тундренных юкагиров он имеет варианты =л'эн'= и =л'ан'= у непереходных глаголов 3-го л. ед. ч. [11, с. 140]. Исследователи отмечали, что эта глагольная форма используется главным образом в тех случаях, когда говорящий не был непосредственным свидетелем события, о котором сообщает, а знает о нем либо со слов других людей, либо по его очевидным косвенным признакам, например – по оставленным следам.

(1) юкК

Met ecie tij nutole ā=lel=um, monji. [8, с. 174]

‘Мой отец этот дом **сделал**, они говорят.’

(2) юкК

Tolou medin pogī=lel=i. [Там же]

‘Дикий олень только что **пробежал** (можно было сказать, если посмотреть на свежие следы оленьих копыт на земле).’

(3) юкТ

Тэтқанэ монңи, тэт илэ мо-појому=л'ан'. [11, с. 140]

‘О тебе говорили, что твои олени **умножились**.’

(4) юкТ

Ид'угојэгэндэн, Ид'илтвэј мэрэгуюј, пудэнимэнг мэқана=л'эл=ни, ақтэ н'умун'алпэ торот'энгл. [10, с. 127]

‘Утром Идилвей встал, соседние жилища (чумы) **откочевали**, только следы жилищ чернели.’

Важно подчеркнуть, что и В.И. Иохельсон, и особенно Е.А. Крейнович рассматривали общеюкагирскую глагольную форму инференции-пересказа с показателем =л'эл= не изолированно, а в противопоставлении другим глагольным формам. В первую очередь это форма с нулевым показателем, считающаяся основной формой времени изъявительного наклонения и обозначающаяся различными темпоральными терминами, главным образом – «аорист» и «настояще-прошедшее время». Однако в противопоставлениях с формой на =л'эл= она не является классической индикативной эвиденциально нейтральной формой, а отчетливо выражает значение

прямой засвидетельствованности. Более того, Е.А. Крейнович, опираясь на метаязыковые комментарии юкагиров, описывал оппозицию двух рассматриваемых форм в терминах чувственного восприятия: видел или не видел говорящий событие, о котором сообщает.

(5) юкК

Мэт экс 'ил' коңрот=л'эл. [11, с. 141]

‘Моя лодка **сломалась** (я увидел ее сломанной, но не видел, как это произошло).’

(6) юкК

Мэт экс 'ил' коңрожи. [11, с. 141]

‘Моя лодка **сломалась**, (я видел, как это произошло).’

Противопоставленность форм с показателями $=\emptyset=$ и $=л'эл=$ – единственный вариант центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности, доказательно выявленный в юкагирских языках. В самодийских же языках эта оппозиция реализуется в нескольких вариантах. По меньшей мере три основных варианта ее реализации являются общесамодийскими, так как прослеживаются и в селькупском языке, и в северносамодийских языках.

Ниже приведена эволюционно-типологическая модель общесамодийской парадигмы ГКЗ, ориентированная на поиск и обоснование самодийских аналогов юкагирских эвиденциальных граммем и юкагирской оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности. Общесамодийская парадигма смоделирована с учетом двух языковых уровней: 1) глубинного и исключительно устойчивого в диахронии уровня «системы», соотносительного с оппозициями базовых значений эвиденциальных граммем; 2) более изменчивого в диахронии уровня «нормы», соотносительного с двухсторонними носителями этих граммем – служебными морфемами эвиденциальных глагольных форм.

Символом \leftrightarrow обозначены основные варианты реализации центральной категориальной оппозиции глагольных граммем прямой / косвенной засвидетельствованности: АС / АД; АС / ВД; ВС / ВД. Оппозиция АС / АД образует в самодийских языках субкатегорию чувственной засвидетельствованности, уникальную сейчас на евразийском фоне. В ней противопоставлены глагольные граммемы, указывающие на зрительное (АС) или не зрительное (АД) чувственное восприятие говорящим реальной ситуации, о которой он сообщает. Оппозиция АС / АД обуславливает грамматически обязательную в самодийских языках дифференциацию чувственно воспринятых реальных ситуаций, репрезентированных в сообщениях, на видимые и невидимые. На документированных срезах юкагирских языков подобной оппозиции на сегодняшний день не обнаружено. Поэтому в качестве возможных самодийских аналогов юкагирской оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности могут рассматриваться только оппозиции граммем АС / ВД и ВС / ВД.

Включенная в обе эти оппозиции граммема ВД совмещает значения пересказа и инференции, являясь, следовательно, семантическим аналогом юкагирской формы косвенной засвидетельствованности с показате-

	С. Подсистема (субкатегория) прямой засвидетельствованности	Д. Подсистема (субкатегория) косвенной засвидетельствованности
А. Подсистема (субкатегория) чувственной засвидетельствованности реальной ситуации	<p>АС</p> <p>Уровень “системы” – граммема с базовым значением отчетливого зрительного восприятия ситуации</p> <p>Уровень “нормы” – морфемы, сменяющиеся в процессе языковой эволюции, но воспроизводящие граммему АС</p>	<p>АД</p> <p>Уровень “системы” – граммема с базовым значением слухового восприятия невидимой ситуации</p> <p>Уровень “нормы” – морфемы, сменяющиеся в процессе языковой эволюции, но воспроизводящие граммему АД</p>
В. Подсистема (субкатегория) ментально-вербальной засвидетельствованности сообщаемой информации	<p>ВС</p> <p>Уровень “системы” – граммема с базовым значением “личная отчетливая память”</p> <p>Уровень “нормы” – морфемы, сменяющиеся в процессе языковой эволюции, но воспроизводящие граммему ВС.</p>	<p>ВД</p> <p>Уровень “системы” – граммема “медиатива”, совмещающая значения пересказа и инференции</p> <p>Уровень “нормы” – морфемы, сменяющиеся в процессе языковой эволюции, но воспроизводящие граммему ВД</p>

лем =л'эл=. Семантический аналог юкагирской формы прямой засвидетельствованности с показателем =О= установить сложнее, поскольку в самодийских языках, в отличие от юкагирских, семантическая зона прямой засвидетельствованности представлена не одной глагольной формой, а двумя различными глагольными формами – носителями граммем АС и ВС. Допустимым представляется объяснение юкагирской формы с показателем =О= как совмещающей граммемы АС и ВС. Однако метаязыковые комментарии носителей юкагирских языков, приведенные Е.А. Крейновичем, и выводы самого Е.А. Крейновича указывают на типичное выражение юкагирской формой с показателем =Ø= значения зрительной засвидетельствованности [11, с. 139–144]. В таком случае данная юкагирская форма является семантическим аналогом самодийской граммемы АС, указывающей на отчетливое зрительное восприятие реальной ситуации, а юкагирская оппозиция прямой / косвенной засвидетельствованности является функциональным аналогом оппозиции самодийских граммем АС / ВД. Наличие на документированных срезах юкагирских языков глагольной граммемы зрительной засвидетельствованности представляется серьезным аргументом для обоснования гипотез: 1) о существовании в диахронии юкагирских языков субкатегории чувственной засвидетельствованности с оппозицией граммем, указывающих на зрительное / не зрительное чувственное восприятие реальной ситуации; 2) об исходной структурно-функциональной идентичности категориальных парадигм ГКЗ самодийских и юкагирских языков, нарушенной главным образом из-за утраты юкагирскими языками граммемы незрительной чувственной засвидетельствованности.

СОКРАЩЕНИЯ

юкК – юкагирский колымский; юкТ – юкагирский тундренный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дурст-Андерсен П.В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // ВЯ. 1995. № 6. С. 30–42.
2. Ильина Л.А. Засвидетельствованность как семантическая категория и как грамматическая категория глагола // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2008. № 4. С. 53–56.
3. Хелимский Е.А. Уральские языки // Языки Российской Федерации и соседних государств. М., 2005. Т. III. С. 254–258.
4. Николаева И.А. Юкагирский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. М., 2005. Т. III. С. 449–507.
5. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.
6. Ильина Л.А. Глагольная категория засвидетельствованности и проблема универсальной семантики индикатива // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2005. № 4. С. 13–16.
7. Ильина Л.А. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2006. Вып. 18. С. 79–119.
8. Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III. С. 149–180.
9. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.; Л., 1958.
10. Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки Азии и Африки. М., 1979. Ч. III. С. 348–368.
11. Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.

С.С. БУТОРИН

КОРРЕЛЯТИВНО-РЕЛЯТИВНЫЕ ЛОКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ*

канд. филол. наук, старший научный сотрудник
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: butorin_ss@mail.ru

В статье описывается система локативных коррелятивно-релятивных (местоименно-соотносительных) предложений, средством связи между частями которых служат двухместные и трехместные скрепы. Рассматривается семантика этих предложений: локационная – место осуществления ситуации в целом и директивная – указание на исходный и конечный пункты перемещения локализуемого объекта. Характеризуется гибкость структуры коррелятивно-релятивных предложений: постпозиция, препозиция и интерпозиция зависимой части относительно главной.

Ключевые слова: пространственные отношения, сложное предложение, средства связи, коррелятивно-релятивные предложения.

Предметом рассмотрения в данной работе являются сложные предложения с пространственной семантикой, которые в большинстве лингвистических работ относят к местоименно-соотносительным.

В этих предложениях в главной части используются соотносительные слова, представленные действительными (местоименными) наречиями места, а в зависимой – относительные слова, в иной терминологии – союзные слова (как правило, вопросительные наречия с пространственной семантикой). Указанные слова образуют двухместные скрепы [1, с. 163–166].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Категория локативности в кетском языке», проект № 07-04-00460а.

Компонент, располагающийся в главной части предложения, называют *коррелятом* (= соотносительное слово), а компонент в зависимой части – *релятом* (= относительное местоимение или союзное слово) [1, с. 162–163]. Предложения рассматриваемого типа будем относить к *коррелятивно-релятивным* (ср. термин *релятно-коррелятная структура*, введенный для описания кетского синтаксиса М.М. Костяковым [2, с. 78]).

Наличие в кетском сложных предложений указанного типа отмечается в ряде работ [2; 3, с. 194–197; 4, с. 344, 347–349]. Однако коррелятивно-релятивные предложения как подсистема сложных предложений с пространственной семантикой специально не изучались.

Прежде чем перейти к рассмотрению системы локативных коррелятивно-релятивных предложений, отметим, что в кетском языке имеются и иные типы сложных предложений с пространственной семантикой [5; 4, с. 342–356], в главной части которых часто используются корреляты, в частности:

1. Сложноподчиненные предложения (СПП) с придаточными места, оформленными показателями связи, омонимичными показателям дательного-направительного (=диңа) и местно-личного (=диңт) падежа:

кел. *тојал' дыл' џетна анунсас' уйбилот-диңа, бу тунас' қаҕа ат да тельмна* 'Короб с детскими игрушками стоял-где, (где короб с детскими игрушками стоял), она *туда* внутрь кость засунула' [5, с. 10];

сур. *дил' гит тол' дамн-динт, тунена десомдак* 'Дети спали где, *туда* (она) положила (это) (Где дети спали, туда она положила)' [Там же, с. 12].

2. СПП с постпозитивными скрепами (скрепами, располагающимися в постпозиции в составе зависимой части) *баң, баңа, баңдиңа, баңдиңал'*, которые восходят к падежным формам существительного *банг* 'земля, местность, место':

бат дол' дақ баң, ақ с'уң дол' аңтин 'Старик жил где, деревья *там* выросли' [6, с. 160];

кел. *кь'ол' кымтал' окс' ду:те баңга, тунеңа џ'ота асунодең оңон* 'Кривое дерево с дуплом растет где, туда наши охотники пошли' [5, с. 12];

буда ти·п тс'ес'ол'те баңдиңа, бун туниңа ди·мбес'ин '(Где) его собака сидела, к (тому) месту, они *туда* пришли (К тому месту, где его собака сидела, они туда пришли)' [4, с. 352];

ап ти·п тс'ес'ол'те баңдиңал', қан'ил' бу ди·мбес' '(Где) моя собака сидела от того места, от-туда он пришел (От того места, где моя собака сидела, оттуда он пришел)' [Там же];

ДВУХМЕСТНЫЕ СКРЕПЫ В СОСТАВЕ КОРРЕЛЯТИВНО-РЕЛЯТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Корреляты в кетском языке представлены дейктическими локативными наречиями, которые, как и указательные местоимения-прилагательные, различают три степени удаленности от дейктического центра (проксимальный, медиальный и экстремальный дейксис; далее – ПД, МД и ЭД) и образуют серии, включающие эссивные, аллативные и элативные члены.

В качестве синонимов могут быть использованы также наречия *с'иң* 'здесь' (эквивалентно *кис'аң* – ПД) и *с'уң* ~ *с'оң* 'там' (эквивалентно *тус'аң* – МД и *қас'аң* – ЭД). Кроме того, в кетском языке имеются морфологические варианты дейктических и вопросительных наречий [7], различающиеся своими словообразовательными формантами, в силу чего как корреляты, так и реляты в принципе могут быть представлены любым из вариантов. Распространены также полные и усеченные фонетические варианты компонентов скреп (табл. 1). Данные факты обуславливают вариативность комбинаторики компонентов двухместных скреп, что приводит к вариативности состава скреп.

По нашим наблюдениям, в результате исчисления в принципе возможных комбинаций коррелятов и релятов в кетском языке можно выделить ниже-

Таблица 1

Система локативных коррелятов и релятов в кетском языке

Корреляты – дейктические наречия

Тип дейксиса	Характер ориентации		
	Эссив	Аллатив	Элатив
ПД	<i>кис'аң</i> 'здесь'	<i>кин'иңа</i> / <i>кин'ес'</i> / <i>кин'тан</i> 'сюда'	<i>кин'иңал' ~ кин'ил' ~ кил'</i> 'отсюда' ¹
МД	<i>тус'аң</i> 'здесь / там'	<i>тун'иңа</i> / <i>тунес'</i> / <i>тун'тан</i> 'сюда/туда'	<i>тун'иңал' ~ тун'ил' ~ тул'</i> 'оттуда'
ЭД	<i>қас'аң</i> 'там'	<i>қан'иңа</i> / <i>қан'ес'</i> / <i>қан'тан</i> 'туда'	<i>қан'иңал' ~ қан'ил' ~ қал'</i> 'оттуда'

Реляты – вопросительные наречия

<i>бис'аң</i> / <i>бир'е</i> ~ <i>бил'е</i> 'где'	<i>бил'иңа</i> ~ <i>бин'иңа</i> / <i>бил'тан</i> / <i>бил'ес'</i> 'куда'	<i>бил'иңел' ~ бин'иңел' / бил'ил' ~ бин'ил'</i> 'откуда'
---	--	---

¹ Знак / разделяет морфологические варианты, а знак ~ – полные и усеченные фонетические варианты.

Т а б л и ц а 2

Двухместные локативные коррелятивно-релятивные скрепы

	Коррелят	Варианты коррелята	Релят	Варианты релята	Русский эквивалент
1а	кис'аң (ПД) 'здесь'	с'иң	бис'аң 'где'		здесь – где
1б	тус'аң (МД) 'здесь' / 'там'	с'оң ~ с'уң	бис'аң 'где'		там / здесь – где
1в	қас'аң (ЭД) ' 'там	с'оң ~ с'уң	бис'аң 'где'		там – где
1г	тус'аң (МД) 'там'	с'оң ~ с'уң	бил'иңа 'куда'	бил'тан' / бил'ес'	там – куда
1д	қас'аң (ЭД) ' 'там	с'оң ~ с'уң	бил'иңа 'куда'	бил'тан' / бил'ес'	там – куда
2а	тун'иңа (МД) 'туда'	тун'тан' / тун'ес'	бис'аң 'где'		туда – где
2б	қан'иңа (ЭД) 'туда'	қан'тан' / қан'ес'	бис'аң 'где'		туда – где
2в	тун'иңа (МД) 'туда'	тун'тан' / тун'ес'	бил'иңа 'куда'	бил'тан' / бил'ес'	туда – куда
2г	қан'иңа (ЭД) 'туда'	қан'тан' / қан'ес'	бил'иңа 'куда'	бил'тан' / бил'ес'	туда – куда
2д	тун'иңа (МД) 'туда'	тун'тан' / тун'ес'	бил'иңел' ~ бин'иңел' 'откуда'	бил'ил' ~ бин'ил'	туда – откуда
2е	қан'иңа (ЭД) 'туда'	қан'тан' / қан'ес'	бил'иңел' ~ бин'иңел' 'откуда'	бил'ил' ~ бин'ил'	туда – откуда
3а	тун'иңил' (МД) 'оттуда'	~ тунил'	бис'аң 'где'		оттуда – где
3б	тун'иңил' (МД) 'оттуда'	~ тунил'	бил'иңел' ~ бин'иңел' 'откуда'	бил'ил' ~ бин'ил'	оттуда – откуда'
3в	қан'иңил' (ЭД) 'оттуда'	~ қан'ил'	бил'иңел' ~ бин'иңел' 'откуда'	бил'ил' ~ бин'ил'	оттуда – откуда
3г	тун'иңил' (МД) 'оттуда'	~ тунил'	бил'иңа 'куда'	бил'тан' / бил'ес'	оттуда – куда
3д	қан'иңил' (ЭД) 'оттуда'	~ қан'ил'	бил'иңа 'куда'	бил'тан' / бил'ес'	оттуда – куда

приведенную подсистему коррелятивно-релятивных скреп (табл. 2). Линейное расположение компонентов может быть различным (см. ниже раздел о гибкости структуры коррелятивно-релятивных предложений).

Приведем основные случаи использования скреп согласно нумерации двухместных скреп в табл. 2.

1а. *кис'аң, бис'аң* *лти диңин ис' онаң, тус'аң* *бис'аң буң дуңин ис' қомэтаң* 'Здесь, где мы живем, рыбы много, а там, где они живут, рыбы мало' [8];

1б. *сан дуңин тус'аң / с'оң, бис'аң* *хиңнэ им ус'а?* 'Белки живут там, где кедровые орехи есть' [Там же];

1г. *бил'тан'* *бу оңон, с'оң* *хлңбаң (хлмган) дуңин* 'Куда он пошел, там эвенки живут' [Там же];

2а. *бес'н' блн (т)тајаңготин тунеңа / тун'тан,* *бис'аң қлти дуңин* 'Зайцы не ходят туда, где волки живут' [Там же];

2б. *буң оңон қанеңа, бис'аң* *с'уй онаңа* 'Они пошли туда, где комаров много' [9, с. 108];

2в. *ат боғот тун'иңа, бил'иңа ап дес иптен* 'Я пошла туда, куда мои глаза глядят' [8]; *бу оңон тун'тан', бил'тан'* *дерақонен* 'Он пошел туда, куда (его) отправили' [Там же];

2д. *дыр'ең ус'ка с'уғаоңден тун'тан, бинил'* *ди:мес'ин* 'Юраки пошли обратно туда, откуда пришли' [Там же]; *бинил'* *кимес, тун'тан / туниңа қоң* 'Откуда пришел, туда и иди' [Там же];

3а. *бу ди:мес тунил', бис'аң* *буңна қус' ховил'тэ* 'Он пришел оттуда, где их чум стоял' [Там же];

3б. *ас'пулаң укс'евей тунил', бин'ил'* *биңс'евей* 'Облака несет оттуда, откуда ветер дует' [Там же];

3г. *там ан ане хы(ј) блн дикс'ивис' тунил', бил'-тен* *бу оңон* 'Никто еще не приходил оттуда, куда он ушел' [Там же].

ТРЕХМЕСТНЫЕ СКРЕПЫ В СОСТАВЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ

Судя по материалам, приведенным Н.М. Гришиной [9], в кетском языке можно выделить не только двухместные, но и трехместные скрепы, состоящие из трех компонентов, представленных коррелятом в главной части и релятом, а также постпозитивными скрепами *баң, баңа, баңдиңа, баңдиңт(а), баңдиңал* (см. выше) в зависимой части:

туде баңдиңтен тул'иң бынс'а. ат тунил' доңон, бис'аң тул'иң усиң баңдиңа 'На этом месте ягеля нет. Мы **оттуда** ушли, **где** ягель есть, **туда (в то место)**' [Там же, с. 96].

Коррелят может опускаться, в результате чего представлены лишь два компонента в зависимой части – релят и постпозитивный компонент скрепы:

унтий тл'ас' дуйбине, бис'аң ха'ат тавот баң-га 'Туес с солью поставила, **где** парка лежит (**на том месте**)' [Там же, с. 120] – опущен коррелят *тунеңа* 'туда'.

В говорах кетского языка наблюдается вариативность в использовании разных типов сложных предложений с локативной семантикой, которые упоминались выше, например:

(говор пос. Бахта) *буң оңон қатена, бис'аң с'уй он'аң* 'Они пошли **туда, где** комаров много' ⇔ (говор пос. Келлог) *с'уй онаң баңдиңа, оңон* 'Где комаров много, пошли' (опущен коррелят *қатена* 'туда') [Там же, с. 108].

СЕМАНТИКА ЛОКАТИВНЫХ КОРРЕЛЯТИВНО-РЕЛЯТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Значение придаточного места, вводимого релятом, Н.С. Валгиной правомерно отождествляется с пространственным значением местоименного наречия, являющегося коррелятом [10, с. 342]. Это обусловлено тем, что данные предложения относятся к отождествительным предложениям, которые строятся на основе прямой соотносительности соотносительного слова (коррелята) и союзного слова (релята) и отождествления их содержания. Иными словами, придаточная часть лексически восполняет коррелят и занимает с ним одну синтаксическую позицию [11, с. 682, 684].

Коррелятивно-релятивные предложения передают локационные (в статических локативных ситуациях) и директивные (в динамических локативных ситуациях) значения.

Н.И. Формановская отмечает, что местоименные слова (=коррелят – релят) *там...где* указывают на место, где осуществляется какое-либо действие; *туда...куда* – направление движения; *оттуда...откуда* – исходный пункт движения [12, с. 96–97].

Корреляты, выраженные дейктическими пространственными наречиями, не называют предметные ориентиры: они лишь указывают на область пространства, в которой локализуется вся ситуация, описываемая

в главной части сложного предложения, а также указывают на направление перемещения локализуемого объекта. Зависимая часть, содержащая релят, уточняет, конкретизирует область пространства, где локализуется ситуация главной части предложения, или направление перемещения локализуемого объекта.

Эссивные корреляты *кис'аң* 'здесь' (ПД), *тус'аң* (МД), *қас'аң* (ЭД) 'там' указывают на область пространства (локум) (семантическая роль 'Место'), в котором локализуется вся ситуация, описываемая главной частью предложения; элативные корреляты *туниңил* (МД), *қан'иңил* (ЭД) 'оттуда' – на 'Исходный пункт'; аллативные корреляты *тун'иңа* (МД), *қан'иңа* (ЭД) 'туда' – на 'Конечный пункт' перемещения.

ГИБКОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Местоименно-соотносительные предложения относятся к предложениям с гибкой синтаксической структурой. Гибкость структуры проявляется в возможности помещения зависимой части в постпозиции, препозиции и интерпозиции по отношению к главной части. Например:

(а) постпозиция:

там ан ане хы(ј) блн диск'ивис' тунил', бил'тен бу о'юн 'Никто еще не приходил **оттуда, куда** он ушел' [8].

(б) препозиция:

бинил' кимес, тун'тан қоң 'Откуда пришел, **туда** и иди' [8]; ср. постпозиционное размещение: *дыр'ең ус'ка с'у'аоңден тун'тан, бинил' ди:мес'ин* 'Юраки пошли обратно **туда, откуда** пришли' [8].

(в) интерпозиция:

тун'ил', бил'тен (бил'тан) бу о'юн, там ана анэ ус'ка хы(ј) блн диск'ибес 'Оттуда, куда он ушел, никто обратно еще не возвращался' (букв. 'не возвращается') [8]; ср. постпозиционное размещение: *там ан ане хы(ј) блн диск'ивис' тунил', бил'тен бу о'юн* 'Никто еще не приходил **оттуда, куда** он ушел' [Там же]. Применительно к случаям помещения зависимой части в интерпозиции по отношению к главной части корректнее говорить о *расщепленной конструкции* (в англоязычной терминологии – *cleft-construction*), так как зависимая часть «вклинивается» в состав главной части, в которой коррелят при этом выносится в абсолютное начало главной части. Функциональные различия между структурными разновидностями коррелятивно-релятивных предложений являются предметом самостоятельного исследования.

Позиция коррелята также может варьировать. Коррелят может располагаться в начале (а), в конце (б), в середине (в) главной части сложного предложения:

(а) кел. *тун'тен' ат та:ја, бис'ең та'оне јел' абетан с'уң* 'Туда не ходи, **где** клюква растет там' [9, с. 102];

(б) *бу о'юн тунил', бис'аң буңна қус' ховил'та* 'Он ушел **оттуда, где** их чум стоял' [8];

(в) *лта ассуно дең тунтан оңон, бис'ең кал' оке' дубитен* 'Наши охотники туда пошли, где кривое дерево стоит' [12, с. 102].

Коррелят может опускаться: сум. *кус' ханто, бис'аң қа:рең баһ* 'Чум поставь, где старое место' (на старом месте). [Там же, с. 102]; ср.: *сан дуһин тус'ан, бис'ан хиңнэ им ус'аң* 'Белки живут там, где кедровые орехи есть' [8].

В заключение можно сделать вывод, что в кетском языке представлена стройная система коррелятивно-релятивных предложений, средством связи между частями которых служат двухместные скрепы, определяющие пространственную семантику этих предложений. В зависимости от семантики скреп выделяются сложные предложения с локационной и директивной пространственной семантикой, в которых зависимая часть уточняет место осуществления ситуации в главной части, а также исходный и конечный пункты перемещения локализуемого объекта. Помимо двухместных скреп в кетском выделены трехместные скрепы, один компонент которых (коррелят) представлен в главной части и два компонента (релят и постпозитивное служебное слово, восходящее к падежным формам существительного *баң*) – в зависимой. Коррелятивно-релятивные предложения характеризуются гибкостью структуры: зависимая часть может располагаться в постпозиции, препозиции и интерпозиции относительно главной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.
2. Костяков М.М. Основные черты кетского гипотаксиса // Исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1976. С. 72–81.
3. Werner, H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1995.
4. Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden, Harrasowitz Verlag, 1997.
5. Гришина Н.М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
6. Гришина Н.М. Сложноподчиненные предложения с послеложным словом *баң* в кетском языке // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 157–162.
7. Буторин С.С. Дейктические локативные наречия в кетском языке // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Сер. Филология. Новосибирск, 2008. С. 57–60.
8. Примеры записаны автором статьи в 2009 г. от носителя кетского языка Романенковой Валентины Андреевны из пос. Келлог Туруханского района Красноярского края во время ее пребывания в г. Новосибирске.
9. Гришина Н.М. Сложноподчиненные предложения (Сургутиха, Бахта, Сумароково, Келлог) // Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1982. Вып. IV. С. 92–121.
10. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978.
11. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
12. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 1978.

Т.А. ГОЛОВАНЕВА

МЕХАНИЗМЫ ИНТРОДУКТИВНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В КОРЯКСКОМ И АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКАХ (на примере номинаций людей)

канд. филол. наук, аспирант,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: gta-77@mail.ru

Статья посвящена изучению механизмов референции в фольклорных текстах на диалектах оседлых и кочевых коряков. С позиции теории референции сравниваются интродуктивные номинации референтов в фольклорных и бытовых текстах. В референциальном аспекте специфика мифологического текста, в отличие от бытового, заключается в высокой степени типизированности протагонистов, эта особенность позволяет использовать в качестве референтных имена нарицательные без дополнительных актуализаторов.

Ключевые слова: интродуктивная референция, имя собственное, дескрипция, фольклорный текст, корякский язык, алюторский язык.

В статье рассматриваются наиболее типичные для корякских и алюторских фольклорных нарративов механизмы интродуктивной референции семантических субъектов. Понятию *семантический субъект* тождественны понятия *главный участник ситуации, протагонист, актер, принципал* [1, с. 283], *центральный герой повествования* [2, с. 181].

Одним из главных экстралингвистических факторов, влияющих на выбор средств интродуктивной референции, является жанровая разновидность текста. В связи с этим появляется необходимость проследить зависимость выбора средств интродуктивной референции от жанровой специфики нарратива.

Весь объем опубликованных корякских и алюторских текстов можно разделить на мифологические и бытовые. К мифологическим относятся тексты Вороньего цикла и мифологические рассказы, к бытовым – автобиографические и охотничьи рассказы.

1. ИНТРОДУКТИВНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ: КАТАФОРА ИЛИ АНАФОРА?

Соотношение объекта реальной действительности и языкового знака является приоритетной сферой теории референции, поскольку язык воссоздает реальный мир, опираясь на именные группы, способные идентифицировать объекты реального мира.

Если интродуктивная референция имеет своей целью представить новый для адресата речи объект, то цель отсылочной референции – сохранение кореферентности в тексте [3, с. 5–6]. Отсылочная референция базируется на принципах отождествления, интродуктивная – на принципах индивидуализации.

Механизмы интродуктивной и отсылочной референции связаны с механизмами катафорической и анафорической связи. Интродуктивная референция обычно катафорична, а отсылочная референция – анафорична. Наличие у интродуктивной референции катафорического значения обосновывает Т. Гивон: «В грамматике **референциальной последовательности** референтные именные группы идентифицированы либо как те, которые будут **важны, актуальны**, и, таким образом, **постоянны** в последующей беседе, либо как те, которые будут незначительны, неактуальны, и, таким образом, непостоянны»¹ [4, с. 347].

Катафоричность интродуктивной референции проявляется преимущественно в литературном тексте, где первое упоминание героя «осуществляет катафорическое указание, отсылая получателя “вниз”, в последующее пространство текста» [5, с. 47]. Фольклорный текст является отражением всего культурного пространства, пронизанного множеством связей и ассоциаций, поэтому в фольклорном произведении введение референта нередко происходит за счет апелляции к общему фонду знаний этноса, отсылает не столько “вниз”, сколько “вверх”, ко всем тем историям, которые слушатели уже не раз слышали об этом герое. В связи с этим механизмы интродуктивной референции в фольклорном тексте, по существу, анафоричны.

Применяя теорию референции к фольклорному тексту, по определению типизированному, мы сталкиваемся с проблемой индивидуализации референта, так как в фольклорном тексте воссоздается мир не объективной, а условной реальности, в котором действуют не индивидуализированные, а напротив, типизированные герои.

2. НОМИНАЦИИ ЛЮДЕЙ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ И БЫТОВЫХ ТЕКСТАХ

Для осуществления интродуктивной референции в мифологических и бытовых текстах используются: 1) имена собственные, 2) дескрипции, 3) имена нарицательные: номинации по роду деятельности, племенные характеристики, гендерные термины.

2.1. Имена собственные

Одно из главных средств интродуктивной актуализации референта – имя собственное. Именам собственным изначально присуща референтная функция, поэтому они составляют особый класс референциально значимых слов. В традиционных корякских сказках Вороньего цикла интродуктивная референция постоянных персонажей преимущественно осуществляется при помощи имен собственных, в большинстве случаев лишенных дескриптивного значения (индексальные знаки). Круг персонажей этого цикла постоянен, за собственными именами стоят референты, «осязаемые» для носителей традиции, поэтому персонажи не нуждаются в дополнительном представлении. Ядро традиционной образной системы персонажей корякского и алюторского мифологического фольклора составляют персонажи Куйкыннюку (Куйкынеку, Куткыннюку, Кукэ), его жена Мити, их дети Эмэмкут (Амамкут), Йинианавыт (Тинианавыт). Их идентификация осуществляется, как правило, только с помощью имени собственного.

(1) кор., чавч.²

Кив'ңынин Митинак Кыг'уйкынеку... [7]

k=iw=ŋ=nin

miti=na=k

kəhujkə=nequ

PRES=говорить=PFV=3sgA+3P

Pers=sg=INSTR

Pers=AUG

‘Говорит Мити Кыуйкынеку...’ (мифологическая сказка)

¹ «In the grammar of **referential coherence**, referent NPs are identified as either those that will be **important, topical**, and thus **persistent** in the subsequent discourse, or those that will be unimportant, non-topical, and thus non-persistent. Topical referents are most commonly given special grammatical marking, while non-topical ones are left unmarked».

² В данной статье указание языков и диалектов производится по классификации, представленной в работе А.А. Мальцевой [6, с. 4].

Считается, что имя собственное в большинстве случаев лишено дескриптивного значения: «Обычное личное имя можно огрубленно определить как референтно употребляемое слово, использование которого *не* обуславливается каким-либо возможным для него дескриптивным значением и *не* обуславливается каким-либо общим правилом употребления в качестве референтного выражения (или в составе референтного выражения)» [8, с. 81]. Однако в мифологических текстах встречаются имена, которые не только идентифицируют протагониста, но и описывают его характерные свойства.

(2) кор., чавч.

Найэй нэнэлг'эм Вулвэ?эйимтилг'эм. [9, т. 22, пр. 35]

ṇajej	nən=ə=lh=ə=t	wulv=ə=əji=mti=lh=ə=t
те(оба)	имя=E=ATR=E=ABS.du	поперек=E=лук=существо=ATR=E=ABS.du

‘У них были имена Поперек-лук-носящих.’ (мифологическая сказка)

Имя собственное в данном примере обладает внутренней формой и фактически является определенной дескрипцией. В этом случае происходит наложение дескриптивной и идентифицирующей функций. Корякский и алutorский языки, будучи инкорпорирующими, располагают специфическим способом актуализации референта. В качестве актуализатора может функционировать, как в данном примере, именной инкорпоративный комплекс.

В бытовых текстах имена собственные функционируют только как индексальные знаки. Внутренняя форма имени (если она наблюдается) не соотносится с качествами референта.

(3) кор., чавч.

Ачам Нотаймовичинак кункамлланьңэнин ңэллэ. [9, т. 10, пр. 3]

acam	nota]moviči=na=k	ku=n=kamlil=an'=η=nin	ṇellə
Pers	Pers=SG=INSTR	PRES=CAUS=кпыт=VBLZ=PFV=3sgA+3P	табун

‘Ачам Нотаймович обошел табун.’ (автобиографический рассказ)

2.2. Термины родства

Введение референта при помощи терминов родства – универсальное свойство языка повествовательного фольклора.

В мифологических текстах Вороньего цикла отправной точкой разветвленной цепи родственных отношений служит центральный персонаж корякской мифологии – Куткыннаку.

(4) кор., чавч.

То г'ам чеймык Куткэнеку гайонаньңэволэн гэңэвэ Мити то кмиңэн Эмэмкут. [9, т. 11, пр. 12]

to	ham	čejmæk	kutkənequ	ɣa=jonan'=ṇəvo=len	ɣe=ṇev=e
и	но	близко	Pers	PP=жить=INCH=3sg	ASS=женщина=ASS
miti	то	kmiŋ=ə=n	ememqut		
Pers	и	сын=E=ABS.sg	Pers		

‘А поблизости жил Куткэнеку с женой Мити и сыном Эмэмкутом.’ (мифологическая сказка)

Определенная референция присуща терминам родства только в автобиографических рассказах, т.е. тогда, когда имеет место соотнесение текста с подлинной, объективной реальностью.

(5) кор., чавч.

Галла гэнъичитгилэңэ ковэтаньңэ ңэл'лг'эн. [9, т. 3, пр. 7]

həlla	ɣ=en'piči=tyileŋ=e	ko=vetan'=η=e	ṇelv=ə=lh=ə=n
мама	ASS=отец=приемный=ASS	PRES=работать=PFV=2/3sg	табун=E=ATR=E=ABS.sg

‘Мать с отчимом работают в табуне.’ (автобиографический рассказ)

В приведенном примере речь идет о родственниках рассказчика. В автобиографических рассказах исходной точкой обозначения референтов при помощи терминов родства является, как правило, повествователь.

2.3. Имена с локальными актуализаторами

Система средств актуализации референта зависит от жанровой специфики текста. Если в мифологических сказках используется круг постоянных имен, что позволяет обходиться без дополнительных идентифицирующих дескрипций, то в бытовых текстах, где круг референтов варьируется, дополнительные дескрипции, сопровождающие имя собственное при первом его упоминании, часто необходимы. В автобиографических и охотничьих рассказах типично использование определенных дескрипций с локальными актуализаторами.

(6) ал., пал.

Тытмэл ныйгинқин гиллин тэгырниқың аңқагырнэқың в'эйэмлэкин Палат. [10, т. 2, пр. 1]

təttəl'	n=ə=ɣjin=qin	ɣ=il=lin	te=ɣəni=ŋ=kə
очень	QUAL=E=азартный=3.sg	PP=быть=3sg	VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=CV.loc
aŋqa=ɣənekə=ŋ	wejemle=kin	palat	
море=зверь=DAT	Лесная=REL.sg	Pers	

‘Азартным охотником на морского зверя был лесновский Палат.’ (охотничий рассказ)

Привязанность субъекта к какому-то реальному пространству создает эффект правдоподобия, поэтому определенные дескрипции локативного значения используются именно в тех текстах, жанровая специфика которых предполагает установку говорящего на воссоздание подлинной ситуации.

В мифологических текстах имена с локальными актуализаторами востребованы в меньшей степени, что связано с типизированностью мифологических персонажей. Однако если в пределах одной мифологической системы сосуществуют два персонажа с одинаковыми именами, то локальные актуализаторы могут быть востребованы как средство дифференциации референтов. Так, в корякской мифологии помимо Эмэмкута – сына Куткыннюку, есть еще и другой Эмэмкут, его полное имя ‘Эмэмкутэкэл?эн’, что значит ‘не-Эмэмкут’. В тексте [9, т. 50, пр. 1] этот персонаж вводится при помощи определенной дескрипции с локальным актуализатором.

(7) ал., кар.

Этмэйол Эмэмкутэкэл?эн гаңволэн ивэк ... [9, т. 50, пр. 1].

?əttəjəl	ememkut=ə=kə=I?ə=n	ɣa=ŋvo=len	iv=ə=k
впереди	Pers=E=NEG=ATR=ABS.sg	PP=начать=3sg	говорить=E=CV.loc

‘Приморский Эмэмкут стал думать...’ (мифологическая сказка)

2.4. Номинация референта по роду деятельности

Актуализация референта при помощи лексемы, обозначающей его по роду деятельности, востребована как в мифологических, так и в бытовых текстах.

(8) кор., чавч.

Вəг'айок тагəйниңəлг'эн тəлэй... [9, т. 7, пр. 36]

vəhajok	ta=ɣəjni=ŋ=ə=lh=ə=n	tələ=j
потом	VBLZ.делать=зверь=VBLZ.делать=E=ATR=E=ABS.sg	идти=2/3sg.PFV

‘Потом охотник пошел...’ (мифологическая сказка)

В отличие от мифологических текстов, где наименование референта по роду деятельности соответствует высокой степени типизации протагониста, бытовым рассказам, воссоздающим правдоподобную ситуацию, свойственна определенная референция. В связи с этим номинация по роду деятельности, как правило, входит в состав определенной дескрипции:

(9) ал., пал.

Учителе Лонгинов гэнэв'йтлқилин витку-?ат нымк?а, ?ынкавасн мэлэт?у, митив' нмэйң?а. [10, т. 2, пр. 71]

učit'el'=e	lonɣinov	ɣe=n=ewje=lqi=lin	vitku-?at
учитель=INSTR	Pers	PP=CAUS=кушать=INCH=3sg	сперва-же
nəm̩k=ʔa	?ənkavasəŋ	melet=ʔu	mitiw
много=ADV	потом	по-тихоньку=ADV	утром

‘Учитель Лонгинов кормил Палята сначала немножко, потом побольше, а на другой день много.’ (охотничий рассказ)

2.5. Племенная характеристика протагониста

От имен с локальными актуализаторами и от терминов, характеризующих референта по роду деятельности, могут быть образованы термины, отражающие племенную характеристику протагониста.

(10) ал., пал.

Нəлвыл?ың гəйэллин вəтатынвың нымыл?ын. Нəлвыл?ыкин иррəт вəтс?о амчав'чав. [10, т. 3, пр. 1–2]

ŋal=vəl?ə=ŋ	ɣe=jel=lin	vetat=ə=nvəŋ	nəm=ə=I?ə=n
табун=NMLZ=E=DAT	PP=прибыть=3sg	работать=E=SUP	поселок=E=ATR=E=ABS.sg
ŋel=vəl?ə=kin	irret	vet=s?ə=	am=čawčəva=w
табун=NMLZ=E=REL.sg	отряд	работать=ATR=ABS.pl	только=чавчувен=ABS.pl

‘В табун пришел работать нымлан. В бригаде табуна работники только чавчувены.’

Племенная характеристика как средство интродуктивной референции чаще используется в исторических преданиях, где сюжетная интрига строится на противостоянии племен.

(11) кор. чавч.

То гэиунэллинэв' чав'чэвав' айэжнэмнэмэк. [9, т. 6, пр. 2]

to үе=june1=line=w **čawčəva=w** əj=ə=k nəm=nəm=ə=k
и PP=жить=3nsg=ABS.pl **оленовод=ABS.pl** они=E=LOC поселок=поселок=E=LOC
'И жили чавчувены-оленоводы в своем селении'. (историческое предание)

В данном случае референты вводятся как нераздельное множество, подобный способ интродуктивной референции наблюдается и в повествованиях бытового характера.

В бытовых текстах термины, отражающие племенную характеристику единичного референта, употребляются, как правило, в составе дескрипций, изолированно такие лексемы используются в том случае, если референты вводятся как нераздельное множество.

(12) ал., пал.

Орав'ач йаллат йэпоно. [10, т. 1, пр. 18]

ogawač jal=la=t **jərop=o**
потом прибыть=PL=3+PFV **японец=ABS.pl**
'Потом приехали японцы.' (автобиографический рассказ)

2.6. Половозрастная характеристика протагониста

Гендерная характеристика является наиболее общей и в то же время достаточной для идентификации единичного референта в фольклорном тексте. Типичный круг фольклорных персонажей: старик, мужчина, девушка, парень. В подобных случаях в качестве средства осуществления интродуктивной референции используется *неопределенная дескрипция с таксономическим значением*. В отечественной лингвистике данный термин впервые применяет Н.Д. Арутюнова в отношении объектов, совершенно не известных адресату: «Такой предмет должен быть не идентифицирован, а введен в фонд знаний слушающего. Говорящий не может в этом случае прибегнуть ни к определенной дескрипции, ни к имени собственному. Он должен начать с неопределенной дескрипции таксономического значения, то есть сообщить, к какому классу принадлежит предмет. Таксономическое значение само по себе не является идентифицирующим. Оно выполняет (в рамках неопределенной дескрипции) предикатную функцию. Смысл дескрипции входит в значение высказывания» [11, с. 23].

В мифологических текстах, в силу их типизированности, для осуществления референции главного персонажа повествования может быть достаточно гендерного термина. Парадокс в том, что имена нарицательные сами по себе, без актуализаторов, не имеют референциального значения [12, с. 84]. Однако в фольклорном тексте имена нарицательные без актуализаторов функционируют как условно-референтные, обозначая типизированного фольклорного героя.

(13) ал., пал.

Кулинэк ктав'ут гэрэлқиэ'лин ынпықлавол. [10, т. 16, пр. 104]

qulinek ktawut үе=re=lqiw=lin **ənp=ə=qlavol**
однажды вдруг PP=входить=INCH=3sg **старый=E=мужчина**
'Однажды вдруг вошел старик.' (мифологическая сказка)

В бытовых текстах изолированные гендерные термины функционируют как слабоопределенные в том случае, если относятся к эпизодическим референтам и дополнительно не конкретизируются в последующем повествовании.

(14) кор., чавч.

Қэйли ңанко эльг'а котваң. [9, т. 23, пр. 195]

qejlī ɳanko **el'ha** ko=tva=ŋ
правда там **девушка** PRES=быть=PFV
'Правда, там женщина находится.' (автобиографический рассказ)

2.7. Таксономическая характеристика 'человек'

Помимо гендерных терминов в фольклоре как условно-референтная может функционировать лексема *г'уемтэв'илг'ын* 'человек'.

(15) ал., пал.

Уйэптэв'ил?ын нотаң курткын, рараң гэв'эв'лин. [10, т. 18, с. 1]

ujemtewil?=ə=n nota=ŋ kur=tkən rara=ŋ ү=ewwew=lin
человек=E=ABS.sg тундра=DAT идти=IPFV дом=DAT PP=отправиться=3sg
'Человек из тундры домой отправился' (мифологическая сказка)

В бытовых рассказах без дополнительных актуализаторов лексема *г'уемтэв'илг'ын* для осуществления интродуктивной референции не используется. Это обусловлено тем фактом, что в социальном контексте этот термин не обладает ни идентифицирующей, ни дескриптивной функцией. Данная лексема без дополнительных актуализаторов может функционировать только как нереферентная.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выбор средств интродуктивной референции в корякском и алуторском языках во многом обусловлен жанровой спецификой текста. В отличие от бытовых текстов, где имена собственные функционируют только как индексальные знаки, в мифологических текстах имя собственное, представляющее собой именной инкорпоративный комплекс, может не только обозначать, но и характеризовать референта.

Если в мифологических текстах Вороньего цикла исходной точкой цепи родственных отношений является центральный персонаж Куткыннюку, то в автобиографических рассказах – повествователь. Имена с локальными актуализаторами в большей степени востребованы в бытовых текстах, жанровая специфика которых предполагает воссоздание подлинной ситуации. В мифологических повествованиях имена с локальными актуализаторами встречаются крайне редко, скорее как исключение из общего правила типизированного представления референта.

Номинация протагониста по роду деятельности без сопровождения актуализаторов в мифологических текстах функционирует как условно-референтная. В бытовых рассказах в целях осуществления определенной интродуктивной референции номинация по роду деятельности входит в состав определенной дескрипции.

И в мифологических, и в бытовых текстах для представления референтов как нераздельного множества может использоваться племенная характеристика. Для обозначения единичного референта племенной характеристики достаточно в том случае, если речь идет о типизированном референте.

В мифологических рассказах гендерные термины без дополнительных актуализаторов могут относиться к основным референтам повествования, в бытовых текстах изолированные гендерные термины относятся только к эпизодическим референтам.

В референциальном аспекте специфика мифологического текста, в отличие от бытового, заключается в высокой степени типизированности протагонистов, эта особенность позволяет использовать в качестве референтных имена нарицательные без дополнительных актуализаторов.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Языки и диалекты: ал. – алуторский язык, собственно алуторский диалект; кор. – корякский язык; кам. – каменский диалект; кар. – карагинский диалект; пал. – паланский диалект; чавч. – чавчувенский диалект.

Грамматические значения: 2, 3 – лицо, А – агенс; ABS – абсолют; ADV – наречие; ASS – ассоциатив; ATR – атрибутив; AUG – аугментатив; CAUS – каузатив; CV – конверб; du – двойственное число; DAT – датив; E – соединительный гласный; INCH – инхоатив; INSTR – инструменталис; IPFV – имперфектив; LOC, loc – локатив; NEG – отрицание; NMLZ – номинализатор; P – пациенс; Pers – собственное имя; PFV – перфектив; PL, pl – множественное число; PP – предикатив прошедшего времени; PRES – настоящее время; QUAL – качественное прилагательное или наречие; REL – относительное прилагательное; sg – единственное число; SUP – супин; VBLZ – вербализатор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылов С.А. Об употреблении термина «субъект» в современной лингвистике // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля. М., 2005. С. 281–324.
2. Ефимова З.В. Факторы, влияющие на выбор референциальных средств в японском нарративе // Актуальные вопросы

японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля. М., 2005. С. 177–209.

3. Селезнев М.Г. Функционирование механизмов определенной референции в процессе синтеза текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
4. Givón T. Functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
5. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. М., 2005.
6. Мальцева А.А. Морфология глагола в алуторском языке. Новосибирск, 1998.
7. Личный архив автора, собранный на основе экспедиционных материалов.
8. Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика. С. 55–86.
9. Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988.
10. Жукова А.Н. Язык паланских коряков. Л., 1980.
11. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика. С. 5–40.
12. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.

Г.В. ФЕДЮНЕВА

К ЭТИМОЛОГИИ ЧАСТИЦЫ *ТАЙ* 'ВЕДЬ, ЖЕ' В КОМИ И МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

канд. филол. наук, заведующая отделом языка,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар
e-mail: fed.lang@mail.komisc.ru

В статье критическому анализу подвергается гипотеза о заимствовании коми частицы *тай* 'ведь, же' из мансийского языка. Предлагается новая версия, согласно которой эта частица могла сформироваться в коми языке в результате контаминации указательной основы *та-* 'этот' и частицы *ај* 'же', утраченной коми языком, но сохранившейся в удмуртском. В пользу ее исконности говорит широкое распространение частицы во всех коми языках и диалектах, а также многообразие значений, выражаемых ею в различных речевых ситуациях. Косвенным доказательством того, что коми частица могла проникнуть в мансийский язык, а не наоборот, является большое количество коми заимствований в мансийском языке и весьма незначительное – мансийских в коми. Не исключена и возможность отдельного формирования этих частиц в контактных родственных языках.

Ключевые слова: частицы, коми язык, мансийский язык, этимология.

Вопросы, связанные с происхождением частиц в историко-лингвистических исследованиях, как правило, не получают достаточно полного освещения. Это объясняется, с одной стороны, некоторой недооценкой роли неноминативных слов как служебного разряда лексики, а с другой – самой природой частиц, реализующихся, прежде всего, в коммуникативно-дискурсивном аспекте языка, поэтому подверженных значительным изменениям. Этимологизация частиц в длительной исторической ретроспективе затруднена значительной формально-фонетической вариативностью, которая нередко обнаруживается даже в близкородственных языках. Еще большие трудности вызывает семантическая структура служебных слов, их многозначность, способность совмещать различные субъективно-объективные, контекстуальные, модальные и другие значения, объединяться в семантические комплексы и т.д. Особенно это касается частиц как грамматизированных выразителей смысловых и эмоционально-оценочных значений, приобретающих в конкретных коммуникативных ситуациях различные коннотации. «Выяснение вопросов формирования частиц... затруднено тем, что семантическая структура частиц иногда исключительно сложна... В таких случаях нередко трудно определить первоначальное значение, на основе которого развились другие, а следовательно, трудно найти семантические связи, послужившие основой для преобразования знаменательного слова в частицу» [1, с. 379]. Известная бессистемность частиц, разновременность и многообразие способов их формирования не позволяют использовать стандартные приемы сравнительно-исторического анализа, требуя индивидуального подхода к реконструкции их этимологической истории.

Много примеров тому дают финно-угорские языки [1, с. 115–152] и, в частности, рассмотренная в дан-

ной статье коми частица *тай* 'ведь, же, оказывается, чуть и др.', о происхождении которой известно лишь то, что она имеет соответствие в мансийском языке и, очевидно, образована от местоименной основы *та-* 'этот' [2, с. 379].

Генетическая связь указательных и указательно-выделительных частиц является едва ли не универсальным языковым явлением и не требует специальных доказательств. Во многих языках мира от указательных местоимений образуется большое количество демонстративов, в том числе наречий и частиц. Не являются исключением и финно-угорские языки, например, мордовские *се*, *те*, обско-угорские *та*, *ти* выступают как указательные местоимения со значениями 'тот', 'этот' и как усилительные частицы 'вот', 'вон', 'значит', 'так' и др.; марийские: *теве* 'вот (этот)' – *тува* 'вон (тот)' и саамские: *тёллэ* 'вон' – *тала*, *тэль* 'вот' частицы также образованы от указательных корней с помощью специальных суффиксов и т.д. [2, с. 257, 379; 3, с. 40; 4, с. 187; 5, с. 349].

В пермских языках указательные и усилительно-выделительные частицы также совпадают с соответствующими *т*-овыми и *с*-овыми указательными основами, например, коми: *кз*, повс. *то* 'вот там', вв.нв.печ. скр. *та* 'вот, вот здесь', вс. *ту* 'вот, вон': *ту би югö-ръясыс тыдалöны нин* 'вон уже огни показались' [6, с. 148]; *кя. та* 'на, вот здесь', *то* 'вот, вот тут (недалеко)', *то тай* 'вот же'; *то-то* 'вот-вот (недалеко), вон, гляди!'; *ты тай* 'вон же' [7, с. 80, 186, 188]; *кп. то* 'вот, вон, там, тут' и т.д. Формирование их происходило, прежде всего, за счет специальной суффиксации. Особенно разнообразны частицы коми-зырянских диалектов, где имеется большое количество вариантов, образованных от *т*-овых основ с различными огласовками: вв. *таа-нэ*, *таа-нэ-сь*, иж., печ. *та-й*, вым. *та-йö*, иж. *та-йэ*, вым. *та-йö-нö*, *та-йö-нö-сь*, иж. *та-*

йе-не ‘вот, вот здесь’, скр. *то-нӧ*, вс. *ту-та-йӧ-сь* ‘вон, вон там’, вым. *ти-йӧ*, вым. *тӧ-йӧ*, *тӧ-йӧ-нӧ-сь*, лл. *тэ-й*, *тэ-йа*, *тэ-ййа*, лет. *тэ-ййа-тӧ*, *тэ-йа-ка* ‘вон, вот’ и др. [6, с. 124; 8, с. 341, 362, 371; 9, с. 161; 10, с. 124]. Связь этих частиц с соответствующими указательными местоимениями прослеживается достаточно последовательно: в них сохраняются различные оттенки значения удаленности, в некоторых случаях даже оппозиция по дальности указания, например кз. иж. *тайэпэ* ‘вот, вот здесь’ (указывает на более близкое, знакомое) – *тийэпэ* ‘вон, вон там’ (указывает на более отдаленное, незнакомое) [11, с. 220–221]. Удмуртские *т*-овые указательные частицы также противопоставлены по корневому гласному: *тани* ‘вот’ – *тийни* ‘вон’: *тани татын завод луоз* ‘вот здесь завод будет’ – *тийни отын етин* ‘вон там лён’ [12, с. 338]. *С*-овые частицы, как правило, имеют нейтральное или дальнеуказательное значение ‘вот’, ‘вот тот, этот’, ‘вон там, тут’, например: кз. *со*, *сӧ*, *сы* ‘вот, вон’ [8, с. 341; 13, с. 116].

В этом контексте как коми, так и мансийская частицы *тай* могут быть возведены к указательной основе с большой долей вероятности. Однако остается вопрос: следует ли считать результатом параллельного развития в родственных контактных языках или заимствованием, и если последнее, то каково направление этого заимствования?

А.И. Сайнахова, специально исследовавшая служебные слова в мансийском языке, выдвинула гипотезу, что эта частица коми языком была заимствована из мансийского, где она сформировалась на базе личного местоимения 3-го лица множественного числа *тай*, *таан* ‘они’ [14, с. 276; 15].

Эта версия не может считаться достаточно убедительной по следующим причинам. Во-первых, переход личных местоимений в частицы – явление весьма редкое. Финская энклитическая частица *-han*, *-hän* < *hän* ‘он, она, оно’ является едва ли не единственным примером из финно-угорских языков [16, с. 213]. В мансийском же языке А.И. Сайнахова обнаруживает четыре такие частицы: *нанг* ‘ведь, же’ < *нанг* – местоимение 2-го лица ед.ч. ‘ты’; *тав* ‘же’ < *тав* – местоимение 3-го лица ед.ч. ‘он, она’; *май* ‘ведь, же’ < *май* – местоимение 1-го лица мн.ч. ‘мы’; *тай* ‘же, ведь’ < *тай* – местоимение 3-го лица мн.ч. ‘они’. К.Е. Майтинская, отмечая, что «личные местоимения в служебные слова переходят лишь в редких случаях», ссылается практически только на эти примеры [3, с. 209; 1, с. 126].

Развитие указательных частиц из личных местоимений А.И. Сайнахова объясняет следующим образом: «По всей вероятности, для усиления местоименного понятия, для более быстрого побуждения к действию того или иного лица и т.д. говорящий прибегал к повторному употреблению личных местоимений: *со тав*, *тав вос яли* ‘он, пусть он сходит’. С течением времени второе слово местоименного повтора обособилось от первого местоимения и стало употребляться либо с любым другим местоимением, в том числе

и с любым личным местоимением, либо с любым существительным, обозначающим лицо (предмет), придавая последнему тот или иной смысловой оттенок» [14, с. 277].

Преобразование личного местоимения в указательную частицу с усилительным значением теоретически возможно, однако для этого, по-видимому, больше подходят местоимения 2-го и 3-го лица ед.ч., непосредственно связанные с семантикой указательности. Неслучайно в роли усилительно-выделительных частиц обычно выступают посессивные суффиксы 2-го и 3-го лица ед.ч. Семантическая же трансформация местоимений 1-го и 3-го лица мн.ч. в частицу воспринимается с трудом. Более того, как отмечает А.И. Сайнахова, эти частицы по звуковому составу совпадают с личными местоимениями только в о д н о м г о в о р е северного наречия – верхне-лосъвинском, в других же «вместо *май* мы имеем *ман*, вместо *тай* – *тан*» [14, с. 277].

Трудно предположить, что формы личных местоимений со значениями ‘мы’ и ‘они’, бытующие в одном диалекте, могли пройти долгий и сложный путь грамматического преобразования в усилительную частицу с достаточно аморфной семантикой. Такого рода преобразования характерны для указательных местоимений, поскольку дейктическая функция указательных основ практически всегда сопровождается усилительно-выделительными коннотациями. Местоимения 2-го и 3-го лица ед.ч., которые во многих финно-угорских языках до сих пор демонстрируют тесные связи с указательными, также могут выступать в роли усилительных частиц. Однако переход местоимений 1-го лица, а также 3-го лица мн.ч. в частицы со значением ‘же’, ‘ведь’ воспринимается с трудом. Нелегко объяснить и тот факт, что на базе разных личных местоимений в мансийском языке возникли четыре семантически и функционально идентичные частицы.

Даже если допустить возможность такого развития для мансийского языка, сомнение вызывает то, что эта частица была заимствована из мансийского в коми язык. В последнем, на наш взгляд, имеются убедительные доказательства ее оригинального происхождения.

Прежде всего, во всех трех разновидностях коми языка – коми-зырянском, коми-пермяцком и коми-язьвинском – частица *тай* имеет абсолютное распространение, причем значение ее значительно шире, нежели в мансийском, где она выступает в усилительно-экспрессивной функции со значением ‘ведь, же’. Коми частица может передавать следующие семантические нюансы: 1) ‘оказывается’: кз. *тэ тай он узь* ‘ты, оказывается, не спишь’; кп. *сія тай абу мунӧм* ‘оказывается, он не ушел’; 2) ‘же’: кз. *то тай* ‘вот же’; 3) ‘ведь’: *вӧлыс тай нӧль кока да джӧмдалӧ* ‘лошадь ведь о четырех ногах да спотыкается’; 4) ‘небось’: *он тай олӧмтӧ бӧрӧ бергӧд* ‘жизнь, небось, назад не повернешь’; 5) ‘как оказалось’: *абу тай* ‘нету (с сожалением: а ожидалось)’; 6) ‘а’, ‘вдруг’: кз. *кыдз тай горӧдас* ‘а он как закричит!’, кп. *кыдз тай рьякӧстис* ‘вдруг как рывкнул!’ и др. В коми-язьвинском диалек-

те частица имеет значение 'чуть, едва': кя. *дзигали* – *тай вис'и* 'упал – чуть не убился'; ме *тай* ни вузали 'я чуть не продал' и др. [7, с. 80]. Такое же значение у коми-зырянской частицы *тайко* 'чуть, едва', образованной от рассматриваемой с помощью частицы же – ко '-то, если': *тайкӧ эг усь* 'я едва не упал'. В коми языке частица *тай* обнаруживается в составе наречия *ӧнтай* 'недавно, давеча' < *ӧні тай* 'теперь, только что, едва', а также в производных: *ӧнтайся*, *ӧнтай* 'давешний, недавний', *ӧнтайсянь* 'с недавнего времени' и др. Сомнительно, что мансийская частица, возникшая из узкодиалектной формы личного местоимения, получила такое функциональное развитие и абсолютное распространение в коми языке.

Происхождение коми частицы *тай*, по видимому, следует связывать с *т*-овой дейктической основой, тем более что в спонтанной речи она часто сопровождает указательные местоимения, например, кз. *то тай* 'вот же', *со тай* 'вон же', *то эстӧн тай тыдалӧ* 'вон там вот виднеется' и т.д., выступая в усилительно-указательном значении. Сочетание усилительно-выделительной и указательной семантики позволяет предположить некую контаминацию указательной основы с усилительной частицей.

В этом плане интерес представляет гипотеза И.С. Галкина, который сравнивает мансийскую частицу *тай* 'то, уже' с марийской *ай* (напр., *тол-ай* 'приди же') и считает ее финно-угорской по происхождению. Аналогичная частица имеется также в удмуртском языке (например, *ветлы ай* 'сходи же'), однако отсутствует в коми. Можно предположить, что на коми почве произошло сращение этой частицы с указательной основой, что подтверждают диалектные примеры, в которых сохраняется первоначальная структура, например, кз. печ. *тоай тай*, *тоӧй тай* 'вот, оказывается (где)' [17, с. 101]. Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует тот факт, что в ижемском и печорском диалектах частица *тай* имеет ярко выраженное указательное значение 'вот, вот здесь', а в присыктывкарском – выступает в качестве утвердительной частицы 'да, так', например: скр. *Лёк же талун – Лёк тай* 'Ну и плохая сегодня погода. – Уж не говори', букв. 'Плохо же сегодня. – Да, действительно плохо' [8, с. 362; 18, с. 184].

Если наши доводы не лишены основания, то, возможно, направление заимствования было от коми языка к мансийскому, а не наоборот. Косвенным доказательством в пользу этой гипотезы являются результаты исследований, проведенных в области контактной обско-угорско-пермской лексики, которые свидетельствуют о более сильном влиянии пермских языков на обско-угорские, нежели в обратном направлении. Выявленный сегодня пласт обско-угорской лексики в коми языке ограничивается двумя десятками слов, в большей части имеющих узкодиалектное употребление, тогда как пермский пласт как в хантыйском, так и в мансийском языках составляет несколько сотен общеупотребительных слов [19; 20; 21; 22; и др.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М: Наука, 1982.
2. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М: Наука, 1963.
3. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М: Наука, 1969.
4. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд., 1964. Ч. I: Морфология.
5. Афанасьева Н.Е., Куруч Р.Д., Мечкина Е.И. и др. Саамско-русский словарь. / Отв. ред. Р.Д. Куруч. М: Русский язык, 1985.
6. Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975.
7. Лыткин В.И. Коми-язвинский диалект. М.: Изд. АН СССР, 1961.
8. Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд., 1961.
9. Жилина Т.И. Вымский диалект коми язык. Сыктывкар: Пролог, 1998.
10. Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник: Тр. Ин-та ЯЛИ АН СССР. Коми филиал. Вып. 10. Сыктывкар: Коми кн. изд., 1966.
11. Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд., 1976.
12. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд., 1962.
13. Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978.
14. Сайнахова А.И. Местоименные частицы в мансийском языке // Советское финно-угроведение. Таллин, 1965. № 4. С. 273–279.
15. Сайнахова А.И. Служебные слова в мансийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
16. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М.: Наука, 1953. Ч. 1.
17. Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд., 1976.
18. Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971.
19. Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: The Hague, 1970.
20. Rédei K. Obi-ugor jövevényeszek a zürjén nyelvben // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1964. K. 66. Old. 3–15.
21. Rédei K., Róna-Tas A. Zu den syrjänischen Lehnwörtern der obugrischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1973. Bd. 40. S. 177–184.
22. Toivonen J. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1956. Bd. 32. H. 1–2. S. 1–169.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка; **вс.** – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка; **вым.** – вымский диалект коми-зырянского языка; **иж.** – ижемский диалект коми-зырянского языка; **кз.** – коми-зырянский язык; **кп.** – коми-пермяцкий язык; **кя.** – коми-язвинское наречие; **лз.** – лузско-лещинский диалект коми-зырянского языка; **манс.** – мансийский язык; **мар.** – марийский язык; **морд.** – мордовский язык; **нв.** – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; **печ.** – печорский диалект коми-зырянского языка; **сс.** – среднесысольский диалект коми-зырянского языка; **уд.** – удорский диалект коми-зырянского языка; **удм.** – удмуртский язык; **фин.** – финский язык; **хант.** – хантыйский язык.

Г.П. ИВАНОВА

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ***

соискатель,
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: tervhen66@mail.ru

Основным средством выражения условных отношений в вепском языке являются бифинитные сложноподчиненные предложения с глаголами в формах кондиционала и аналитическими скрепами недифференцированной семантики.

Ключевые слова: вепский язык, условные сложноподчиненные предложения, кондиционал, аналитические скрепы.

Условные конструкции (УК) обозначают взаимосвязь двух событий: в зависимой предикативной единице (ЗПЕ) формулируется условие, осуществление которого вызывает следствие, названное в главной предикативной единице (ГПЕ). «Условные конструкции любого языка служат для выражения гипотетической обусловленности» [2, с. 710], которая предполагает нереальность обуславливающего явления, поэтому ЗПЕ в УК характеризуется нереальной модальностью и обозначает потенциальность, нереализованную возможность или желательность события или явления. Эта особенность составляет универсальный отличительный признак УК в языках разных систем.

По признаку модальности ЗПЕ мы разграничиваем собственно-условные и несобственно-условные конструкции в вепском языке. К собственно-условным относятся предложения, в которых ЗПЕ характеризуется нереальной (потенциальной или ирреальной) модальностью. Несобственно-условными являются предложения, в которых при показателях связи, характерных для собственно-условных УК, сказуемое ЗПЕ имеет реальную модальность.

1. СОБСТВЕННО-УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Собственно-условные конструкции представлены двумя разновидностями: с семантикой потенциального и ирреального условия. В потенциально-условных УК событие, названное в ЗПЕ, оценивается как возможное, тогда как в ирреально-условных – как невозможное, неосуществившееся.

В потенциально-условных УК используются неспециализированные средства связи – аналитические скрепы союзного типа, которые могут передавать также и другие типы отношений между событиями – временные, причинные и др. Специализированным средством выражения условных отношений в вепском языке служит глагольная форма кондиционала, использующаяся в ирреально-условных УК и обозначающая нереализованную возможность совершения действия. «Кондиционал, или условное наклонение, дает представление о действии, которое воспринимается как желаемое, возможное или чем-либо обусловленное» [1, с. 138].

Система УК в вепском языке формируется бинарной оппозицией потенциально-условных и ирреально-условных конструкций. Поскольку маркированным членом этой оппозиции являются ирреально-условные конструкции, в которых используется специализированное средство выражения условных отношений – кондиционал, начнем описание УК с этой разновидности.

1.1. Ирреально-условные конструкции

В ирреально-условных предложениях сообщается о событиях, которые не могли или не могут / не смогут состояться. Значение нереализованной возможности передается специализированным средством – формой сослагательного наклонения – кондиционала. Показателем кондиционала является суффикс *-iži-* / *-iž-*. Мнения исследователей вепского языка о количестве временных форм кондиционала расходятся. Н.Г. Зайцева выделяет четыре временные формы кондиционала: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект [1, с. 139]. М.И. Зайцева описывает три формы кондиционала: презенс, перфект (синтетический и аналитический) и плюсквамперфект [3, с. 256]. М.М. Хамляйнен выделяет две формы: презенс и имперфект [4, с. 91]. На материале языка сибирских вепсов нами выявлены две временные формы кондиционала – презенс и синтетический перфект.

*Работа подготовлена на материале языка сибирских вепсов, проживающих в Аларском районе Иркутской области, собранном в 2006–2008 гг. Использовались также данные монографии Н. Г. Зайцевой «Вепский глагол» [1]. Картотека примеров насчитывает около 70 фраз.

Форма презенса кондиционала обозначает нереальное действие, которое говорящий соотносит с будущим. «Формы презенса кондиционала имеют значение возможного действия в будущем» [1, с. 141]. Она образуется при помощи суффикса *-iž(i)-*, который выступает во всех лицах, кроме 3-го лица мн. ч. В 3-м лице мн. ч. и в отрицательных формах мн. ч. используется суффикс *-daiž(i)-* / *-taiž(i)-*:

(1) *Tö lämbitaižit' külbetin', mö tijalo tuližim.*

tö lämbita=**iži**=t' külbeti=n' mö tija=lo
вы истопить=**COND_{PR}**=2Pl баня=ACC/Sg мы вы=ALLAT
tuli=**iži**=m
прийти=**COND_{PR}**=1Pl
'Вы бы истопили баню, мы бы к вам пришли.'

(2) *Oližin' mina nor', mina putuižin.*

oli=**iži**=n' mina nor' mina en
быть=**COND_{PR}**=1Sg я молодой я не/1Sg
putu=**iž**
промахнуться=**COND_{PR}**
букв.: 'Будь я молодой, я не промахнусь.'
'Был бы я молодой, я бы не промахнулся.'

Форма перфекта кондиционала обозначает неосуществленное действие, которое говорящий связывает с каким-либо действием в прошлом. «Форма перфекта (кондиционала) имеет значение возможного действия в прошлом без обозначения точного времени» [1, с. 155]. Она образуется сочетанием личных форм вспомогательного глагола *olda* 'быть' в форме презенса кондиционала и II активного причастия спрягаемого глагола с суффиксом *-nu* в ед. ч. и с суффиксом *-nuded* во мн. ч., например: *oli=iži=n' tuu=nu* 'я пришел бы' (быть=**COND_{PR}**=1Sg прийти=PP/Sg), *oli=iži=m tuu=nuded* 'мы пришли бы' (быть=**COND_{PR}**=1Pl прийти=PP/Pl).

(3) *Em oliž löudnuded lehmad, ku ii baboi.* [1, с. 156]

em ol=iž löud=nuded lehma=d ku
не/1Pl быть=**COND_{Perf}** найти=PP/Pl корова=PART/Sg если
ii baboi=Ø
не/3Sg бабушка=NOM
'Мы бы не нашли тогда корову, если бы не бабушка.'

Форма перфекта может быть образована синтетически. Формальным показателем кондиционала синтетического перфекта является суффикс *-nuiž(i)-*:

(4) *Mina en langenuiž ku sina mindai ei rehkuoi.*

mina en lange=**nuiž** ku sina min=da=i ei
я не/1Sg упасть=**COND_{Perf}** если ты я=PART=Sg не/2Sg
rehku=toi
толкнуть=REFL/Pr
'Я бы не упал, если бы ты меня не толкнул.'

На употребление синтетического перфектного кондиционала приходится 1 % выборки. Формы аналитического кондиционала перфекта и кондиционала плюсквамперфекта не зафиксированы.

Формы кондиционала могут соотноситься по-разному: в пределах одного предложения могут совпадать одноименные формы в обеих частях, либо в разных частях могут сочетаться формы кондиционала презенса и кондиционала перфекта.

(5) *Em nägištaiž händast, ku ii sanuiž prihäine.* [1, с. 148]

em nägiš=**taiž** händ=da=st ku
не/1Pl увидеть=**COND_{PR}**/Pl он=PART=POSS/3Sg если
ii sanu=**iž** prihäine=Ø
не/3Sg показать=**COND_{PR}** мальчик=NOM/Sg
'Мы бы не увидели его, если бы мальчик не показал.'

(6) *Olniž lebokur ka en voiniž muga äjan tehta.* [1, с. 151]

ol=**niž**=Ø lebokur=Ø ka en
быть=**COND_{PERF}**=3Sg перерыв на отдых=NOM/Sg то не/1Sg
voi=**niž** muga äjan teh=ta
мочь=**COND_{PERF}** так много сделать=INF I
'Если бы был перерыв, то так много не могла бы сделать.'

(7) *Andnuižin' kätt hänolo, ku hän kacuiž.*

and=**nuiži**=n' kätt=Ø hänolo=lo **ku** hän
 подать=**COND**_{PERF}=1Sg рука=ACC/Sg он=ALLAT/Sg **если** он
 касу=**iž**=Ø
 смотреть=**COND**_{PR}=3Sg
 'Я подала бы ему руку, если бы он смотрел.'

Таксисная зависимость условия и следствия представлена соотношением: условие всегда предшествует следствию.

Ирреальные УК, в которых условие и следствие направлены в будущее, более всего используются в речи сибирских вепсов. Они составляют 90 % всех примеров в выборке. События, ориентированные в будущее, имеют невысокие шансы на осуществление, и естественно представлять их как нереальные.

1.2. Потенциально-условные конструкции

В потенциально-условных конструкциях действие, названное в ЗПЕ, оценивается как возможное. Значение потенциального условия создается соединением значения возможного, прогнозируемого события, выражаемого союзами недифференцированной семантики (*ku* 'если', *ku... ka...* 'если... то...', *bude* 'если') и модально-временными характеристиками сказуемых УК. В потенциально-условных конструкциях, как правило, обе части относятся к одному временному плану настоящего / будущего. Эти предложения очень частотны и выражают **собственно условное значение**. Отнесенность действия в ЗПЕ к настоящему / будущему временному плану выражается бытийными, каузативными и инхоативными глаголами при аспектальной характеристике продолжительного действия, которая выводится контекстуально:

(8) *Ku čoma päiv linneb, lähtem senhe.*

ku čoma päiv=Ø linne=b
если хороший день=NOM/Sg быть=Pr/3Sg
 lähte=m sen=he
 пойти=Pr/1Pl гриб=ILLAT/Pl
 'Если будет хороший день, пойдём по грибы.'

(9) *Ku sina uskoid' miniin', radaškam ühtes.*

ku sina uskoi=d' mini=Ø=in' rada=ška=m
если ты веришь=Pr/2Sg я=ALLAT=1Sg работать=INCH=Pr/Pl
 ühtes
 вместе
 'Если ты веришь мне, будем работать вместе.'

(10) *Bude lähtod mindaime, ka mina varastan.*

bude lähto=d min=dai=me **ka** mina varasta=n
если пойти=Pr/2Sg я=PART/Sg=COM **то** я подождать=Pr/1Sg
 'Если пойдёшь со мной, то я подожду.'

Модальность ГПЕ и ЗПЕ может не совпадать:

(11) *Ku tahtoid' söda, kiita iče.*

ku tahtoi=d' sö=da kiita=Ø iče
если хотеть=Pr/2Sg есть=INF I варить=IMP сам
 'Если хочешь есть, вари сам.'

2. НЕСОБСТВЕННО-УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В несобственно-условных конструкциях ЗПЕ характеризуется реальной модальностью и временным планом настоящего / будущего времени. По семантике такие предложения сближаются с временными и причинными, и различить их можно по ситуации (контексту):

(12) *Ku hän tulob, mö hänt hüväžti adivoičem.*

ku hän tulo=b mö hän=t hüväžti adivoiče=m
если он прийти=Pr/3Sg мы он=PART/Sg хорошо угостить=Pr/1Pl
 'Если / когда / как он придёт, мы его хорошо угостим.'

Если говорящий имеет в виду, что лицо, которое ожидают, может не прийти, тогда отношение между событиями носит условный характер, а если берется в расчет только соотношенность событий во времени, то предложение прочитывается как временное.

Если в ЗПЕ есть модальность знания (говорящему точно известно, что тот, с кем он хочет пойти в клуб, останется дома, по этой причине и он отказывается от выхода в клуб), отношение понимается как причинное:

(13) *Ku sina ed mano klubha, ka mina mugažo gän kodihe*

ku	sina	ed	māno=∅	klub=ha	ka	mina
если	ты	не/2Sg	пойти=Pr/2Sg	клуб=ILLAT/Sg	то	я
mugažo		gā=n		kodi=he		
тоже		остаться=Pr/1Sg	дом=ILLAT/Sg			

‘Раз ты не пойдёшь в клуб, я тоже останусь дома.’

Ср. употребление *ku* в собственно-временном значении:

(14) *Ku kudoin' meršin', ka kaik kädod satatin'*

ku	kudo =i=n'	meršin'=∅	ka	kaik
когда	вязать=IMPF=1Sg	заплечный мешок=ACC/Sg	то	все
kädo=d		satat=i=n'		
рука=ACC/Pl		поранить=IMPF=1Sg		

‘Когда вязал заплечный мешок, то все руки поранил.’

(15) *Mina ku herāštmoi, ka ii lenu nikeda*

mina	ku	herāšt=i=moi	ka	ii	le=nu
я	когда	проснулся=IMPF=1Sg	то	не/3Sg	быть=PP
nike=da					
никто=PART					

‘Когда проснулся, то никого не было.’

Временные формы глаголов – сказуемых ГПЕ и ЗПЕ могут не совпадать (настоящее – прошедшее) или иметь общий план прошлого (прошедшее – прошедшее). В этом случае условное отношение может осложняться оттенками значения **предположения** и **логического вывода**:

(16) *Ku babko os't' gāuhod paštab liibad.*

ku	babko=∅	os't'=∅	gāuho=d	pašta=b
если	бабушка=NOM/Sg	купить=IMPF/3Sg	мука=PART/Sg	испечь=Pr/3Sg
liiba=d				
хлеб=PART/Sg				

‘Если бабушка купила муки, испечет хлеб.’

(17) *Ku dōjočkāine sanui pravdan, hānon tat gö tuli.*

ku	dōjočkāine=∅	sanui=∅	pravda=n	hāno=n
если	девочка=NOM/Sg	сказать=IMPF/3Sg	правда=GEN/Sg	она=GEN/Sg
tat=∅		gō		
отец=NOM/Sg		уже	приехать=IMPF/3Sg	

‘Если девочка сказала правду, её отец уже приехал.’

В таких предложениях элиминирована модусная часть: *Если девочка сказала правду, {это означает, что} отец уже приехал*. Условные отношения устанавливаются между ЗПЕ, вводимой условным союзом, и отсутствующим модусным звеном, которое в свою очередь служит главной частью в изъяснительном биноме.

* * *

Таким образом, основным грамматическим признаком собственно-условных конструкций в вепском языке является нереальная модальность ЗПЕ. Значение ирреального условия передается специализированным средством – формой кондиционала с суффиксом *-iži-* / *-iž-*. Временные планы сказуемых в ирреально-условных предложениях могут совпадать (презенс ГПЕ – презенс ЗПЕ; перфект ГПЕ – перфект ЗПЕ) или не совпадать (презенс ЗПЕ – перфект ГПЕ). Наиболее частотными являются предложения с общим временным планом настоящего / будущего.

Значение потенциального условия передается союзами недифференцированной семантики и модально-временными показателями сказуемых УК. Отнесенность событий к настоящему / будущему и значение продолжительности формируют собственно-условные потенциальные УК.

Несобственно-условные конструкции характеризуются осложнением семантики причинными или временными отношениями, что сопровождается соотношением временных характеристик сказуемых, нетипичных для собственно-условных предложений, и реальной модальностью сказуемого ЗПЕ.

Особенностью системы условных конструкций вепского языка является маркированность того члена оппозиции, который связан с выражением ирреально-условных отношений при помощи формы кондиционала. По-

тенциально-условные отношения не имеют специфических средств выражения, в них используются союзы, передающие также временные отношения. Поэтому в потенциально-условных конструкциях особое значение приобретает соотношение модально-временных характеристик сказуемых, на основе которых возможно разграничение условных и временных отношений в рамках недифференцированной по семантике конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева Н.Г. Вепский глагол. Петрозаводск, 2002.
2. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
3. Зайцева М.И. Грамматика вепского языка. Л., 1981.
4. Хамляйнен М.М. Вепский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC – винительный падеж; ALLAT – аллатив (внешне-местный падеж); COND_{PERF} – кон-

диционал перфект; COND_{PR} – кондиционал презенс; GEN – родительный падеж; ILLAT – иллатив (внутренне-местный падеж); IMP – повелительное наклонение; IMPF – простое прошедшее время; INCH – суффикс начинательного действия; INF I – первый инфинитив; NOM – именительный падеж; PART – партитив (частичный падеж); Pl – множественное число; PP – активное причастие прошедшего времени; POSS – лично-притяжательный суффикс; Pr – настоящее время; Sg – единственное число.

С.В. ОНИНА

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

канд. филол. наук, доцент,
Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
e-mail: OninaS@yandex.ru

Составные (двух-, трех-, четырехкомпонентные) слова в хантыйском языке являются целостными в фонетическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом отношениях лексическими единицами. Самым продуктивным в образовании составных наименований является лексико-синтаксический способ. В статье рассматриваются типы построения устойчивых словосочетаний.

Ключевые слова: хантыйский язык, устойчивые словосочетания, модель, двухкомпонентные названия, многокомпонентные названия.

Цель данной статьи – провести структурный анализ типов устойчивых словосочетаний хантыйского языка, являющихся единицами номинативного плана, и определить наиболее продуктивные модели их образования.

Интерес к исследованию типов устойчивых словосочетаний хантыйского языка определяется тем, что научная разработка вопросов о составных наименованиях поможет, во-первых, решить ряд проблем теории словосочетаний, фразеологии и лексики, во-вторых, поставить на научную основу практику лексикографирования неоднословных наименований (терминов).

Мы придерживаемся мнения В.В. Виноградова о том, что словосочетание – это единица называния, обозначения, и рассматриваем целостные устойчивые словосочетания, которые несут номинативную функцию.

В работе для номинации ряда понятий и терминов нами вводятся рабочие обозначения. Термин «номинативная единица» употребляется при денотативной классификации лексики хантыйского языка и служит

для соотнесения с данным референтом, указывает на предмет безотносительно к его природным или отличительным свойствам. Такие лингвистические термины, как «единица языка», «языковая единица», «лексическая единица», «единица наименования», в данной статье используются как синонимы, их основное содержание имеет материальный (вещественный, т.е. не грамматический) характер.

Большую группу названий реалий в хантыйском языке занимают наименования, представляющие устойчивые словосочетания. Нами выявлены субстантивные словосочетания, к которым относятся различные типы устойчивых определительных словосочетаний, составляющих именную группу. Структура определительных словосочетаний представлена формулой «определение + определяемое». В качестве определения может выступать существительное, имя прилагательное, имя числительное и причастие. По структуре компонентов, входящих в название, они представлены простыми (двучленными) и сложными (многочленными) единицами.

1. ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ НАЗВАНИЯ

Структура двусоставных названий представлена следующими моделями:

1.1. Модель «имя существительное + имя существительное»

В лексических единицах, образованных по данной модели, оба компонента употребляются без лично-притяжательных показателей. В роли определяющего компонента чаще всего выступает имя существительное во внепадежной форме в единственном числе.

Определятельный компонент – простое непроезводное имя существительное в номинативе единственного числа, например: *ńõplaw mil* ‘зимняя шапка из шкуры августовского оленя’ (от *ńõplaw* ‘шкура августовского оленя’ + *mil* ‘шапка’), *onas xopti* ‘олень в обозе, караване’ (от *onas* ‘обоз’ + *xopti* ‘кастрированный олень-бык’), *tura pãt* ‘подушечки подкопытные’ (от *tura* ‘копыто’ + *pãt* ‘дно’).

Предшествуя определяемому слову, определяющее имя во внепадежной форме выступает как определение главного. Определительные слова в таких конструкциях указывают на всевозможные признаки предмета, называемого главным компонентом.

В соответствии с семантикой компонентов предметные определительные составные слова делятся на следующие семантические разряды:

1) определительная часть обозначает пол человека, животного: *ne apsi* ‘сестренка’ (от *ne* ‘женщина’ + *apsi* ‘брат / сестра (младшие)’), *põx apsi* ‘братишка’ (от *põx* ‘мальчик’ + *apsi* ‘брат / сестра (младшие)’), *ne uli* ‘телящаяся важенка’ (от *ne* ‘женщина’ + *uli* ‘олень’), *xor sijaw* ‘самец до шести месяцев’ (от *xor* ‘самец-производитель’ + *sijaw* ‘олениенок’).

Подобные двухкомпонентные конструкции распространены и в других финно-угорских языках. Ю.В. Андуганов отмечает: «Субстантивные словосочетания, определительная часть в которых обозначает пол животного или человека, находятся в широком употреблении. Различие пола в родственных языках выражалось и большей частью выражается и в настоящее время аналогичным образом ... можно предположить прауральские корни словосочетаний данной группы» [1, с. 55]. В подтверждение данного высказывания приведем примеры из других финно-угорских (уральских) языков, содержащих аналогичные формы. Ср.: мар. *ава комбо* ‘гусыня’ [2, с. 13], морд. *avaka gala* ‘гусыня’ [3, с. 13], венг. *nosteny farkaskolyok* ‘волчонок-самка’ (досл. ‘самка волчонок’) [4, с. 22], манс. *нэви сали* ‘важенка (самка оленя)’ [5, с. 26], *хар кати* ‘кот’ [6, с. 292], ком. *коин* ‘волк самец’, *кыр пон* ‘кобель’ [7, с. 180], нен. *илебця ятя* ‘самка дикого оленя’ [8, с. 771];

2) определительная часть обозначает материал, из которого сделан или состоит предмет, например: *хõдәһ тӯләх* ‘воротник из лебяжьего пуха / меха’ (*хõдәһ* ‘лебедь’ + *тӯләх* ‘воротник’), *ńiki waj* ‘летняя замшевая

обувь’ (*ńiki* ‘сыромятная кожа из оленьей шкуры’ + *waj* ‘обувь’) и др.;

3) определительная часть обозначает назначение называемого определяемым компонентом предмета, например: *šaj laraš* ‘ящик для посуды’ (от *šaj* ‘чай’ + *laraš* ‘ящик’), *uxal uli* ‘олени для езды на нартах’ (от *uxal* ‘нарта’ + *uli* ‘олень’), *onas xopti* ‘грузовой олень в обозе’ (от *onas* ‘обоз’ + *xopti* ‘кастрированный олень-бык’) и др.;

4) определительная часть обозначает принадлежность предмета, называемого главным компонентом, например: *sax xans* ‘орнамент ягушки’ (от *sax* ‘ягушка’ + *xans* ‘орнамент’) и др.;

5) определительная часть обозначает целое части: главный компонент называет часть какого-либо предмета или явления, зависимый – предмет или явление целиком, например: *tas poxal* ‘отдельная отбитая часть стада’ (от *tas* ‘стадо’ + *poxal* ‘небольшое количество’) и др.;

6) определительная часть отражает сезон (время года), например: *lun taxti* ‘летняя шкура’ (от *lun* ‘лето’ + *taxti* ‘шкура’), *täl taxti* ‘зимняя шкура’ (от *täl* ‘зима’ + *taxti* ‘шкура’) и др.;

7) определительная часть имеет значение признака, например: *xanti jasen* ‘хантыйский язык’ (от *xanti* ‘ханты’ + *jasen* ‘язык’), *xanti xul* ‘сырок’ (от *xanti* ‘ханты’ + *xul* ‘рыба’), *sorhi woj* ‘золотая птица’ (от *sorhi* ‘золото’ + *woj* ‘зверь’).

1.2. Модель «имя прилагательное + имя существительное»

Довольно продуктивными являются двучленные единицы, построенные по модели «имя прилагательное + имя существительное». Определяемым компонентом является любое имя существительное, определятельным – непроезводные и производные имена прилагательные, как правило, уточняющие то или иное свойство. Прилагательные представлены двумя разрядами: качественными и относительными.

1. Определительный компонент – качественное имя прилагательное. Непроизводные имена прилагательные отражают качественные признаки: а) самого животного, например: *ulna uli* ‘любящий бегать олень’ (от *ulna* ‘свободный’ + *uli* ‘олень’); б) цвета (масти) животного, например: *piti uli* ‘олень черной масти’ (от *piti* ‘черный’ + *uli* ‘олень’), *urti uli* ‘черно-бурый олень’ (от *urti* ‘красный’ + *uli* ‘олень’); в) продуктов оленеводства, употребляемых в пищу (сорт оленьего мяса, вид), например: *atam nõxi* ‘оленье мясо 3-го сорта’ (от *atam* ‘плохой’ + *nõxi* ‘мясо’), *nar tur* ‘горло’ (от *nar* ‘сырой’ + *tur* ‘горло’); г) корма животных, например: *kul nota* ‘пастбище, богатое подножным кормом’ (от *kul* ‘толстый’ + *nota* ‘ягель’), *piti maw* ‘глина, охотно поедаемая оленем’ (от *piti* ‘черный’ + *maw* ‘земля’); д) в названиях рогов животных, например: *was onet* ‘рог, не имеющий разветвлений’ (от *was* ‘тонкий’ + *onet* ‘рог’), *un onet* ‘большерогий’ (от *un* ‘большой’ + *onet* ‘рог’).

Непроизводные прилагательные, обозначающие качество предмета непосредственно, т.е. без отношения к другим предметам, выявляются и в других устойчивых словосочетаниях хантыйского языка, например: *kūl tīnsaŋ* 'толстый аркан' (от *kūl* 'толстый' + *tīnsaŋ* 'тынзян'), *juχtas χōjat* 'человек, мастер своего дела (метко бросающий аркан, умеющий делать красивые нарты и т.п.)' (от *juχtas* 'меткий' + *χōjat* 'человек') и др.

2. Определительный компонент – относительное имя прилагательное. В хантыйском языке немного относительных прилагательных, выступающих в качестве атрибута, которые обозначают признак предмета опосредованно, через отношение к другому предмету. Их общим значением является выражение отношения, значение «свойственный предмету» или «относящийся к предмету». К указанному разряду относятся несколько производных лексем, образованных от основ имен существительных посредством различных деривационных морфем. Производное имя прилагательное:

1) с суффиксом *-əŋ*, имеющим значения: а) наличия какого-либо признака, например: *welməŋ ḥōχi* 'сочное мясо' (от *weləŋ* 'мозг' + *ḥōχi* 'мясо'), *teŋəŋ oŋət* 'основной ствол рога' (от *teŋ* 'полный' + *oŋət* 'рог'); б) назначение предмета, например: *pūtəŋ ōi* 'мясо для варева' (от *pūt* 'котел' + *ōi* 'предмет, вещь'); в) обладание каким-либо предметом *onasəŋ iki* 'человек, ведущий караван' (от *onas* 'обоз' + *iki* 'мужчина');

2) с суффиксом *-lī*, обозначающим признак, которым предмет не обладает или которого он лишен, например: *ḥarsəwlī, mīw* 'голое место без оленьего ягеля и мха' (от *ḥarsəw* 'мох' + *-lī* + *mīw* 'земля') и др.

1.3. Модель «имя числительное + имя существительное»

По данной модели образуются лексические единицы, в которых в качестве определительного компонента выступает порядковое числительное, например: *oləŋ lūj* 'указательный палец' (от *oləŋ* 'первый' + *lūj* 'палец'); *oləŋ χōjat* 'тот, кто управляет оленем-манщиком' (от *oləŋ* 'первый' + *χōjat* 'человек'). Лексема *oləŋ* имеет значения 'начало, конец, первый'.

1.4. Модель «причастие + имя существительное»

В хантыйском языке составные слова с причастием-определением являются самыми продуктивными в образовании новых понятий. С их помощью образуются и различные составные номинативные единицы.

Формы причастий образуются от основы любого глагола при помощи временных аффиксов *-lī* (причастие настояще-будущего времени, обозначающее незаконченное действие) и *-əŋ* (причастие прошедшего времени, обозначающее законченное действие).

1. Определительный компонент – причастие настоящего-будущего времени.

По модели «причастие + имя существительное» построены единицы, являющиеся номинациями конкретных реалий. Они обозначают: а) предмет, предназ-

наченный для совершения данного действия, например: *werattī soχəl* 'узкая доска для кройки' (от *werattī* 'делать, мастерить' + *soχəl* 'доска'); б) место совершения действия, например: *lojləti tāχa* 'место остановки, привала' (от *lojləti* 'останавливаться' + *tāχa* 'место'), *lojəltəti tāχa* 'местность, на которой ловят ездовых оленей' (от *lojəltəti* 'стоять долго на одном месте' (букв.: выстаивать; много раз стоять на одном месте) + *tāχa* 'место'); в) название животного по основному, характерному признаку, например: *χowəkkəti ūlī* 'олень-манщик' (от *χowəkkəti* 'звать' (от звукоподражания *χow-χow*) + *ūlī* 'олень'); г) название рода занятий человека по постоянному признаку, например: *kasəlti joχ* 'каслающий народ' (от *kasəlti* 'касать' + *joχ* 'народ'); д) название остеонима по присущему ему признаку, например: *kūərməti lōw* 'подчашечная кость задних ног животных' (от *kūərməti* 'драться' + *lōw* 'кость'); е) название животного по его назначению, например: *təlti ūlī* 'олень, предназначенный для забоя в день кончины хозяина' (от *təlti* 'тащить' + *ūlī* 'олень'); ж) название продукта по его предназначению, например: *letī ḥoχi* 'туша забитого на мясо оленя' (от *letī* 'есть' + *ḥoχi* 'мясо'), *letī χūl* 'рыба, специально предназначенная для еды' (от *letī* 'есть' + *χūl* 'рыба').

2. Определительный компонент – причастие прошедшего времени.

Причастие прошедшего времени, обозначает: а) законченное действие, направленное на объект, названный определяемым словом, например: *təltəŋ tāχti* 'выделанная шкура' (от *təltəŋ* 'выделять, мять (руками)' + *tāχti* 'шкура'); б) действие, в ходе которого субъект изменяется или переходит в другое качество, например: *opsəŋ ūlī* 'отелившаяся важенка' (от *opsəŋ* 'отелиться' + *ūlī* 'олень'), *lijəŋ ḥōχi* 'протухшее мясо' (от *lijti* 'сгнить' + *ḥōχi* 'мясо').

Причастие прошедшего времени входит в состав названий продуктов питания традиционной хантыйской кухни, например: *sorəŋ ḥōχi* 'сушеное мясо' (*sorəŋ* 'сухой, сушеный' < *sorti* 'сохнуть' + *ḥōχi* 'мясо'), *potəŋ ḥōχi* 'мороженое мясо' (*potəŋ* 'холодный, мороженный' < *potti* 'замерзать' + *ḥōχi* 'мясо'), *kawərtəŋ χūl* 'вареная рыба' (*kawərtəŋ* 'вареный' < *kawərtti* 'варить' + *χūl* 'рыба').

2. МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ НАЗВАНИЯ

К многосоставным названиям нами отнесены такие единицы, которые состоят из трех и четырех составляющих компонентов, выраженных разными частями речи. Определяемым выступают имена существительные. Многие из таких наименований являются малопродуктивными.

2.1. Модель «имя существительное + имя существительное + имя существительное»

По данной модели образованы некоторые соматизмы, например: *uŋəl loχ peŋk* 'коренные зубы' (от *uŋəl* 'рот' + *loχ-luχ* 'залив' + *peŋk* 'зуб'), *ḥaləŋ šaχas lōw* 'кадык' (от *ḥaləŋ* 'язык' + *šaχas* 'кадык' + *lōw*

‘кость’). В некоторых случаях определяемый компонент оформляется лично-притяжательными показателями, например: *wenš pelək utrəl* ‘текстикулы’ (от *wenš* ‘лицо’ + *pelək* ‘сторона’ + *utr* ‘текстикул (его)’ + суффикс *-əl*, показывающий принадлежность 3-му лицу ед.ч. и указывающий на особый статус некоторых сомонимов в хантыйском языке).

2.2. Модель «имя существительное + причастие + имя существительное»

С помощью причастий настоящего времени образуются:

а) названия профессий по постоянному признаку (по основному, характерному для данной специальности действию), например: *woj welti χu* ‘охотник’ (от *woj* ‘зверь’ + *welti* ‘убить, добыть’ + *χu* ‘мужчина’), *χül welti χōjat* ‘рыбак’ (от *χül* ‘рыба’ + *welti* ‘убить, добыть’ + *χōjat* ‘человек’), *mis pustī ne* ‘доярка’ (от *mis* ‘корова’ + *pustī* ‘доить’ + *ne* ‘женщина’), *ñañ wertī ne* ‘пекарь’ (от *ñañ* ‘хлеб’ + *wertī* ‘делать’ + *ne* ‘женщина’), *at lawälti χu* ‘пастух ночного дежурства’ (*at* ‘ночь’ *lawälti* ‘ждать, ожидать’ + *χu* ‘мужчина’), *taš woštātī χu* ‘пастух-погонщик’ (*taš* ‘стадо’ + *woštātī* ‘гнать’ + *χu* ‘мужчина’), *ñawrem utältātī ne* ‘учительница’ (от *ñawrem* ‘ребенок’ + *utältātī* ‘учить’ + *ne* ‘женщина’);

б) названия предметов, мест по их назначению, например: *χāñšī ewätti soχəl* ‘узкая дощечка для кройки’ (*χāñšī* ‘орнамент, узор’ + *ewätti* ‘резать, вырезать’ + *soχəl* ‘доска’), *letöt wertī χot* ‘кухня’ (*letöt* ‘еда’ + *wertī* ‘делать’ + *χot* ‘дом’), *letöt χośmälti öt* ‘микроволновая печь’ (*letöt* ‘еда’ + *χośmälti* ‘подогреть’ *öt* ‘предмет (~что-то, нечто)’);

в) соматические лексемы, например: *lat leti tür* ‘пищевод’ (от *lat* ‘бульон, каша, суп’ + *leti* ‘есть, кушать’ + *tür* ‘горло’), *sot ulti χir* ‘толстая слепая кишка’ (от *sot* ‘сотня, сто’ + *ulti* ‘жить’ + *χir* ‘мешок’), *śor pajätti tāχajəl* ‘анальное отверстие’ (от *śor* ‘кал, помет’ + *pajätti* ‘ронять’ + *tāχajəl* ‘место (его)’ + лично-притяжательного суффикса *-əl* 3-го лица ед.ч.);

г) названия месяцев хантыйского народного календаря, связанных с хозяйственной деятельностью, например: *янврь* – *ulī järti tīlās* ‘месяц пересчета оленей’ (*ulī* ‘олень’ + *järti* ‘привязать’ + *tīlās* ‘месяц’), *май* – *ulī omästi tīlās* ‘месяц отёла оленей’ (*ulī* ‘олень’ + *omästi* ‘рожать’ + *tīlās* ‘месяц’), *сентябрь* – *līpät χojti tīlās* ‘месяц первых заморозков’ (от *līpät* ‘лист’ + *χojti* ‘ударить’ + *tīlās* ‘месяц’), *ноябрь* – *as pottī tīlās* ‘месяц замерзания реки’ (от *as* ‘река (большая)’ + *pottī* ‘замерзнуть’ + *tīlās* ‘месяц’);

д) названия животных, насекомых, например: *ulī pōrti woj* ‘волк’ (от *ulī* ‘олень’ + *pōrti* ‘кусать’ + *woj* ‘зверь’), *törn sorälti woj* ‘кузнечик’ (от *törn* ‘трава’ + *sorälti* ‘сушить’ + *woj* ‘животное’).

2.3. Модель «имя прилагательное + имя существительное + имя существительное»

Данная модель представлена названиями месяцев, отражающих природные явления, например: *aj ker tīlās* ‘март’ (от *aj* ‘маленький’ + *ker* ‘наст’ + *tīlās* ‘месяц’), *un ker tīlās* ‘апрель’ (от *un* ‘большой’ + *ker* ‘наст’ + *tīlās* ‘месяц’).

2.4. Модель «имя существительное + имя существительное + причастие + имя существительное»

В хантыйском языке названия, образованные по данной модели, представлены наименованиями месяцев, например: *июнь* – *sāχ sōχ χōrti tīlās* ‘месяц свежеевания шкуры для ягушки’ (от *sāχ* ‘месяц’ + *sōχ* ‘шкура’ + *χōrti* ‘свежеевать (шкуру)’ + *tīlās* ‘месяц’), *октябрь* – *χor onēt nertī tīlās* (от *χor* ‘бык-производитель’ + *onēt* ‘рог’ + *nertī* ‘тереть’ + *tīlās* ‘месяц’) и др.

2.5. Модель «наречие + имя прилагательное + имя существительное + имя существительное»

Эта модель реализуется в языковой единице *šeŋk χūw sapəl löw* ‘эпистрофей’ (или самый длинный шейный позвонок) (от *šeŋk* ‘очень’ + *χūw* ‘длинный’ + *sapəl* ‘шея’ + *löw* ‘кость’).

* * *

Связь между определением и определяемым в хантыйском языке не маркируется никакими морфологическими показателями. Определение, выраженное именем существительным, стоит в основном (морфологически немаркированном) падеже, согласование в падеже и числе отсутствует. Определительные отношения выражаются при помощи примыкания, а также строгого порядка слов (определение + определяемое).

Общим признаком двухкомпонентных устойчивых словосочетаний является установление между определением и определяемым конкретизирующих отношений. Определяемое слово, как правило, является носителем родового понятия, определяющее суживает его объем, в результате этого сочетание передает видовое понятие.

В многокомпонентных названиях определяемое распространяется разнородными определениями, характеризующими предмет с различных сторон. Формулы образования таких типов устойчивых сочетаний многообразны, однако значительную их часть составляют словосочетания, образованные по модели «имя существительное + причастие + имя существительное».

Способ построения определительных словосочетаний на основе примыкания является типичной чертой хантыйского языка, которая сближает его с другими агглютинативными языками сибирского ареала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андуганов Ю.В. Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Йошкар-Ола, 1991. Ч. 1: Введение. Субстантивные словосочетания.
2. Васильев В.Н. Марийская орнитонимия: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.
3. Рябов В.А. Названия фауны в мордовских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1993.
4. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Грамматическое словообразование. М., 1959. Ч. 2.
5. Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь. Л., 1954.

6. Картина А.И. Словообразование имен в мансийском языке // Просвещение на советском Крайнем Севере. Л., 1958.

7. Хаузенберг А.Р. Названия животных в коми языке: Сравнительно-исторический анализ. Таллин, 1972.

8. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

венг. – венгерский язык; **ком.** – коми язык; **манс.** – мансийский язык; **мар.** – марийский язык; **морд.** – мордовский язык; **нен.** – ненецкий язык.

А.А. МАЛЬЦЕВА

ФУНКЦИИ ИНФИНИТИВА В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ АЛЮТОРСКОГО ЯЗЫКА

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: alla.maltseva@mail.ru

В статье рассматривается функционирование инфинитива в диалектах алюторского языка в качестве зависимого предиката полипредикативных конструкций обстоятельственной семантики. Инфинитивная зависимая предикативная единица располагается свободно относительно границ главной предикативной единицы, может прикрепляться к ней с помощью аналитических крепов, превалирует синтаксическая кореферентность между актантами главной и зависимой предикативных единиц, маркированными абсолютным.

Ключевые слова: алюторский язык, инфинитив, полипредикативная конструкция, аналитические средства связи, кореферентность.

Целью данной статьи является описание употребления инфинитива в полипредикативных конструкциях (ППК) в диалектах алюторского языка. Материалом исследования послужили примеры (около 300 фраз) с формой инфинитива в качестве предиката зависимых предикативных единиц (ЗПЕ), выбранные из базы данных на алюторском языке общим объемом более 33 тыс. предложений, включающей как оригинальные фольклорные и бытовые тексты, так и переводы носителями алюторского языка русских фраз-стимулов, сконструированных для сбора различных грамматических форм и конструкций.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИЙ ИНФИНИТИВА В АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Инфинитив в алюторском языке представляет собой полифункциональный конверб, который образовался на базе формы локатива (в глоссах – CV^{LOC}) и имеет исходное значение статической локализации длительного действия, определяющее его преимущественное использование в простом предложении в качестве лексического компонента аналитических конструкций с вершинными аспектуальными, модальными и каузативными глаголами, предикативами и модальными словами, а также в качестве самостоятельного предиката предложений со значением долженствования и вопросительных предложений [1].

Примеры использования инфинитива в функции предиката ЗПЕ в оригинальных текстах на алюторском языке составляют незначительную долю общей выборки употреблений инфинитива – от 3,5 до 10,6 % в разных диалектах. В западных диалектах процентное соотношение числа примеров с инфинитивом в качестве предиката ЗПЕ примерно одинаково в оригинальных текстах и переводах, в восточных диалектах в переводах инфинитив в ППК употребляется в 3 раза чаще, чем в оригинальных текстах.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ППК С ИНФИНИТИВНЫМИ ЗПЕ

Инфинитив функционирует преимущественно в ППК обстоятельственной семантики, где его исходное значение через универсальную грамматическую метафору переносится из пространственной сферы в темпоральную, а в большинстве диалектов и в сферу обусловленности.

В актантных и определительных ППК инфинитив в качестве предиката ЗПЕ встречается редко. В этих конструкциях он не выражает зависимости между двумя событиями, используется постольку, поскольку возможен в качестве предиката простого предложения.

(1) с.-в., ан.

[Калил?а ...ивнина], {маңкәт тиңтәңәк}.

kali=l?=a iv=nina maŋkət tiŋtəŋ=ək
узор=ATR=INSTR сказать=3sgA+3nsgP как бороться=CV^{LOC}
'Пестрая нерпа сказала им, как бороться.'

2.1. Темпоральные ППК

Из всех типов соотношения во времени двух событий для инфинитива в аляutorском языке наиболее характерно выражение **одновременности**, так как совпадение во времени одного события с другим является первым шагом по пути метафоризации значения статической локализации действия, исходного значения инфинитива. По наблюдениям Г.М. Корсакова, для корякского языка правилом является выражение инфинитивом предшествующего действия, а одновременность представляет собой исключение из этого правила [2, с. 195].

(2) с.-в., выв.

[Гамадсаңсискулин] {тиңтәңәк}.

γa=ma|=saŋsi=sku=lin tiŋtəŋ=kə
PP=очень=наступить=ITER=3sgP бороться=CV^{LOC}
'(Его) сильно истоптали, борясь.'

Конструкции со значением **следования** (ГПЕ после ЗПЕ) с инфинитивом в качестве зависимого предиката встречаются только в восточных диалектах аляutorского языка. Традиционно идентичная инфинитиву форма в функции зависимого предиката в ППК следования рассматривается как омонимичное инфинитиву дееспричастие предшествующего действия [3, с. 269; 4, с. 119; 5, с. 150–153; 6, с. 229–230; 7, с. 118]. Согласно принятой нами трактовке, это одна из функций инфинитива как полифункционального конверба.

(3) с.-в., кич.

{Йәқмитив' кәйавәк}, [нуралаң галқутәлқи]. [8, текст 52, предл. 77]

jəqmitiw kəjav=ək nuralaŋ γa=lqutə=lqi
утром проснуться=CV^{LOC} быстро CV^{COM}=встать=INCH
'Утром проснувшись, сразу вставай.'

Конструкции со значением **предшествования** (ГПЕ до ЗПЕ) с инфинитивом в ЗПЕ встречаются только в переводах. Для выражения семантики предшествования необходимы либо дополнительные фазисные показатели в форме зависимого предиката, как в примере 4, либо наличие аналитического средства связи, как в примерах 10, 11.

(4) с.-в., ан.

{Йәлқәлқивәңвук}, [тәңвәсқавәна қамав'в'и].

jəlqə=lqivə=ŋvu=k tə=ŋ=vəsq=avə=na qama=wwi
сон=INCH=начать(ся)=CV^{LOC} 1sgA=CAUS=темный=VBLZ=3nsgP миска=ABS.pl
'Перед тем как (идти) спать, я убрала (в темное место) миски.' (букв.: начав засыпать)

2.2. ППК обусловленности

Причинные конструкции с формой инфинитива в ЗПЕ имеются во всех диалектах аляutorского языка. Причинная семантика развивается на основе темпоральной семантики следования: зависимое событие предшествует главному и может служить причиной его возникновения. Особенно четко причинная семантика прослеживается в случаях, когда в ЗПЕ описывается действие в эмотивной сфере.

(5) с.-в., тым.

{Нәткәсәтәк} [уңуңун йәррәлқивлат вилув'в'и].

ŋətkəs=at=ək uŋuŋu=n jərrə=lqiv=la=t vilu=wwi
стыд=VBLZ=CV^{LOC} ребенок=POSS.sg красный=INCH=PL=DU ухо=ABS.pl
'От стыда у ребенка покраснели уши.'

Формирование **целевых** ППК с инфинитивной ЗПЕ связано с грамматической метафорой *конечная точка движения > цель действия*, поскольку для передачи конечной точки движения в аляutorском языке может использоваться локатив, маркирующий завершенность движения и локализацию объекта в какой-либо точке в результате движения.

Инфинитивные ЗПЕ в целевых ППК встречаются в оригинальных текстах во всех диалектах аляutorского языка, но более активно они функционируют в переводах.

(6) с.-з., рек.

{*Мис?аң ретәлак*}, [*қәнвәткән сусутғиңки ви?айпидақ*].

mis?a=ŋ rētəla=k qə=nvə=tkən susut=γiŋ=ki viʔaj=piʔaq
хороший=ADV сниться=CV^{LOC} 2.OPT=совать=IPFV изголовье=SUB=LOC трава=DIM
‘Чтобы видеть хорошие сны, клади под изголовье травку.’

В северных диалектах встречаются также ППК с инфинитивом в качестве предиката ЗПЕ с семантикой потенциального условия.

(7) с.-в., выв.

{*Ҡавақ тақу асув’в’и тәмәкки*}, [*сив’әрңу нақам гайива ту кәдләдңән*].

qavaq taq=u as=uwwi təmə=kki siwəŋ=u naqam
если что=ABS.pl горбуша=ABS.pl убить=CV^{LOC} жабры=ABS.pl только
γ=ajiv=a tu kəlləŋ=ən
CV^{COM}=нанизать=CV^{COM} и икра=ABS.sg
‘Если убьешь горбушу, жабры и икру нанизывай.’

3. СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ППК С ИНФИНИТИВНЫМИ ЗПЕ

К структурным свойствам ППК относятся структурный тип, наличие / отсутствие кореферентности между участниками главного и зависимого действия и место расположения ЗПЕ по отношению к ГПЕ.

3.1. Структурный тип

По классификации структурных типов ППК, принятой в Новосибирской синтаксической школе [9], обстоятельственные ППК с инфинитивными ЗПЕ могут относиться к двум типам – синтетическому или аналитико-синтетическому.

В синтетических инфинитивных ППК отношения зависимости между событиями выражаются только показателем инфинитива, в аналитико-синтетических – показателем инфинитива и аналитическим средством связи. Возможность употребления аналитических средств связи является доказательством наличия отношений зависимости, в большей степени выходящих за рамки простого предложения [2, с. 270].

Аналитические средства связи для присоединения инфинитивной ЗПЕ к ГПЕ используются во всех типах ППК, кроме причинных.

Среди условных ППК аналитико-синтетические преобладают (от 67 до 100 % выборки по разным диалектам). В них встречаются союзная скрепа *qavaq* (с.-в) ‘если’ (пример 7) и скрепы, являющиеся по происхождению частицами: *van* (с.-в., с.-з.) / *ven* (ю.-в., ю.-з.) ‘ведь’ – во всех диалектах, *akin* ‘уже’ – в северо-восточном диалекте. Скрепы *qavaq* ‘если’ и *akin* ‘уже’ стоят в начале ЗПЕ, скрепа *van* (с.-в., с.-з.) / *ven* (ю.-в., ю.-з.) ‘ведь’ располагается свободно по отношению к границам ЗПЕ.

(8) с.-в., култ.

... {*ақин гэматык*} [*қаууавтык рараң*]. [10: тетрадь 2, с. 25–26].

akin γemat=ək q=awwaw=tək gara=ŋ
уже желать=CV^{LOC} 2.OPT=отправиться=2nsgS дом=DAT
‘Если желаете, отправляйтесь домой.’

(9) с.-з., рек.

... {*чинин ван дайвәткук*} [*мәтақәк*].

činin van ʔaivə=tku=k mə=taq=ək
сам ведь ходить=ITER=CV^{LOC} 1sg.OPT=что=1sgS.PFV
‘Что мне делать, если сам бродишь.’

Аналитико-синтетические темпоральные конструкции редки, они встречаются только в северных диалектах (около 19 % всех темпоральных конструкций). Скрепы временной семантики обычно располагаются в начале ЗПЕ.

В северо-западном диалекте в темпоральных ППК с инфинитивными ЗПЕ встречаются скрепы наречного происхождения *tita* ‘когда’ и *rəša* ‘пока’.

(10) с.-з., рек.

{*Тита қәтәкки тағәрниңәнвәң*}, [*нә?әңчи?атәткә мелгә?әр*].

tita qətə=kki taγərniŋə=nvəŋ nəʔə=ŋ=čičʔatə=tkə melγə=ʔər
когда уйти=CV^{LOC} охотиться=CV^{DAT} CON=CAUS=проверить=IPFV огонь=лук
‘Прежде чем уходить на охоту, надо проверить ружье.’

(11) с.-з., рек.

[Гәттә нататкайуңән] {пәча тақликанңәк ив'иңи йуйамтав'әд'әң}.

үәттә na=tatkajuy=ən рәсә ta=qlik=an=η=әк iw?ici=?ujamtawəl?=?әң

ты CON=думать=2sgS пока DES=самец=VBLZ=DES=CV^{LOC} пить=человек=DAT

‘Тебе надо было подумать, прежде чем выходить замуж за пьющего человека.’

В северо-восточном диалекте в инфинитивных конструкциях зафиксированы другие скрепы. Конструкции с двухкомпонентной скрепой *aqan tita* (с.-в.) ‘хоть когда, когда бы ни’ обозначается регулярное совпадение двух событий во времени. В ГПЕ конструкций с данной скрепой часто содержится лексический конкретизатор *qiprə(η) / qiprō* ‘всегда’.

(12) с.-в., ан.

[Ақан тита ңарңарәк нутәк тлэвәк], [қунпо в'әтв'әту кагагатәлқивлаткәт].

aqan tita ңarңar=әк nute=k tlev=әк qiprō wətwət=u

хоть когда осень=LOC тундра=LOC гулять=CV^{LOC} всегда лист=ABS.pl

kaɣaɣ=atə=lqiv=la=tkə=t

шум=VBLZ=INCH=PL=IPFV=DU

‘Когда осенью по тундре гуляешь, всегда листья шуршат.’

Скрепа *awəp-?ak* (с.-в.) ‘действительно же’ по происхождению является сочетанием двух частиц.

(13) с.-в., ан.

[Нәволгәләңа нантомгавлаткәнитәк] {ав'ән-?ак йайарәткүк}.

nə=volɣə=laɣ=a na=n=tomy=av=la=tkəni=tək

QUAL=темный (?)=3pl=INSTR LowA=CAUS=друг=VBLZ=PL=IPFV=2nsgP

awəp-?ak jajarə=tku=k

действительно-же бубен=ITER=CV^{LOC}

‘Духи (?) вас сопровождают, когда (вы) играете на бубне.’

Союзная скрепа со значением близкого следования (чаще потенциальных событий) *kəta* (с.-в.) ‘а когда, а как’, в отличие от других скреп темпоральной семантики, располагается свободно относительно границ ЗПЕ, может замыкать ЗПЕ и, как правило, сочетается с лексическим конкретизатором – наречием *vitku* ‘сразу’ – в составе ГПЕ.

(14) с.-в., выв.

{...ңантәң курәк кәта}, [витку таңвулатәк тагәртанңәк].

ңantəŋ kur=әк kəta vitku ta=ŋvu=la=tək

туда прийти от=CV^{LOC} а как сразу POT=начать(ся)=PL=2nsgS

taɣərtanŋ=әк

делать жертвоприношение=CV^{LOC}

‘...а как оттуда вернетесь, сразу будете делать жертвоприношение.’

В целевых инфинитивных конструкциях использование союзной скрепы *qine(q)* ‘чтобы’ встречается в южных диалектах.

(15) ю.-з., лес.

[Әнаннә тәтгәлэвин мимәл], {қинә тәргәтәр титәтәк}.

ə=nannə tə=tɣəl=ev=nin miməl qine tərta=tər

он=ERG CAUS=горячий=VBLZ=3sgA+3sgP вода чтобы мясо=ABS.sg

t=itet=әк

CAUS=кипеть=CV^{LOC}

‘Он согрел воду, чтобы варить мясо.’

3.2. Референциальные свойства инфинитива в обстоятельственных ППК

Вариативносубъектность инфинитива в корякском языке была отмечена еще в работе Г.М. Корсакова, который это свойство инфинитива рассматривал как пережиток стадии праимени, не имевший отнесенности к грамматическому лицу [2, с. 164–165], и отправной точкой для развития сложного предложения [2, с. 174].

Однако, поскольку алюторский язык относится к эргативным языкам, в которых семантический и синтаксический субъекты часто не совпадают, то оппозиция «моносубъектность / разносубъектность / вариативно-субъектность» не является достаточной для описания типов кореферентности, возможных между партиципантами главного и зависимого действий.

Рассмотрим на примере инфинитивных конструкций наиболее частотные и значимые типы кореферентности с участием субъектно-объектных актантов.

1. $ABS_{ГПЕ} = ABS_{ЗПЕ}$ – синтаксическая кореферентность по абсолютиву, характерная для эргативных языков: референт, выраженный абсолютивом в главной ПЕ ($ABS_{ГПЕ}$), совпадает с референтом, выраженным тем же падежом в зависимой ПЕ ($ABS_{ЗПЕ}$).

Кореферентность по абсолютиву характерна для половины или более инфинитивных ППК в алюторском языке. Явное преобладание такого типа кореферентности в оригинальных текстах прослеживается более всего в южных диалектах, особенно в юго-западном (70,8 % выборки).

Под этот тип подводится несколько подтипов семантических отношений ($S_{ГПЕ} = S_{ЗПЕ}$, $P_{ГПЕ} = S_{ЗПЕ}$, $S_{ГПЕ} = P_{ЗПЕ}$, $P_{ГПЕ} = P_{ЗПЕ}$), так как абсолютивом в эргативном языке может быть выражен как субъект при непереходном глаголе (S), так и пациенс (P) при переходном глаголе. Наиболее частотна кореферентность между двумя субъектами.

(16) с.-з., рек.

[Кайцэн {йэмцавэк} гапоқэтвагалли].

kajɨ=ən jəmɨ=av=ək ɣa=poqə=tvayal=li

медведь=ABS.sg пугливый=VBLZ=CV^{LOC} PP=зад=сесть=3sgS

‘Медведь от испуга присел.’ (медведь присел, медведь испугался: $S_{ГПЕ} = S_{ЗПЕ}$)

Кореферентность между субъектом ГПЕ и пациенсом ЗПЕ, пациенсом ГПЕ и субъектом ЗПЕ встречается примерно в 10 % случаев.

(17) с.-в., ветв.

[Тла?унав ‘в’и] {таңңави?эткук}. [11, с. 8]

tə=la?u=na=wwi taŋŋo=viʔə=tku=k

1sgA=увидеть=3nsgP=PL смеяться=умирать=ITER=CV^{LOC}

‘Я увидел их, (когда они) громко смеялись.’ (увидел **их**, **они** смеялись: $P_{ГПЕ} = S_{ЗПЕ}$)

(18) с.-з., рек.

[Тидгэллиив ‘в’и қоқдотколат] {нурақ йавак}.

tiʔə=lili=wwi qoqlo=tko=la=t nuraq java=k

палец=рукавица=ABS.pl продырявиться=ITER=PL=DU долго использовать=CV^{LOC}

‘Перчатки продырявились от долгой носки.’ (перчатки продырявились, **их** носили: $S_{ГПЕ} = P_{ЗПЕ}$)

Последний подтип ($P_{ГПЕ} = P_{ЗПЕ}$) в чистом виде не зафиксирован, обычно в этом случае у главного и зависимого предикатов совпадает не только пациенс, но и агенс:

(19) с.-в., ан.

[Таккин қун нақам татэн], {цэсв’эну лэңэк}.

takkin qun naqam tat=ən ɣəsəwən=u ləŋ=ək

зачем же только привезти=3sgP обидный(?)=EQU AUX=CV^{LOC}

‘Зачем же только ты ее привез, (если) сердись (на нее).’ (ты ее привез, ты на нее (букв.: **ее**) сердись (Vtr): $AP_{ГПЕ} = AP_{ЗПЕ}$)

2. $OBL_{ГПЕ} = ABS_{ЗПЕ}$ – кореферентность между партиципантом главного действия, маркированным косвенным падежом (эргатив, инструментальный или местный), и участником зависимого действия в абсолютиве. Такой тип кореферентности прослеживается примерно в трети инфинитивных конструкций.

Из двух возможных подтипов семантических отношений ($A_{ГПЕ} = S_{ЗПЕ}$ и $A_{ГПЕ} = P_{ЗПЕ}$) второй, связанный с кореферентностью противоположных с точки зрения иерархии активности семантических ролей, в инфинитивных конструкциях не зафиксирован.

(20) с.-в., ан.

[Тинга {вад?атэк} қла?угэн].

tiŋɣa va=ʔat=ək q=la?u=ɣ=ən

что находится=HABIT=CV^{LOC} 2.OPT=увидеть=PFV=3sgP

‘Сидя ничего не увидишь.’ (ты не увидишь ничего, ты сидишь: $A_{ГПЕ} = S_{ЗПЕ}$)

3. $ABS_{ГПЕ} = OBL_{ЗПЕ}$ – кореферентность между партиципантом главного действия в форме абсолютива (субъект или пациенс) и участником зависимого действия в форме косвенного падежа (агенс). Этот тип кореферентности в оригинальных текстах редок: чаще всего он встречается в юго-западном диалекте (4,2 % выборки), в северо-восточном таких примеров только 1,6 % выборки, в двух других диалектах такие конструкции характерны только для переводов с русского языка.

(21) с.-в., ВЫВ.

*[Тәқлатәткә манигәт Һуләң] {тәнивәк ңанин урвақ}.*tə=qlatə=tkə maniçə=tʔul=əŋ təniv=ək ɲan=in urvaq
1sgS=недоставать=IPFV ткань=кусок=DAT сшить=CV^{LOC} тот=REL.sg платье‘Мне не хватает ткани, чтобы сшить то платье.’ (Я испытываю нехватку (Vitr), я шью платье: S_{ГПЕ}=A_{ЗПЕ})

(22) с.-в., ан.

*[Әнкакийта натаңуламәк амән тойулавәк], {[если] әңңин Һәт Һәму тиңләк}.*ən=ka=kjita na=ta=ɲvu=la=mək amən t=ojul=av=ək
он=OBL=DEL LowA=POT=начать(ся)=PL=1nsP тоже CAUS=знающий=VBLZ=CV^{LOC}[если] әңң=in ʔətʔəm=u tiŋl=ək
этот=REL.sg кость=ABS.pl выбросить=CV^{LOC}‘За это нас тоже будут наказывать (на том свете), если эти кости выбросить.’ (Нас будут наказывать, мы выбросили кости: P_{ГПЕ}=A_{ЗПЕ})

4. OBL_{ГПЕ}=OBL_{ЗПЕ} – кореферентность между агенсами главного и зависимого действий, оформленными показателями косвенных падежей. Такой тип кореферентности зафиксирован в оригинальных текстах и переводах на северо-восточном (3,1% выборки) и юго-западном (8,3% выборки) диалектах. Показательным представляется тот факт, что более частотна такая кореферентность в юго-западном диалекте, подвергшемся значительному влиянию со стороны русского языка.

(23) ю.-з., пал.

[Уттә Һут гэкмиллин] {тэнгигэрәңки}. [3, текст 9, предл. 14]uttə=ʔut ɣ=ekmil=lin te=n=ɣigere=ɲ=ki
дерево=ABS.sg PP=взять=3sgP DES=CAUS=осторожный=DES=CV^{LOC}‘Палку взял, (чтобы) припугнуть (медведя).’ (Он взял палку, он припугивает медведя: A_{ГПЕ}=A_{ЗПЕ})

5. Отсутствие грамматической кореферентности отмечено в инфинитивных конструкциях во всех диалектах. В ЗПЕ при этом, как правило, употребляется безличный предикат, который не соотносится ни с каким референтом.

(24) ю.-в., кар.

[Эсгивән нәмақава’ митт {в’усқғиңзәтәк} тәнивзәтәк]. [8, текст 39, предл. 51]esɣi=ven nəmaqaw m=itt wusq=xin=et=ək təniv=et=ək
теперь-ведь хватит 1sg.OPT=быть темный=SUB=VBLZ=CV^{LOC} шить=VBLZ=CV^{LOC}

Букв.: Теперь хватит буду-ка, под темнотой став (наружное пространство), шить.

‘Теперь хватит мне, когда стемнело, шить.’ (Я шью, (наружное пространство) стемнело: нет кореферентности)

ППК, которые действительно можно трактовать как конструкции с полным отсутствием кореферентности между партиципантами главного и зависимого действий, единичны. В таких случаях часто только онтологические свойства референтов могут помочь правильно определить их отнесенность к главному или зависимому предикату.

(25) с.-в., ан.

*{Йақйақу галак} [нурал милгулаткәт].*jaqjaq=u ɣala=k nural mily=u=la=tkə=t
чайка=ABS.pl миновать=CV^{LOC} быстро нерпа=VBLZ.добыть=PL=IPFV=DU

‘(Пока) чайки пролетают мимо, (люди) быстро добывают нерп.’ ((люди) добывают=нерп, чайки пролетают: нет кореферентности)

Данный пример, несмотря на отсутствие в ГПЕ именной группы, обозначающей субъекта, интерпретируется как иллюстрация отсутствия кореферентности между партиципантами главного и зависимого действий, поскольку чайки не могут добывать нерп.

3.3. Расположение инфинитивных ЗПЕ относительно ГПЕ

Алюторский язык в целом характеризуется свободным порядком следования частей ППК, однако для отдельных функциональных типов конструкций отмечаются определенные тенденции расположения ЗПЕ относительно ГПЕ.

Наиболее значительное преобладание одного порядка следования над другими наблюдается в условных конструкциях: около 80 % примеров с препозицией ЗПЕ (примеры 8, 9). В темпоральных конструкциях незна-

чительно превалирует препозиция ЗПЕ (46 %, примеры 4, 10, 11, 13, 25) над постпозицией (34%, примеры 2, 12, 14, 17) и интерпозицией (20 %, пример 24).

В целевых и причинных конструкциях более чем в половине случаев встречается постпозиция ЗПЕ (примеры 15, 21, 23 – целевые; 18 – причинная), реже используется интерпозиция (около 30 %, пример 16 – причинная) и препозиция (около 15 %, пример 5 – причинная, 7 – целевая).

ВЫВОДЫ

Инфинитив в алуторском языке является формой деепричастного типа, которая функционирует преимущественно в простом предложении, но используется также в качестве предиката зависимой части ППК обстоятельственной семантики: темпоральных (преимущественно одновременности и следования) и обусловленности (причины, цели, потенциального условия).

ППК с инфинитивной ЗПЕ могут быть синтетического и аналитико-синтетического типа. Скрепки между предикативными единицами используются во всех конструкциях, кроме причинных, наиболее характерны они для условных ППК.

ППК с инфинитивом в качестве зависимого предиката употребляются при разных типах кореферентности между партиципантами главного и зависимого событий или при отсутствии кореферентности, но превалирует синтаксическая кореферентность между актантами, маркированными абсолютивом.

В алуторском языке ЗПЕ располагается свободно относительно границ ГПЕ. Для условных и темпоральных конструкций предпочтительна препозиция инфинитивных ЗПЕ по отношению к ГПЕ, для причинных и целевых – постпозиция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева А.А. Функции инфинитива в простом предложении в диалектах алуторского языка // Сиб. филол. журн. Барнаул; Кемерово; Новосибирск; Томск, 2008. № 3. С. 147–159.
2. Корсаков Г.М. Возникновение и развитие категории инфинитива в корякском языке. Дис. канд. филол. наук. Л., 1940. Рукопись хранится в Отделе языков народов Российской Федерации Ин-та лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербурга.
3. Жукова А.Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972.
4. Жукова А.Н. Язык паланских коряков. Л., 1980.
5. Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Л., 1977. Ч. 2.
6. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алуторцев. М., 2000.
7. Нагаяма Ю. Очерк грамматики алуторского языка. Киото, 2003.
8. Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988.
9. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.
10. Архивные материалы И. С. Вдовина (хранятся в научном архиве Инс-та антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 40.
11. Килпалин К. В. Аня. Сказки Севера. Петропавловск-Камчатский, 1993.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Диалекты: **с.-в.** – северо-восточный; **с.-з.** – северо-западный; **ю.-в.** – юго-восточный; **ю.-з.** – юго-западный.

Говоры: **ан.** – анапкинский; **ветв.** – ветвейский; **выв.** – вывенский; **кар.** – карагинский; **кич.** – кичигинский; **култ.** – култушинский; **лес.** – лесновский; **пал.** – паланский; **рек.** – рекинниковский; **тым.** – тымлатский.

Грамматические значения в глоссах: **1, 2, 3** – лицо; **A** – агенс; **ABS** – абсолютив; **ADV** – наречие; **ATR** – атрибутив; **CAUS** – каузатив; **CON** – конъюнктив; **CV^{COM/DAT/LOC}** – конверб на базе комитатива / датива / локатива; **DAT** – датив; **DEL** – делибератив; **DES** – дезидератив; **DIM** – диминутив; **DU** – двойственное число; **EQU** – экватив; **ERG** – эргатив; **INCH** – инхотатив; **INSTR** – инструменталис; **IPFV** – имперфектив; **ITER** – итератив; **HABIT** – абитуалис; **LOC** – локатив; **LowA** – агенс, находящийся на нижней ступени иерархии активности; **nsq** – неединственное число; **OBL** – косвенная основа; **OPT** – оптатив; **P** – пациенс; **PFV** – перфектив; **PL, pl** – множественное число; **POSS** – посессивное прилагательное; **POT** – потенциалис; **PP** – предикатив прошедшего времени; **QUAL** – качественное прилагательное; **REL** – относительное прилагательное; **S** – субъект; **sg** – единственное число; **SUB** – локализация ‘под’; **VBLZ** – вербализатор.

Прочее: **ГПЕ** – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **ППК** – полипредикативная конструкция; [...] – границы ГПЕ; {...} – границы ЗПЕ.

В. М. ТЕЛЯКОВА

СИСТЕМА ВАЛЕНТНОСТЕЙ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКА В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ)

канд. филол. наук, доцент
Кузбасская государственная педагогическая академия, Новокузнецк
e-mail: telyakova-vm@mail.ru

В статье впервые рассматриваются валентностные свойства и оттенки лексических значений четырех шорских глаголов непроизвольного слухового восприятия: *уғул-*, *эстел-*, *шабыл-*, *эрт-*, а также их соответствие в синтаксическом и семантическом отношении русским глаголам *звучать*, *слышаться*, *раздаваться*, *разноситься*.

Ключевые слова: шорский язык, глаголы звучания, валентность.

Цель данной статьи – рассмотреть систему валентностей шорских глаголов, соответствующих русским *звучать*, *слышаться*, *раздаваться*, *разноситься*, *доноситься*, которые употребляются с существительными *голос*, *звук*, *шум*, *грохот*, *треск* и т. д. Эти глаголы принадлежат к лексико-семантической группе нецеленаправленного (непроизвольного) слухового восприятия [1, с. 407] и представляют ситуацию действительности с позиции слушающего, который «остаётся за кадром» [6, с. 422]. Это объясняется отчасти тем, что данные глаголы, кроме *звучать*, являются возвратными, образованными с помощью постфикса *-ся*: *разноситься*, *доноситься*, *раздаваться*, *слышаться*. А отчасти тем, что имеют «пассивно-потенциальную диатезу» [6, с. 211], которая не предполагает наличия субъектной позиции. В шорском языке неспособность глаголов слухового восприятия открывать субъектную позицию также зависит от их формы: они образованы с помощью аффикса пассивного залога *-л-*: *уғул-* ‘звучать, быть услышанным’ от *ук-* ‘слышать’; *шабыл-* ЛСВ ‘разноситься’ от *шап-* ‘бить’; *эстел-* ‘разноситься’ от *эсте-* ‘слышать’; *тартыл-* ‘раздаваться’ от *тарт-* ‘тащить’; *чайыл-* ‘расстилаться’ от *чай-* ‘накрывать, расстилать’; *шертил-* ‘раздаваться, звучать’ от *шерте-* ‘щелкать, дать щелчок’. Единственный глагол без аффикса *-л-* – *эрт-* с ЛСВ ‘пронестись’, основное значение ‘миновать, проходить’.

Среди них глаголы *тартыл-* ЛСВ ‘раздаваться’, *чайыл-* ЛСВ ‘расстилаться’ и *шертил-* ‘раздаваться’ встретились по одному-два раза, и поэтому здесь не будут рассматриваться. Наиболее частотны четыре глагола, которые и станут предметом нашего исследования:

1) *уғул-* ‘звучать, быть услышанным’, который передает широкий спектр значений звучания: первичное, мотивированное залоговым аффиксом ‘слышаться, быть услышанным’, и несколько вторичных, развившихся в результате семантического расширения: ‘звучать’, ‘доноситься’, ‘раздаваться’, ‘разноситься’. Например, предложение (1) можно перевести на русский язык двумя способами:

(1) Тагда ааң ўни уғулды. [5, с. 57]

таг=да	ааң	ўн=и=Ø	уғ=ул=ды
гора=LOC	3.Sg	голос=3Sg=NOM	слышать=PASS=PAST1/3Sg

‘На горе его голос слышался.’ Или: ‘На горе его голос звучал.’

2) *эстел-* ‘разноситься (о звуках), быть услышанным’.

(2) Алақанның нырсагы эстелча. [3, с. 148]

алақан=нын	нырсаг=ы=Ø	эсте=л=ча
ладонь=GEN	звон=3Sg=NOM	слышать=PASS=PR1/3Sg

‘Звон (удара) ладони раздается.’

3) *шабыл-* ‘раздаваться, разнестись (о звуке)’:

(3) Талай қомустуң уну шабылча. [3, с. 126]

талай=Ø	қомус=туң	ўн=ў=Ø	шабы=л=ча
море=NOM	комыс=GEN	голос=3Sg=NOM	бить=PASS=PR1/3Sg

‘Голос море-комуса* разносится.’

* Комус / комыс – музыкальный инструмент.

4) *эрт*- ‘разноситься, раздаваться’:

(4) *Айтқан сөзү эрткен*. [3, с. 60]

айт=қан сөз=ү=Ø эрт=кен
сказать=PART слово=3Sg=NOM проходить=PAST2/3Sg
‘Сказанные слова его прозвучали (букв.: миновали).’

Кроме их валентностных свойств, мы рассмотрим сходства и различия в употреблении, а также постараемся уточнить их лексические значения.

Русскому *слышаться* и *звучать* в значении ‘слышаться’ соответствует шорский глагол *уғул*-. Он стилистически нейтрален и употребляется с широким кругом существительных, обозначающих различное звучание: *үн* ‘голос’, *кағжыра* / *кағжыра* ‘шуршание, треск’, *ығырағы* ‘скрип’, *кыйғы* / *кыйғыр* ‘крик’, *шоолағы* / *соолағы* ‘шум’, *шуук* ‘шум’, *нызрак* ‘грохот, шум, треск’, *мычрак* ‘грохот, шум’ и т. д. В отличие от других шорских глаголов, *уғул*- сочетается с именами, обозначающими результат умственной и духовной деятельности людей: *сөс* ‘слово’, *ады-шабы* ‘имя-слава’, *сарын* ‘песня’, *катқы* ‘смех’, *сығыт* ‘плач’ и некоторыми другими. Поэтому он, как и русский глагол *слышаться*, ближе к глаголам интеллектуальной деятельности: не только *услышать*, но и *понять* услышанное. По-видимому, в его семной структуре сохранилось значение ‘быть понятым’, присущее древнетюркскому глаголу *uqul*-, образованному от *uq*- ‘понимать, разуметь’: *Telim sözüg uqsa bolmas* ‘Много слов понять нельзя’; *Bu söz uquldi* ‘Эти слова были поняты’ [2, с. 613].

(5) *Анаң пере аның ады-шабы маңзая уғыла перди*. [4, с. 235]

анаң пере аның ады-шаб=ы=Ø маңзая уғ=ыл=а пер=ди
потом POSTP 3.Sg слава=3Sg=NOM каждый раз слышать=PASS=GER AUX=PAST1/3Sg
‘После этого слава о нем зазвучала.’

(6) *Қыс палазының сарыны уғул парды*. [4, с. 36]

қыс=Ø пала=зы=ның сарын=ы=Ø уғ=ул пар=ды
девушка=NOM ребенок=3Sg=GEN песня=3SG=NOM слышать=PASS AUX=PAST1/3Sg
‘Песня девушки зазвучала / стала слышна.’

Выступая как глагол восприятия ‘быть услышанным, быть понятым’, *уғул*- имеет одну валентность:

(7) *Улуг эбес кағжыраак уғул парды*. [3, с. 145]

улуг эбес кағжыраак=Ø уғ=ул пар=ды
большой не шорох=NOM слышать=PASS AUX=PAST1/3Sg
‘Тихий шорох послышался.’

Уғул- может совмещать несколько значений, увеличивая таким образом количество валентностей. Так, в значении ‘разноситься, разда(ва)ться’ *уғул*- совмещает семы восприятия и бытийности, управляя, кроме подлежащего, обстоятельством места в форме местного падежа, которое указывает на местонахождение источника звука:

(8) *Чар төзи чанда ноо-ноо небениң уни уғулча*.

чар=Ø тоз=и=Ø чан=да ноо-ноо небе=нин
яр=NOM основание=3Sg=NOM сторона=LOC какой-то предмет=GEN
үн=и=Ø уғ=ул=ча
голос=3Sg=NOM слышать=PASS=PR1/3Sg
‘В стороне (которая) у основания яра голос какого-то существа раздался.’

В значении ‘доноситься откуда-то’ *уғул*- сближается с глаголами перемещения или распространения и требует обстоятельства места, указывающего на исходный, стартовый пункт распространения звука:

(9) *Ааң соонда Ақ Қаанма Ақ Сабақ тың сығыдағы чер түвүнең* арийақ ла уғыл қалды*. [8, с. 78]

ааң соонда Ақ Қаан=ма Ақ Сабақ=тың сығы(т)=дағы=Ø чер=Ø
3.Sg после Белый Хан=INCTR Белый Сабак=GEN плач=PTCL=NOM земля=NOM
түв=ү=нең арийақ ла уғ=ыл қал=ды
дно=3Sg=ABL едва PTCL слышать=PASS AUX=PAST1/3Sg
‘После этого только плач Ак Хана с Ак Сабак со дна земли едва лишь донесся.’

Сфера употребления глагола *эстел*- ‘разноситься, быть услышанным’ ограничивается в основном произведением героического эпоса. Круг существительных, с которыми он сочетается, не так широк, как у *уғул*-:

* Сказание Б.И. Токмашова записано на диалекте с характерным ослаблением смычки губного [б] в интервокальной позиции или после сонорных: *түвүнең* вместо *тубунең*.

обычно это слово *табыш* ‘звук, голос’, реже – *сөс* ‘слово’, *нырсылағы* / *нырслағы* ‘стук, шум’ и *шақ* / *шақа* ‘стук, удар’. Производящее слово *эстел-* ‘слышать’, отмеченное в словаре Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькина [5, с. 74], в современном языке, по-видимому, вышло из употребления, так как встретилось только в фольклорных текстах. *Эстел-*, возможно, восходит к древнетюркскому *eštil-* – форма страдательного залога от глагола *ešit-* ‘слышать’: *Bu sabimün edgüti ešid* ‘Слушай хорошо эти мои слова’; *Bu söz eštildi* ‘Это слово было услышано’ [2, с. 185–186]. Если это так, то частая сочетаемость *эстел-* с *табыш* ‘звук’ вполне объяснима.

Соответствуя русскому *звучать*, глагол *эстел-* одновалентен:

(10) *Қайран қай көгүзим по күнде, пурунгу-че, эште қавыл эстелзин!* [8, с. 8]

қайран	қай=Ø	көг=үз=им=Ø	по	күн=де
дорогой	қай=NOM	мелодия=3Sg=1Sg=NOM	этот	день=LOC
пурунгу-че	эште	қав=ыл	эсте=л=зин	
прежде	привычно	хватать=PASS	слышать=PASS=IMP	

‘Дорогие мелодии кая сегодня, как прежде, привычно звеня, пусть звучат!’

Употребляясь в значении ‘раздаваться’, *эстел-* совмещает семы восприятия и бытийности и требует обстоятельство места. Шорские глаголы бытия и статического местонахождения управляют местным (где?) и направительным (куда?) падежами, указывающими на объемность места локализации и динамичность движения [7, с. 18–19]. Поэтому эта позиция у *эстел-* заполняется вариантными формами имен:

(11) *Четтон канның черде молат туйун шақазы эстелди.* [3, с. 66]

четтон	кан=ның	чер=де	молат
семьдесят	хан=GEN	земля=LOC	стальной
туйун=Ø	шақа=зы=Ø	эсте=л=ди	
копыто=NOM	удар=3Sg=NOM	слышать=PASS=PAST1/3Sg	

‘На земле семидесяти ханов удар стальных копыт раздался.’

В значении ‘доноситься’ *эстел-* сближается с глаголами движения и открывает синтаксическую позицию обстоятельства места, указывающего на конечный пункт движения, который выражается формой в направительном падеже:

(12) *Алақан табыжы ақ айасқа эстелди.* [3, с. 40]

алақан=Ø	табыж=ы=Ø	ақ	айас=қа	эсте=л=ди
ладонь=NOM	звук=3Sg=NOM	белый	небо=DAT	разносить=PASS=PAST1/3Sg

‘Звук ладони до белого неба донесся.’

Однако основное предназначение этого глагола – передавать звуки, напоминающие движение какого-либо предмета: ‘(про)катиться’, ‘литься’, ‘(про)свистеть’ и т. п. В этом случае *эстел-* формирует предложения со сравнительными конструкциями, которые выражаются либо дееспричастными оборотами, либо целыми предикативными единицами в составе полипредикативных конструкций:

(13) *Ол темде қайдыг-қайдыг чер қырында молат туйу шақазы тага наалып эстелди.* [8, с. 90]

ол	тем=де	қайдыг-қайдыг	чер=Ø	қыр(ын)=да	молат	туйу=у=Ø
этот	время=LOC	какой-то	земля=NOM	край=LOC	стальной	копыто=3Sg=NOM
шақа=зы=Ø	таг=а	наал=ып	эсте=л=ди			
стук=3Sg=NOM	гора=DAT	эхо=GER	слышать=PASS=PAST1/3Sg			

‘В это время где-то на краю земли стук стальных копыт горным эхом раздался.’

(14) *Алақанның табыжы тогус көбстүг алтын оқ черинең пожанғанче эстелди.* [3, с. 88]

алақан=ның	табыж=ы=Ø	тогус	көбстүг	алтын	оқ=Ø
ладонь=GEN	звук=3Sg=NOM	девять	имеющий глаза	золотой	пуля=NOM
чер=и=нен	пожан=ған=че		эсте=л=ди		
земля=3Sg=ABL	пустить=PAST2=POSTP		слышать=PAST=PAST1/3Sg		

‘Звук (удара) ладони просвистел, будто пустили золотую стрелу, девять глаз имеющую.’

Глагол *шабыл-*, по нашему мнению, используется для построения образных моделей простых предложений. Он выражает звучание, резко и сильно нарушающее тишину, и употребляется в основном в сочетании с существительным *кыйгы* ‘крик’, реже с *үн* ‘голос’ и *ады-шабы* ‘слава’. Употребление этого глагола подчеркивает силу исходящего звука, поэтому в предложении помимо подлежащего содержатся слова, способствующие более полному раскрытию этого значения. В их качестве выступают, во-первых, обстоятельства, которые указывают, какого места этот звук может достигнуть и которые выражаются именами в направительном падеже:

(15) *Ай Маныстың кыйғызы ақ айасқа шавылды.* [8, с. 98]

ай маныс=тың кыйғы=зы=Ø ақ айас=қа шав=ыл=ды
ай маныс=GEN крик=3Sg=NOM чистый небо=DAT бить=PASS=PAST1/3Sg
'Крик Ай Маныса к чистому небу (с силой) разнесся.'

Во-вторых, предложения с *шабыл*- включают образованные от глаголов слова, лексико-грамматическое значение которых не совсем ясно (некоторые из них ближе к наречиям, другие остаются деепричастиями). Так, наречие *толдура* 'заполнив' (пример 16) поясняет, что звучание заполняет весь мир; *айландыра* 'кругом, вокруг' и *эбир* / *эбир* 'вращаясь, окружая' показывают, что звук такой силы, что облетает весь мир (примеры 17, 18):

(16) *Аба Кулақтың кыйғызы по күнү чарыққа толдура шабылды.* [3, с. 198]

аба кулак=тыс кыйғы=зы=Ø по күн=ү чарық=қа
аба кулак=GEN крик=3Sg=NOM этот солнце=3Sg мир=DAT
толдура=а шаб=ыл=ды
наполнить=GER бить=PASS=PAST1/3Sg
'Крик Аба Кулака, этот солнечный мир наполнив, раздался.'

(17) *Сең ады-шабың ақ чарықты алты айландыра шабалған.* [3, с. 110]

се=ен ады-шаб=ың=Ø ақ чарық=ты алты айландыр=а шаб=ал=ған
ты=GEN слава=2Sg=NOM белый свет=LOC шесть вокруг=PRON бить=PASS=PAST2/3Sg
'Твоя слава в белом свете шесть (раз) вокруг пронеслась.'

(18) *Ааң кыйғызы алтынғызы четтон таам чер түвүн четти эбир шавылғаны.* [8, с. 16]

ааң кыйғы=зы=Ø алтын=ғы=зы четтон таам=Ø чер=Ø түвүн=Ø
3.Sg крик=3Sg=NOM низ=ADJ=3Sg семьдесят слой=NOM земля=NOM дно=NOM
четти эбир=Ø шав=ыл=ған(ы)
семь облететь=GER ударить=PASS=PAST2/3Sg
'Его крик, подземное семидесятислойное дно земли семь (раз) облетев, пронесся.'

В-третьих, силу звука подчеркивает сравнение, которое также выводит предложение за рамки простого:

(19) *Четтон тиллиг талай қомустуң үнү алтын шаң-че шабылча.* [3, с. 126]

четтон тил=лиг талай=Ø қомус=туң үн=ү=Ø
семьдесят язык=ADJ море=NOM комус=GEN голос=3Sg=NOM
алтын шаң=че шаб=ыл=ча
золотой колокол=COMP бить=PASS=PR1/3Sg
'Звук море-комуса, имеющего семьдесят языков, разносится, словно золотые колокола.'

Глагол *эрт*-, в отличие от *уғул*-, встречается реже и только в фольклорных текстах, однако круг существительных практически такой же, как и у *уғул*-. *үн*- 'голос', *сөс* 'слово', *ныққы* 'грохот', *туйу шақазы* 'стук копыт' и даже *тил* 'человеческий язык'. В «Древнетюркском словаре» дается два значения глагола *эрт*-. Первое (известное и в шорском языке) – 'проходить, миновать': *ödläk ertti* 'время прошло'. Второе – 'совершать': *bir kişi ölüit ölürtmäkä ulatı toğuz karmaputlarıy ijin kezikça ertsär...* 'если кто-либо, помимо убийства, совершит последовательно девять других [скверных] деяний...' [2, с. 182]. Однако эти значения не помогают истолковать *эрт*- в качестве глагола восприятия. Он может использоваться как глагол говорения 'говорить, беседовать (на каком-то языке)' и иметь две валентности (пример 20), а может передавать звучание, подчеркивая скорость звука 'быстро проноситься', и выступать как глагол состояния, в этом случае он одновалентен (примеры 21, 22):

(20) [Алтын көөк] *Көөк үнүбе күүлегени, кижі тилбе эртегени.* [8, с. 56]

көөк=Ø үн=ү=бе күүле=ген(и)
кукушка=NOM голос=3Sg=INSTR петь=PAST2/3Sg
кижі=Ø тил=бе эрте=ген(и)
человек=NOM язык=INSTR говорить=PAST2/3Sg
'[Золотая кукушка] Голосом кукушки пропела, человеческим языком проговорила.'

(21) *Тағ нықмызы эрткен.* [8, с. 102]

тағ=Ø ныққы=зы=Ø эрт=кен
гора=NOM грохот=3Sg=NOM миновать(?)=PAST2/3Sg
'Грохот горы пронесся.'

(22) *Ақ-сар аттың ачығ уну эрткен.* [8, с. 88]

ақ-сар ат=тын ачыг үн=у=Ø эрт=кен
буланый конь=GEN печальный голос=3Sg=NOM миновать=PAST2/3Sg
'Печальный голос буланого коня пронесся.'

Эрт- сближается с глаголом *эстел*-, уподобляя звук горному эху. Сравните примеры 13 и 23:

(23) *Молат туйу шақазы таға налып эртисти.* [8, с. 50]

молат туй=у=Ø шақа=зы=Ø тағ=а нал=ып эрт=ис=ти
стальной копыто=3Sg=NOM стук=3Sg=NOM гора=DAT эхо=GER миновать=PERF=PAST1/3Sg
'Стук его стальных копыт горным эхом пронесся.'

Итак, анализ показал, что шорский глагол *уғул*- соответствует двум русским глаголам: *слышаться* и *звучать*. По нашему мнению, *уғул*- и *слышаться* отличаются от остальных глаголов восприятия тем, что связывают слушающего со звуком: вектор процесса идет от слушающего, тогда как остальные глаголы показывают, что вектор процесса исходит от источника звука, который каузирует автора речи слышать его. Их сходство также проявляется в том, что они не открывают субъектной позиции, но природа этого явления, по-видимому, у них различная. Русское *слышаться* – это возвратный глагол, и поэтому у него может быть позиция субъекта восприятия, выраженного дат. п. Но тем не менее есть разница между (1) *Слышится песня* и (2) *Мне слышится песня*. Предложение 1 не выражает сомнения, что источник звука есть, а в предложении 2 источник звука либо есть, либо его нет [6, с. 209]. В шорском языке аффикс пассивного залога у *уғул*- не позволяет открывать синтаксическую позицию субъекта, и это сближает его с русским глаголом *звучать*, представляющим ситуацию речи с позиции слушающего, который остается «за кадром» [6, с. 422].

Глаголы *эстел*-, *шабыл*-, *эрт*- используются в фольклорных текстах, каждый из них имеет оттенок значения, отличающий его от других глаголов. Так, *эстел*- употребляется для того, чтобы подчеркнуть сходство услышанного звука с каким-то другим, хранящимся в памяти человека, *шабыл*- нужен для того, чтобы передать силу, энергию исходящего звука, а *эрт*- выражает движение звука, акцентируя скорость его распространения. Хотя употребление глагола *эрт*- не такое широкое, как у *уғул*-, и ограничено текстами героических сказаний, но он способен сочетаться с разными существительными, как и *уғул*-, и, в отличие от него, может выступать как глагол говорения. Глаголы *эстел*-, *шабыл*- сочетаются преимущественно с существительными: *эстел* – с *табыш* 'звук, голос', *шабыл* – с *кыйгы* 'крик'.

Позицию подлежащих при этих глаголах заполняют пропозитивные существительные, так как они обозначают номинализированную ситуацию действительности, результатом которой является какой-то издаваемый звук: *треск*, *грохот*, *стук*, *шум*, *голос*, *напев* и т. д. Глаголы *уғул*- и *эрт*-, реже *эстел*-, могут иметь одну валентность. Совмещая несколько сем, они выступают как двувалентные глаголы. *Уғул*- и *эстел*- совмещают значения звучания и бытийности или местонахождения. Все глаголы совмещают значения звучания и движения (перемещения). Среди них выделяется *уғул*-, так как он единственный выражает значение 'доноситься откуда-то'. Глаголы *эстел*- и *шабыл*- указывают на конечный пункт распространения звука. Как глагол говорения, *эрт*- способен управлять словоформой в совместно-орудном падеже. Кроме *уғул*-, остальные глаголы могут быть предикатами сложных и осложненных предложений со сравнительными или деепричастными конструкциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Гилем, 2005. Т. 1. 466 с.
2. Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
3. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1940. 448 с.
4. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1941. 307 с.
5. Күрпешко-Таннагашева Н.Н., Апоныкин Ф.Я. Шор – казак пазоқ қазақ – шор үргедиг сөстүк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. 149 с.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. Телякова В.М. Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. 22 с.
8. Токмашов Б.И. Қаан Оолак. Богатырское сказание кондомских шорцев. Новокузнецк: Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2009. 149 с.

А.В. БАЙЫР-ООЛ

ОТГЛАГОЛЬНАЯ ЧАСТИЦА *ИЙИК* В АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ УСЛОВНО-СОСЛАГАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ассистент,
Новосибирский государственный университет
e-mail: azikoa@mail.ru

В статье рассматривается роль отглагольной частицы *ийик* в образовании конструкций со значением ирреального условия в тувинском языке. Частица *ийик* восходит к не сохранившемуся в современном тувинском языке вспомогательному глаголу э= 'быть' в финитной форме прошедшего времени на =*juk*, характерной для древнетюркского языка. Сочетаясь с причастной формой настоящего будущего времени, частица *ийик* образует конструкции со значением ирреального условия.

Ключевые слова: частица, сослагательное наклонение, причастная форма, вспомогательный глагол.

Отглагольная частица *ийик* неоднократно привлекала внимание исследователей тувинского языка.

Данную частицу Д.М. Насилов возводит к форме прошедшего времени на =*juk* от древнетюркского глагола бытия эр= 'быть', который в современном тувинском языке не сохранился [1, с. 99]. Несколько иной версии о происхождении частицы *ийик* придерживается Б.И. Татаринцев, который считает, что *ийик* является результатом звукового перехода -д- > -й- и восходит к *идик*, а последнее, по-видимому, <*эр-дик, где =дык также является формой прошедшего времени [2, с. 355].

Мы разделяем точку зрения Д.М. Насилова, согласно которой древняя форма на =*juk* сохранилась в тувинском и хакасском языках как в составе вспомогательного глагола *ийик*, так и в качестве самостоятельной временной формы на =чык. «И поскольку *ийик* < *эр-*j*(e~и)к – образование очень древнее и рано выпавшее из всей системы форм глагола эр=, в *ийик* сохранился исторический фонетический облик аффикса с *j*. Так как форма *эр-*j*(и)к> имела определенное модальное значение категоричности, то в тувинском языке она, перестав осознаваться как глагольная, перешла в разряд частиц в качестве частицы усиления» [1, с. 99]. Форма с аффиксом =чык, восходящая к =*juk*, – это форма прошедшего времени, которая на территории Сибири сохранилась только в тувинском и хакасском языках.

В современном тувинском языке частица *ийик* имеет различные функции, в зависимости от употребления в простом предложении или в ППК. В простом предложении эта частица употребляется при выражении утвердительного или усилительного значения [4, с. 204; 5, с. 583].

(1)

Сээң харын бажа-баарың-даа кижиги диж=ир ийик. [6, с.17]

сэ=эн	харын	бажа-баар=ың-даа	кижи	диж=ир=Ø	ийик
ты=GEN	ну	свояк-печень=POSS2Sg-PTCL	человек	говорить=PrP=3Sg	PTCL

‘Ну, говорят ведь, (он) твой свояк’.

(2)

Ох, баштайгы олчамны ачамга дыка-ла көргүзүксэ=эн ийик мен. [7, с. 6]

ох	баштайгы	олча=м=ны	ачам=га	дыка-ла
ох	первый	добыча=POSS1Sg=ACC	отец=DAT	очень-PTCL

көргүзүксэ=эн ийик мен
хотеть показать=PP PTCL 1Sg

‘Ох, свою первую добычу я ведь очень хотел показать отцу’.

В ППК сохраняется историческое значение частицы *ийик* в качестве показателя прошедшего времени вспомогательного глагола. В сочетании с причастием настоящего-будущего времени на =*p* она образует конструкцию, которая употребляется в главной части условного ППК. В некоторых исследованиях данную конструкцию называют «сослагательной конструкцией» [1; 99].

Ш.Ч. Саг для конструкций, образованных при помощи частицы *ийик*, употребляет термин «условно-сослагательное наклонение». «Условно-сослагательное наклонение – сложная конструкция, состоящая из двух частей. Первая часть этой конструкции представляет собой форму условного наклонения (=зымза, =зыңза,

=за), а вторая часть – сочетание причастной формы на =ар (и ее вариантов) с модальной частицей *ийик*» [8, с. 705]. Таким образом, *ийик* уже утрачивает статус вспомогательного глагола в форме прошедшего времени и воспринимается как частица.

В грамматике тувинского языка частицу *ийик* характеризуют как сослагательную частицу [3, с. 404]. Д.А. Монгуш отмечает, что частица *ийик*, присоединяясь к причастию настоящего-будущего времени, вместе с ним образует аналитическое сказуемое и передает действие, которое фактически не осуществляется, не осуществится и не осуществлялось, поскольку оно само обычно зависит от выражаемого условным наклонением ирреального действия. [9, с. 129, 130].

(3)

Озалдаваан болзуңза, хуралды өйүндө эгелээр ийик бис. [3, с. 404]

озалда=ва=ан	бол=зу=н=за	хурал=ды
опаздывать=NEG=PP	быть=COND=2Sg=COND	собрание=ACC
өй=үн=де	эгелэ=эр	ийик бис
время=POSS3=LOC	начинать=PrP	PTCL 1Pl

‘Если бы ты не опоздал, мы бы вовремя начали собрание’.

(4)

... Думчук-Кожайга таварышпаан болзумза, мындыг чүве болбас ийик. [10, с. 95]

Думчук-Кожай=га	таварыш=па=ан	бол=зу=м=за	мындыг
Думчук-Кожай=DAT	встретиться=NEG=PP	быть=COND=1Sg=COND	такой
чүве=Ø	бол=бас=Ø	ийик	
вещь=NOM	быть=NEG-PrP=3Sg	PTCL	

‘...если бы я не встретился с Думчук-Кожаем, такого не произошло бы’.

Сослагательное наклонение в тюркских языках образуется по модели, где основной глагол стоит в форме будущего времени, а вспомогательный глагол – в форме прошедшего времени. В большинстве тюркских языков форма сослагательного наклонения образуется при помощи причастия настоящего-будущего времени =ар основного глагола и вспомогательного бытийного глагола э= ‘быть’ в форме прошедшего времени на *ды*= (или частицы *эди*).

В тувиноведении частицу *ийик* часто сопоставляют с частицей *эртик*, так как они обе участвуют в образовании конструкций с сослагательным значением и связаны по происхождению со вспомогательным глаголом эр= ‘быть’. «Условная форма в придаточном предложении может выражать сослагательное значение. В этом случае ей сопутствует в главном предложении конструкция на =кай *эртик* (форма согласительного наклонения и сослагательная частица *эртик*)» [3, с. 404].

(5)

Акым Бежендей: “Сээң дүжүңнү биске шуптувуска үлөп берген болза, кандыг эки болгай эртик, дуңмам!” – диди. [3, с. 404]

ак=ым	Бежендей=Ø	сэ=эн	дүж=үн=нү
старший брат=POSS1Sg	Бежендей=NOM	ты=GEN	сон=POSS2Sg=ACC
бис=ке	шупту=вус=ка	үлө=п	бер=ген
мы=DAT	все=1Pl=DAT	делить=CV ₁	давать=PP
эки	бол=гай	эртик	дунма=м
хорошо	быть=OPT	PTCL	младший брат=POSS1Sg
			сказать=Past ₁ =3Sg

‘Мой старший брат Бежендей сказал: “Если бы твой сон поделили между всеми нами, как было бы хорошо, мой младший брат’.

Д.М. Насилов считает, что частицу *эртик* можно разложить на *эр+=*тик*, где выделяется глагол бытия эр= и аффикс =*тик*<*dik* // =*dīq* (?); частица *эртик* когда-то, видимо, имела значение прошедшего времени [1, с. 104]. Компонент =*тик* в частице *эртик*, по мнению Н.Н. Широбоковой, возводится к древнетюркской причастной форме на =*duq*, характерной для орхонских письменных памятников [11, с. 203].

Д.А. Монгуш также отмечает встречающуюся в народных песнях словоформу *эртти*, употребляемую с глагольной формой на =*гай* вместо частицы *эртик*, которая имеет то же значение, что и аналитическое сказуемое на =*гай* *эртик*. «Можно предположить, что словоформа *эртти* – это та же частица *эртик*, только без конечного согласного *к*, причину выпадения которого в этой позиции трудно объяснить. Расхождение в написании *эртик* с одним *т* и *эртти* с двумя *т* нас не должно смущать, поскольку *т* в обоих случаях в данной позиции произносится одинаково, т.е. вместо *эртти* можно было бы писать *эрти*. Возможно, написание *эртти* вызвано аналогией с формой прошедшего времени глагола эрт= ‘проходить’, ‘миновать’» [9, с.131].

Д.М. Насилов обращает внимание на то, что в современном тувинском языке прошедшее время на =*чык* почти регулярно может заменяться аналитической конструкцией, состоящей из причастия прошедшего времени на *ган*= и частицы *ийик*: «...чүү бол=чук? ‘что же случилось?’ равносильно чүү бол=ган *ийик* ‘что случи-

лось?». Некоторые тувинцы отмечают в последнем выражении большую категоричность и экспрессию. Данная замена, вероятно, говорит о переkreщивании значений форм на =ган и =чык» [1, с. 98].

Частица *ийик* при выражении сослагательного значения употребляется также в трехкомпонентных аналитических конструкциях с дополнительным вспомогательным глаголом *тур*= 'стоять' в форме прошедшего времени на *ган*=. Такие конструкции исследовались в работе Л.А. Шаминой, Ч.С. Ондар «Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом», где отмечается, что «в своем новом качестве древний глагол э= 'быть' в тувинском языке стал служебным компонентом аналитической конструкции *Tv=прч.* + *V=ган ийик*. Второй компонент – вспомогательный глагол *тур*= в форме причастия прошедшего времени на =ган. Такая причастная аналитическая конструкция выражает сослагательное значение» [12, с. 49].

(6)

Соок суг турбаан болза, далашпаан болзувусса, шоодайже хэй балык кирер тур=ган ийик. [7, с. 19]

соок	суг=Ø	тур=ба=ан	бол=за	далаш=па=ан
холодный	вода=NOM	стоять=NEG=PP	быть=COND	торопиться=NEG=PP
бол=з=увус=са		шоодай=же	хэй	балык=Ø
быть=COND=1Pl=COND		мешок=LAT	много	рыба=NOM
тур=ган=Ø	ийик			входить=PrP
стоять=PP=3Sg	PTCL			

‘Если бы не было холодной воды, если бы мы не торопились, (то) в мешок вошло бы много рыбы’.

(7)

Че, харын хою маңнашпааны база эки болган, ынчанган болза, оларны ийи бөрү дөггөрезин кырып ка=ар тур=ган ийик. [7, с. 41]

че	харын	хою=п	маңнаш=па=ан=ы	база	эки	бол=ган
ну	ладно	пугать=CV ₁	бегать=NEG=PP=POSS3	тоже	хорошо	быть=PP
ынчан=ган	болза		оларны	ийи	бөрү=Ø	
так делать=PP	быть=COND	они=ACC	два	волк=NOM		
д?гере=зи=н	кырып	ка=ар	тур=ган=Ø	ийик		
все=POSS3=ACC	истреблять=CV ₁	оставлять=PrP	стоять=PP=3Sg	PTCL		

‘Ну, то, что не бегали, испугивая, было хорошо, если бы сделали так, их два волка всех истребили бы’.

Форма сослагательного наклонения в тувинском языке может образовываться и без частицы *ийик*. Вспомогательный глагол *тур*= в формах прошедших времен на =ды и *ган*= со знаменательным глаголом в форме причастия на =ар (=бас) также образует форму сослагательного наклонения, выражающую нереальные действия, которые могли иметь место в прошлом, настоящем и будущем [12, с. 118].

(8)

Сен эвес болзуңза, бээр келбес турган мен. [16, с. 119]

сен=Ø	эвес	бол=зу=н=за	бээр	кел=бес
ты=NOM	не	быть=COND=2Sg=COND	сюда	приходить=NEG-PrP
тур=ган	мен			
стоять=PP	1Sg			

‘Если бы не ты, я бы сюда не пришел.’

Конструкции =ар турган ийик, по сравнению с =ар (=бас) тур=ган (=ды), более экспрессивны, выражают усиленное значение, что обусловлено наличием *ийик*, которая потеряла связь со вспомогательным глаголом и становится полноценной частицей.

В *Tv=ар тур=ган* сохраняется общетюркская модель образования сослагательного наклонения. Вспомогательным глаголом, вместо утраченного э= ‘быть’, становится глагол *тур*= ‘стоять’ как наиболее активный из всех четырех бытийных вспомогательных глаголов тувинского языка.

(9)

Хоочун фронтучунуң дидим хөделиишкини эвес болза, Шишкит хемниң арыг суунга кем чок хан төктүр турган. [7, с. 141]

хоочун	фронтучу=нун	дидим	хөделиишкин=и	эвес	болза
ветеран	фронтвик=GEN	храбрый	действие=POSS3	не	быть=COND
Шишкит	хем=ниң	арыг	су=ун=га	кем	чок хан=Ø
Шишкит	река=GEN	чистый	вода=POSS3=DAT	вина	нет кровь=NOM
төкт=үр	тур=ган=Ø				
проливаться=PrP	стоять=PP=3Sg				

‘Если бы не храбрый поступок ветерана-фронтвика, то в чистой воде реки Шишкит пролилась бы невинная кровь’.

(10)

Ынчанган болзуңза, бодуңга хала чок болур турган. [13, с. 205]

ынчан=ган бол=зу=н=за бод=уң=га хала=Ø чок
 так делать быть=COND=2Sg=COND сам=2Sg=DAT затруднение=NOM нет

бол=ур тур=ган=Ø**быть=PrP стоять=PP=3Sg**

‘Если бы ты так сделал, (тебе) самому не трудно было бы’.

Данные конструкции также могут выражать значение возможности, что, видимо, связано с их еще не устоявшейся сослагательной семантикой.

(11)

...Саарбайны чорутпаан болзумза, ирей чааскаан ынаар барбайн, айыылга таварышпайн барып болур турган... [7, с. 57]

Саарбай=ны чорут=па=ан бол=зу=м=за ирей=Ø
 Сарбай=ACC отправлять=NEG=PP быть=COND=1Sg=COND старик=NOM
 чааскаан ынаар бар=байн айыыл=га **таварыш=пайн**
 один туда идти=NEG-CV опасность=DAT **встречаться=NEG-CV**

бар=ып бол=ур тур=ган=Ø**идти=CV быть=PrP стоять=PP=3Sg**

‘...если бы я не отправил Саарбая, старик, один туда не идя, не столкнулся бы / мог бы не столкнуться с опасностью...’

По нашим материалам, =*ар турган* встречается и с другими модальными частицами.

(12)

Шынап-ла бис ону даялаваан болзувусса, ... чазын база дээрбеделин уламчылаар турган боор. [13, с. 182]

шынап-ла бис=Ø о=ну даяла=ва=ан
 действительно-PTCL мы=NOM он=ACC убивать медведя=NEG=PP
 бол=зу=вус=са чазын база дээрбедел=и=н **уламчыла=ар**
 быть=COND=1Pl=COND весной тоже грабеж=POSS3=ACC **продолжать=PrP**
тур=ган=Ø боор

стоять=PP=3Sg наверное‘Действительно, если бы мы его (медведя) не убили, ... весной тоже продолжил бы, наверное, свой грабеж’.

Нами был произведен статистический анализ частотности употребления данных сослагательных конструкций в современных тувинских текстах. Для подсчета были выбраны следующие произведения: С. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдун тоожузу» («Повесть о светлом мальчике», 1988, 434 с. и 115 670 слов); К.-Э. Кудажы «Танды кежи» («Тяжелые дары», 1983, 215 с. и 58 200 слов); В. Серен-оол «Сөөскеннер чечектелип турда» («Пора цветения таволги», 1995, 239 с. и 63 249 слов).

Самой редкой, выходящей из употребления, является сослагательная конструкция на =*гай эртик*. В текстах встретился единственный случай ее употребления, а в разговорной речи она практически не встречается. Количество употреблений формы =*ар турган ийик* – 7. Основной же формой сослагательного наклонения в тувинском языке является конструкция на =*ар ийик*, было зафиксировано 11 случаев ее употребления.

Таким образом, древнетюркская глагольная форма =*juk* сохранилась в тувинском языке как самостоятельная финитная форма с аффиксом =*чык*. Кроме того, форма =*juk* в более древнем фонетическом облике =*ийик* в структуре вспомогательного глагола э= ‘быть’, потерявшего связь с исходной глагольной формой, перешла в частицу *ийик*, которая имеет две основные функции:

- 1) в составе сослагательных конструкций;
- 2) в составе глагольного и именного сказуемого в качестве усилительно-утвердительной частицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Насилов Д. М. Прошедшее время на =*juk* // =*juq* в древнеуйгурском языке и его рефлекс в современных языках // Тюркологический сборник. М., 1966.
2. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2002. Т II.
3. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
4. Тувинско-русский словарь. М., 1968.
5. Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск, 2003.
6. Сарыг-оол С. Алдан дургун. Кызыл, 1987.
7. Кудажы К.-Э. Танды кежи. Кызыл, 1984.
8. Сам Ш. Ч. Тувинский язык (краткий очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615–721.
9. Монгуш Д. А. Частицы как компонент аналитических сказуемых // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 122–152.
10. Сүрүң-оол С. Озалааш хем. Кызыл, 1995.
11. Широкова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск, 2003.
12. Шамин Л. А. Ондар Ч. С. Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. Новосибирск, 2003.
13. Сүрүң-оол С. Тывалаар кускун. Кызыл, 1994.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – лицо; ACC – винительный падеж; COND – форма условного наклонения; CV₁ – форма соединительного деепричастия =n; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; LAT – направительный падеж; LOC – местный падеж; NEG – отри-

цательная форма; NEG-CV – отрицательное деепричастие; NEG-PrP – отрицательное причастие; NOM – основной падеж; Past₁ – форма прошедшего времени =ды; PL, Pl – множественное число; POSS – посессивность; PTCL – частица; PP – причастие прошедшего времени; PrP – причастие будущего времени; OPT – желательное наклонение; Sg – единственное число.

Н.Н. ФЕДИНА

АЛЛОМОРФЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛОКАЛЬНЫХ ПАДЕЖЕЙ В ЧАЛКАНСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ ЮЖНОЙ СИБИРИ)

аспирант,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: natfedina@yandex.ru

В статье рассматриваются аффиксы локальных падежей современного чалканского языка в сопоставлении с данными Н. А. Баскакова, который исследовал чалканский язык 60 лет назад, а также с соответствующими аффиксами хакасского, шорского и алтайского языков. Установлено, что падежная парадигма в чалканском языке расширилась за счет включения в состав локальных падежей направительного падежа, однако количество алломорфов каждого падежного аффикса сократилось.

Ключевые слова: локальные падежи, дательный, местный, исходный, направительный, чалканский язык, тюркские языки.

Падеж – грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории [1].

В данной статье ставится задача описания алломорфов падежных показателей чалканского языка. Количество падежей в тюркских языках различается: в некоторых из них насчитывается шесть падежных форм, в других десять и более. Н.А. Баскаков считал, что в чалканском диалекте имеется шесть падежей, которые выражают основные объектно-предикатные отношения слов в предложении и по своим функциям могут быть разделены на две основные группы: а) грамматические падежи: основной, родительный, винительный и б) локальные падежи: направительно-дательный, местный и исходный [2, с. 55].

В современном чалканском языке насчитывается восемь падежей. Мы считаем, что в систему падежей в настоящее время нужно добавить направительный падеж с показателем =за и творительный падеж с показателем =ле (табл. 1).

Нами будут рассмотрены аффиксы локальных падежей: дательного, местного, исходного и направительного. Формы падежей и текстовые примеры приводятся в той же записи, в которой они представлены в используемых источниках [3–6]. Для примеров чалканского языка используется фонематическая транскрипция на базе транскрипции Н.А. Баскакова на кириллической основе [7, с. 9].

Чтобы определить место чалканской падежной парадигмы в системе падежных парадигм тюркских языков Южной Сибири, мы сопоставляем аффиксы падежей четырех тюркских языков: чалканского, алтайского, хакасского и шорского. Аффиксы локальных падежей всех четырех языков представлены в табл. 2.

Сначала описываются аффиксы локальных падежей чалканского языка, которые далее сопоставляются с соответствующими показателями хакасского, шорского и алтайского языков. В связи с тем, что в падежном показателе в зависимости от ауслаута основы формируется анлаут аффикса, а также в зависимости от гласных основы варьируют гласные в аффиксах паде-

Т а б л и ц а 1

Формы падежей в чалканском языке

Падеж	Данные Н. А. Баскакова	Данные современного чалканского языка
Неопределенный	=Ø	=Ø
Родительный	нынъ ~ =нинъ, =тынъ ~ =тинъ	=нын, =тын
Винительный	=ны ~ =ни, =ты ~ =ти	=ны, =ты
Дательный	=га ~ =ге, =ка ~ =ке, =аа ~ =ээ, =а ~ =э	=га ~ =ге, =ка ~ =ке, =а ~ =е
Местный	=да ~ =де, =та ~ =те	=де, =те
Исходный	=дын ~ =дин, =тын ~ =тин	=дын, =тын
Направительный	Не выделен	=за ~ =са; =зары ~ зеры, сары ~ серы
Творительный	Не выделен	=ле

Т а б л и ц а 2

Сравнительная таблица показателей локальных падежей чалканского, алтайского, хакасского и шорского языков

Падеж	Ауслаут основы			Чалканский	Хакасский	Шорский	Алтайский		
Дательный	гласн.	все		$=\text{га} \sim =\text{ге}$	$=\text{а} \sim =\text{е}$	$=\text{а} \sim =\text{е}$	$=\text{га} \sim =\text{ге},$ $=\text{го} \sim =\text{гӧ}$		
		у:, ү:			$=\text{га} \sim =\text{ге}$	$=\text{га} \sim =\text{ге}$			
	согл.	л, р, й, н, м		$=\text{а} \sim =\text{е}$		$=\text{га} \sim =\text{ге}$		$=\text{а} \sim =\text{е}$	—
		м^*							
		ң			$=\text{ха} \sim =\text{ке}$	$=\text{ка} \sim =\text{ке}$	$=\text{ка} \sim =\text{ке},$ $=\text{ко} \sim =\text{кӧ}$		
		з, ф							
	глух.	к, қ	$=\text{қа} \sim =\text{ке (кроме к, қ)}$						
все									
Местный	гласные			$=\text{де}$	$=\text{да} \sim =\text{де}$	$=\text{да} \sim =\text{де}$	$=\text{да} \sim =\text{де};$ $=\text{до} \sim =\text{дӧ}$		
	согл.	л, р, й, н, ң, м					—		
		з, ф							
		глухие						$=\text{те}$	$=\text{та} \sim =\text{те}$
Исходный	гласные			$=\text{дын}$	$=\text{даң} \sim =\text{дең}$	$=\text{даң} \sim =\text{дең}$	$=\text{даң} \sim =\text{дең},$ $=\text{дон} \sim =\text{дӧң}$		
	согл.	л, р, й					—		
		з, ф							
		н, ң, м						$=\text{наң} \sim =\text{нең}$	$=\text{наң} \sim =\text{нең}$
	глухие						$=\text{тын}$	$=\text{таң} \sim =\text{тең}$	$=\text{таң} \sim =\text{тең}$
Направи.	гласные			$=\text{за}, =\text{зары} \sim =\text{зеры}$	$=\text{зар} \sim =\text{зер}$	—	—		
	согл.	сонор.						$=\text{са}, =\text{сары} \sim =\text{серы}$	$=\text{сар} \sim =\text{сер}$
		глухие							

*После некоторых основ, оканчивающихся на сонорный согласный м-, дательный падеж теряет свой анлаутный согласный г- в чалканском и в разговорном вариантах шорского языка.

жей, мы рассматриваем в каждом падеже сходства и различия алломорфов в следующем порядке: 1) алломорфы, образованные чередованием анлаутного согласного; 2) алломорфы, образованные варьированием вокального компонента; 3) алломорфы, образованные различием ауслаутного согласного.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

1. Алломорфы дательного падежа, образованные чередованием анлаутного согласного*

Дательный падеж в чалканском языке имеет следующие показатели: $=\text{га} \sim =\text{ге}$ после основ на гласные и на сонорные согласные, например: кемге? $\text{палы}=\text{га} // \text{палы}=\text{ге}$ – ‘кому?’ ‘ребенку’.

Для хакасского и шорского языков после основ на гласные характерен аффикс, состоящий из одного гласного -а или -е, который образовался в результате выпадения начального согласного -г в аффиксе дательного падежа, например: хака. *пала* ‘ребенок’ – *палаа* ‘ребенку’, шор. *пара* ‘сеть’ – *параа* ‘сети’, ‘в сеть’. После конечных долгих гласных основы в хакасском языке начальный согласный г- // ҕ- дательного падежа сохраняется.

Показатель дательного падежа $=\text{а} \sim =\text{е}$ в чалканском языке встречается: а) после некоторых основ, оканчивающихся на сонорный согласный м-, например: *кöрым-е* ‘избалованному человеку’, *сайым-а* // *е* ‘копне’. Ср.: шор. *торум-а* (наряду с *торум=га*) ‘кедровой шишке’. б) после основ, оканчивающихся на сонорный согласный -ң, например: *аң-а* ‘зверю’. Ср.: хака. *аң-а* ‘зверю’; шор. *аң-а* ‘зверю’, в алтайском языке после основ с конечным -ң употребляется аффикс дательного падежа с анлаутным г-, например: *аң-га* ‘зверю’. в) формируется после основ, заканчивающихся на сонорный широкощелевой велярно-заднеязычный звук -г [8, с. 12], например: *пағ=а* ‘веревке’. Ср.: хака. *чүг=е* ‘перу (птичье)’, шор. *тағ=а* ‘горе’. В алтайском языке (алтай кизи) отсутствуют слова, оканчивающиеся на согласный -г, так как в алтайском языке он выпал и преобразовался в долгий гласный у: ~ ү:, после которого присоединяется аффикс дательного падежа $=\text{га} \sim =\text{ге}$, например: *туу=га* ‘горе’, ‘на гору’. Похожее явление наблюдается в чалканском языке, где в ауслауте некоторых слов согласный -г преобразуется в долгий гласный у: ~ ү:, после которого, даже если эта вторичная долгота стянулась, употребляется

консонантно-начальный вариант аффикса, например: $y=ge$ ($y\text{ґ}>y\text{ґ}>y$ 'дом') 'дому'.

Показатель дательного падежа $=ka \sim =ke$ в чалканском языке образуется после основ на глухие согласные, например: $тыге?$ $тос=ка$ // $тос=ке$ 'чему?' 'бересте'. Ср.: хак. $ат=ха$ 'лошади'; шор. $таш=ка$ 'камню', 'к камню'; алт. $таш=ка$ 'камню', 'к камню'. В чалканском языке после ауслаутного согласного основы $-k$ или $-q$ при присоединении аффикса дательного падежа образуется гемината, которая упрощается до одного согласного и воспринимается как ауслаут основы, тем самым снова формируется редуцированный показатель дательного падежа $-a$ или $-e$, например: $танак=a$ // $=e$ 'носу'. Данное явление встречается в речи алтайцев, хакасов и шорцев, но по нормативным грамматикам принято писать два $-kk-$.

2. Варьирование вокального компонента в аффиксе дательного падежа

В чалканском, хакасском и шорском языках отсутствуют варианты показателей с огубленными гласными, только в алтайском языке присутствуют четыре варианта гласных, так как в этом языке возможно употребление широких огубленных гласных за пределами первого слога.

Отличительной особенностью чалканского языка является нарушение палатальной гармонии, т.е. варианты морфем с $-a$ и $-e$ могут употребляться после основ с твердоярными гласными, например: $аҕчы=ҕа$ // $=ge$ 'деньгам', $таш=ка$ // $ке$ 'камню', 'к камню', 'на камень', $сайым-a$ // e 'копне'.

МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ

1. Алломорфы местного падежа, образованные чередованием анлаутного согласного

Местный падеж в чалканском языке имеет показатели: $=de$ – после основ на гласные и сонорные согласные; $=te$ – после основ на глухие согласные, например: $кайде?$ $уҕ=де$ – 'где?' 'дома'; $кемде?$ $палы=де$ 'у кого?' – 'у ребенка'; $тыде?$ $шкаф=те$ – 'в чем?' 'в шкафу'; $кажын?$ $кецкы=де$ 'когда?' 'вечером'.

Если в конце основы стоят сонорные согласные и гласные, то во всех сравниваемых языках анлаутным согласным аффикса местного падежа будет $-d-$, например: чалк. $шлан=де$ 'в чулане'; хак. $иб=де$ 'в юрте'; шор. $кӧл=де$ 'в озере'; алт. $түн=де$ 'ночью', если же в конце основы стоит глухой согласный, то анлаутным согласным будет $-t-$, например: чалк. $таш=те$ 'на камне'; хак. $сас=та$ 'в болоте'; шор. $кап=та$ 'в мешке'; алт. $таш=та$ 'на камне'.

2. Варьирование вокального компонента в аффиксе местного падежа

В алтайском, хакасском и шорском языках аффиксы $=da$, $=ta$ прибавляются к основам с твердоярными гласными, например: хак. $казы=да$ 'в степи', $сас=та$ 'в болоте'; шор. $таң=да$ 'на заре', $кап=та$ 'в

мешке'; алт. $јыл=да$ 'в году', $таш=та$ 'на камне', $=де$, $=те$ прибавляются к основам с мягкорядными гласными, например: хак. $күрүн=те$ 'в хлеве'; шор. $сүт=те$ 'в молоке'; алт. $элик=те$ 'у козы'. В отличие от данных языков чалканский язык не соблюдает гармонию гласных по ряду и сужает эту систему до одного широкого гласного $=e$ в аффиксе местного падежа, например: $тыл=де$ 'в году', $таш=те$ 'на камне'.

В чалканском, хакасском, шорском языках отсутствуют варианты с огубленными гласными в местном падеже, в отличие от них в алтайском языке присутствуют все четыре варианта гласных, которые в зависимости от гласных основы варьируют в аффиксе местного падежа, т.е. в алтайском языке возможна губная гармония гласных. Примеры алтайского языка с огубленными показателями местного падежа: $кол=до$ 'в руке', $кӧл=дӧ$ 'в озере', $тош=то$ 'на льду', $мӧш=тӧ$ 'на кедре'.

ИСХОДНЫЙ ПАДЕЖ

1. Алломорфы исходного падежа, образованные чередованием анлаутного согласного

Исходный падеж в чалканском языке имеет следующие показатели: $=дын$ после основ на гласные и сонорные согласные, $=тын$ после основ на глухие согласные, например: $кайдын?$ $тӧн=дын$ – 'откуда?' 'с поля', $кеве=дын$ 'с, из лодки'; $кемдын?$ $пыс=тын$ – 'от кого?' 'от нас'; $тыдын?$ $тос=тын$ 'из чего?' 'из бересты', т.е. в чалканском языке возможны варианты исходного падежа только с шумными согласными, после основ с сонорными согласными употребляется аффикс с анлаутным согласным $-d-$, после глухих – $-t-$.

В хакасском, шорском и алтайском языках после основ с конечными гласными и согласными $-l$, $-p$, $-й$ в анлауте аффикса исходного падежа употребляется согласный $-d-$, например: хак. $казы=даң$ 'из степи'; шор. $аг=даң$ 'из сети'; алт. $кар=даң$ 'со снега'; если в ауслауте основы стоят согласные $-n$, $-ң$, $-m$, то анлаутный согласный аффикса назализуется и появляется носовой согласный $-n-$, например: хак. $таң=наң$ 'с зари'; шор. $одуң=наң$ 'из дров'; алт. $аң=наң$ 'от зверя'; если же в конце основы стоят глухие согласные, то анлаутным согласным аффикса будет $-t-$, например: хак. $таш=таң$ 'с, из камня'; шор. $кыш=таң$ 'с зимы'; алт. $јыш=таң$ 'из тайги'.

В чалканском, хакасском и шорском языках к основам на $-z$, $-г$, присоединяется аффикс исходного падежа с анлаутным согласным $-d-$. В алтайском языке конечный $-г$ вокализовался и дал долгий гласный $-у:$, после которого присоединяется аффикс исходного падежа с анлаутным согласным $-n-$, например: $суу=нан$ 'из воды'. В 1940 г. Н.П. Дыренкова, исследуя алтайский язык, отмечала вариант исходного падежа $=дан$ после долгого гласного $-у:$ [9, с. 65]. В настоящее время в результате выравнивания парадигмы в аффиксе исходного падежа стал употребляться вариант с анлаутным согласным $-n-$ после долгого гласного $-у:$.

2. Варьирование вокального компонента в аффиксе исходного падежа

В хакасском, шорском и алтайском языках к основам с твердоядными гласными прибавляются аффиксы исходного падежа с гласным *-а-* (*=даң, =наң, =таң*), например: хак. *паар=даң* 'из печени', *тон=наң* 'из шубы', *таи=таң* 'с, из камня'; шор. *той=даң* 'с торжества', *казың=наң* 'с, из березы', *кыи=таң* 'с зимы'; алт. *кыр=даң* 'с горы', *кайың=наң* 'с, из березы', *йиш=таң* 'из тайги'. К основам с мягкорядными гласными прибавляются аффиксы с гласным *-е-* (*=дең, =нең, =тең*), например: хак. *иб=дең* 'из юрты', *магазин=нең* 'из магазина', *кип=тең* 'из одежды'; шор. *кебе=дең* 'из лодки', *өлөң=нең* 'из травы', *көбүк=тең* 'из пены'; алт. *жер=дең* 'с земли', *эм=нең* 'от лекарства', *элик=тең* 'от козы'. В отличие от данных языков чалканский язык ограничивает эту систему одним узким гласным *-ы-* в аффиксе исходного падежа, например: *кеве=дын* 'с, из лодки', *тос=тын* 'из бересты'. Вариант исходного падежа с узким гласным *-ы-* встречался еще в древнетюрских памятниках, но использовался он довольно редко. А. Н. Кононов считал, что данный вариант мог относиться к другому диалекту древнетюрского языка [10, с. 158].

В чалканском, хакасском и шорском языках отсутствуют варианты с огубленными гласными в исходном падеже, в алтайском языке, как уже говорилось выше, возможно употребление широкого огубленного гласного в составе аффикса, например: *өлдг=ндг* 'из травы', *көл=ддг* 'из озера', *сөс=тдг* 'от слова'.

3. Алломорфы исходного падежа, образованные различием ауслаутного согласного

В чалканском языке конечным согласным аффикса исходного падежа является *-н*, а в трех других языках *-ң*. Вариант исходного падежа с переднеязычным согласным *-н* характерен и для формы этого падежа в рунических памятниках [10, с. 158].

НАПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

1. Алломорфы направительного падежа, образованные чередованием аслаутного согласного аффикса

Основными показателями направительного падежа в чалканском языке являются: *=за, =са*, например: кана? *тьер=за* – 'куда?' 'на землю'; кемза? *палы=за* – 'к кому?' 'к ребенку'; тьуза? *агыи=са* – 'к чему?' 'к дереву', 'куда?' 'к дереву, на дерево', а также встречаются следующие показатели: *=зары ~ зеры; =сары ~ =серы*, например: *кищы=зары // зеры* 'к человеку'. Если в конце основы стоят гласные и сонорные согласные, то в чалканском и хакасском языках аслаутным согласным аффикса направительного падежа будет *з-*, если в конце основы стоит глухой согласный, то аслаутным согласным будет *с-*, например: чалк. *у(з/р)=за* 'домой', *тот=са* 'в угол'; хак. *чар=зар* 'на берег', *сас=сар* 'в болото'.

Направительный падеж отсутствует в алтайском и шорском языках. В алтайском языке значение, свойственное направительному падежу, передается при помощи послелога *јаар*, а также послелогом *дддн*, который также указывает на направление. В последнее время этот показатель предпочитают писать слитно с основой слова, что свидетельствует о формировании нового направительного падежа в алтайском языке. Послелог *дддн* в отличие от показателя дательного падежа *=га*, всегда используется при указании на направление движения, тем самым сближаясь с направительным падежом чалканского и хакасского языков.

(1) Я еду в Байгол*.

чалк. *Мен Байгол=за партым.*

алт. *Мен Байгол=го // =доон барып јадым.*

хак. *Мин Байгол=зар парим.*

В чалканском языке также встречаются наречия, сохранившие древний показатель направительного падежа *=керэ, =арэ, =эрэ*, например: *тес=керэ* 'назад, наоборот, наизнанку', *а-рэ* 'туда', *п-эрэ* 'сюда', *кед-ре* 'в сторону, прочь'. В кондомском диалекте шорского языка встречаются подобные форманты направительного падежа с узким конечным гласным: 1) *=сары, =кери* 2) *=ары, =ери*, имеющие соответствия в орхоно-енисейских памятниках [11, с. 514].

2. Варьирование вокального компонента в аффиксе исходного падежа

В хакасском языке к основам с твердоядными гласными прибавляются аффиксы направительного падежа с гласным *-а-* (*=зар, =сар*), например: *стол=зар* 'к столу', *хап=сар* 'в мешок'; к основам с мягкорядными гласными добавляются аффиксы с гласным *-е-* (*=зер, =сер*), например: *иб=зер* 'в юрту', *кибек=сер* 'в скорлупу'. В отличие от хакасского языка чалканский язык не соблюдает палатальную гармонию гласных и ограничивает эту систему одним широким гласным *-а* (*=за, =са*).

В чалканском языке также не соблюдается гармония гласных по ряду: после твердоядных и мягкорядных основ возможно присоединение того и другого варианта, хотя предпочтительнее вариант с гласным *-а-*, например: *кызыщак=сары // =серы* 'к девочке'.

3. Полные и краткие формы направительного падежа

Для чалканского и хакасского языков свойственна особая форма направительного падежа *=сар ~ =зар, =са ~ =за* (*<сарі* 'в направлении, в сторону') [12, с. 49].

В чалканском языке чаще употребляются краткие формы *=за, =са*, в качинском диалекте хакасского языка также наблюдается выпадение ауслаутного согласного *-р* в аффиксе направительного падежа *=сар*, что

* Примеры записаны от информантов: Кандараковой Анны Макаровны (чалк.), Чайчиной Евгении Валерьевны (алт.), Кайнаковой Оксаны Юрьевны (хак.).

приводит к образованию варианта $=за \sim =зе, =са \sim =се$, но в отличие от чалканского языка в качинском диалекте хакасского языка ауслаутный гласный проносится с большей долготой.

В чалканском языке встречаются полные варианты направительного падежа: $=зары \sim зеры; =сары \sim =серы$, например: *палы=зары* 'к ребенку', но употребление данного варианта в чалканском языке не так часто, такие же показатели встречаются в сагайском диалекте хакасского языка $=зарі \sim =зері, =сарі \sim =сері$, например: *абам=зарі* 'к отцу'.

* * *

Таким образом, мы видим, что в чалканском языке наблюдается меньшее количество алломорфов падежных показателей: 1) сократилось количество алломорфов исходного, местного и направительного (для краткой формы) падежей, для этих аффиксов характерно отсутствие противопоставления гласных по ряду, они обычно представлены одним вариантом, в то время как в хакасском, шорском и алтайском языках гармония гласных по рядности сохраняется; 2) в чалканском языке не получили дальнейшего развития такие процессы на морфемных швах, как назализация анлаута аффикса в исходном падеже (в хакасском, шорском и алтайском языках данный процесс наблюдается) и спирализация в дательном падеже (это свойственно хакасскому языку); 3) отсутствуют показатели с огубленными гласными во всех падежах. Третий признак сближает чалканский язык с литературным хакасским и шорским языками.

Несмотря на то, что в чалканском языке отмечается меньшее количество алломорфов, количество па-

дежей расширилось за счет включения в состав локальных падежей направительного падежа, что сближает чалканский язык с хакасским.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Д. – Дательный падеж; **М.** – Местный падеж; **Ис.** – Исходный падеж; **Нп.** – Направительный падеж; **Ср.** – сравнительный падеж; **согл.** – согласные; **гласн.** – гласные; **сонор.** – сонорные; **афф.** – аффикс: **чалк.** – чалканский; **алт.** – алтайский; **хак.** – хакасский; **шор.** – шорский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Баскаков Н. А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куукижи). М., 1985.
3. Баскаков А. Н. Очерк грамматики ойротского языка. М., 1947.
4. Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. М.; Л., 1941.
5. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
6. Числяков Э. Ф. Графика и орфография шорского языка. Кемерово, 1992.
7. Вопросник «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». М., 1969.
8. Кирсанова Н. А. Консонантизм в языке чалканцев. Новосибирск, 2003.
9. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.
10. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.
12. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977.

Л.В. ЖУКОВА

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ КРОВНОГО РОДСТВА В АНГЛИЙСКОМ И ШОРСКОМ ЯЗЫКАХ

аспирант,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: dimalanin20@yandex.ru

Статья посвящена типологическому анализу смыслового содержания терминов кровного родства в английском и шорском языках методом компонентного анализа. Наличие в шорском языке четырех дифференциальных семантических признаков по сравнению с тремя признаками в английском языке и принцип «скошенной системы поколений» объясняют численное превосходство терминов кровного родства в шорском языке, существование нескольких терминов родства для обозначения одного и того же лица, а также обозначение одним и тем же термином родства младшего представителя одного поколения и старшего представителя следующего, более молодого поколения, чего не наблюдается в английском языке.

Ключевые слова: термин кровного родства, семантический признак, скошенная система поколений, признак «направления» родства.

Изучение терминологии родства имеет довольно давнюю традицию в языкознании и играет важную роль в решении кардинальных научных проблем. С одной стороны, слова, обозначающие родственные отношения между людьми, широко использовались в литературе начиная с работ основоположников срав-

нительно-исторического метода для доказательства родства индоевропейских языков. С другой стороны, к данному языковому материалу часто обращаются в трудах по этнографии и этнолингвистике при решении проблем, связанных с историей развития человеческого общества.

Термины родства и свойства английского языка описаны в трудах А.М. Кузнецова [1], М.Ш. Сарыбаевой [2], И.В. Зыковой [3] и др. Изучению терминов родства и свойства и семейно-родственных отношений у отдельных тюркских народов Сибири посвящен ряд лингвистических и этнографических работ Н.П. Дыренковой [4–6], А.П. Дульзона [7], Ю.А. Шибяевой [8], Н.А. Кучигашевой [9], К.М. Патачакова [10], Н.А. Тадиной [11], А.С. Кызласова [12, 13] и др. Что касается системы терминов родства шорского языка, то она описана фрагментарно и представлена только в сопоставлении с другими тюркскими языками. Кроме того, в единственном шорско-русском и русско-шорском словаре [14] термины родства отражены частично. Все это обуславливает актуальность нашего исследования.

В статье излагаются результаты типологического анализа смыслового содержания терминов кровного родства в английском и шорском языках методом компонентного анализа. Для исследования избраны 18 терминов английского языка и 40 терминов шорского языка. При этом мы исходили из того, что в их значении имеется по крайней мере один семантический признак, общий для всех слов данного семантического поля и служащий основанием для сравнения их значений – интегральный семантический признак родства. Уточним, что под *семантическим признаком* мы вслед за А.М. Кузнецовым понимаем «смысловую единицу, некоторую идеальную сущность, не находящую непосредственного отражения ни в одном слове, взятом отдельно, но выявляющуюся на основе их противопоставления» [1, с. 51]. «В свою очередь семантические признаки могут быть дифференцированы в зависимости от того, какова их роль в определении смыслового содержания слов, т. е. выступают ли они в качестве различителей значений слов семантического поля (*дифференциальные*) или же, напротив, объединяют слова в данное семантическое поле (*интегральные*)» [1, с. 53].

Мы определили все дифференциальные семантические признаки, характеризующие значения данной группы слов в каждом из двух языков. При этом оказалось, что термины кровного родства в английском языке полностью определяются тремя дифференциальными признаками:

1. Признаком старшинства поколений, передающим информацию о поколениях, к которому принадлежит родственник, определяемый тем или иным словом. Наличие данного признака можно выявить на основе оппозиций: *great-grandfather* : *grandfather*, *grandfather* : *father*, *father* : *son*, *son* : *grandson*, *grandson* : *great-grandson*; *great-grandmother* : *grandmother*, *grandmother* : *mother*, *mother* : *daughter*, *daughter* : *granddaughter*, *granddaughter* : *great-granddaughter*.

2. Признаком степени бокового родства, различающим родство по боковой линии и выделяемым при сопоставлении слов: *father* : *uncle*, *father* : *aunt*, *mother* : *uncle*, *mother* : *aunt*.

3. Признаком пола, выделяемым на основе оппозиций слов: *great-grandfather* : *great-grandmother*, *grandfather* : *grandmother*, *father* : *mother*, *son* : *daughter*, *grandson* : *granddaughter*, *great-grandson* : *great-granddaughter*, *brother* : *sister*, *uncle* : *aunt*, *nephew* : *niece*.

В шорском языке значения исследуемой группы слов определяются с помощью четырех дифференциальных признаков. К трем признакам, обнаруженным при описании английских терминов родства, добавляется еще один – признак «направления» родства. Заметим, что проявление данного признака характерно не только для тюркских языков, он встречается также и в германских языках, например в датском [1, с. 55]. Данный признак передает информацию о том, через какого члена родственного коллектива осуществляется кровная связь, обозначаемая данным термином: родство по линии отца или по линии матери.

Кроме того, признак старшинства поколений в шорском языке имеет некоторые особенности по сравнению с английским языком. Дело в том, что для шорского языка, как и для тюркских языков вообще, характерна «скошенная система поколений, в которой в одну группу объединяются младшие родственники одного поколения и старшие представители следующего, более молодого поколения» [15, с. 110]. Наиболее подробно и последовательно принцип «скошенной системы поколений» соблюдается по линии отца' [16, с. 666]: *улда* / *акқа* 'дед (со стороны отца), дядя (старший брат отца)'; *ача* 'дядя (младший брат отца), старший брат «я»'; *пече* 'тетя (старшая сестра отца), старшая сестра «я»'; *туңма* 'младшие братья и сестры «я», племянники и племянницы «я» со стороны брата'.

В подсистеме терминов родства по линии матери данный принцип соблюдается только в одном термине: *чееи* 'двоюродный брат / сестра (со стороны матери); племянник / племянница (дети двоюродного брата / сестры) со стороны матери; племянник / племянница со стороны сестры «я»'. Рассмотрим проявления всех этих дифференциальных признаков в системе терминов родства шорского языка на основе оппозиций:

1. Признак старшинства поколений:

Линия отца:

абамның абазының абазы 'прадед (со стороны отца)'; *улда* / *акқа* 'дед (со стороны отца)';

улда / *акқа* 'дед (со стороны отца)'; *ада* / *аба* 'отец';

ада / *аба* 'отец'; *оол* / *оол палазы* 'сын';

оол / *оол палазы* 'сын'; *оол палазының палазы* 'внук, внучка (ребенок сына)';

оол палазының палазы 'внук, внучка (ребенок сына)'; *палазымның палазының палазы* 'правнук, правнучка';

абамның абазының ичези 'прабабушка (со стороны отца)'; *үүче* / *үле* 'бабушка (со стороны отца)';

үүче / *үле* 'бабушка (со стороны отца)'; *иче* / *эне* 'мать';

иче / *эне* 'мать'; *қыс* / *қыс палазы* 'дочь';

қыс / қыс палазы ‘дочь’ : қыс палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок дочери)’;

қыс палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок дочери)’ : палазымның палазының палазы ‘правнук, правнучка’.

Линия матери:

ичемнің абазының абазы / тайдақтың абазы ‘прадед (со стороны матери)’ : тайдақ ‘дед (со стороны матери)’;

тайдақ ‘дед (со стороны матери)’ : ада / аба ‘отец’;

ада / аба ‘отец’ : оол / оол палазы ‘сын’;

оол / оол палазы ‘сын’ : оол палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок сына)’;

оол палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок сына)’ : палазымның палазының палазы ‘правнук, правнучка’;

ичемнің абазының ичези ‘прабабушка (со стороны матери)’ : нанек / ненек ‘бабушка (со стороны матери)’;

нанек / ненек ‘бабушка (со стороны матери)’ : иче / эне ‘мать’;

иче / эне ‘мать’ : қыс / қыс палазы ‘дочь’;

қыс / қыс палазы ‘дочь’ : қыс палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок дочери)’;

қыс палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок дочери)’ : палазымның палазының палазы ‘правнук, правнучка’.

Следует отметить, что все родственники старше улда / аққа, үйге / үле, тайдақ, нанек / ненек – их родители, деды, бабушки, прадеды и прабабушки – называются описательно по схеме «отец отца моей матери / отец деда (по линии матери)»: ичемнің абазының абазы / тайдақтың абазы ‘прадед (по линии матери)’ (ср. англ. grandfather, great-grandfather).

2. Признак степени бокового родства:

ада / аба ‘отец’ : улда / аққа ‘дядя (старший брат отца)’;

ада / аба ‘отец’ : ача ‘дядя (младший брат отца)’;

ада / аба ‘отец’ : пече / абий / апче / абиче ‘тетя (старшая сестра отца)’;

ада / аба ‘отец’ : пече ‘тетя (младшая сестра отца)’;

иче / эне ‘мать’ : тайы ‘дядя (старший и младший брат матери)’;

иче / эне ‘мать’ : ағалы ‘тетя (старшая и младшая сестра матери)’.

3. Признак пола:

абамның абазының абазы ‘прадед (со стороны отца)’ : абамның абазының ичези ‘прабабушка (со стороны отца)’;

ичемнің абазының абазы / тайдақтың абазы ‘прадед (со стороны матери)’ : ичемнің абазының ичези ‘прабабушка (со стороны матери)’;

улда / аққа ‘дед (со стороны отца)’ : үйге / үле ‘бабушка (со стороны отца)’;

тайдақ ‘дед (со стороны матери)’ : нанек / ненек ‘бабушка (со стороны матери)’;

ада / аба ‘отец’ : иче / эне ‘мать’;

оол / оол палазы ‘сын’ : қыс / қыс палазы ‘дочь’;

улда / аққа ‘дядя (старший брат отца)’ : пече / абий / апче / абиче ‘тетя (старшая сестра отца)’;

тайы ‘дядя (старший и младший брат матери)’ :

ағалы ‘тетя (старшая и младшая сестра матери)’;

эр қарындаш ‘брат’ : қыс қарындаш ‘сестра’.

Отметим, что при обозначении родственников младше «я», признак пола не проявляется, лица мужского и женского пола обозначаются одним термином: туңма ‘братья и сестры младше, чем «я»»; племянники и племянницы «я» со стороны брата; ийгинчи туған ‘двоюродный брат, двоюродная сестра’; нөле ‘двоюродный брат (сын сестры отца), двоюродная сестра (дочь сестры отца)’; чееи ‘племянник «я» со стороны сестры, племянница «я» со стороны сестры; племянник «я» со стороны матери, племянница «я» со стороны матери; двоюродный брат (сын брата или сестры матери), двоюродная сестра (дочь брата или сестры матери)’.

4. Признак «направления» родства:

абамның абазының абазы ‘прадед (со стороны отца: отец отца моего отца)’ : ичемнің абазының абазы / тайдақтың абазы ‘прадед (со стороны матери: отец отца моей матери)’;

абамның ичезинің абазы ‘прадед (со стороны отца: отец матери моего отца)’ : ичемнің ичезинің абазы ‘прадед (со стороны матери: отец матери моей матери)’;

абамның абазының ичези ‘прабабушка (со стороны отца: мать отца моего отца)’ : ичемнің абазының ичези ‘прабабушка (со стороны матери: мать отца моей матери)’;

абамның ичезинің ичези ‘прабабушка (со стороны отца: мать матери моего отца)’ : ичемнің ичезинің ичези ‘прабабушка (со стороны матери: мать матери моей матери)’;

улда / аққа ‘дед (со стороны отца)’ : тайдақ ‘дед (со стороны матери)’;

үйге / үле ‘бабушка (со стороны отца)’ : нанек / ненек ‘бабушка (со стороны матери)’;

улда / аққа ‘дядя (старший брат отца)’ : тайы ‘дядя (старший и младший брат матери)’;

пече / абий / апче / абиче ‘тетя (старшая сестра отца)’ : ағалы ‘тетя (старшая и младшая сестра матери)’;

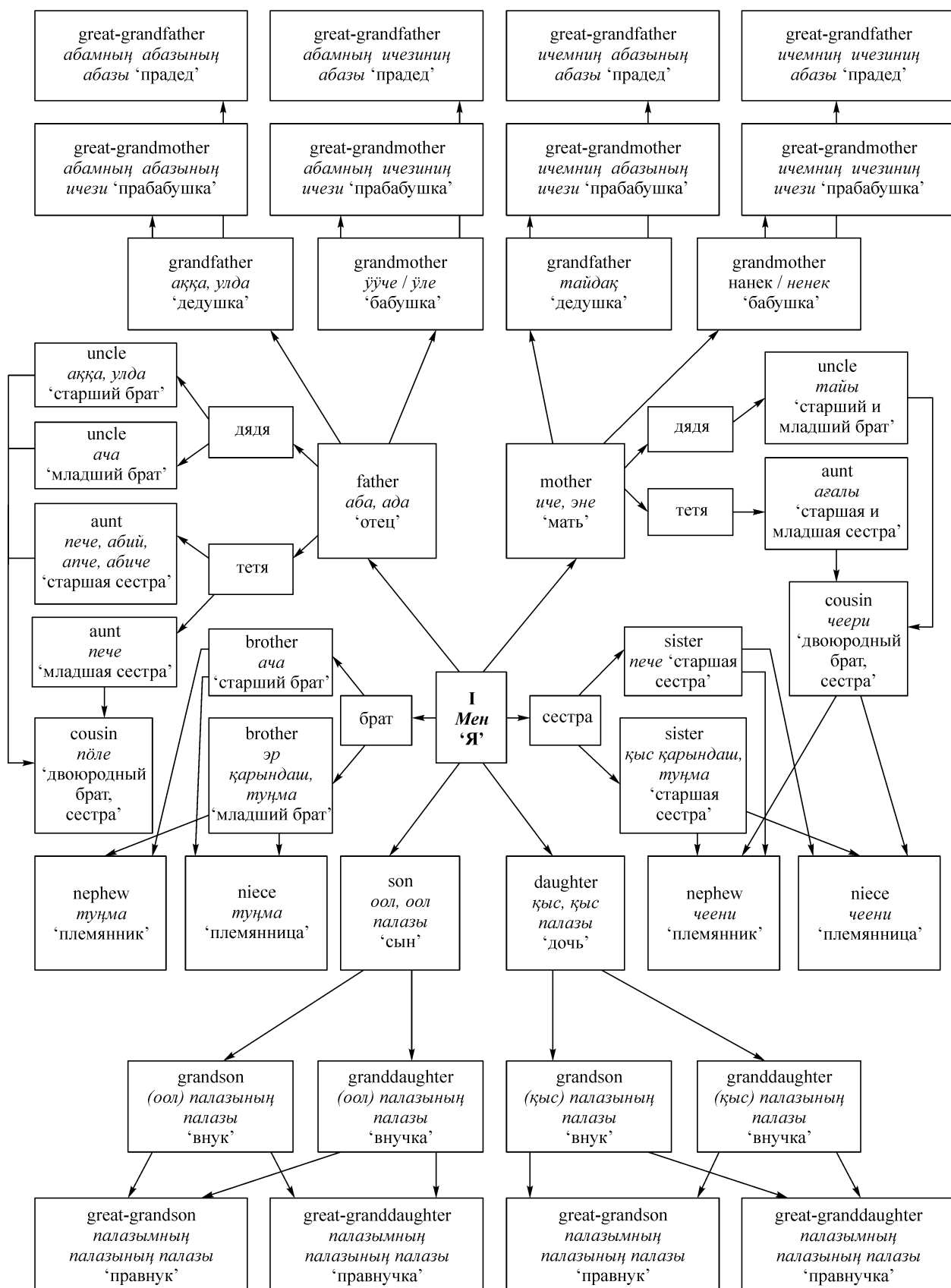
нөле ‘двоюродный брат (сын сестры отца), двоюродная сестра (дочь сестры отца)’ : чееи ‘двоюродный брат (сын брата или сестры матери), двоюродная сестра (дочь брата или сестры матери)’;

туңма ‘племянники и племянницы «я» со стороны брата’ : чееи ‘племянники и племянницы «я» со стороны сестры’;

оол палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок сына)’ : қыс палазының палазы ‘внук, внучка (ребенок дочери)’.

Сопоставим проявление всех дифференциальных семантических признаков в английском и шорском языках в схеме.

Схема терминов кровного родства в английском и шорском языках

Проведенный анализ показал, что наличием того или иного набора дифференциальных семантических признаков, участвующих в определении смыслового содержания терминов родства в том или ином языке, определяется целый ряд других особенностей семантики терминов родства.

1. Количественное различие в составе дифференциальных семантических признаков, определяющих значения терминов в английском и шорском языках, обуславливает различие и в количестве самих терминов, входящих в данное семантическое поле в данных языках. Так, наличие четырех семантических признаков в шорских терминах родства по сравнению с тремя в английских терминах родства отражается на количественном соотношении самих терминов: 18 терминов кровного родства по линии отца в английском языке и 40 соответствующих терминов в шорском языке.

2. Чем больше набор семантических признаков, полностью определяющих значения слов данного семантического поля в том или ином языке, тем больше в этом языке таких терминов родства, которые соотносятся только с одним классом денотатов. Так, в английском языке имеется только шесть терминов, денотативный диапазон которых ограничен одним классом денотатов: *father*, *mother*, *son*, *daughter*, *brother*, *sister*; тогда как в шорском языке их гораздо больше: *ада* / *аба* / *абий* 'отец', *оол* / *оол палазы* 'сын', *қыс* / *қыс палазы* 'дочь', *иче* 'мать', *аққа* 'дядя (старший брат отца)', *тайы* 'дядя (старший и младший брат матери)', *пече* 'тетя (старшая сестра отца)', *ағалы* 'тетя (старшая сестра матери)'.

3. Наличие в шорском языке более обширного набора дифференциальных семантических признаков обуславливает возможность существования нескольких терминов родства, которые могут быть использованы для обозначения одного и того же лица. Например, член коллектива родственников, который в английском обозначается только одним термином *grandson*, в шорском может быть обозначен с помощью трех терминов с разными составляющими: 1) *палазының палазы* 'внук'; 2) *оол палазының палазы* 'ребенок сына'; 3) *қыс палазының палазы* 'ребенок дочери', причем значения этих слов определяются с помощью различных комбинаций семантических признаков и их компонентов.

4. Наконец, особенность проявления в шорском языке признака старшинства поколений, а именно «скошенная система поколений», обеспечивает возможность обозначения одним и тем же термином родства младшего представителя одного поколения и старшего представителя следующего, более моло-

дого поколения. В частности, по линии отца в шорском языке таких термина четыре, а по линии матери один.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках // Филол. науки. 1970. № 6. С. 49–59.
2. Сарыбаева М.Ш. Система обозначения родства в английском, русском и казахском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991.
3. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М., 2003. С. 101–131.
4. Дыренкова Н.П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1. С. 247–259.
5. Дыренкова Н.П. Родство и психологические запреты у шорцев // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1. С. 260–265.
6. Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и «психологические запреты» у кыргызов // Сборник этнографических материалов. Л., 1927. №2. С. 7–25.
7. Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Томск, 1954. Т. XI.
8. Шибаева Ю.А. Система родства у хакасов // Учен. зап. Тадж. гос. ун-та. Сер. гуманитарных наук. Сталинабад, 1954. Т. 11.
9. Кучигашева Н.А. Термины родства в телеутском диалекте алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981. С. 87–98.
10. Патчаков К.М. Семейно-родственные отношения у хакасов // Вопр. этнографии Хакасии. Абакан, 1981.
11. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. Горно-Алтайск, 1995.
12. Кызласов А.С. Термины родства паба, аба, ада 'отец' в диалектах хакасского языка // Хакасская диалектология. Абакан, 1992. С. 77–84.
13. Кызласов А.С. Термины родства и свойства в хакасском языке. Абакан, 1996.
14. Курпешко-Таннагашева Н.Н. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.
15. Кошкарева Н.Б. Терминология родства и свойства хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск, 1991. С. 108–124.
16. Николина Е.В., Кокошников О.Ю. Термины родства в языке чалканцев в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири». Новосибирск, 2005. С. 663–670.

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.С. КРУТОВА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В НАЗВАНИЯХ РУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ XI–XIX вв.

канд. филол. наук, доцент,
главный научный сотрудник НИО
рукописей Российской государственной библиотеки
e-mail: mskrutova@yandex.ru

Названия рукописных книг часто содержат заимствованные слова, для которых характерна вариантность, свидетельствующая о том, что они пытаются приспособиться к системе русского языка. О семантическом освоении иноязычного слова свидетельствуют синонимические названия книг.

Ключевые слова: заимствование, семантика, рукопись, символ.

В разные исторические периоды в русский язык проникали заимствования из других языков, как славянских, так и неславянских. Об этом свидетельствуют и названия таких рукописных книг, как «Евангелие», «Апостол», «Октоих», «Триодь», «Минея» и др. Одной из причин заимствования является отсутствие в русском языке понятия, обозначенного им. На Руси эти книги ожидала своя судьба: «произведения литератур византийского ареала “трансплантируются” на Русь, “пересаживаются” сюда и продолжают развиваться» [1, с. 406]. Иноязычные слова в названиях книг или отдельных произведений изменялись и текстологически, и лингвистически, что произошло даже с такой книгой, как Евангелие [2, с. 6].

Чаще всего заимствованные слова в названиях книг духовно-нравственного содержания заимствованы из книг Священного Писания и имеют символическое значение. Среди них много слов церковно-славянского происхождения: *око* («Око церковное»), *хождение* («Хождение за три моря Афанасия Никитина»), *жезл* («Жезл правления на правительство мысленного стада православно-российской церкви» Симеона Полоцкого), *врата* («Врата учености»), *злато* («Златая цепь»), *древо* («Древо жизни») и др. Они имеют как фонетические признаки заимствования из церковнославянского языка (например, неполногласие *ра-*, *ла-* или *жд* на месте русского *ж* в корне слова), так и лексико-семантические. Например, в названиях книг часто встречается корень *злато*: «Златая цепь», «Златоуст», «Златоструй», «Златый бисер», «Златая матица». Золотой цвет в книгах Священного Писания считался символом божественного начала и обозначал

«широкий спектр качеств: от чистоты, утонченности, духовной просвещенности, правды, гармонии, мудрости до земной силы, славы, великолепия и богатства, символизм этого металла приписывается также и золотому цвету – солнце, огонь, слава, божество, свет небес и истины» [3, с. 123]. Поэтому слово *злато*, входящее в состав вышеупомянутых названий книг, имеет, прежде всего, переносное значение ‘духовное богатство, мудрость истины, божественная правда’.

Слово *древо* в названии «Древо жизни, или Глас семи громов»¹ также имеет символическое значение и встречается еще в Ветхом Завете: «И древо жизни посреди рая»². Оно имеет значение ‘высший природный символ динамичного роста, сезонного умирания и регенерации’. «Древо жизни часто становилось метафорой для сотворения мира... С помощью Древа Жизни человечество поднимается от низшего уровня развития к духовному просветлению, спасению или освобождению из круга бытия... На Ближнем Востоке преобладает дуалистический символизм дерева – Древо Жизни растет рядом с Древом Смерти. Это библейское Древо Познания добра и зла, чей запретный плод, отведенный Евой в саду Эдема, принес человечеству проклятие смертности» [3, с. 75–77].

Иноязычные слова в процессе их освоения в русском языке адаптировались, подвергаясь фонетическим, морфологическим, семантическим, грамматическим изменениям, подчинялись законам развития русского языка. Слова из других языков заимствовались в рус-

¹ РГБ. Ф. 37. № 25. 1836 г.

² Быт. 2: 9, с. 7.

ский язык посредством перевода, транскрипции и транслитерации. Термин «практическая транскрипция» введен в науку А.А. Реформатским [4]. «При практической транскрипции в качестве таких знаков используется исторически сложившаяся орфографическая система языка, на которой передают иностранные имена и названия, в нашем случае – русского языка» [5, с. 13–14]. Причем могли быть разные варианты транскрипции греческих слов, например: *Евангелие*, *Еуаггелие*, *Еангелие*, *Евангелъе*. Наличие разных транскрипций одного слова объясняется несовпадением ряда фонем в различных языках, из-за чего неизбежна приближительность практической транскрипции. Так пришли к нам слова *Паренесис*, *Алфавит*, *Евангелие* и др.

В названиях южно- и западно-славянских текстов, бытующих в составе русских сборников, встречаем в русской графике слово *казане*, т.е. *сказание*: «Казане на святого Алексея, Человека Божого...»; «Казане на Благовещение Пресвятыя Богородицы»; «Казане на Богоявление»³; «Казане на святого Николая 6 декабря»⁴; «Казанье на день пренесения мощей иже во святых отца нашего Николая»⁵. Редки случаи, когда уже переведенному на русский язык тексту с одного языка предпослано название в оригинальной графике, например, польское «Kazanie na Swiatitela Nicolaja»⁶.

Названия переводных книг часто транслитерируются буквами кириллического алфавита. Особой вариативности подвергаются именно транслитерированные названия, ибо носители языка ощущали их необычность, несвойственность русскому языку: *Луцидариус* – *Лусидариос* – *Улюсидариус*; *Измарагд* – *Изьмаракт* – *Измарахт* – *Смарагд*; *Лавсаик* – *Лапсаик*; *Канонник* – *Канунник*; *Хронограф* – *Гранограф*; *История* – *Гистория* и др. «Транслитерация – «точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности» [5, с. 17]. Некоторые из приведенных фонематических вариантов объясняются также отсутствием нормы для орфографической передачи в русском языке некоторых звуков: [г] – [х] – ноль звука; [с] – [ц]; [у] – [в]. Надписи владельцев рукописей на полях листов или обороте крышек переплета содержат богатый материал для изучения фонетических изменений: протезы (*Треводь* в м. *Треодь*), метатезы (*Моноканон* в м. *Номоканон*), диссимиляции (*Стихораль* в м. *Стихирарь*; *Проблемата* в м. *Проблената*), ассимиляции (*Апишит* в м. *Абишит*) и др.

В названиях рукописных книг, включающих в себя заимствованные слова, выявляется варьирование рода имен существительных, что свидетельствует об их грамматической адаптации. Так, слово *Псалтирь* может быть и женского и мужского рода, что, кстати, характерно и для современного русского языка. Та же особенность прослеживается и у некоторых других названий: *Проскинитарий* – м.р., *Про-*

скинитария – ж.р. Встречаются также и словообразовательные варианты: *Октай* в м. *Октоих*; *Ирмолой* в м. *Ирмологий* и др.

Адаптация иноязычного слова может быть и семантической [6]. Об этом свидетельствует варьирование синонимичных иноязычных слов. Например, «Синтагма Матфея Властаря»⁷ может называться и «Синописис Матфея Властаря»⁸. Действительно, эти греческие слова имеют близкие значения: σύννοψις – ‘общее обозрение’; ‘оглавление, перечень’ [7, II, с. 1577], ‘собрание божественных правил’; σύνταγμα – ‘сочинение, книга’, ‘положение, предписание’ [7, т. 2, с. 1577].

Но чаще по спискам отмечается варьирование русского и иноязычного вариантов названий. Так, книга с одним составом статей может называться «Октоих» и «Осьмогласник», и эти слова можно считать лексическими дублетами. «Название этой книги состоит из двух частей: ὀκτώ (греч.) – *восемь* и ἡχος (греч.) – *глас*. Дословный перевод названия этой книги – *Осьмогласник*; было еще древнерусское, вернее русифицированное название – *Октай*. Октоих содержит изменяемые молитвословия служб седмичного круга. Октоих состоит из 8 частей по числу гласов; строение всех частей совершенно одинаково, а различаются они напевами и текстами» [8].

Еще одна функция заимствованного слова – детализация понятия признака посредством разграничения смысловых и функционально-стилистических оттенков. Особенно показательны в этом отношении так называемые двойные названия, когда в первой части названия приведено заимствованное слово, а во второй – его русский синоним. Например, в названии «Анфологион, сиречь Цветослов, или Трифолог» появление трех различных слов в данном названии вполне оправданно: «В книге, известной под названием *Анфологион* (Ἀνθολόγιον) от (ἄνθος – *цвет*, λόγος – *слово*), *Анфологий*, *Трифологион* (τρεφολόγιον от τρέφω питаю и λόγος), *Трифологий*, *Цветослов*, *Цветная Миней*, *Праздничная Миней*, содержатся выбранные из Месячной Миней последования на праздники Господни, Богородичны и Святых, особенно чтимых Православной Церковью» [9, с. 103]. Из этого следует, что все три варианта названия имеют переносное значение ‘сборник, составленный из особо торжественных слов и поучений’. Наличие таких синонимических пар, состоящих из русских и заимствованных слов, свидетельствует о семантическом освоении этих иноязычных слов в русском языке.

В русской письменности встречаются разноименные памятники одного состава. Это могут быть как русские слова, так и заимствованные, например: «Синодик», «Помянник», «Чин православия». Название «Синодик» появилось вследствие кириллической транслитерации греческого слова συνοδικόν, оно в русской письменности существует наряду с названиями

³ РГБ. Ф. 247. № 657. XVII в.

⁴ Там же. Ф. 178. Л. 60 об.–63 об.

⁵ Там же. Ф. 37. № 37. Л. 181 об.–187.

⁶ Там же. Ф. 205. № 243. Л. 8–13.

⁷ РГБ. Ф. 98. № 65. XVI в.

⁸ Там же. Ф. 98. № 242. XV в.

«Чин православия» и «Помянник» [10, с. 389; 11, с. 146–149]. Они имеют значение «совместная поминальная молитва» (Ср.: [7, т. 2, с. 1577]). Однако заимствованные слова в названии могут встречаться не только в переводных, но и в русских произведениях, например, в «Проскинитарии»⁹, в котором описывается паломничество из Москвы на Святую Землю иеромонаха Арсения (Суханова) [12, с. 375]. Слово «проскинитарий» от греческого *προσκυνῆτης* – «благочестивый почитатель, поклонник» [7, т. 2, с. 1414].

Если с точки зрения лингвиста заимствование – это слово или отдельный его элемент, имеющий определенные особенности, то с точки зрения литературоведа – «это использование писателем (в одних случаях – пассивное и механическое, в других – творчески-инициативное) единичных сюжетов, мотивов, текстовых фрагментов, речевых оборотов и т.п.» [13, с. 47]. Иноязычное слово в названии текста может сигнализировать о заимствовании в русскую письменность целого жанра, ранее отсутствовавшего в языке. Так, слово *ἀποκάλυψις* в переводе с греческого языка означает «откровение» [7, т. 1, с. 203]. «Кроме откровения св. Иоанна Богослова этим именем называется еще несколько отреченных книг: ап. пророка Илии, ап. пророка Софонии, апостола Петра и др.» [14, с. 25]. Однако из-за того, что «Апокалипсис святого Иоанна Богослова» вошел в список разрешенных отреченных книг, читатели в большинстве случаев и не подозревают, что *апокалипсис* – это название целого жанра отреченной литературы, а не одного только широко известного текста. Для русской книжности характерно, что жанры «обычно декларативно обозначались в самих названиях произведений» [15, с. 71]. Это можно сказать о часто встречающихся в названиях книг заимствованных словах *апология*, *апофегмата*, *артикул*, *акты*, *анекдот*, *патерик*, *реляция*, *рекскрипт* и др. При этом заимствовался и сам жанр.

Так, слово *апология* встречается в названиях совершенно разных книг: «Апология в защиту древле-православной Христовой церкви, высказанная Антоном Егоровым в Шанском заводе Медынского уезда Калужской губернии. В церкви св. Николы и при общем собрании народа 1890 года 6 и 7 февраля на обвинении епархиального миссионера-священника Дудорева»¹⁰; «Апология во утешение печали человека, сущаго в беде, гонении, озлоблении» Димитрия Ростовского¹¹; «Апология на беседу воскресения 25–29 декабря 1874 года под заглавием – О незаконном священстве старообрядцев-поповцев»¹²; «Апология священство инока Арсения Швецова, сказанная в Санкт-Петербургской Духовной академии пред членами Синода и многочисленным собранием народа противу

обвинения старообрядцами миссионера новообрядствующей церкви священника Ксенофонта Крючкова»¹³; «Апология С.-Петербургской беседы»¹⁴. Лексическое значение этого слова – «защита лица, дел или сочинений его, устно или письменно» [14, с. 50]. Во всех приведенных названиях это слово также обозначает и жанр произведения.

Слово *апофегмата* имеет значение «краткое остроумное изречение» [14, с. 54]. Оно также часто встречается в названиях рукописных книг: «Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних философов. Переведены с польского на славенский язык. Напечатаны... в Санкт-Петербургской типографии лета Господня 1716 ген. 18 дня. Тщанием же и труды переписаны Московской академии студентом Василием Сахаровым 1739 году...»¹⁵; «Апофегмата или многих вещей содержащий, собранных воедино в книзе сей, переплетены 1778 февраля 1 дня 1778 г. Симеона Павлова его рукою писанная»¹⁶; «Апофегмата, сочинение Беняша Будны»¹⁷; «Апофегмата в виршах»¹⁸.

Слово *алфавит* в названиях книг употреблялось в двух близких значениях: «азбука, собрание в порядке всех письмен или букв одного языка», «алфавит бумаг, имен, алфавитный указатель, оглавление, роспись в азбучном порядке» [16, с. 32]. Об этом свидетельствуют названия разных книг: «Алфавит иностранных речей»¹⁹, «Алфавит духовный, в пользу иноком и мирским богоугодно житии хотящим...», «Алфавит иностранных городов с указанием расстояния до них от Москвы»²⁰; «Алфавит узаконений»²¹ – указатель к Уложению, к Морскому уставу, Артикулу воинскому, «Алфавит художников», составленный Д.А. Ровинским²², «Книга глаголемая Алфавит, содержащая в себе толкование неудоб разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенского языка, иностранным глаголанием положенных»²³.

Слово *анекдот* ранее имело значение «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае» [16, т. 1, с. 43]. Такое значение у таких произведений: «Анекдот, случившийся в Москве 1805 года февраля 11 числа – генерал-

¹³ Там же. Ф. 247. № 34. Кон. – нач. XX вв.

¹⁴ Там же. Ф. 579. № 146. XIX в.¹⁵ Там же. Ф. 173/II. № 142. 1739 г.

¹⁶ Там же. Ф. 173/II. № 50. 1778 г.

¹⁷ Там же. Ф. 310. № 896. XVIII в.

¹⁸ Там же. Ф. 178. № 3058. 1734 г.

¹⁹ Там же. Ф. 594. № 4. 1625–1626 гг.

²⁰ Там же. Ф. 199. № 609. Кон. XVII – нач. XVIII в.

²¹ Там же. ф. 310, № 845. XVIII в.

²² Там же. Ф. 178. № 3350. XIX в.

²³ Там же. Ф. 152. № 122. XVII в.

²⁴ Там же. Ф. 178. № 8476. XVIII–XIX вв.

⁹ РГБ Ф. 37. № 65. XVIII в.

¹⁰ Там же. Ф. 579. № 34. Кон. XIX – нач. XX в.

¹¹ Там же. Ф. 92. № 59. XVIII в.

¹² Там же. Ф. 247. № 402. XIX в.

порутчик Димбровский увез дочь богача»²⁴; «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве»²⁵; «Анекдоты о Петре Великом»²⁶; «Анекдоты об императоре Александре I»²⁷.

Слово *артикул*, заимствованное из латинского языка, означало 'отдел, статья, глава' [Там же, с. 63]: «Артикул воинский и краткое изображение процессов»²⁸ – такое название имел так называемый Воинский артикул Петра I; «Артикул краткого учения мушкетером без богинета»²⁹.

Название книги, особенно учебной, должно было быть понятно читателю, почему и появлялись иной раз названия толковые, в которых видно стремление не только объяснить название, но и указать на то, из какого языка оно заимствовано. Например: «Сия книга, глаголемая по гречески Арифметика, а по-немецки Алгоризма, а по-русски Цыфирная счетная мудрость»³⁰; или: «Арифмология, сиречь численословная книга, в ней же почислением описуются вещи достопамятные и к ведению весьма нужные...» Николая Спафария,³¹ «Астрология, выпиши о приметах погоды в связи с положением небесных светил»³².

Названия переводных светских повестей, бытовавших в поздней русской письменности, содержат в себе интересный материал по ономастике. В качестве примера сравним два варианта названия одного произведения: «История об аглисском графе Иполите и графине Жулии»³³ – «Любовная, всему свету курьезная, авантюра в Аглиском королевстве, недавно минувшем веке случившаяся история об Ипполите и Жулии»³⁴. Как видим, при написании собственных имен наблюдается смешение правил передачи французских и английских имен собственных: фр. Juliette – Жюльетта, англ. Julia – Джулия, Юлия, в нашем случае – Жулия. Разные способы передачи немецкого собственного имени Берта встречаем в «Истории о губернаторском сыне Родерике и королевской дочери, зело остроумной и прекрасной Берте»³⁵ и «Истории, сиречь сказании о неких двух любящих персонах, Евдова и Берфы»³⁶. Как видим, в данном случае буква *t* передается и как *т*, и как *ф*.

Обращает на себя внимание и то, что в словах *история*, *Испания* и производных от них перед буквой *и* могла вставляться буква *г*: «Сказание о гишпан-

ском короле и о португальском и о цесаре Долторне и Елеоноре»³⁷. Это, вероятно, объясняется тем, что писцы, пытаясь приспособить заимствованное слово к фонетическим законам русского языка, прикрывали в слоге гласный согласным, в соответствии с законом восходящей звучности. При передаче заимствованных имен собственных буква *h* могла передаваться как *г* и как *х*: Juan – Хуан, Гуан. Обращает на себя внимание и упрощение непривычных для русского языка сочетаний **ont*, когда сонорный опускался: *французских, аглиских*. Необычные имена и названия могли привлекать читателя и своей экзотикой, при этом вводились «новые имена героев, как правило, иностранные, не принятые в русском православии (королевич Валтасар, Францель Внециан, Франц Мемзонзилиус, Полимистра, король Карлус, Роксана и т.п.)» [17, с. 141]. Как отмечает Е.К. Ромодановская, не только имена людей, но и топонимы в названиях таких произведений являются вымышленными, фантастическими. Поэтому указанные в названиях страны Гишпания и Англия также призваны были подчеркнуть необычность и занимательность произведения.

Итак, семантика иноязычных слов в названиях русских рукописных книг XI–XIX вв. отличается целым рядом особенностей. Мы видим, что русские писцы, с одной стороны, старались сохранить названия книг Священного Писания, а также книг религиозно-нравственного содержания, при этом заимствовались не только названия, но и жанры произведений. С другой стороны, они всегда осознавали его «инородность». Этим объясняется наличие графических и фонематических, лексических вариантов заимствований. Необычность иноязычных собственных имен в названиях поздних авантюрно-приключенческих романов привлекала к нему внимание читателей. О семантическом освоении иноязычного слова свидетельствует наличие многообразных синонимических пар в двойных названиях и в разноименных памятниках одного состава. Когда произведение создавалось на Руси, то ему могло быть дано название, которое включало слова иноязычного происхождения, часто имевшие символическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С., Дмитриев Л.А. История русской литературы XI–XVII в. М., 1985.
2. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976.
3. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: «Гранд», 1999.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1947.
5. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. М., 1985.
6. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: Автореф. д-ра филол. наук. М., 2008.

²⁵ Там же. Ф. 178. № 4181(4). XIX в.

²⁶ Там же. Ф. 557. № 90. XVIII в.

²⁷ Там же. Ф. 178. № 10764. XIX в.

²⁸ Там же. Ф. 29. № 71. 1752 г.

²⁹ Там же. Ф. 68. № 44. Перв. пол. XVIII в.

³⁰ Там же. Ф. 178. № 982. XVII в.

³¹ Там же. Ф. 178. № 4149. XVIII в.

³² Там же. Ф. 92. № 124. XIX в.

³³ РГБ, Ф. 122. № 1. Л. 44–73 об.

³⁴ Там же. Барс-2389. XVIII в.

³⁵ Там же. Ф. 122. № 1. Л. 75–100 об.

³⁶ Там же. Ф. 733. № 8. XVIII в.

³⁷ Там же. Ф. 122. № 1. Л. 102 об.–148 об.

7. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С.И. Соболевского. М., 1958. Т.1, 2.
8. Красицкая М.С. Литургика. М.: ПСТГУ, 2000.
9. Никольский Н.К. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907.
10. Поньрко Н.В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2. С. 339–344.
11. Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004.

12. Житенев С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007.
13. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1903; Репринт. М., 2003.
14. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002.
15. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. (Репринт. изд.). М., 1994. Т. 1–4.
17. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск: Наука, 1994.

Е.С. ШЕРЕМЕТЬЕВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОТЫМЕННЫХ РЕЛЯТИВОВ И СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

канд. филол. наук, доцент,
Дальневосточный государственный университет, Владивосток
e-mail: dvgu-kaf-rus@yandex.ru

В статье рассматриваются сочетания *а в случае*, *но при условии* с точки зрения их семантического соответствия.

Ключевые слова: *отыменный релятив*, *сочинительный союз*, *конструкция*.

Изучение единиц служебного характера естественным образом предполагает исследование их окружения, в том числе и непосредственную сочетаемость. В этом смысле интерес представляет не только специфика контактов со знаменательной лексикой, но и взаимодействие с другими служебными словами. Выявляемые в этом плане закономерности позволяют более полно раскрыть сущность вступающих в контакт служебных единиц. Продemonстрируем это положение на примере взаимодействия отыменных релятивов *в случае* и *при условии* с сочинительными союзами.

Нами установлено, что оба релятива могут контактировать с союзами *а* и *но*, однако каждый из релятивов имеет свои предпочтения: для релятива *в случае* характерна сочетаемость с союзом *а* (84 % от общей сочетаемости с обоими союзами), для релятива *при условии* – с союзом *но* (85 %)*.

Естественно предположить, что такая предпочтительность связана с семантикой как отыменных релятивов, так и сочинительных союзов.

Интерес представляет не только избирательность в сочетаемости союза и релятива, но и тип союзной конструкции, в которой оказывается релятив, взаимодействуя с определенным союзом.

В соответствии с типологией союзных конструкций, разработанной А.Ф. Прияткиной [1; 2; 3, с. 101–103] различаем: ряд (Р), вторичную союзную связь (ВС), сложное предложение (СП) и моносубъектную

конструкцию (МСК) [4]. Оба союза (*а* и *но*) могут создавать все названные типы конструкций, а также быть показателем связи на уровне текста. Нужно заметить, что для союза *а* конструкция ВС оказывается малохарактерной, точнее – крайне редкой.

С точки зрения конструкции для сочетаний названных союзов с релятивами *в случае* и *при условии* тоже наблюдается определенная закономерность, а именно: *а в случае* функционирует в конструкциях СП, Р, МСК и выполняет функцию связи в тексте (ТЕКСТ); *но в случае* – СП, ТЕКСТ, МСК (редко); *а при условии* – Р, СП, ТЕКСТ; *но при условии* – ВС, ТЕКСТ.

Обратимся к случаям типичного взаимодействия. Представим ряд фактов с указанием типа конструкции, образуемой союзом.

а в случае

СП: По всей видимости, на островное государство никто никогда не нападал, *а в случае* какого внутреннего катаклизма вождю так удобнее убежать в лес и организовать сопротивление (М. Панин. <НКРЯ>).

Р: Береговая линия внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации определяется по постоянному уровню воды, *а в случае* периодического изменения уровня воды — по линии максимального отлива (Водный кодекс РФ. <НКРЯ>). Несколько часов держала в напряжении московскую милицию супружеская пара из Якутии, требуя квартиру в Москве, *а в случае* отказа угрожая поджечь гостиницу «Центральная» (Огонек. <УК>).

МСК: Едят *ИЫЕ* простую сытную пищу: рыбу, нерпу, сову, выкидную китовину, лисиц и что попадет, *а в случае* недостачи простой сытной пищи пита-

* Выборка материала проводилась на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в качестве дополнительной проверки использовался материал Упсальского корпуса (УК).

ются ракушками, еврашками, ежами и морской капустой (Митьки. <НКРЯ>).

ТЕКСТ: <...> утечка 20 % коммерческой информации в шестидесяти случаях из ста приводит к банкротству фирмы. **А в случае** полной потери информации, составляющей коммерческую тайну, ни одна даже преуспевающая фирма США в условиях современной конкуренции не просуществует более 3-х суток (Финансы и кредит. <НКРЯ>).

Типичность такого соединения можно объяснить следующим образом. Релятив *в случае* мы рассматриваем как семантически сложную единицу, одним из компонентов значения которой является 'возможность': **в случае** маркирует событие как возможное, предполагаемое, которое предусматривается говорящим, то есть *альтернативное* [5, с. 25]. Возникает вопрос, что в семантике союза **а** приводит к тесному взаимодействию с данным релятивом. Когда речь идет об этом союзе, в первую очередь говорят о сопоставительном значении. Однако, на наш взгляд, такому взаимодействию в большей степени соответствует трактовка значения союза **а**, данная И.Н. Кручининой: союз **а** является показателем «распределительных (дистрибутивных) отношений» [6, с. 138]. Как показала И.Н. Кручинина, распределительные отношения – это основа, на которой развиваются все остальные типы отношений (сопоставительные, противительные и др.). Мы считаем, что именно дистрибутивность как семантическая специфика союза **а** и наличие соотносительных компонентов позволяют увидеть в ряде построений с этим союзом, например, значение «поворота повествования» (*Мы едем в Новосибирск, а зима в этом году холодная*) [7].

Дистрибутивность находит отражение и в формальной стороне: конструкции с союзом **а** представляют собой некоторый вид весов: в них есть либо соотносительные компоненты (прямо отражающие дистрибутивный характер отношений: *Справа он увидел лес, а слева речку*), либо опорный (служебный или знаменательный) компонент, позволяющий соединить две части в единое целое (впервые это явление было описано А.Ф. Прияткиной в [8]). Вводимый релятивом *в случае* компонент как раз и является опорным. Что касается семантической стороны, то в сочетании **а в случае** распределительное значение союза поддерживается и усиливается заключенным в значении релятива семантическим компонентом 'возможность, альтернатива'. Таким образом, в союзной конструкции отыменный релятив выполняет функцию конкретизатора отношений, а сами отношения в более или менее явной форме могут осложняться семантикой разделения: из двух ситуаций, представленных в досююзной и послесююзной частях, реализуется (выбирается) одна. Выбор ситуации определяется наличием или отсутствием третьей ситуации, обозначенной релятивом.

но при условии

ВС (союзная связь накладывается на связь словформ на основе подчинения): <...> льготами по

оплате жилья могут пользоваться члены семьи ветеранов, **но при условии** совместного проживания (Известия <НКРЯ>). Писатели нужны, и мы для них все готовы сделать – дали же вам паек и берем же вашу «Царь-Деву» – **но при условии** – как бы сказать? – сдержанности (М. Цветаева. <НКРЯ>). И когда оленевод Алексей Жарков нашел в тундре очередной бивень мамонта и притащил его к Бернару, тот сказал, что готов оплатить находку, **но при условии** указания места ее нахождения (Наш современник. <НКРЯ>). Смешные – поскольку главным героем рассказов выступает русское слово, умеющее выжить в любых условиях, **но при условии** авторского таланта (Огонек. <УК>).

ТЕКСТ: Конечно, легче было и строить дом там, где рос подходящий для этого лес, но роща сосновая, с чудесными березами, была так привлекательна, что ради возможности жить среди такой красоты не жалко было никакого труда. **Но при условии** доставки материалов издалека, конечно, постройка дома не могла двигаться быстро (М. Пришвин. <НКРЯ>).

В значении релятива *при условии* мы видим следующие составляющие: 'необходимость', 'ограничение', 'согласованность / договоренность' [5, с. 65]. Однозначный, но семантически многогранный союз **но**, наряду с другими, включает в себя элемент 'ограничительность', являющийся к тому же ведущим в конструкции ВС, наряду с постоянным элементом 'отрицание' [3, с. 107]. Таким образом, наблюдается соответствие семантики союза и отыменного релятива. Тем не менее конструкция с союзом функционально отличается от конструкции без союза.

Различие между «могут пользоваться льготами при условии совместного проживания» и «могут пользоваться льготами, **но** при условии совместного проживания» – в силе воздействия информации на адресата. Вводимый отыменным релятивом компонент называет обязательное условие реализации ситуации, указанной в досююзной части. Роль союза можно сравнить с сигналом красного света на светофоре: необходимо остановиться и обратить внимание на сформулированное условие. Союз **но** в такой конструкции – усиливающий сигнал, обладающий большей, по сравнению с релятивом, воздействующей силой ограничения. Неслучайно основная часть фактов – это вторичная союзная конструкция, обладающая особенной в плане теморематического членения двуремной структурой.

Таким образом, с одной стороны, перед нами факт яркого семантического согласования, с другой – демонстрация распределения семантических и формальных функций слов с совпадающими элементами значения.

Интересно сопоставить конструкции с сочетаниями **но при условии** и **но в случае**, несмотря на невысокую частотность последних.

СП: Разумеется, таких денег никто не даст, **но, в случае** обострения конфликта, России за военные базы, похоже, платить придется (Наш современник. <НКРЯ>). Средства этой борьбы будут мирны; **но в случае** обострения конъюнктуры – при появлении осо-

бых поводов – эта борьба может иметь решительные результаты (Н. Суханов. <НКРЯ>).

МСК: Другие ходы идут в открытые места и при частом пользовании могут быть обнаружены, **но в случае** бегства пригодятся (И.Ефремов. <НКРЯ>).

ТЕКСТ: В принципе все хотят, чтобы их купили, но это не означает, что на самом деле всех купят. Биржа – это способ соскочить с венчурной иглы, если тебя не купил профессионал. **Но в случае** продажи есть одна неприятность. Когда компанию покупают, ее покупают вместе с коллективом (Эксперт. <НКРЯ>).

По нашим наблюдениям, различие заключается в следующем. В конструкции ВС действие союза **но** распространяется на весь послесююзный компонент, включая элемент *при условии*, так как *при условии* N_2 – обязательная часть, без которой не может реализоваться ситуация, названная в досююзной части. Конструкция ВС лучше всего приспособлена для выражения ограничительных отношений. Именно поэтому **но при условии** функционирует прежде всего в этой конструкции.

Но в случае используется в конструкциях, где всегда есть две раздельные ситуации, отношения между которыми выражается союзом. Релятив к «досююзной»

ситуации отношения не имеет. Контактное положение отыменного релятива и союза не связано с их семантическим взаимодействием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
2. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 389 с.
3. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001. 363 с.
4. Леонтьев А.П. Моносубъектные полипредикативные конструкции современного русского языка: Сопоставительное описание структуры с нулевым подлежащим и дубль-подлежащим: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982. 26 с.
5. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 236 с.
6. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Наука, 1988. 212 с.
7. Урысон Е.В. Союз *а* как сигнал «поворота повествования» // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 348–357.
8. Прияткина А.Ф. Конструктивные особенности союза *а* в простом предложении русского языка // Исследования по современному русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 190–205.

Е.В. ТОМАС

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИЙ «СКВОЗЬ / ЧЕРЕЗ + ВИН. ПАДЕЖ» (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

аспирант,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: thomkat@yandex.ru

В статье описываются и сопоставляются пространственные значения, передающиеся с помощью конструкций *сквозь* + *Вин. падеж* и *через* + *Вин. падеж* при глаголах движения. На основе материалов Национального корпуса русского языка приведена частотность конструкций и предикатов. Статистические данные служат основанием при разграничении пространственных значений и иллюстрируют сходство и различия в употреблении обоих типов предложно-падежных сочетаний.

Ключевые слова: синтаксис, пространственные значения, предлог, винительный падеж.

Одной из базовых функций винительного падежа в сочетании с пространственными предлогами является выражение разнообразных пространственных отношений. Это справедливо и по отношению к синонимическим конструкциям с предлогами *сквозь* и *через*. Их семантическая близость отмечена во многих трудах, посвященных описанию значений предлогов и предложно-падежных сочетаний. Например, в Большом академическом словаре значение обоих предлогов формулируется с опорой друг на друга: базовое пространственное значение предлога *сквозь* – движе-

ние «через что-либо, через толщу чего-либо: *мчатся сквозь леса и горы*», а предлога *через* – движение «сквозь что-нибудь: *идти через кусты*» [1]. Аналогичное объяснение приводится и в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова: сочетание *сквозь* + *Вин. падеж* «означает предмет, через который, – среду, через которую проходит то или иное действие», а сочетание *через* + *Вин. падеж*, – «среду, сквозь которую проходит, обнаруживается действие» [2, с. 387]. Различия в описании передаваемой пространственной семантики сформулированы только в «Синтаксическом словаре»

Таблица 1

Корпусные данные по предлогам *сквозь* и *через*

Параметр	<i>сквозь</i>	<i>через</i>
Объем пользовательского подкорпуса	38 463 731 слов	
Параметры поиска	V (t:move t:move:body) на расстоянии от 1 до 3 от сквозь / через на расстоянии от 1 до 3 от S₁(acc acc2)	
Найдено документов (с наличием запрашиваемой конструкции)	555	1138
Всего вхождений (отрывки из документов с наличием конструкций, удовлетворяющих заданным параметрам)	1319	6589
Количество предложений со значением физического движения при одушевленном субъекте или его эквиваленте на выборке в 1319 примеров*	298	668

Примечание. *Для получения сопоставимых данных мы рассматривали одинаковое количество вхождений для обоих предлогов: все представленные в выборке примеры с предлогом *сквозь* (1319 единиц) и первые 1319 единиц с предлогом *через*.

Г. А. Золотовой: транзитивная синтаксема *сквозь* + *Вин. падеж* называет путь движения в преодолеваемой среде, а транзитивная синтаксема *через* + *Вин. падеж* – преодолеваемое пространство или препятствия [3, с. 365–366.]. Пространственные отношения, выражаемые предложно-падежными сочетаниями, детально описаны М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирским в направлении от типов отношений к конкретным способам их выражения [4]. В большинстве исследований чаще отмечается сходство в семантике этих предлогов. Наша задача заключается в выявлении их специфики и обнаружении зон, в которых набор семантических признаков, характерных для каждой конструкции, не пересекается и синонимия между сочетаниями *сквозь* + *Вин. падеж* и *через* + *Вин. падеж* отсутствует.

Материалом для исследования послужила выборка примеров из художественной литературы второй половины XX – начала XXI вв. из «Национального корпуса русского языка» (<http://ruscorpora.ru/>). Объем картотеки составил 966 единиц. Параметры поиска и общая статистика полученных данных представлены в табл. 1.

Семантику конструкций с предлогами *сквозь* и *через* в сочетании с именами существительными в форме винительного падежа мы сопоставляем по двум параметрам: 1) особенность маршрута; 2) тип преграды.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА, ПЕРЕДАВАЕМАЯ СОЧЕТАНИЕМ ГЛАГОЛА И ИМЕНИ В ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ С ПРЕДЛОГОМ *СКВОЗЬ*

На основе полученного материала мы выделяем следующие особенности конструкций с предлогом *сквозь* в пространственном значении.

1. Движение субъекта *устремлено за границы пересекаемого пространства*. Преграда является помехой для субъекта в достижении конечной точки движения, находящейся по ту сторону этой преграды.

Предлог с базовой транзитивной семантикой не только отражает перемещение по заданному участку в пространстве, но и подчеркивает стремление субъекта достичь конечной точки. В примере *Он прошел сквозь зал* подразумевается, что субъект преодолел преграду – пространство, ограниченное стенами зала, – на пути к конечной точке, которая расположена за его пределами.

2. В сочетании с существительным в винительном падеже конструкция с предлогом *сквозь* обозначает преодолеваемую *объемную пространственную преграду*. Тип преграды может быть разным. Нами выделено пять типов сред, которые мы расположили в порядке возрастания характера заполнения среды препятствующими продвижению объектами:

1) **среда без объектов, препятствующих движению**: «пустое пространство», которое является преградой только в силу того, что лежит на пути движения. Например: *пройти сквозь комнату, проходить сквозь сад, проехать сквозь город*;

2) **однородная среда с множеством мелких частиц**: частицы могут оказывать общее сопротивление, замедляя или затрудняя продвижение субъекта, которому приходится прокладывать себе дорогу в плотной массе однородных частиц. Например: *идти сквозь буряны, примчаться сквозь метель, пройти сквозь град*. Как правило, в таких примерах описываются разнообразные природные явления. Подобные примеры наиболее частотны в выборке и составляют более 40 % картотеки;

3) **среда с однородными объектами, расположение которых влияет на маршрут субъекта**: объекты, препятствующие движению, хаотично расположены в среде; субъект, стремясь избежать контакта с ними, прокладывает себе путь между ними, например: *идти сквозь деревья, пройти сквозь мины, пробираться сквозь завалы (елок), бежать сквозь мужчин, женщин и детей*;

4) **среда, особенности которой предопределяют маршрут субъекта**: преграда может формировать

Т а б л и ц а 2

Частотность конструкций, обозначающих разные типы сред

№ п/п	Форма преграды	Количество единиц на общее число употреблений (298)	Доля в общем количестве употреблений (298), %
1	Среда без объектов, препятствующих движению	41	13,76
2	Однородная среда с множеством мелких частиц	128	42,95
3	Среда с однородными объектами, влияющими на маршрут субъекта	20	6,71
4	Среда, частицы которой предопределяют маршрут субъекта	59	19,8
5	Твердая среда, которую субъект проходит насквозь	50	16,78

единственно возможный маршрут типа отверстия или тоннеля, например: *пробраться сквозь прутья решетки, пройти сквозь шеренгу рабочих, проскочить сквозь строй, пролезть сквозь горлышко колбы*;

5) **твердая среда, которую субъект проходит насквозь**, – стена или другая монолитная преграда, которую субъект проходит насквозь, например: *пройти сквозь закрытую дверь, просочиться сквозь стену, пробиться сквозь кирпичную кладку, продраться сквозь стену терновника*. При этом в качестве субъекта часто выступают сущности, плотность которых ниже плотности среды (*приведения, призраки* и т.п.).

Статистические данные, отражающие частотность выражаемых пространственных значений, приведены в табл. 2:

Самыми частотными пространственными предикатами в выборке являются следующие: *идти, пройти, проходить, пробираться, пробраться, пролезть, проталкиваться*. В семантике большей части (кроме нейтральных глаголов *идти* и *проходить*) отражено значение *преодоления сопротивления среды* или (для глагола *пролезть*) *границ пространства*.

В табл. 3 представлен список самых частотных глаголов, которые мы распределили по группам на

Т а б л и ц а 3

Частотность употребления предикатов для передачи значения движения в конструкции *сквозь* + *Вин. падеж*

№ п/п	Первые 11 групп предикатов по частотности употреблений на общее количество единиц картотеки (в порядке убывания частотности)	Частотность предикатов	Доля в общем количестве употреблений, %
1	<i>войти / входить / идти / пойти / подойти / пройти / проходить / уйти / уходить / ходить</i>	108 (1 / 1 / 19 / 3 / 1 / 59 / 21 / 1 / 1 / 1)	36,24
2	<i>пробираться / пробраться</i>	50 (37 / 13)	16,78
3	<i>перелезть / полезть / пролезать / пролезть</i>	13 (1 / 3 / 1 / 8)	4,36
4	<i>проталкиваться / протолкаться</i>	9 (7 / 2)	3,02
5	<i>бежать / побежать / пробегать</i>	9 (6 / 2 / 1)	3,02
6	<i>ехать / заехать / поехать / проезжать / проехать</i>	9 (5 / 1 / 1 / 1 / 1)	3,02
7	<i>двинуться / подвигаться / продвигаться</i>	8 (6 / 1 / 1)	2,68
8	<i>просачиваться / просочиться</i>	8 (2 / 6)	2,68
9	<i>продираться / продраться</i>	7 (5 / 2)	2,35
10	<i>влететь / вылетать / лететь / пролетать</i>	7 (1 / 1 / 3 / 2)	2,35
11	<i>проскользнуть / скользнуть</i>	6 (5 / 1)	2,01

основе единства корневой морфемы или тождества их семантики при супплетивизме основ.

Самыми частотными из них оказались глаголы *пройти* (59 употреблений), *пробираться* (37), *проходить* (21), *идти* (19), *пробраться* (13). Количество употреблений остальных глаголов не превысило 10.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА, ПЕРЕДАВАЕМАЯ СОЧЕТАНИЕМ ГЛАГОЛА И ИМЕНИ В ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ С ПРЕДЛОГОМ *ЧЕРЕЗ*

Конструкции с предлогом *через* характеризуются следующими особенностями.

1. Движение субъекта устремлено за границы пространства, описываемого компонентом *через* + Вин. падеж. Этот признак является общим для конструкций с предлогами *сквозь* и *через*. Оба предлога указывают на преграду, находящуюся на пути движения субъекта к конечной точке. Преграду в данном случае мы понимаем широко – как то, что отделяет субъект от конечного пункта в маршруте. Это подтверждается наличием компонентов, указывающих на конечную точку: *пролететь через кухню к шкафу*, *поехать по пустыне к каньону*, *проходить через двор в лавку*.

2. Предлог *через* в сочетании с существительным в винительном падеже обозначает трассу, маршрут движения, которую преодолевает субъект, чтобы достичь конечной точки, ср.: *идти через лес* – *идти лесом*.

Типовая ситуация характеризуется тем, что субъект пересекает плоскость по ее «верхней» поверхности, например: *перейти через поле* (не может быть иных поверхностей, кроме верхней), *перелезть через ограду* (движение над оградой, тогда как при предлоге *сквозь* передается значение прохождения преграды насквозь и используется предикат иной семантики: *пролезть сквозь ограду*).

В отличие от конструкций с предлогом *сквозь*, обозначающих движение сквозь объемную преграду, конструкции с предлогом *через* предполагают наличие преграды типа плоскости.

Значение трассы, выражаемое сочетанием *через* + винительный падеж, имеет несколько разновидностей по типу пересекаемой плоскости. Пространство, пересекаемое субъектом, в физическом плане различается по возможности его преодоления и по тому, является оно открытым для внешнего мира или нет. Разграничение между значениями мы проводим в тех случаях, когда употребление предложно-падежной формы определяет характер движения и маршрут субъекта. Кроме того, при разграничении типов пространственного перемещения мы учитываем семантику предиката: использование различных семантических групп глаголов помогает выделить блоки пространственных значений.

Нами были выделены следующие типы пространственных преград:

1) **плоскость**: субъект пересекает открытую местность или участок, которые отделяют его от конечной точки движения, например: *тащиться через двор*, *пробираться через болота*;

2) **барьер, над которым перемещается субъект**: движение над барьером поддерживается семантикой предиката, входящего в состав конструкции. В основном это глаголы с префиксом *пере-* со значением «направиться из одного места в другое через предмет или пространство» [5, § 870], например: *перелезть через забор*, *переступить через ноги (лежащих людей)*, *перешагнуть через порог*, *перемахнуть через ограду*. Однако если при разных предикатах используются одни и те же локумы, различия между значениями преодоления барьера и пересечения местности стирается, ср.: *перемахнуть через улицу* и *вышагивать через улицу*. Первый случай мы относим к преодолению барьера, а второй к пересечению открытой местности. Критерием разграничения является семантика предиката и (реже) контекст. Если подразумевается, что субъект преодолевает преграду кратчайшим путем, «в один прием», то эта преграда представляется барьером; если же допускается вариативность маршрута и (во многих случаях) временная протяженность движения по трассе, то эта преграда рассматривается нами как участок открытой местности. Таким образом, тип преграды формирует представление о длительном или моментальном ее пересечении;

3) **местность с единственно возможным маршрутом**: движение субъекта по трассе обусловлено границами пространства и не допускает варьирования. Например: *тащиться через мост*, *проходить через ворота*, *прыгать через обруч*;

4) **твердая (плотная) среда**: значение твердой среды трансформируется из значения движения на открытой местности посредством «уплотнения» среды, увеличения степени ее труднопроходимости:

а) *пройти через поле* (собственно движение по открытой местности);

б) *пройти через лес* (тоже относится к движению по открытой местности, но среда менее проходима);

в) *пробраться через чащобу* (**движение через плотную среду**). Отнесение примеров к данной группе чаще всего обусловлено не только предикатом (ср. противопоставление *пройти* – *пробраться* в приведенных примерах), но и типом самого локума, который имеет вид стены, преграды, которую разрывает субъект при движении. Например: *пролетать через слои подземных структур*, *проскользнуть через колыцо родственников*, *протиснуться через толпу*.

Статистические данные, отражающие частотность выражаемых пространственных значений, приведены в табл. 4.

Самыми частотными в нашей выборке являются следующие предикаты: *идти*, *перейти*, *уйти*, *проходить*, *ехать*, *бежать*, *перелезть*, *перегнуться*. К глаголам данного типа относятся нейтральные по семантике предикаты, которые используются для констата-

Т а б л и ц а 4

Статистика по пространственным значениям

Форма преграды	Количество единиц на общее число (668) употреблений	Доля в общем количестве (668) употреблений, %
Открытая местность	317	47,46
Барьер, над которым проходит субъект	218	32,63
Местность с единственно возможным маршрутом	99	14,82
Твердая (плотная) среда	34	5,09

Т а б л и ц а 5

Статистика употребления предикатов для передачи значения движения при сочетаниях *через* + *Вин. пад.*

№ п/п	Предикаты с частотностью выше 15 употреблений на общее количество единиц картотеки (в порядке убывания частотности)	Частотность предиката	Доля в общем числе примеров в выборке (668), %
1	<i>идти</i> / <i>войти</i> / <i>выйти</i> / <i>выходить</i> / <i>доходить</i> / <i>пойти</i> / <i>перейти</i> / <i>переходить</i> / <i>приходить</i> / <i>пройти</i> / <i>проходить</i> / <i>уйти</i> / <i>уходить</i> / <i>ходить</i>	209 (50 / 4 / 12 / 2 / 1 / 33 / 13 / 4 / 2 / 53 / 23 / 3 / 5 / 4)	31,29
2	<i>бегать</i> / <i>бежать</i> / <i>выбегать</i> / <i>перебегать</i> / <i>перебежать</i> / <i>побежать</i> / <i>пробежать</i> / <i>сбегать</i>	46 (1 / 22 / 1 / 2 / 4 / 10 / 5 / 1)	6,89
3	<i>выпрыгивать</i> / <i>перепрыгивать</i> / <i>перепрыгнуть</i> / <i>прыгать</i>	45 (2 / 13 / 11 / 19)	6,74
4	<i>въезжать</i> / <i>выехать</i> / <i>ездить</i> / <i>ехать</i> / <i>переезжать</i> / <i>переехать</i> / <i>поехать</i> / <i>приезжать</i> / <i>проезжать</i> / <i>проехать</i> / <i>ухать</i>	44 (1 / 1 / 1 / 20 / 3 / 1 / 7 / 2 / 2 / 6 / 1)	6,59
5	<i>влезать</i> / <i>влезть</i> / <i>вылезти</i> / <i>лазить</i> / <i>лезть</i> / <i>перелазить</i> / <i>перелезть</i> / <i>перелезть</i> / <i>полезть</i> / <i>пролезть</i> / <i>пролезать</i>	40 (1 / 1 / 4 / 5 / 2 / 1 / 5 / 16 / 4 / 1 / 1)	5,99 %
6	<i>вылететь</i> / <i>летать</i> / <i>лететь</i> / <i>перелетать</i> / <i>перелететь</i> / <i>полететь</i> / <i>прилететь</i> / <i>пролететь</i> / <i>разлететься</i> / <i>улетать</i>	37 4 / 3 / 9 / 1 / (11 / 2 / 1 / 4 / 1 / 1)	5,54 %
7	<i>перегибаться</i> / <i>перегнуться</i>	30 (6 / 24)	4,49 %
8	<i>переступать</i> / <i>переступить</i>	23 (13 / 10)	3,44 %
9	<i>взбираться</i> / <i>выбраться</i> / <i>добираться</i> / <i>добраться</i> / <i>перебираться</i> / <i>пробираться</i> / <i>пробраться</i>	23 (1 / 1 / 1 / 2 / 8 / 5 / 5)	3,29 %
10	<i>вышагивать</i> / <i>зашагать</i> / <i>пошагать</i> / <i>прошагать</i> / <i>шагать</i> / <i>шагнуть</i>	22 (1 / 1 / 2 / 1 / 8 / 9)	3,29 %
11	<i>махнуть</i> / <i>перемахивать</i> / <i>перемахивать</i>	19 (4 / 2 / 13)	2,84 %

ции факта прохождения по заданному маршруту. Мы свели самые частотные глаголы в общий список, распределив предикаты по группам, основываясь на единстве корневой морфемы или тождества их семантики при супплетивизме основ. В список вошли 11 групп предикатов с частотностью выше 15 употреблений на общее количество единиц картотеки (см. табл. 5).

СОПОСТАВЛЕНИЕ СИНОНИМИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СКВОЗЬ + ВИН. ПАДЕЖ И ЧЕРЕЗ + ВИН. ПАДЕЖ

Для сопоставления предлогов рассмотрим отдельно общее и различное между ними.

А. Различия в семантике пространственных значений предлогов *сквозь* и *через*.

1. Различная базовая пространственная семантика: *сквозь* + Вин. падеж обозначает движение сквозь объемную преграду, а *через* + Вин. падеж обозначает преграду-участок или барьер, над поверхностью которого перемещается субъект.

2. Предпочтительная сочетаемость с разными группами предикатов: значение «прорываться сквозь что-то», выражаемое через предикат, более характерно для предлога *сквозь*, а значение «пересекать что-то» – для предлога *через*.

3. Предлог *через* значительно более частотен, чем предлог *сквозь*. Это подтверждается как общим количеством примеров при одинаковом запросе в корпусе, так и числом примеров с семантикой движения при одинаковом объеме выборки. Данный факт объясняется тем,

что в действительности человек чаще говорит в целом о маршруте своего движения, не останавливаясь на сложности его прохождения, сопротивлении среды и т.п.

Б. Общее в семантике пространственных значений предлогов *сквозь* и *через*.

1. *Сквозь* и *через* являются транзитивными предлогами, которые обозначают преграду (воспринимаемую как объемную или как плоскую) на пути движения субъекта из начальной в конечную точку.

2. Предлоги *сквозь* и *через* синонимичны при выражении значения движения *сквозь* / *через* твердую среду или *сквозь* / *через* участок с единственно возможным маршрутом. Граница между базовыми и периферийными значениями конструкций является нечеткой, допустимы синонимические построения типа: *пройти через кусты* / *пройти через стену* или *пройти сквозь кусты* / *пройти сквозь стену*. При этом семантические различия между указанными вариантами практически нивелируются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка. М.; Л.: Наука, 1948–1965. Т. 13, 17.
2. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
4. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 2007.
5. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I.

К.М. ХОРУК

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ КАК СРЕДСТВО СВЕРТЫВАНИЯ ЛОГИЧЕСКИХ ПРОПОЗИЦИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

аспирант,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск,
Новосибирский государственный университет
e-mail: kksnsk@rambler.ru

Обстоятельства образа действия могут служить средством свертывания логических пропозиций качественной характеристики двух разновидностей: собственно характеристики и оценочной характеристики. Обстоятельство образа действия является предикатом свернутой пропозиции качественной характеристики, а ее субъект в высказывании с обстоятельствами образа действия может быть выражен либо предикатом базовой пропозиции или всей пропозицией в целом, либо субъектом базовой пропозиции.

Ключевые слова: обстоятельство образа действия, свернутая пропозиция, логическая пропозиция качественной характеристики, оценка.

Обстоятельства образа действия (ООД) могут являться средством свертывания логических пропозиций качественной характеристики (ЛПКХ), репрезентацией которых являются элементарные простые предложения со структурной схемой N_1 (cop) $Adj_{1/5}$

«кто есть какой / каков». В таких предложениях ООД трансформируется в предикат ЛПКХ, предметом характеристики в них является вся пропозиция в целом. Например: [Автомобиль явно приблизился.] Он гудел *настойчиво* (К. Паустовский. Мещерская сторо-

на) > **То, как гудел автомобиль, было настойчивым***.

I. СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ООД

Высказывания со свернутыми ЛПКХ могут содержать оценочный компонент или описывать ситуацию безотносительно к категории оценки. В зависимости от того, какие смыслы свернуты при помощи ООД, мы выделяем две группы высказываний: с семантикой собственно характеристики и оценочной характеристики. Вторая группа далее делится на две подгруппы в соответствии с общей или частной оценкой действия или состояния, обозначенного базовой пропозицией.

1.1. Предложения с семантикой собственно характеристики

В основе характеристики могут лежать различные критерии, поэтому высказывания в этой группе чрезвычайно разнообразны: *В задумчивости она, как и отец, **непроизвольно** двигала бровями вверх-вниз* (Л. Улицкая. Девочки) → *Она двигала бровями, эти движения были непроизвольными; «*Ничего, освежите вашу подружку детства*», – **очаровательно** улыбнулась девушка (Е. Вильмонт. Зюзюка) → *Девушка улыбнулась, её улыбка была очаровательной; *Я резко вывернулась, [и тут же сзади меня ударила другая машина]* (Е. Вильмонт. Зюзюка) → *То, как я вывернулась, было резким.

Однозначно разграничить значения собственно характеристики и оценки затруднительно, так как эти смыслы очень близки. К группе оценки мы отнесли те высказывания, в которых признак, названный ООД, охарактеризован по параметру «хорошо» – «плохо», т.е. высказывания с ООД содержат сему «положительная / отрицательная оценка».

1.2. Предложения с семантикой оценочной характеристики

В соответствии с классификацией оценочных значений Н.Д. Арутюновой**, мы разграничиваем предложения общей и частной оценки.

1. **Общая оценка**, или собственно оценка. Данная группа представлена предложениями с наречиями

* Цель трансформации – продемонстрировать структуру свернутой пропозиции и ее соотношение с базовой пропозицией. В языке выработаны специфические средства характеристики всей пропозиции в целом, отличные от средств характеристики отдельного компонента. При трансформации мы используем указательное местоимение *то* как символ свернутой пропозиции, а ООД трансформируем (по возможности) в однокоренное прилагательное. Однако такие трансформации не всегда взаимозаменяемы, они часто бывают стилистически или лексически некорректными, на их условность указывает знак «звездочка».

** Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.

ми *хорошо / плохо* и их синонимами с различными стилистическими и экспрессивными оттенками: *Она... **потрясающе** играла на тамбурине* (Д. Рубина. Мастер-тарабука) → *То, как она играла на тамбурине, было потрясающим; *[И еще он знает, что] я **плохо** сплю на новом месте* (Т. Устинова. Босфор) → *То, как я сплю на новом месте, плохое; *Знаете, у меня бабушка **классно** вяжет* (Е. Вильмонт. Зюзюка) → *То, как моя бабушка вяжет, классное.

2. **Частная оценка**. ООД в данной группе высказываний выражают оценку лица или предмета, действия или состояния на основании частных оценочных критериев. В нашей картотеке представлено шесть типов частнооценочных значений:

2.1. **Сенсорно-вкусовые, или гедонистические**. Это наиболее индивидуализованный вид оценки. Он представлен такими наречиями, как *приятно – неприятно, вкусно – невкусно* и под.: *А ты **вкусно** готовишь, [мне нравится, моя бабушка тоже такой грибной суп варила, с геркулесом...]* (Е. Вильмонт. Зюзюка) → *То, что ты готовишь, вкусное.

2.2. **Психологические оценки** могут быть интеллектуальными (*интересно, увлекательно, захватывающе, скучно, банально*) и эмоциональными (*весело – грустно, приятно – неприятно*): *[Юра обстоятельно, в деталях, рассказал, как у одного знакомого угнали машину и как] милиция **остроумно** вычислила и поймала вора* (Т. Толстая. Рассказы) → *То, как милиция вычислила и поймала вора, было остроумным (интеллектуальная оценка); *И расстались они как-то по-странному **счастливо*** (Д. Гранин. Рассказы) → *То, как они расстались, было счастливым (эмоциональная оценка).

2.3. **Эстетические оценки** вытекают из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок: *красиво – некрасиво*: *[«Да с нашей, где ящик зеленый во дворе»,] – **изящно** присоединила Виктория географию к биографии [и в этот именно миг почувствовала полнейшее удовлетворение художника]* (Л. Улицкая. Девочки) → *То, как Виктория присоединила географию к биографии, было изящным.

2.4. **Этические оценки** обычно выражаются наречиями *прилично – неприлично, по-доброму – зло*: *[Это были первые жаркие дни...,] и крики Эммы Ашотовны как-то **неприлично** нарушали все благочиние дня, склонявшегося к вечеру* (Л. Улицкая. Девочки) → *То, как крики Эммы Ашотовны нарушали все благочиние дня, было неприличным.

2.5. **Нормативные оценки** представлены наречиями *правильно – неправильно, корректно – некорректно* и под.: *[Я там пытался тренировать, но не могу, у меня не хватает терпения, я совсем не педагог,] собаку вон **нормально** воспитать не сумел...* (Е. Вильмонт. Зюзюка) → Я нормально воспитал собаку → *Я воспитал собаку, это воспитание нормальное.

2.6. **Телеологические оценки**: для выражения данного типа оценки используются наречия *эффективно – неэффективно, удачно – неудачно* и под.: ...Я

неудачно упал, [сильно треснулся, но мне не привыкать...] (Е. Вильмонт. Зюзюка) → *Я упал, мое падение неудачное.

II. СУБЪЕКТ СВЕРНУТОЙ ПРОПОЗИЦИИ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

Субъектом ЛПКХ может быть лицо, предмет или событие. В зависимости от способа выражения субъекта свернутой ЛПКХ в высказывании с ООД и его соотношением с компонентами базовой пропозиции мы выделяем следующие типы высказываний.

1. Субъект ЛПКХ соотносится с **предикатом** базовой пропозиции (или со всей пропозицией в целом). В трансформации в качестве субъекта ЛПКХ используется однокоренное существительное или номинализатор *то*: *Дольше всех романтически будут любить Алешку Андрей и его бездетная жена* (Л. Петрушевская. Свой круг) → *Андрей и его бездетная жена будут дольше всех любить Алешку, их любовь будет романтической, ср. также: *То, как Андрей и его бездетная жена будут любить Алешку, будет романтическим; *Никогда и ни с кем до того он так заразительно и много не хохотал в постели* (Д. Рубина. Мастер-тарбука) → *Он хохотал, его хохот был заразительным, ср. также: *То, как он хохотал, было заразительным; – *А дальше как?* – *насмешливо* поинтересовалась Маша Машина [– такое у нее было имя, а может, она его себе придумала!] (Т. Устинова. Босфор) → То, как она поинтересовалась, было насмешливым; *Он решил изящно установить между нами дистанцию* (Е. Вильмонт. Зюзюка) – То, как он решил установить между нами дистанцию, было изящным.

Возможность трансформации через посредство однокоренных существительных лексически ограничена, в то время как при помощи номинализатора *то* грамматических ограничений не наблюдается, хотя трансформация часто выглядит искусственной.

2. Субъект ЛПКХ может совпадать с **субъектом** базовой пропозиции. В таких конструкциях субъекту приписывается не постоянное качество или свойство, а качество, присущее ему в данный момент в конкретной ситуации: *[У меня в тот же период тихо догорела мать, растаяла с восьмидесяти килограмм до двадцати семи,] причем умирала она мужественно...* (Л. Петрушевская. Свой круг) → *Она умирала, и в этот период была мужественной; *Вся компания из микроавтобуса [сгрудилась вокруг гида и на скорую руку сделала вид, что] внимательно слушает* (Т. Устинова. Босфор) → *Вся компания слушает, в это время компания внимательна; *«Да уж, выставила меня на потеху», – сказал так же непримимо* (Д. Гранин. Рассказы) → *Он сказал это, в этот

момент он был непримиримым; – *Ага! – беспокойно крикнул Зигмунд. – Ага! Ага!* (В. Пелевин. Зигмунд в кафе) → *Зигмунд крикнул, в этот момент он был беспокойным.

В высказываниях нет указаний на то, что эти качества постоянно характеризуют субъекты, они появляются у них лишь на некоторое время в определенных обстоятельствах.

3. Иногда субъектом характеристики может стать не субъект и не предикат высказывания, а обозначение предмета, имплицитно содержащегося в ООД или подразумеваемого в высказывании: *[Моя роль была сыграна, дальше сыграл свою роль Серж,] который косноязычно, туманно и гнусаво стал спорить с Жорой об общей теории поля некоего Рябикина...* (Л. Петрушевская. Свой круг) → *Серж стал спорить, при этом его **голос** был гнусавым; *Хотя ты, наверное, права, лучше оставить все как есть, – как-то чересчур интимно произнес он* (Е. Вильмонт. Зюзюка) → *Он произнес это, его **тон** был чересчур интимным; *Выбравшись наружу, он решительно закрыл люк и шагнул к стремянке* (В. Пелевин. Зигмунд в кафе) → Он закрыл люк, его движения были решительными.

В трансформациях в данной группе в качестве субъекта выступают либо имена существительные (*голос* и *тон*), которые легко угадываются носителем языка по контексту, либо имена существительные широкого значения, такие как *действия* или *движения*.

* * *

Итак, исследование показало, что ООД могут являться результатом свертывания ЛПКХ и представляться двумя разновидностями: собственно характеристики и оценочной характеристики. Предикат ЛПКХ в высказываниях с ООД всегда выражен обстоятельством. Субъект ЛПКХ в высказывании с ООД может соотноситься с предикатом базовой пропозиции или со всей пропозицией в целом; с субъектом базовой пропозиции; с обозначением подразумеваемого предмета, являющегося неотъемлемым признаком названного базовой пропозицией явления.

Исследование открывает ряд вопросов, связанных с восстановлением свернутой пропозиции. В результате свертывания пропозиций часть смыслов исходной пропозиции элиминируется, что приводит к трудностям при обратной трансформации. Из-за того, что часть смыслов утрачена, трансформации могут быть неточными, или же могут существовать несколько различных трансформаций, что затрудняет процесс классификации высказываний с ООД.

Е.А. ЛИБЕРТ

**ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ
СИБИРСКИХ МЕННОНИТОВ**

аспирант,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: azzurro@rambler.ru

В статье рассматривается система прошедших времен одного из нижненемецких диалектов – языка сибирских меннонитов, представленная формами претеритума, перфекта, плюсквамперфекта и аналитической конструкцией *deune* + инфинитив. Приводятся парадигмы спряжения основных глаголов в сопоставлении с соответствующими им парадигмами литературного немецкого языка, отмечаются особенности претеритума данного диалекта. Подтверждается явление синонимии претеритума и конструкции *deune* + инфинитив, претеритума и перфекта в речи сибирских меннонитов.

Ключевые слова: нижненемецкий диалект, претеритум, перфект, аналитическая конструкция.

Актуальность исследования категории времени в германских языках определяется динамичностью происходящих в ней процессов. Сопоставление временных парадигм различных языковых систем может способствовать решению общих проблем, связанных с типологией временных систем. Интересным представляется сопоставление крупных мировых языков с родственными им языками, имеющими изолированную форму существования.

Язык «платдойч», или, как его называют сами носители, «плотич» рассматривается в лингвистике как нижненемецкий диалект. Его носители проживают в самых разных местах планеты (Германия, Канада, Россия, Мексика, Пенсильвания). Этот язык имеет более чем столетнюю историю своего существования в Сибири, где на нем говорили и говорят в ряде меннонитских деревень. Раньше такие деревни представляли собой закрытые этноконфессиональные общины. Сейчас носители этого диалекта проживают на сибирских землях в деревнях смешанного типа рядом с русскими, казаками, эстонцами и представителями других национальностей, сохраняя, тем не менее, свой язык. Общение на «платдойч» происходит постоянно в кругу семьи и общины. Следует отметить также «часто неуверенную национальную и языковую самоидентификацию» [1, с. 1] носителей этого языка, называющих себя немцами-меннонитами. Все это делает процессы, происходящие в языке, особенно показательными и интересными.

В данной статье будет представлена система форм прошедшего времени в сибирском платдойч в сопоставлении с соответствующими формами литературного немецкого языка. Данная система включает формы претеритума, перфекта, плюсквамперфекта и аналитическую конструкцию со вспомогательным глаголом *dəunə* ‘делать’. Объектом сопоставительно-

го анализа является язык меннонитов с. Неудачино Новосибирской области (материалы экспедиции в апреле 2009 г.).

1. ПРЕТЕРИТУМ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ

Претеритум в германских языках является одним из прошедших времен и сообщает о «действии (событии), прошедшем либо абсолютно завершенном к моменту речи» [2, с. 368]. Претеритум является «основным естественным временем, в котором ведется повествование о реальных (не фиктивных) или вымышленных (фиктивных) событиях» [3, с. 517].

Формы претеритума по-разному образуются для сильных и слабых глаголов. Претеритум сильных глаголов исследуемого нами нижненемецкого диалекта образуется, подобно претеритуму сильных глаголов литературного немецкого, меной корневой гласной с возможным изменением следующего за ней согласного (*gu:ne – jin't*¹ / *gehen – ging* ‘идти – ходил’; *e:tə – ɔut* / *essen – ass* ‘есть – ел’; *fin'ə – funk* / *finden – fand* ‘находить – нашел’; *ʃtrɔlə – ʃtrɔf* / *sterben – starb* ‘умирать – умер’).

Претеритум слабых глаголов образуется добавлением суффикса *-t* / *-d* к глагольной основе: *-t* после глухих согласных (*ɛt' kɔ:xt* / *ich kochte* ‘я готовил’) и перед окончанием *-st* (*dy dəitst* / *du tatst* ‘ты делал’); в остальных случаях *-d* (*ɛt' by: d* / *ich baute* ‘я строил’).

Особенностью парадигмы претеритума в данном диалекте является наличие одной формы с окончанием *-ə* для всех лиц множественного числа. В то время как литературный немецкий сохраняет систему глагольных окончаний, синкретично выражающих лицо и число, в диалектных глагольных формах множественного числа, после отпадения конечного *-n*, различие в выражении лица отсутствует. Свою «яркую»

маркированность сохраняет только форма 2-го лица ед. ч., представленная глагольным окончанием -st, как и в литературном немецком языке. Формы 1-го и 3-го лица ед. ч. совпадают и имеют нулевую флексию, что характерно и для претеритных форм литературного языка.

Далее мы приводим парадигмы спряжения в претеритуме слабого глагола *dəʊnə* / *dienen* ‘служить’ и сильного глагола *za:x* / *sehen* ‘видеть’, а также парадигмы вспомогательных глаголов *ha:bə* / *haben* ‘иметь’ и *zɛɪn* / *sein* ‘быть’, участвующих в образовании других форм прошедшего – перфекта и плюсквамперфекта. Парадигмы сопровождаются примерами.

dəʊnə / *dienen* ‘служить’

Диалект	Литературный язык
1sg <i>et' dəɪnd</i>	<i>ich diene</i>
2sg <i>dy dəɪntst</i>	<i>du dienstest</i>
3sg <i>həi dəɪnd</i>	<i>er diene</i>
1pl <i>vi dəɪndə</i>	<i>wir dienten</i>
2pl <i>ji dəɪndə</i>	<i>ihr dientet</i>
3pl <i>zəi dəɪndə</i>	<i>sie dienten</i>

Примеры:

həi dəɪnd əɪn de t'ɔlt / *Er diene in der Kirche*. ‘Он служил в церкви’;

es viərə de ti:t əs ələ dəɪndə / *Es waren die Zeiten*, *als alle dienten*. ‘Были времена, когда все служили’.

za:x / *sehen* ‘видеть’

Диалект	Литературный язык
1sg <i>za:x</i>	<i>sah</i>
2sg <i>za:xst</i>	<i>sahst</i>
3sg <i>za:x</i>	<i>sah</i>
1pl <i>za:xə</i>	<i>sahen</i>
2pl <i>za:xə</i>	<i>saht</i>
3pl <i>za:xə</i>	<i>sahen</i>

Примеры:

zəi za:x lɔnge ɔn de t'jint / *Sie sah lange das Kind an*. ‘Она долго смотрела на ребенка’;

za:xst dy deine mama? / *Sahst du deine Mutter?* ‘Ты видел свою маму?’

ha:bə / *haben* ‘иметь’

Диалект	Литературный язык
1sg <i>et' hɔ:d</i>	<i>ich hatte</i>
2sg <i>dy hɔ:tst</i>	<i>du hattest</i>
3sg <i>həi hɔ:d</i>	<i>er hatte</i>
1pl <i>vi hɔ:də</i>	<i>wir hatten</i>
2pl <i>ji hɔ:də</i>	<i>ihr hattet</i>
3pl <i>zəi hɔ:də</i>	<i>sie hatten</i>

Примеры:

zəi hɔ:də dat niə hy:s / *Sie hatten das neue Haus*. ‘Они имели новый дом’;

həi hɔd tvəi da:çtɐ / *Er hatte zwei Töchter*. ‘У него было две дочери’.

zɛɪn / *sein* ‘быть’

Диалект	Литературный язык
1sg <i>et' viə</i>	<i>ich war</i>
2sg <i>dy viəst</i>	<i>du warst</i>
3sg <i>həi viə</i>	<i>er war</i>
1pl <i>vi viərə</i>	<i>wir waren</i>
2pl <i>ji viərə</i>	<i>ihr wart</i>
3pl <i>zəi viərə</i>	<i>sie waren</i>

Примеры:

zəi viərə əus di:çlant / *Sie waren aus Deutschland*. ‘Они были из Германии’;

frīə viə es ələs ɔndɪʃ / *Früher war es alles anders*. ‘Раньше все было по-другому’.

При употреблении глагольных форм с отделяемыми приставками в претеритуме часто не соблюдается правило вынесения отделяемой приставки в конец предложения:

et' viə nɔch klin əs də kri:x ɔnfɔŋk / *Ich war noch klein als der Krieg fing an*; ‘Я был маленьким, когда началась война’;

əs də dərə ɔupgəŋgə, spi:ld də muzik, ənt in ʃtuf kɔ:me t'ɛn'ja jərannt / *Als die Türe gingen auf*, *spielte die Musik, und in den Raum kamen die Kinder gerannt*. ‘Когда двери отворились, заиграла музыка, и в комнату бежали дети’.

2. ПЕРФЕКТ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ

Возникновение аналитических форм перфекта в древненемецком внесло аспектуальную дифференциацию в систему временных категорий. Значение перфекта литературного немецкого складывается из настоящего времени вспомогательного глагола (*haben* / *sein*) (‘неспецифичное, определенное во времени’) и participia II (‘завершенность’) [5, с. 346]. Перфект настоящего является «временем, выражающим предшествование презенсу, значение которого зависит в большой степени от других факторов внутри предложения, от дальнейшего языкового контекста и от общего языкового фона» [3, с. 512].

Общая формула образования перфекта для нижненемецкого диалекта следующая:

настоящее время вспомогательного глагола
***ha:bə* / *zɛnə* + форма participia перфекта**
основного глагола.

В диалекте сибирских меннонитов образование participia перфекта слабых глаголов идет по схеме: префикс -je + Tv (глагольная основа) + суффикс -t:

sa:ən – jəsaxt / *sagen – gesagt* ‘говорить’; *la:xə – jəlxət* / *lachen – gelacht* ‘смеяться’; *by:ə – jəby:t* / *bauen – gebaut* ‘строить’.

Participia перфекта сильных глаголов диалекта, как и в литературном языке, образуется присоединением постфикса -en к глагольной основе, при этом часто происходит мена корневого гласного: префикс *je-* + Tv (глагольная основа с возможной меной корневого гласного) + суффикс -ə / -t:

fin'ə – jefunə / finden – gefunden 'находить';
drin't'ə – jedrunkə / trinken – getrunken 'пить'; den't' ə –
jedox't / denken – gedacht 'думать'.

Независимо от принадлежности глагола к сильному или слабому классу, форма причастия имеет безударный префикс *je-*, который, в случае наличия у глагола отделяемой приставки, ставится между приставкой и глагольной основой (əinjəschlupə, ərjefələgə), что соответствует грамматике литературного языка.

2.1. ha:bə + партицип перфект (партицип II)

Вспомогательный глагол *ha:bə* соединяется с формой партиципа II от транзитивных глаголов (при которых может стоять дополнение в аккумулятиве), модальных глаголов, возвратных глаголов [6, с. 51] и указывает на завершенность действия:

et' hab on waot jedox't / Ich habe an etwas gedacht.
'Я подумал о чем-то'.

2.2. zenə + партицип перфект (партицип II)

Вспомогательный глагол *zenə* соединяется с формой партиципа II от глаголов «изменения состояния» [6, с. 52], «если они интранзитивны» (Там же), т.е. не имеют прямого дополнения (как и в литературном немецком при образовании перфекта с *sein*):

poite es afens əinjsəchlupə / Peter ist grade eingeschlafen. 'Петр только что уснул'.

3. ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ДИАЛЕКТА

Еще одна форма прошедшего – плюсквамперфект – сопоставима и рассматривается в грамматиках рядом с перфектной формой, являясь, по сути, ее аналогом для обозначения завершенности в прошлом, выражая относительную временную отнесенность [3, 5, 6]. Формула его образования: *hədə* / *viə* (претеритум от вспомогательных глаголов *ha:bə* / *zenə*) + партицип II.

os hədə zəi əfʃəit jənəmə, jin't'ə zəi in se hus /
Nachdem sie den Abschied genommen hatten, gingen sie nach Hause.) 'Попрощавшись, они отправились домой'.

4. АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ + ИНФИНИТИВ ОСНОВНОГО ГЛАГОЛА

Наряду с формами прошедшего времени, имеющими свое соответствие в литературном немецком языке, в данном диалекте активно выступает аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом *dəunə*, что является чертой, характерной для всех нижненемецких говоров [4, с. 31]. Для отображения событий в прошлом *dəunə* принимает претеритную форму *dəidə*: həi dəid fi:l əlbeidə / (*Er tat viel arbeiten). 'Он много работал' (букв.: 'Он делал много работать'); et' sa:x zəi dɔ:nsə dəid / (*Ich sah wie sie tanzen taten). 'Я видел, как они танцевали' (букв. 'Я видел, как они танцевать делали').

Здесь мы приводим парадигму спряжения глагола *dəunə* 'делать' в претеритуме:

dəunə / tun 'делать'

Диалект	Литературный язык
1sg et' dəid	ich tat
2sg dy dəitst	du tatest
3sg həi dəid	er tat
1pl vi dəidə	wir taten
2pl ji dəidə	ihr tattet
3pl zəi dəidə	sie taten

5. СИНОНИМИЯ ФОРМ СО ЗНАЧЕНИЕМ АБСОЛЮТНОГО ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Хотя претеритум как сильных, так и слабых глаголов в нижненемецких диалектах хорошо сохраняется, он часто замещается в речи перфектом. Конкуренция форм претерита и перфекта давно привлекает внимание лингвистов [2, 3, 5–8]. Возрастающая синонимия форм прошедшего времени является характерной особенностью современного немецкого языка, отличающего его от остальных германских языков. Можно сказать, что не существует жестких правил употребления той или иной формы [1, с. 33]. Эта синонимия «расшатывает парадигму немецкого языка изнутри и создает трудности при попытке последовательно различить области функционирования данных временных форм» [9, с. 13].

Пример:

vie long schrofst dy də brəiv? / Wie lange schriebst du den Brief? 'Как долго ты писал письмо?'

vie long ha:st dy də brəiv jəfre:və? / Wie lange hast du den Brief geschrieben? 'Как долго ты писал письмо?'

Оба варианта (и претеритумный, и перфектный) можно услышать в речи, параллелизм их употребления не зависит от контекста или речевой ситуации.

6. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТЕ

Нами был проанализирован текст, представляющий собой воспоминания о прошлом одного из жителей села. Текст состоял из 206 предложений и содержал 280 глагольных форм. В литературном немецком языке такой текст был бы преимущественно представлен формами претеритума с единичными «вкраплениями» перфектных форм. В диалектном тексте нам встретилось 150 претеритных форм, выполняющих свою основную семантическую нагрузку – рассказ о давно произошедших событиях. Остальная часть глагольных форм представлена аналитической конструкцией с *dəunə* – 60 форм, перфект – 35 форм, плюсквамперфект – 30 форм.

Таким образом, нижненемецкий диалект сибирских меннонитов имеет следующие особенности в со-

ставе и функционировании системы форм прошедшего времени:

1. Система прошедшего данного диалекта представлена формами претеритума, перфекта, плюсквам-перфекта и аналитической конструкцией *dəunə* + инфинитив, удельный вес в речи которых различен.

2. Множественное число претеритума (как сильных, так и слабых глаголов) представлено только одной формой. Правило вынесения отделяемой приставки в конец предложения часто не соблюдается.

3. В разговорной речи сибирских меннонитов претеритум часто замещается перфектом. Независимо от контекста возможно употребление обеих форм, однако в речи меннонитов преобладают перфектные формы.

4. Аналитическая конструкция *dəunə* + инфинитив выступает как синонимичная претеритуму, создавая особое разнообразие форм прошедшего в диалекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kanakin I. Wall M. Das Plattdietsch in Westsibirien. *Lingua Mennonitica*, Rijksuniversiteit, 1994.
2. Gotze L., Hess-Luttich E. Knaurs Grammatik der deutschen Sprache. Droemersch Verlag, 1989.
3. DUDEN. Die Grammatik. Dudenverlag, 2006.
4. Москалюк Л.И. Немецкие диалекты на Алтае. Автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003.
5. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg, 1996.
6. Helbig, Buscha Übungsgrammatik Deutsch. Langenscheidt, Berlin, München, 2000.
7. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. Л., 1956.
8. Канакин И.А. Краткий очерк морфологии немецких диалектов. Новосибирск, 1989.
9. Мурзахова А.Э. Прошедшие времена перфект и претерит в германских языках. Автореф. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

инф. – инфинитив; прет. – претеритум; парт.перф. – партицип перфект (партицип II); V – глагол.

В.В. ШАПОВАЛ

НОВОСИБИРСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ» (ВЫП. 1–41): ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ

канд. филол. наук, доцент,
Московский городской педагогический университет
e-mail: liloro1@yandex.ru

Обобщения лексических данных разных регионов в «Словаре русских народных говоров» иногда безупречны. Описания новосибирских диалектизмов могут эффективно уточняться по двум сибирским словарям: «Словарь русских говоров Новосибирской области» и «Словарь русских говоров Сибири».

Ключевые слова: диалектная лексика, словарное описание, иллюстративный материал.

Описания диалектных слов русских говоров Новосибирской области широко использованы в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ). Вышедшие в свет выпуски (1–41) сводного словаря, по нашим подсчетам, содержат не менее 6297 отсылок к новосибирским материалам. Надо подчеркнуть, что далеко не каждый регион даже в количественном отношении столь заметно представлен в академическом словаре, не говоря уже о несомненных достижениях западно-сибирской диалектологии в плане изучения диалектной лексики, обеспечивающих широкий охват и качество полевых материалов. Кроме того, с 16-го выпуска СРНГ появляется возможность обращаться не только к полевым записям (см. [7, вып. 1, с. 110]), но и к уже изданному «Словарю русских говоров Новосибирской области». А с 2006 г. – и к пятитомному «Словарю русских говоров Сибири», что позволяет, по крайней мере, при завершении слов на букву «с-» и следующих учитывать сибирский материал с большей полнотой. Так что описания новосибирских диалектизмов

в СРНГ в подавляющем большинстве случаев не вызывают вопросов. Однако в отдельных словарных статьях подача материала, как кажется, не вполне однозначна, что может быть вызвано как трудностями в интерпретации изолированного иллюстративного материала, так и порой накоплением расхождений с ним в процессе сведения материала разных регионов в рукописи.

В ряде случаев «Словарь русских говоров Новосибирской области» и «Словарь русских говоров Сибири» под редакцией А.И. Фёдорова помогают уточнить данные, представленные в СРНГ. В качестве прецедента для подобного сопоставления данных сводного и региональных словарей говоров можно указать на: [1, с. 62–63]. Ниже рассмотрены только некоторые примеры, призванные иллюстрировать разнообразие выявляемых трудностей описания на различных уровнях.

1) «Наскепáть, áю, áешь, сов., перех. Нашепать, наколоть. ... *Лучины наскепаешь, ими светили в избе.*

Новосиб.» [7, вып. 20, с. 163–164] – соответствует искитимскому *наскипáть* с почти тем же иллюстративным примером, правда, без разнобоя в формах числа: *Лучинок наскипаешь / наскепаешь, ими...* [5, с. 324; 6, т. 2, с. 356]. Видимо, фонетическое различие в написании предупредительного гласного здесь не столь существенно, но все же разноречие затрудняет поиск диалектизма в словарях.

2) Ударение на окончании представляется ошибочным в: «**Казаки**, ов, мн. Киргизы... Чулым. **Новосиб.**» [7, вып. 12, с. 308; 6, т. 2, с. 17], ср. для этого значения в новосибирских русских говорах исключительно ударение *казáки* [5, с. 209], в соседствующих с ними украинских говорах – *козáкы*, как и в русском литературном *казáхи* и устар. *кайсáки*. Этот пример показывает, насколько важно для сохранения достоверности при сборке словарных статей сводного словаря привлечение данных, легко проверяемых на региональном уровне.

Существенно, что такого рода разночтения не всегда опираются на фонетические феномены. Источником ошибок нередко является и визуальное смешение букв или их элементов при копировании записи.

3) Например, в СРГНО и СРГС нет параллели к глаголу: «**Огапашиться**, шусь, шийсья, сов. Обзавестись хозяйством, имуществом. *Огапашился он, значит, вскоре, разжился*. Кыштов. **Новосиб.**, 1972» [7, вып. 22, с. 39]. Думается, речь идет о неточно скопированном приставочном производном от: «**Гоношиться**, шусь, шийсья, несов. 1. Хлопотливо заниматься каким-либо хозяйственным делом» [7, вып. 7, с. 10; 2, 35]. Запись *огапашиться* отражает аканье и содержит на месте **н** ошибочно прочитанное **п**. Смешение **н** и **п** А.Ф. Журавлев предполагает в записи диалектизм: *зець* ‘карман’, *клянец* ‘капкан’, *напасьевна* ‘ненастная погода’, *цестерь* ‘сума’ [3, вып. 1, с. 191; вып. 2, с. 97; вып. 4, с. 267, 271].

4) Нет в двух сибирских словарях параллели и к следующему гапаксу: «**Пазйт**, а, м. Паз в столбе изгороди. Сузун. **Новосиб.**, 1964» [7, вып. 25, с. 151]. В СРГНО находим только колыбанское *в паз(ы)* ‘способ соединения стен <бревенчатого> дома’; вряд ли помогает и сузунское: «**Пазить**, -йт, несов., неперех. Хорошо и быстро гореть (о соломе, кустарнике и т.п.) (Сузун., Сузун)» [5: с. 371; 6: т. 3, с. 164]. Возможно, исходное *пазик было прочитано как неординарное *пазят*? Ср. ошибочное чтение **ян** на месте вероятно-го **ж**, где **я** также прочитывается вместо «петли»: *коряцуха* ‘иней’ < *коржуха* ‘толстый слой инея’ [3, вып. 2, с. 98].

5) В СРГНО и СРГС нет и сколько-нибудь похожей параллели к: «**2. Морить**, рю, рйшь, несов., неперех. Жалеть что-либо, скупиться на что-либо. *Хозяин, не море?й водку-то*. Сузун. ., 1964» [7: вып. 18, с. 280]. Здесь представляется вероятной ошибка. Существенно, что в иллюстративном примере представлена форма повелительного наклонения *морей*, которая противоречит формам *морю*, *моришь* из морфологической характеристики. Возможно, исходная запись

содержала *не мёрей* (т. е. ‘не меряй, не мерь’), а сама фраза выражала укор неуместной расчетливости. Хотя трудно ждать определенности и от подобных гадательных исправления уникальных фиксаций.

6) Вариант глагола «**Зачарыгать**, ает, сов., неперех. [удар.?]. Затвердеть. Татар. **Новосиб.**, 1963» [7, вып. 11, с. 172] также не подтверждается СРГНО и СРГС. Вместо него читается *зачарыметь* «1. Покрыться настом, затвердеть» (только о снеге) [5, с. 189; 6, т. 2, с. 234], от *чарым* ‘наст’ [5, с. 580; 6, т. 5, с. 260]. В данном случае представлено смешение групп **ме** = **га**, см. ниже др. примеры ошибочного чтения **м** с переразложением (**гл**, **лг**).

7) Не подтверждено в двух сибирских словарях и наличие слова: «**Сёпоч**, м. Здоровый, крепкий мужчина. *Сепочи — ну, такие мужики здоровые*. Баган. **Новосиб.**, 1979» [7, вып. 37, с. 179]. Студенты-филологи, обычно занятые сбором диалектизмов, не всегда точно копируют свои рабочие записи. В порядке гипотезы можно предложить ординарное чтение *селочи ‘силачи’. Ср. смешение **л** и **п**: *кодьянка* ‘наконечник стрелы’ < *копьянка*, *начипкивать* ‘издавать чиликанье’ (о птице) < *начидикивать* [3, вып. 2, с. 98; вып. 4, с. 269].

Вообще последствия графических переразложений, приводящих при копировании рабочей записи диалектного слова к новому и часто вполне фантомному чтению, все еще нуждаются в полномасштабном рассмотрении (ср.: [3, вып. 1, с. 183–184]). Подобен случаям *пазик и *селочи пример возникновения более необычного чтения на месте ординарного «**Жглот**, а, м. Нелюдимый, жадный человек. Миасс. **Челяб.**, 1930» [7, вып. 9, с. 96], которое, вероятно, было прочитано на месте *жмот: «**Жмот**, а, м. Богатый крестьянин-собственник, кулак. **Забайк.**, 1960» [7, вып. 9, с. 206]. Ср. переразложение **м** в **лг** в фантомном *кодзуха*, возникшем на месте *комуха* ‘лихорадка’ [3, вып. 2, с. 98].

8) В следующих парах морфологических вариантов: сузунское *ватлать* и *ватлить*, ордынское *ватóлиться* и *ватóлаться* [7, вып. 4, с. 71, 72] – вторые члены пар показались нам необычными, но материала оказалось недостаточно для конкретизации подозрений. В СРНГ варианты *ватлить* и *ватолаться* даны даже без иллюстративных примеров. «Словарь русских говоров Новосибирской области» и «Словарь русских говоров Сибири» дают только первые варианты с теми же толкованиями и примерами: *ватлать* ‘говорить, разговаривать’ (*Вот мы здесь по-челдонски ватлам*); *ватóлиться* ‘краситься, румяниться’ (*Соберутся в комнате и ватолятся крадочкой*) [5, с. 54; 6, т. 1, с. 19]. Следовательно, несмотря на наличие в СРНГ, морфологические варианты *ватлить* и *ватолаться* не являются подтвержденными.

9) В следующем случае вызывает вопросы толкование ‘блюдечки’: «**Зарки**, мн. Блюдечки, ♦ **В сравн.** Глаза расширились, зарки-та, так мы молоком его отпавали. Чулым. **Новосиб.**, 1969» [7, вып. 9, с. 384]. Эти вопросы снимаются новосибирским и общим

сибирским диалектными словарями, где тот же самый иллюстративный пример сопровождается вполне ожидаемым толкованием 'зрачки' [5: с. 183; 6: т. 1 (2), с. 212]. Ср. в др. диалектах: *зирок, зорёк, 'зрачок, зорки 'зрачки'* [7, вып. 11, с. 284, 338].

В Западной Сибири украинизмы являются почти неизбежным уловом диалектолога во многих районах со смешанным населением, см. [9]. При этом их статус в каждом отдельном случае нуждается в тщательном уточнении: это может быть и экзотическое вкрапление в русской речи, и неявная цитата из речи соседней, и слово общеизвестное и нейтральное даже в местной речи русских, как *долівка* 'земляной пол', *загіта* 'забор (насыпной)' [6, т. 1 (2), с. 54, 159] и др.

10) В случае со словом «**Стилець, м.** Небольшая переносная скамейка доярки. *Стилець возьмешь, сидишь под нее, тянешь, тянешь, руки и распухнут.* **Новосиб., 1979**» [7, вып. 41, с. 157; 5, с. 519; 6, т. 4, с. 441] не вызывает трудностей обнаружение источника: укр. *стілець* (род. п. *стільця*) 'скамейка, табурет'. В Купинском районе, где слово записано, как и в соседних, это название закрепилось за низкой скамеечкой, используемой при доении коров и при других домашних работах, когда требуется, но сидеть на корточках утомительно. Ударение все же обычно падает на *-ец*, ср. и в казачьем регионе, где также ощутимо украинское влияние: «**Стелєц, м.** Табурет. *Кажись, стелец загубил.* **Краснодар., 1969**» [7, вып. 41, с. 125]. Укр. *стілець* < древнерусск. *стол-ыц-ь*. В русском языке существительные на *-ец* обычно имеют ударение не на суффиксе: безударное *-ец* встречается в более чем 80 % слов, судя по «Грамматическому словарю» А.А. Зализняка [4]. Видимо, этим вызвано «русифицирующее» смещение ударения на основу в *стилець*.

11) Другой пример украинизма (в отличие от первого) вряд ли где-то сохранил употребительность. В иллюстративном примере речь идет о достаточно отдаленном прошлом. Историзм (название укладки в 30 снопов) приведен информантом по-украински, как ему запомнился: «**Пикоп, м.** Укладка хлеба в поле из тридцати снопов. *Тридцять снопов клали в пикопы, а шестьдесят – в копны.* Карасук. **Новосиб., 1978**» [7, вып. 27, с. 24; 5, с. 387; 6, т. 3, с. 324]. Ср.: «*Копá, Ы́, ж. ... 2. Шестьдесят штук чего-либо (как единица счета)*» [7, вып. 14, с. 281]. Думается, в основе записи «**пикопы**» лежит укр. *півкопи* 'тридцать штук', от *копá* 'шестьдесят', оформленное как *півкопá* 'полукопá' и изменяемое по падежам: *півкопи́, півкопи́, .. мн. ч. – півкопи, півкоп (півкоп)*. Записавший это слово (или же его информант) воспринял произношение необычного для русской фонетики согласного [w] в форме вин. мн. *пи[w]копы* вместо привычного ему **пи[ф]копы* как отсутствие звука. Видимо, точнее была бы запись начальной формы **пи(в)копá, Ы́, ж.* В данном случае перед нами типичный случай слабодокументированной фиксации, причем сегодня этот материал уже вряд ли можно дополнить и уточнить. Поколение, видевшее снопы, уже ушло.

12) В следующей записи также угадывается укр. *кіготь* 'коготь': «**Киботь, я, м** [удар.?.]. *Коготь. Черт на тебе катается, кибти запускает.* Чулым., **Новосиб., 1969**» [7, вып. 13, с. 194]. Смещение букв строчной *б* и прописной *Г* (стилизованной под «печатную») встречается редко. Можно привести единичный жаргонный пример: «**Борней** (иск. укр. – гарно, гарней – хорошо, лучше) – лучше» [8: с. 22], – где предполагается такое неразличение букв. Однако в записи *киботь* трудность такого объяснения состоит в том, что наличие прописной «Г» вообще маловероятно в середине слова. В данном случае разумнее заподозрить произшедшее на каком-то этапе копирования смещение транскрипционного знака «гамма» (для *г*-фрикативного) в частичной транскрипции **киуоть, *киути* и буквы *б*. Это объяснение учитывает особенности полевой фиксации материала. Форма **киботь*, заявленная в морфологической характеристике, дискредитируется формой *кибти* с беглым гласным в иллюстративном примере. Это противоречие внутри словарной статьи, как и выше в случае с *морить*, является важным сигналом, заставляющим более внимательно присмотреться в описанию слова.

13) Иногда призрачное слово возникает из-за неправильной сегментации высказывания при записи. Вероятно, в записи «**Накля́мка, и, ж.** Дверная скоба. *Она когда на огороде, то просто наклямку набрасывает, а замок не висит.* **Новосиб., 1979**» [7, вып. 19, с. 330; 5, с. 317; 6, т. 2, с. 337] представлено в действительности свободное предложно-падежное сочетание *на + клямку*, употребленное как эллиптический вариант распространенного выражения *набросить (щеколду) на клямку*, то есть набросить <накладную> щеколду <проушиной> *на дужку* для навесного замка в дверной раме, чтобы показать, что никого нет внутри дома. Это обычная практика в сельской местности. Говорят и *набросить клямку на пробой / ушко*, при этом *клямкой* называется уже накладная на шарнирной петле или скользящая щеколда, поскольку и укр. *клямка* значит один из парных элементов запора: 'щеколда, защелка, скоба, *скоба в виде дужки*', ср. также в русских говорах *на клямку*: «**Кля́мка, и, ж.** ... Железный запор у двери... **Кемер., 1965**» [7, вып. 13, с. 328; 5, с. 225]; а также: «*Она на замок не закрывает, на клямку только закинет, а сама в огороде*» [6, т. 2, с. 76]. С учетом содержательного тождества двух редакций иллюстративного примера из Татарского района, при незначительных отличиях, можно считать, что слова *наклямка* не существует. Это фантом, возникший в результате неверной сегментации текста.

14) Не всегда запись может быть восстановлена, даже если ее ошибочность представляется весьма вероятной: «**Росолéги, т.** Съедобная трава. *В войну-то и пучки, и росолéги, и лук дикий ели.* Болотнин. **Новосиб.,** *Слов. русских говоров Новосибир. обл. [с вопросом к знач. слова], 1973*» [7, вып. 35, с. 188; 5, с. 473; 6, т. 4, с. 182]. Судя по теме, речь могла идти о харак-

терном для региона использовании *рогозы* (*рогоски / *рогозки... ели?) – болотного растения с мучнистой сердцевинной корня (литературное *рогоз*, латинск. *Typha*). Однако *ragozá* и *рогозá* в этом значении не представлены в СРНГ вообще. Кроме того, сложно реконструировать путь возникновения серии «очиток» при отсутствии точного толкования или хотя бы ряда примеров. Так что приходится продолжать поиски.

Проведенный сравнительный анализ описания новосибирских диалектизмов в трех словарях позволяет сделать вывод о том, что выявляемые трудности описания в основном снимаются при привлечении дополнительных сведений или примеров употребления слова. В ряде случаев необходимые для уточнения описаний данные легко получить при непосредственном контакте с диалектной или полудиалектной средой. Это избавляет лексикографа от оплошностей, вызванных дефицитом непосредственного знакомства с местной речью в ее конкретной диалектной разновидности, а также повышает достоверность словарных описаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добродомов И.Г. Еще раз к этимологии русского *рамень* // Этимология. 2003–2005. М., 2007. С. 51–73.
2. Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858.
3. Журавлев А.Ф. Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–З // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183–193; Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И–К // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 93–104; Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н–О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 265–281.
4. Зализняк А.А. Грамматический словарь. М., 2003.
5. Словарь русских говоров Новосибирской области / Под редакцией А.И. Фёдорова. Новосибирск, 1979.
6. Словарь русских говоров Сибири / Под редакцией А.И. Фёдорова. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
7. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1965–2007. Вып. 1–41.
8. Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
9. Шаповал В.В. Украинский язык: исторический комментарий. Общие положения. Фонетика. Материалы к спецкурсу. Новосибирск, 1986. (см. также: <http://philology.ru/linguistics3/shapoval-86a.htm>).

М.В. ДУРОВА

МОДЕЛИ БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

аспирант

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

e-mail: taduchepa@gmail.com

В статье представлен анализ моделей бытийно-пространственных элементарных простых предложений японского языка, рассмотрены компоненты бытийных и локативных предложений, а также проведено сопоставление данных типов предложений по трем критериям: порядок слов в предложении, возможность топикализации подлежащего и тип бытийного предиката.

Ключевые слова: бытийное предложение, локативное предложение, бытийный предикат, подлежащее, локатив.

Бытийными называют предложения, обозначающие существование или несуществование объекта в мире или в определенном его пространственно-временном континууме, например: *В лесу водятся волки* или *Вечером будет концерт*. Таким образом, бытийные предложения отражают пространственно-предметный аспект окружающего мира [1].

В японском языке элементарные предложения с пропозицией бытия включают следующие обязательные компоненты: субъект, обязательное обстоятельство (его роль может выполнять именная группа со значением места и указательные местоимения места) и бытийный предикат. Мы рассмотрим возможные модели бытийного элементарного простого предложения (далее – ЭПП) на примерах из романа Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот»¹. Примеры сопровождаются литературным переводом А. Стругацкого и Л. Коршикова, при необходимости приводится также буквальный перевод предложения. В переводе в квадратные скобки заключаются те слова, которые отсутствуют в оригинале (обычно это тематическое подлежащее или местоимение, они часто опускаются в японском предложении).

В зависимости от актуального членения в предложении, в состав которого входят субъект, предикат и локатив, актуализируется либо бытийное, либо локативное значение. Соответственно, разграничиваются две модели ЭПП японского языка: бытия (экзистенциальное предложение) и местонахождения бытующего предмета (локативное предложение). Экзистенциальные и локативные предложения противопоставляются по следующим признакам: возможность / невозможность топикализации подлежащего; положение последнего в предложении (до или после локативной именной группы); а также использование разных бытийных предикатов.

Модель экзистенциального предложения имеет следующий вид:

$LEX^{Loc} N_{NomR} V_f$, где LEX^{Loc} – локализатор, N_{NomR} – рематическое подлежащее, V_f – экзистенциальный предикат. Поскольку основная функция бытийных предложений – вводить в дискурс новых участников, подлежащее экзистенциального предложения всегда рематическое, например:

(1) 臺の額には夜光の明珠がある。

gama	no	hitai	ni	wa	yakou	no	meishu
жаба	GEN	лоб	DAT	TOP	свечение в темноте	GEN	драгоценный камень
ga	a=ru						
NOM_R	быть=PRS						

‘Во лбу у жабы есть драгоценный камень, светящийся в темноте.’

Базовый порядок слов в японском языке – «(топик) – подлежащее – обстоятельства и дополнения – сказуемое». Однако в бытийном предложении порядок слов другой: на первом месте стоит именная группа со значением места / времени [2]. В примере (1) представлен такой порядок слов, при котором на первом месте в предложении стоит локализатор, а рематическое подлежащее, оформленное показателем ремы *ga*, располагается непосредственно перед сказуемым. Как отмечал В.М. Алпатов, «порядок слов с препозицией локативной именной группы является нейтральным для бытийных предложений» [2, с. 86]. Согласно Куно Суму, такой порядок слов встречается в бытийных предложениях в 3,5 раза чаще, чем обратный – с препози-

¹ 夏目漱石. 吾輩は猫である (*Wagahai wa neko de aru*).// http://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/789_14547.html

цией подлежащего [3, с. 354]. Однако начальная позиция подлежащего, даже нетопикализованного, способствует его интерпретации как определенного, уже введенного в дискурс, в то время как подлежащее бытийного предложения должно быть неопределенным, неизвестным слушающему.

Локализатор, передающий место бытия предмета или стативного действия, является необходимым компонентом предложения рассматриваемого типа. Пример (2) – экзистенциальное предложение, локативная именная группа (*во Франции*) является обязательной для описания ситуации.

(2) フランスにバルザックという小説化があった。

furansu	ni	baruzakku	to	yu=и	shousetsuka	ga
Франция	DAT	Бальзак	QUOT	говорить=PRS	писатель	NOM _R

a=tta
быть=PST
'Во Франции жил романист по имени Бальзак.'

Бытийные ЭПП в японском языке формируются на базе бытийных предикатов – глагола со значением 'быть, являться, находиться' и его аналогов – глаголов, которые также можно отнести к бытийным, поскольку они выражают в той или иной степени идею бытия. Глаголов со значением 'быть, находиться' в японском языке два: *ある aru* (для неодушевленных предметов) и *いる iru* (о людях и животных). Однако в экзистенциальных предложениях при любых субъектах может быть использован глагол *aru*, в то время как употребление глагола *iru* является для данной модели нетипичным.

(3) 世間には猫の恋とか称する俳諧(はいかい)趣味の現象がある。

sekai	ni	wa	neko	no	koi		toka	shousu=ru	haikai
общество	DAT	TOP	кошка	GEN	любовь		некий	называться=PRS	поэзия

shumi	no	genshou	ga	a=ru
увлечение	GEN	явление	NOM _R	быть=PRS

'В обществе существует поэтическое явление, которое называется, кажется, кошачьей любовью.'

(4) 昔しある所に一人の天文学者がいました。

mukashi	aru		tokoro	ni	hitori	no	tenmongakusha	ga
прошлое	некоторый		место	DAT	один	GEN	астроном	NOM _R

ari=ma=shita
быть=ADR=PST
'В старину жил где-то астроном.'

В примерах (3) и (4), представляющих собой экзистенциальные предложения, использован глагол *aru*, несмотря на то, что подлежащее в примере (4) обозначает одушевленный субъект.

Локативные предложения, как и экзистенциальные, отражают пространственно-предметный аспект мира, но они сообщают о местопребывании уже известного объекта. Поэтому модель локативного предложения N_{NomT} LEX^{Loc} V_f включает топикальный субъект N_{NomT}. В примере (5) подлежащее локативного предложения, обозначающее бытующий предмет, оформляется показателем темы *wa*, так как субъект высказывания уже введен в дискурс. Соответственно, поскольку топик в японском языке всегда должен стоять на первом месте в предложении, топикальный субъект в данной модели занимает начальную позицию в предложении, в отличие от подлежащего в экзистенциальном предложении.

(5) 三毛子(みけこ)は行儀よく椽側(えんがわ)に坐っている。

mikeko	wa	gyougi	yoku	engawa	ni	suwa=tte
Микэко	NOM _T	манеры	хорошо	галерея	DAT	сидеть=CV

i=ru
AUX.PRG=PRS
'Микэко чинно восседала на галерее.'

Экзистенциальные и локативные предложения различаются также глаголами, которые могут быть использованы в роли сказуемых. В экзистенциальных предложениях при любых подлежащих (будь то одушевленный или неодушевленный субъект) употребляется глагол *aru*, а в локативных предложениях данный глагол допустим лишь при неодушевленных субъектах. При подлежащем, выражающем одушевленный субъект, этот глагол заменяется на другой бытийный глагол – *iru* [2, с. 88]:

(6) 吾輩はこの教師のうちにいるのだ。

wagawai wa koko no kyoushi no uchi ni i=ru no
я NOM_T здесь GEN учитель GEN дом DAT **быть=PRS** PRT
da
COP.PRS
'Я живу в доме здешнего учителя.'

Локативное предложение может не содержать глагола, и в таком случае оно состоит из топикального подлежащего и локализатора (именной группы или указательного местоимения места), а сказуемое остается нулевым. К указательным местоимениям места, обозначающим направление в широком смысле, относятся слова *koko*, *soko*, *asoko* (*doko* – вопросительное местоимение, соответствующее данному ряду), которые условно можно перевести как 'здесь', 'там', 'вон там' ('где'). Существует также дублирующий ряд указательных местоимений места *kochira*, *sochira*, *achira* (*dochira*) с таким же значением, обладающий большей степенью вежливости [4, с. 41] (см. примеры 7 и 8):

(7) 近頃はどこに住んでおりますか知らん。

chikagoro wa doko ni su=nde ori=ma=su ka
последнее время TOP где DAT жить=CV AUX.PRG=ADR=PRS Q
shira=n
знать=NEG.PRS
'Только вот [я] не знаю, где он теперь живет.'

(8) 学校はここですか。

gakkou wa koko de=su ka
школа NOM_T здесь COP.ADR=PRS Q
'Школа здесь?'

Способы выражения локализаторов в целом одинаковы для обоих типов предложений. Именная группа, передающая место бытия предмета или стативного действия, может содержать такие служебные имена, как 上 *ue* 'верх', 前 *mae* 'перед', 傍 *soba* 'рядом', 間 *aida* 'между', 下 *shita* 'низ', 後ろ *ushiro* 'позади', 'за', 外 *soto* 'снаружи', 中 *naka* 'внутренняя часть', 隣 *tonari* 'соседство' и др. Эти имена присоединяются к обстоятельству через послелог родительного падежа [4, с. 41–42]. Ср. экзистенциальные предложения в примерах (9) и (10) и локативное предложение (11), в которых используются служебные имена *mae* 'перед', *ura* 'изнанка' и *soba* 'рядом'.

(9) 土手の前に松は何十本となくある。

dote no mae ni matsu ga nanjuuhontonaku a=ru
дамба GEN перед DAT сосна NOM_R несколько десятков быть=PRS
Букв.: Перед дамбой растет несколько десятков сосен.
'У дамбы растет несколько десятков сосен.'

(10) 吾輩の家の裏に十坪ばかりの茶園がある。

wagahai no ie no ura ni nijuu tsubo bakari no
я GEN дом GEN изнанка DAT 20 цубо только GEN
Chaen ga a=ru
чайный сад NOM_R быть=PRS
'За нашим домом есть небольшой, всего в каких-нибудь двадцать цубо, чайный сад.'

(11) 吾輩は鮑貝の傍におとなしくして蹲踞る。

wagahai wa awabigai no soba ni ononashikushi=te
я NOM_T раковина GEN рядом DAT вести себя тихо=CV
uzukuma=ru
присесть на корточки=PRS
'Я как ни в чем не бывало сидел возле своей раковины.'

Обычно обстоятельство места в бытийных ЭПП японского языка оформляется послелогом дательного падежа *ni*, который в данной модели предложения имеет значения места (в прямом и переносном смысле). Данный показатель используется в предложениях со сказуемым, выраженным стативным глаголом, как в примерах (9)–(11). Однако если речь идет о местонахождении нематериальных объектов (таких как 'экзамен', 'соревнование', 'конференция' и др.), локализатор выступает в паре с послелогом творительного падежа *de*,

который в свою очередь является маркером места активного действия. Так, в примерах (12) и (13) в качестве подлежащего выступают имена, обозначающие мероприятия, события. Соответственно, локализатор оформлен послелогом творительного падежа.

(12) その日は向島の知人の家で忘年会兼合奏会がありました。

sono	hi	wa	mukojima	no	chijin	no	uchi	de
тот	день	TOP	Мукодзима	GEN	знакомый	GEN	дом	INSTR
bounenkai			ken		gousoukai	ga		ari=ma=shita
проводы года			одновременно		концерт	NOM _R		быть=ADR=PST

‘В тот день у моего знакомого в Мукодзима были проводы старого года с концертом.’

(13) その晩帰りに吾妻橋で何かあったでしょう

Sono	ban	kaeri=ni		azumabashi	de	nani	ka	a=tta
Тот	вечер	возвращаться-CV		Адзумабаси	INSTR	что	Q	быть=PST
de=shou								
COP.ADR=PMT								

‘Вечером, когда он возвращался домой, на мосту Адзумабаси что-то произошло.’

Кроме бытийных предикатов *aru* и *iru*, в бытийных предложениях могут встречаться такие глаголы, как 住む *sumu* ‘проживать’, 隸属する *reizokusuru* ‘состоять при’, 起臥する *kigasuru*, 下宿する *geshukusuru* ‘квартировать’, 泊まる *tomaru* ‘останавливаться на ночь’, 勤める *tsutomeru* ‘служить где-либо’, 座る/掛ける *suwaru / kakeru* ‘сидеть, садиться’, 蹲踞る *uzukumaru* ‘присаживаться на корточки’, 寝る *neru* ‘спать’, 眠る *neturu* ‘дремать’ (см. примеры 14 – 16). В целом класс японских стативных лексем сравнительно с европейскими языками малочислен [2, с. 75].

(14) 実は会場の隣りに女学生が四五人下宿していました。

jitsu	wa	kaijou	no	tonari	ni	jogakusei
правда	TOP	место собрания	GEN	соседство	DAT	девушка-студентка
ga	youngonin	geshukushi=te		i=ma=shita		
NOM _R	несколько	квартировать=CV		AUX=ADR=PST		

‘Дело в том, что по соседству с домом, где собирался наш кружок, квартирует несколько девушек-студенток.’

(15) 平気で、もとのごとく主人の膝に坐っておった。

heiki	de	motono	gotoku	shujin	no	hiza
спокойствие	INSTR	прежний	подобно	хозяин	GEN	колени
ni	suwa=tte	o=tta				
DAT	сидеть=CV	AUX.PRГ=PST				

‘[Я] продолжал спокойно сидеть на коленях у хозяина.’

(16) 枯菊を押し倒してその上に大きな猫が前後不覚に寝ている。

kokiku	wo	oshitaoshi=te	sono	ue	ni	ookina	neko
сухая хризантема	ACC	сваливать=CV	этот	верх	DAT	большой	кот
ga	zengo	fukakuni	ne=te	i=ru			
NOM _R	вокруг	бессознательно	спать=CV	AUX.PRГ=PRS			

‘На засохшем кусте хризантемы, пригибая его к земле, не обращая внимания на то, что творится вокруг, спал большой кот.’

Однако не всегда глаголы японского языка со значением ‘спать’, ‘дремать’, заменяющие бытийные предикаты в бытийных предложениях, ведут себя как стативные глаголы. По этой причине использование этих глаголов в предложении обуславливает оформление именной группы со значением места показателем творительного падежа *de*. В предложении (17) наличие глагола *neturu* ‘спать’ является причиной оформления локализатора творительным падежом.

(17) 吾輩が主人の膝の上で眼をねむりながらかく考えている。

wagahai	wa	shujin	no	hiza	no	ue	de
я	NOM _T	хозяин	GEN	колени	GEN	верх	INSTR
manako	wo	neturi=nagara	kaku	kangae=te		i=ru	
глаз	ACC	дремать=CV	так	размышлять=CV		AUX.PRГ=PRS	

‘Так размышляя я, лежа с закрытыми глазами на коленях у хозяина.’

Таким образом, многие стативные глаголы японского языка включают в модель управления локализатор, оформляемый с помощью послелога дательного падежа *ni*, в то время как глаголы активного действия требуют оформления локализатора творительным падежом. Нематериальные субъекты, обозначающие события, также оформляются в японском языке как активные действия.

В таблице суммируются различия между экзистенциальными и локальными предложениями по трем критериям – положение локативной именной группы, особенности субъекта и предиката.

Экзистенциальные и локативные предложения

	Экзистенциальные LEX ^{Loc} N _{NomR} V _f	Локативные N _{NomT} LEX ^{Loc} V _f
Положение LOC	до подлежащего	после подлежащего
Субъект	рематический	тематический
Предикат	<i>aru</i>	для одушевленных – <i>iru</i> для неодушевленных – <i>aru</i>

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ACC – аккумулятив; ADR – адрессив; AUX – вспомогательный глагол; CV – деепричастие; COND – условная форма; COP – связка; DAT – датив; GEN – генитив; INSTR – инструменталис; NOM_R – рематический номинатив; NOM_T – тематический номинатив; PMT – презумптив; PRG – прогрессив; PRS – настоящее-будущее время; PRT – частица; PST – прошедшее время; Q – вопросительная частица; QUOT – цитационный союз; TOP – топик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
2. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка: в 2 т. М., 2008.
3. Kuno Susumu. The position of locatives in existential sentences // Linguistic Inquiry. V.11. P. 333 – 378.
4. Сафина Г.П. Практическая грамматика японского языка. Владивосток, 2000.

Е.Э. ВОЙТИШЕК

«РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД» В КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ СИНТОИСТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЦВЕТОЧНЫХ КАРТ ХАНА-ФУДА)*

канд. ист. наук, доцент,
заведующая кафедрой востоковедения гуманитарного факультета
Новосибирского государственного университета
e-mail: oniet@lab.nsu.ru

Статья посвящена анализу специфических образов цветов, растений и деревьев, собранных в японских цветочных картах *хана-фуда*, отражающих особенности старинных обычаев и обрядов. В игровой практике синтоистские мотивы нашли свое отражение в виде элементов жизненного уклада в их связи с проявлением японского национального менталитета, а также как проявление культовой традиции и религиозных верований. Символы и образы цветочных карт можно рассматривать как своеобразный «растительный код» культуры Японии, функционирующий в традиционной синтоистской обрядности и в современной бытовой жизни.

Ключевые слова: цветочные карты хана-фуда, «растительный код» культуры Японии, синтоистская обрядность.

Карточные игры как часть японских интеллектуальных развлечений справедливо рассматривать в контексте всей духовной культуры Японии. Такой подход к анализу традиционных игр дает возможность осознать большое значение интеллектуальных развлечений в духовной культуре Японии как своеобразного этикета и ритуала.

Цветочные карты *花札 хана-фуда*, изобретенные на основе старинных карт в начале XIX в., сумели вобрать в себя своеобразие японского национального духа и стать поистине любимым народным развлечением. Этот вид карт, являющийся своеобразным национальным шедевром в коллекции карточных игр всего мира, благополучно просуществовал до наших дней (см.: [1, 2003, с. 133–135]).

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00049а, а также в рамках тематического плана НИР (1.5.09) и АБЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2010 гг.)» Рособразования (проект РНП 2.2.1.1/1822).

Что касается внешнего вида карт, растения, животные и птицы четырех времен года, надписи на свитке *тандзаку* со стихами в жанре *танка*, специфические образы, – все это является чисто национальным японским явлением. В том виде, в каком цветочные карты дошли до нас, они представляют собой колоду из 48 карт с изображением деревьев, цветов и растений, соответствующих четырем сезонам и двенадцати месяцам года: сосны, сливы, сакуры, глицинии, ириса, пиона, леспедецы, мисканта, хризантемы, клена, ивы, павлонии.

Каждая масть цветочных карт соответствует двенадцати месяцам солнечного календаря, тогда как растения и художественно-поэтические образы, связанные с ними, фактически соответствуют традиционному для Востока лунному календарю. Поэтому среди образов, собранных в цветочных картах, есть немало таких, которые практически не соответствуют реальному сезону. Не являясь достоверным календарно-временным свидетельством, тем не менее цветы, деревья и художественные образы из цветочных карт отражают особенности древнейших обычаев и обрядов календарного цикла, с помощью которых можно реконструировать ряд важнейших ментальных построений, существенных с точки зрения развития синтоизма.

Обратимся к описанию карт колоды из 48 листов. Вслед за названиями карт дается краткий историко-этнографический комментарий.

ЯНВАРЬ – СОСНА

(*МАЦУ* 松)

Журавль на сосне (сосна и журавль)	<i>Тандзаку</i> (сосна и <i>тандзаку</i> красного цвета)	Карта только с изображением сосны	Карта только с изображением сосны
---------------------------------------	---	--------------------------------------	--------------------------------------

Сосна – это символ счастливого Нового года. В первые дни Нового года жилище украшали не только новыми ветками *мацу-кадзари*, но и фигурками журавля. Сосна и журавль в японской культуре являются символами долгой и счастливой жизни, поэтому часто изображаются вместе. Недаром в японском языке до сих пор бытует полностью соответствующее названию первой карты выражение *мацу-ни цуру* (букв. ‘журавль на сосне’), означающее пожелание долголетия. С образами сосны и журавля связаны многие традиционные приветственные песни на пирах, лирические стихи с пожеланиями долголетия.

Кроме того, на карте изображено Солнце, что тоже является неслучайным. Новый год в Японии ассоциировался с заимствованным у древних китайцев представлением о приходе нового Солнца, когда 15 января, в дни «малого Нового года», пекли круглые рисовые лепешки *кагами-моти* (букв. ‘зеркальные лепешки’) и возлагали их на алтарь в храме как дар Солнцу. Лепешка в форме круглого зеркала повторяла очертания Солнца, символизирующего здоровье и жизнь. Съедая «кусочек Солнца», люди желали друг другу здоровья и долгих лет счастливой жизни.

Непременным элементом новогоднего убранства домов в Японии издавна считается украшение *кадомацу* – «сосна у ворот». Деревца сосны устанавливали посередине двора или по обе стороны ворот, что символизировало собой японскую божественную супружескую пару – Идзанаги и Идзанами, которые, по мифологическим представлениям, породили японские острова и весь пантеон синтоистских богов. С ветвями соснового дерева был связан широко распространенный старинный народный обычай *кусамусуби* (завязывание корней трав, стеблей и ветвей растений). Первоначально это было своеобразным ритуально-магическим актом, с помощью которого, словно не давая душе уйти из тела, просили о долголетии. Затем это стало молением о счастье вообще, о постоянстве в любви, об исполнении желаний, о благополучном пути.

Сосна – символ театра *Но*. В качестве естественного фона она нарисована на заднике сцены театра *Но*, часто вместе с изображением восходящего Солнца. Объяснение этому явлению следует искать в народных плясках и представлениях, связанных с земледельческими магическими танцами в ожидании Солнца. Вся атрибутика представлений театра *Но*, будучи связанной с солнечной магией, воспроизводит естественный фон, соответствуя оформлению территории храмов на фоне сосны. Возможно, первоначальные представления *Но* происходили перед священной сосной: одно из действий земледельческих представлений *дэнгаку* так и называется – *Мацу-но сита-но синдзи* (‘Священнодействие под сосной’). Сосны издавна являлись непременным атрибутом интерьера внутренней территории храмов. Можно сказать, что традиционно места строительства храмов в Японии выбирались в соответствии с представлением о сосновом боре как об идеальном месте для монахов и паломников, где можно пребывать в уединении и покое.

ФЕВРАЛЬ – СЛИВА

(*УМЭ* 梅)

Соловей на сливе	<i>Тандзаку</i> (<i>тандзаку</i> красного цвета в сливах)	Карта только с изображением сливы	Карта только с изображением сливы
---------------------	---	--------------------------------------	--------------------------------------

Февраль – время цветения сливы, в эту пору раздаются первые трели соловья. Образ соловья – традиционный поэтический символ весенней тематики. Этот парный поэтический образ стал составной частью японской календарной поэзии и художественной традиции. Ожидание соловья – постоянный мотив песен ранней весны в японской лирике. Считалось, что до наступления весны соловей прячется в ущелье, и все с нетерпением ждали, когда он появится на ветвях заснеженной сливы.

С обрядом любования ранней цветущей сливой в начале весны связана церемония *камбай* (букв. ‘слива, [цветущая] в холода’), которая своими истоками уходит в культурные традиции, заимствованные из Китая. Оттуда же, из Древнего Китая, пришел в Японию обычай во время цветения сливы устраивать поэтические турниры в честь благоухающих цветов сливы. Поскольку слива расцветает в суровое время года и является самым ранним цветущим растением, она издавна служит олицетворением радостного пробуждения природы, вечно обновляющейся жизни, символизирует силу и благородство, благополучие, счастье и долголетие.

В старину во время любования цветущей сливой был обычай пить вино с ее лепестками (аналогичная осенняя обрядность связана с хризантемой).

В настоящее время слива цветет в феврале-марте красными и белыми цветами. Сами цветки образованы пятью лепестками, источающими дивный аромат. Плоды сливы считаются целебными и съедобными: особым образом обработанными их употребляют как профилактическое и лекарственное средство при многих заболеваниях; при жаре употребляют маринованные сливы *умэбоси*; повсеместно в Японии изготавливается сливовая настойка *умэсю*; популярным напитком, хорошо утоляющим жажду, является сливовый чай *умэтя*; существует множество сладостей из сливы. В настоящее время в Японии специально создаются сливовые сады для поддержания традиции любования цветами *умэ*.

МАРТ – САКУРА

(САКУРА 桜)

Занавес на сакуре (сакура и занавес; занавес, [используемый] в церемонии любования цветами сакуры – <i>ханами</i>)	Тандзаку (тандзаку красного цвета в цветах сакуры)	Карта только с изображением сакуры	Карта только с изображением сакуры
---	--	---------------------------------------	---------------------------------------

Цветущая сакура принимает сезонную эстафету от благоухающей сливы. Март – время цветения сакуры. Эта очередность освещена поэтической традицией. В лунном календаре за третьим месяцем было закреплено название *сакура-дзуки*, т. е. «месяц сакура». Любование цветущей сакурой является одним из древнейших обычаев японцев.

В настоящее время сакура цветет в апреле-мае, и именно в это время повсюду в Японии, как и в древности, проводятся *ханами* – церемонии любования цветами. Сакура олицетворяет красоту и безупречность благодаря исключительной кратковременности своего цветения – оно длится всего несколько дней, а иногда лишь несколько часов. В народной традиции это связывается с ушедшей любовью, с быстротечностью молодости.

В японской кухне существует большое количество блюд, связанных с сакурой. Широко известно блюдо *сакура-моти*, представляющее собой рисовые лепешки *моти*, завернутые в соленые вишневые листья сакуры *оосима-сакура*. В настоящее время выпускается масса разнообразных конфет и сладостей со вкусом и ароматом сакуры. Любопытно, что из-за специфического цвета сырое конское мясо *ума-но нуку* часто называют *сакура-нуку* (букв. ‘мясо цвета сакуры’). Следует упомянуть также *сакура-тя* – специальный соленый чай с добавлением цветков сакуры, который используется как своеобразный ритуальный напиток при помолвках, на свадьбах и других семейных праздниках. Этот напиток, обычно употребляемый перед праздничной трапезой, считается своеобразным счастливым знаком и символом грядущего благополучия.

Изображение цветущей сливы или сакуры является характерным сюжетом на традиционной одежде *ки-моно* весеннего сезона. Сакура является национальным цветком Японии, своеобразным символом Страны Восходящего Солнца. Важность ее значения как национального символа подчеркивается также тем, что цветок сакуры изображен на самой ходовой в Японии 100-иеновой монете.

АПРЕЛЬ – ГЛИЦИНИЯ

(ФУДЗИ 藤)

Кукушка на глицинии (глициния и кукушка)	Тандзаку (глициния и тандзаку красного цвета)	Карта только с изображением глицинии	Карта только с изображением глицинии
---	---	--	--

Апрель – это время, когда распускаются цветы глицинии, в эту пору начинают раздаваться крики кукушек. Парный образ кукушки и глицинии *фудзи* как символ начала лета присутствует уже в самых ранних японских поэтических антологиях.

Среди современных праздников, связанных с цветением *фудзи*, можно отметить ритуальные действия при храме Отинуси в префектуре Исикава: во время изготовления огромных колесниц вместо гвоздей и канатов используются длинные и прочные лозы глициний.

В старину одежду цвета «глициния» (с сиреневой лицевой стороной и с подкладкой зеленого цвета) обычно носили зимой и летом. Кроме того, на летних *кимоно* в качестве типичного орнамента встречается изображение глициний или ирисов.

МАЙ – ИРИС
(*АЯМЭ* あやめ или *СЁ:БУ* 菖蒲)

Мостик в ирисах (ирис и мостик <i>яцухаси</i>)	Тандзаку (ирис и <i>тандзаку</i> красного цвета)	Карта только с изображением ириса	Карта только с изображением ириса
---	---	--	--

Май считается временем цветения влаголюбивых ирисов – белых, сиреневых, фиолетовых. С давних пор ирисы были не только одним из самых любимых и почитаемых в Японии цветов, но также служили напоминанием о празднике мальчиков – *танго-но сэкку* (букв. ‘Праздник первого дня лошади’), который еще назывался *сё:бу-но сэкку* (‘Праздник ирисов’) и проводился 5-го числа 5-го месяца. По традиции в этот день готовилась ритуальная еда: рисовые колобки, завернутые в листья ириса или бамбука, – *тимаки* (символ здоровья и стойкости) [2, с. 143]. Чтобы отогнать несчастья, листья ириса, форма которых напоминает самурайский меч, часто раскладывали на крышах домов, под карнизами, у входа в дом. В XVII в. появился обычай готовить ванну с добавлением листьев ириса, а также пить в качестве средства от простуды особое *сакэ* с крошками измельченного ириса (*сё:будзакэ*).

В старину к празднику мальчиков специально приурочивали изготовление разукрашенного мешочка для лекарств *кусуридама*, куда складывали напизанные на нить цветы ириса. По старинным поверьям, этот обычай помогал избежать простуды и приносил очищение от грехов. И сейчас в этот день в семьях, где подрастают мальчики, домочадцы поочередно принимают горячую ванну с листьями ириса, наслаждаясь ароматом. Такой обычай символизирует пожелание укрепления здоровья и благополучия всей семьи.

В настоящее время ирис остается одним из самых любимых в Японии летних цветов. Япония по праву считается патриархом рисоводства в мире: на протяжении пяти веков здесь было выведено свыше тысячи сортов. В наши дни в наиболее известных парках продолжают устраивать праздники ирисов – *аямэ мацури*. Во время цветения ирисов здесь устраиваются выставки цветов, исполняются «танцы ирисов», проводятся соревнования певцов, фотографов и поэтов.

ИЮНЬ – ПИОН
(*БОТАН* 牡丹)

Бабочки на пионе (пион и бабочки)	Тандзаку (<i>тандзаку</i> синего цвета)	Карта только с изображением пиона	Карта только с изображением пиона
---	--	---	---

В июне над пионами порхают бабочки – отсюда и реальный мотив, изображенный на карте. В эмоциональном восприятии японцами образа пиона причудливо переплелись синтоистские верования и буддийские традиции. По народным представлениям, бабочки, кружащие над цветами, так же как другие летающие насекомые и птицы, – все это духи давно умерших людей. Быстро опадающие лепестки цветов, и в особенности пиона, символизирующие короткую жизнь и мгновенную смерть, – излюбленный мотив многих стихотворных произведений.

В настоящее время в Японии в префектуре Акита, в г. Акита при храме Коматидо проводится праздник пиона *сякюяку-мацури*. Этот праздник посвящен памяти выдающейся поэтессы IX в. Оно-но Комати. Во время праздника устраиваются разнообразные развлечения: чтение стихов «одной из шести бессмертных» (такой титул был присвоен в истории японской литературы этой поэтессе), парад девушек в костюмах той поры, чайные церемонии, выставки *икэбана* с обязательным использованием цветов пиона [Там же, с. 233]. В названии этого праздника используется термин *сякюяку* (‘пион душистый китайский’), который также употребляется в отношении человека с безупречным вкусом. Этот вид пиона очень похож на разновидность розового пиона *ботан*, в отличие от которого он цветет белыми и красными цветами. Традиция любования цветами пиона, которая берет свое начало в Китае (там пион был не только символом любви и эротике, но и широко

употреблялся в медицине как обезболивающее средство), прочно укоренилась в Японии, что нашло свое воплощение в разнообразных словесных клише и образных выражениях.

Лепестки пиона издавна употребляли в пищу. В Японии до сих пор изготавливают сладкие рисовые лепешки *ботамоти*, с которыми ассоциируются понятия неожиданной удачи, приятных сюрпризов. Эти представления закрепились в языке. К примеру, очень распространено выражение *тана-кара ботамоти* (букв. 'с полки – лепешка *ботамоти*'), что связывается с понятием «манны небесной».

ИЮЛЬ – ЛЕСПЕДЕЦА
(*ХАГИ* 萩)

Кабан в зарослях леспедецы (леспедеца и кабан)	Тандзаку (<i>тандзаку</i> красного цвета)	Карта только с изображением леспедецы	Карта только с изображением леспедецы
--	--	--	--

Согласно лунному календарю, с наступлением 1-го месяца осени цветет леспедеца. В эту пору по горам и лесам бродили дикие кабаны – отсюда и образ на карте.

Леспедеца – одно растение из так называемых «семи осенних трав». Примечательно, что сам иероглиф *хаги* (леспедеца) образован из двух смысловых компонентов, что буквально означает «осенняя трава». В соответствии с пришедшим из Китая обычаем, было принято собирать в определенные сроки эти семь видов растений и варить похлебку, обеспечивающую здоровье и благополучие.

В старинной японской поэзии существует применительно к кустарнику *хаги* еще один образ – оленя, поскольку издавна существовало поверье, что олень и кустарник *хаги* являются супругами.

С осенней леспедецей связано название приготовленных на пару клейких рисовых лепешек *о-хаги* – корочка лепешек усеяна бобами *адзуки* и чем-то напоминает цветы *хаги*. Каждая такая лепешка овальной формы и размером с детский кулачок. Первоначально *о-хаги* были преимущественно крестьянской едой, которую часто брали с собой на работу в поле, но затем эти лепешки стали ассоциироваться с поминальной буддийской службой *хиган*, которая проводится в период весеннего и осеннего равноденствия. Период *хиган* традиционно считается временем готовить *о-хаги*, когда, проявляя уважение к усопшим, по традиции ходят к ним на могилу и предлагают им ту же еду. В старину *о-хаги* обычно делали вручную дома, а теперь их можно купить в магазинах, продающих традиционные кондитерские изделия. Обычно пик спроса на лепешки приходится на весеннее и осеннее равноденствие – в это время даже маленькие магазинчики продают тысячи *о-хаги* в день.

АВГУСТ – МИСКАНТ
(*СУСУКИ* すすき)

Луна над мискантом (мискант и луна; полная луна над мискантом; бритая голова монаха)	Дикие гуси (мискант и дикие гуси; гуси над мискантом)	Карта только с изображением мисканта	Карта только с изображением мисканта
--	--	---	---

Середина 8-го месяца по лунному календарю, а именно 15-й день (или *дзюгоя* – 15-я ночь) издавна считались в Японии особым временем любования Луной, поскольку Луна в это время года бывает необыкновенно яркой, и полнолуние особенно красиво. Обычай устраивать празднества во время любования осенней Луной пришел в Японию из Китая. С незапамятных времен обряд *цукими* – «любование Луной» – был одним из главных событий осеннего сезона. Люди устраивали празднества при лунном свете и благодарили богов за хороший урожай. По древним поверьям, Луна приносила людям счастье и достаток, символизировала единение всей семьи.

Для ночи полнолуния в Японии издавна готовили церемониальную еду – *цукими-удон*, *цукими-соба* – специальные виды лапши, символизирующие долгую и счастливую жизнь. Но особым угощением всегда считались рисовые лепешки *цукими-данго* с приправой из разных осенних растений. В ночь полнолуния обязательным атрибутом праздника возле столика, куда должен был упасть свет полной луны, устанавливали вазу с пучками степного мисканта *сусуки*, на подносах раскладывали лепешки *данго*, а также сезонные фрукты и овощи.

В народном сознании шелест осенней степной травы связывается со всякого рода привидениями, духами и призраками, ассоциируется с осенней печалью, увяданием природы и тревожными предчувствиями. Кроме яркой луны и поэтичного образа степной травы 8-й месяц ассоциируется еще и со временем прилета диких

гусей. Тема весеннего отлета гусей и их осеннего возвращения является постоянным мотивом в японской лирике.

Календарный обряд *цукими* в настоящее время практически ушел из повседневной жизни, хотя до конца XIX в. во время праздника любования Луной, как и в древности, сочиняли и декламировали стихи, музицировали, исполняли национальные танцы, пили церемониальное вино, веселились.

СЕНТЯБРЬ – ХРИЗАНТЕМА (КИКУ 菊)

Сакадзуки (чашечка для сакэ) в хризантемах (хризантемы и сакадзуки)	Тандзаку (хризантема и тандзаку синего цвета)	Карта только с изображением хризантемы	Карта только с изображением хризантемы
--	--	---	---

Осень всегда была богата праздниками, связанными с культом природы. Наряду с культом Луны, любованием кленовыми листьями к ним относился и культ хризантем. Праздник хризантем приходился по традиции, пришедшей из Китая, на 9-й день 9-го месяца. В этот день полагалось подниматься на возвышенности, пить рисовое вино с лепестками хризантем и вино, настоянное на кизиле.

По древним представлениям, хризантема обладает магической силой продлевать человеку жизнь и обеспечивать ему долголетие. В Японии в этот день существовал ритуал преподнесения друг другу чашечек *сакэ* с накрошенными в них лепестками хризантем, что было пожеланием долголетия и залогом предотвращения несчастий. Этот ритуальный напиток назывался *кикумисакэ* ('сакэ для любования хризантемой') или *кикусакэ*, что переводится как 'ритуальное сакэ с лепестками хризантем' [2, с. 120]. Существовал также обычай делать настой из цветов, стеблей и листьев хризантемы и добавлять в него рис. Настой долго хранили и пили на следующий год.

В старину, когда Праздник хризантем отмечался только при дворе, по приглашению императора во дворец собиралась придворная знать, поэты, музыканты. Все присутствовавшие обязаны были по случаю праздника сочинять стихи на китайский манер. Традиция проведения приемов в императорском дворце сохранялась и в последующие столетия. Токугавское правительство утвердило Праздник хризантем (*тё:ё:*) одним из пяти официальных, государственных торжеств (*госэку*: пять традиционных праздников – *дзиндзицу*, *дзё:си*, *танго*, *танабата-мацури*, *тё:ё:*), которые проводятся и по сию пору.

Хризантема по праву занимает первое место в мире среди цветов по количеству выведенных сортов: в Японии выращивают более 5 тысяч видов хризантем: крупных и мелких, с остроконечными или закругленными лепестками, на стеблях или на кустах, белых, желтых, лиловых. Среди них выведены даже такие виды хризантемы, лепестки которых пригодны в пищу. Хризантема изображена на весьма ходовой 50-иеновой монете, что подчеркивает важное значение этого цветка в традиционной и современной культуре Японии.

ОКТАБРЬ – КЛЕН (МОМИДЗИ 紅葉)

Олень в кленах (кленовый олень)	Тандзаку (тандзаку синего цвета)	Карта только с изображением клена	Карта только с изображением клена
--	---	--	--

Октябрь – сезон красных кленовых листьев *момидзи*, время поклонения японцев этому символу осени. В старину данный обычай был связан с осенним праздником урожая в конце 11-го месяца, который со временем трансформировался просто в обычай любования кленами на природе, совершения путешествий на горячие источники и в парки.

Тема осеннего алого клена стала неотъемлемой частью японской культуры и продолжает широко использоваться в литературе и живописи. Японские художники на ширмах и раздвижных перегородках *фусума* любят изображать алые листья клена и сцены созерцания их.

В японской поэтической традиции 10-й месяц по лунному календарю обычно связывался не только с кленами, но и с оленями, поскольку в ту пору по горам бродили олени (более того, в японском языке словом *момидзи* также обозначают сырое оленьё мясо). Как известно, в древности олень считался священным животным в синтоизме, поэтому употребление его мяса в пищу было табуировано [3, с. 106]. Попутно заметим, что сжигание невероятно красивых осенью алых листьев клена долго считалось в Японии тоже запрещенным актом. Во многих японских поэтических антологиях клен и олень являются устойчивым парным сезонным образом. Кленовые листья *момидзи* издавна считались изысканным украшением интерьера дома, их часто преподносят в качестве подарка.

НОЯБРЬ – ИВА
(**ЯНАГИ** 柳) (ДОЖДЬ 雨)

Митикадзэ в ивах (ива и Митикадзэ; Оно Митикадзэ в ивах)	Ласточка в ивах (ива и ласточка)	Тандзаку (Тандзаку красного цвета)	Карта только с изображением ивы (дождь; черт под дождем)
---	--	---	---

Карты, соответствующие ноябрю, часто называют не только «ива», но и «дождь». В ивах живет ласточка, осенью часто гремит гром, льют затяжные дожди.

Художественные образы, имеющие отношение к осенней иве, свидетельствуют о наличии определенной поэтической традиции увязывать наступление холодов с ветром, нещадно терзающим длинные ветви ивы. Наблюдения в природе за ивой и художественное переосмысление ее образа порождало размышления о мирской суете и бренности всего сущего.

С появлением сюжета, отраженного на самой дорогой карте ноября, связана легенда о Оно-но Митикадзэ (Оно-но То:фу:) – знаменитом поэте и каллиграфе X в. О нем сохранилась легенда, повествующая о том, что как-то раз, гуляя в саду под дождем, поэт увидел, как лягушка изо всех сил старается запрыгнуть на ветку ивы, свисающую над землей. Упорство лягушки произвело на него большое впечатление, и, ободренный, он сам воспрянул духом: если уж маленькая лягушка показывает чудеса упорства и настойчивости, то человеку тем более следует всегда неуклонно добиваться своей цели [4, с. 71].

Неслучайно также одна из карт с изображением ивы имеет название «черт под дождем». По народным поверьям, в дождливые темные ночи следует остерегаться бродить около ивняков – в длинных, развевающихся на ветру тонких ветках ивы может притаиться привидение (или оборотень *янаги-баба*), которое, опутывая и обвивая путника своими ветвями, навсегда задерживает его в своих объятиях. Возможно также, что это намек на певичек из чайных домиков, которые своей греховной страстью могли погубить случайных гостей.

ДЕКАБРЬ – ПАВЛОНΙΑ
(**КИРИ** 桐)

Птица феникс (хо:о:) у куста павлонии (павлония и птица феникс)	Желтый цвет в кустах павлонии	Карта только с изображением павлонии	Карта только с изображением павлонии
---	--	---	---

Желтеющие листья павлонии (тунгового дерева) в традиционных представлениях японцев всегда связывались с приходом глубокой осени. Павлония – чрезвычайно ценное и редкостное по красоте дерево, и тот факт, что редкая птица *хо:о:* (феникс) изображена рядом с ним, увеличивает и без того огромную ценность этого дерева. По старинным поверьям считалось, что мифологический феникс поздней осенью любил лакомиться семенами павлонии – раз этот сюжет отражен на одной из карт.

Японские поэты традиционно обращались к образу павлонии, связывая этот символ осени с приближающимся уходом в мир иной: даже без помощи ветра широкие листья павлонии один за другим сами опускаются на землю.

В синтоистской обрядности, посвященной началу нового года, японцы для отпугивания злых духов использовали особый посох *цуэ*, который изготавливали из древесины павлонии. Вероятно, этот обычай имеет китайские корни: в старину китайцы широко использовали древесину павлонии в погребальных обрядах – из нее изготавливали ритуальные статуэтки, траурные посохи и саркофаги. До сих пор из древесины павлонии делают музыкальные инструменты, национальная обувь, а также разные виды мебели.

Цветы и листья павлонии изображены на самой крупной японской монете в 500 иен, что отражает древние представления японцев о благопожелательном символическом значении этого растения в культуре Японии.

Как видно, цветы и деревья для цветочных карт *хана-фуда* выбраны далеко не случайно: на протяжении многих веков все они играют огромную роль в традиционной и современной культуре Японии [5, с. 78–87]. Это в равной мере касается повседневной жизни и традиционных народных праздников, синтоистско-буддийской культовой обрядности, литературы и искусства, – словом, всех тех сфер, в которых отражаются представления японцев о чувственном восприятии четырех сезонов года во всем их многообразии.

В большом числе случаев значение того или иного растения в культурной жизни японцев было предопределено колоссальным комплексом духовных традиций, который унаследовала Япония от Китая в течение многовековой истории контактов этих народов, и под воздействием той роли, которую на протяжении тысячелетий играла китайская цивилизация в культурах сопредельных стран. Творчески переработав и развив за-

Цветочные карты хана-фуда.

имствованные элементы, коллективному гению японского народа удалось создать свой особый мир художественного восприятия действительности.

Оставляя в стороне правила игры в цветочные карты (по ряду критериев они тесно сближаются с азартными европейскими картами), можно прийти к выводу, что содержательная и познавательная сторона японского варианта карт по-своему уникальна. Наряду с азартностью игра в *хана-фуда* предполагает владение культурно-историческим контекстом и знание большого количества обычаев, касающихся материальной и духовной жизни японцев на протяжении нескольких столетий.

В Японии многие игровые традиции (прежде всего, в искусстве чая, цветов и благовоний) связаны с распространением буддизма и его атрибутики. Однако, принимая во внимание синкретический характер мировоззрения японцев, можно утверждать, что в их интеллектуальных развлечениях существенную роль играет и синтоизм. Синтоистские мотивы нашли отражение в игровой практике как проявление культовой традиции и религиозных верований.

Некоторые игры, выходя за границы интеллектуальных развлечений в качестве своеобразного культурного кода, тесно сплетаются со многими сторонами духовной и материальной жизни Японии, формируя то, что можно назвать каркасом культуры нации и даже национальной идеей. Именно в объединяющей роли символов и понятий, на протяжении веков использующихся в повседневном быте и традиционном искусстве японцев, и заключается их национальная идея. Ярким примером этого могут быть цветочные карты *хана-фуда* (а также карты *дзюсюко-фуда* из искусства чая и благовоний), служащих своеобразным «растительным кодом» в культуре Японии в контексте синтоистской обрядности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтишек Е.Э. Происхождение и развитие карт в Японии (анализ и интерпретация традиционных японских карточных игр) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 1 (13). С. 128–139.
2. Маркарян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. М.: Наука, 1990. 247 с.
3. Мещеряков А.Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М.: Наука, 1987. 191 с.
4. Гакусю дзиммэй дзитэн [Учебный словарь имен]. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с.
5. Войтишек Е.Э. Ханафуда – карты четырех сезонов // Восточная коллекция. 2004. № 3 (18). С. 78–87.

ФОЛЬКЛОР

Н.Р. ОЙНОТКИНОВА

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВАРИРОВАНИЯ АЛТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ В УСТНОЙ РЕЧИ

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: sibfolklore@mail.ru

Статья посвящена проблеме варьирования алтайских пословиц в устной речи, в ней выявлены языковые принципы и причины их варьирования. Алтайские паремии в речи, сохраняя основной инвариантный смысл, варьируются на фонетическом, лексическом, морфологическом и композиционно-синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: варьирование пословиц, варианты алтайских пословиц.

Фольклорные тексты в процессе многократного устного воспроизведения варьируются, в результате чего у них появляются различные варианты: локальные (диалектные), фонетические, лексические, синтаксические, композиционные и т.д. Это связано с тем, что устная речь спонтанна. Цель настоящей статьи – выявить закономерности варьирования алтайских пословиц в речи.

Варьирование – естественный способ существования фольклорной традиции, поскольку сам фольклор есть традиция передачи текстов: от самых элементарных (поговорки) до сложных (эпос). Вариативность пословиц обусловлена особыми правилами и законами функционирования их в речи, самим способом их существования как одного из самых массовых жанров устного народного творчества. К вариантам относятся как записи одного и того же фольклорного произведения, сделанные от одного исполнителя в разное время, так и записи, полученные от других исполнителей. Варианты текста считаются принципиально равноценными, но они могут отличаться друг от друга как в частностях образного строя, так и по композиционно-синтаксическому составу, по тематическим и стилистическим особенностям. Они «дополняют друг друга в частностях, представляют одно и то же поэтическое содержание, но либо полно, либо неполно, либо красочно, либо бледно, с тематическими и композиционными подробностями того или иного свойства. Функционально все варианты, различающиеся друг от друга в деталях, выражают общий замысел, характерный для всех них» [1, с. 55]. При значительных отличиях схожих текстов принято объединять их в версии. Признаком версии считается существенное видоизменение

смысла произведения. Анализ вариантов пословичных текстов позволит выявить устойчивость и изменчивость их во времени.

Проблема вариативности пословиц в качестве самостоятельной темы фольклористикой рассматривалась в работах Г.Ф. Благовой [2], Е.В. Жигариной [3]. Она обсуждалась в основном в рамках проблемы вариативности фольклорных произведений вообще в работах В.П. Аникина [1], К.В. Чистова [4] и других ученых.

К.В. Чистов в исследовании проблемы варьирования фольклорного текста видит два основных пути: 1) расчленение процесса варьирования по разным уровням: сюжет, композиция, словесный уровень текста; 2) выделение (на уровне текста) единиц варьирования, разных по объему, и выяснение закономерностей их варьирования [4, с. 81]. Анализ нашего материала проводится в русле проблем, обозначенных в первом пункте. Выделяя все варианты пословиц, мы выявим их закономерности варьирования. Анализ будет верен, если мы его будем вести на основе всей совокупности записей. Необходимо разобрать все случаи изменений, которые сопровождаются появлением вариантов.

Для знатока фольклорной традиции пословицы – как лексикон, извлекаемый из оперативной памяти. У пословичного текста существуют опорные слова и средний смысл пословицы. Варьирование пословиц зависит от того, насколько точно запомнил их носитель традиции. Как правило, точно запоминается основная смысловая часть, а периферийная часть, где пословичное предложение оформляется грамматически и синтаксически, не запоминается, поэтому в речи

образуются варианты. В результате могут возникать ошибочные и окказиональные варианты, например, в пословице: *Салкынду тууда кар жок, / Санаалу кижиде энчү жок* [5] 'На горе, где ветер, снега нет, / Умному человеку покоя нет'; *Салкынду кунде энчү жок, / Сагышту кижиде уйку жок* [6] 'В ветренный день покоя нет, / У умного человека сна нет'.

Во втором варианте вместо лексемы *кар* 'снег' употреблено *энчү* 'покой'.

Вариативность паремии может быть связана как с индивидуальными особенностями памяти исполнителей, так и с ее употреблением в речи носителей разных диалектов, от контекста, применительно к которому она употребляется. В зависимости от коммуникативных задач говорящий может сознательно видоизменить ее. Повторное воспроизведение пословицы является одновременно адаптацией к новому контексту. При этом структура текста может только слегка видоизмениться, а контекст полностью возникает каждый раз заново.

Между вариантами пословиц существуют синтагматические отношения, в которых можно выявить тождественные и различительные (дифференциальные) элементы. Мы вслед за Г.Ф. Благовой отличаем варианты пословицы от синонимической пары пословиц и от пословиц, воспроизводящихся по одной типовой модели [1, с. 47]. Варианты пословицы связаны друг с другом генетически – отсюда у них общие лексическая и морфолого-синтаксическая структуры, общие опорные слова. Пословицы-синонимы и пословицы, воспроизводящиеся по смысловым моделям, отличаются от них в определенных деталях.

Варианты пословицы отличаются от пословиц-синонимов, которые противопоставляются им как генетически не тождественные пословицы. Пословицам-синонимам присуще общее значение, они могут содержать в своем составе одни и те же слова, нередко в качестве таковых выступают синонимы или слова одного семантического поля. В составе синонимической пары такие пословицы различаются своей лексической и морфолого-синтаксической структурой; соответственно, они имеют различную образность.

Синонимичные пословицы наряду с вариантами пословиц объединяются в тематический ряд пословиц, которые в свою очередь входят в тематическую группу. Так, в синонимичной паре пословиц содержатся общие ключевые лексемы, но при этом у них разные лексическая и морфолого-синтаксическая структуры: *Бажың сыймап, адыңа бүтпө, / Чачың сыймап, катыңа бүтпө*¹ 'Голову свою поглаживая, своему коню не верь, / Волосы свои поглаживая, своей жене не верь'; *Жобош деп, адыңа бүтпө, / Карган деп, катыңа бүтпө*² 'Считая смиренной, коню своему не верь, / Считая старой, жене своей не верь'.

¹ РФ автора. Запись 2006 г. Тадышева Маргарита Семеновна, 1940 г.р., с. Улаган Улаганского района.

² Запись 2006 г. Тадышев Будулай, 1941 г.р., с. Балыктуюль Улаганского района.

Между вариантами пословицы и пословицами-синонимами находятся пословицы, которые воспроизводятся по одной типовой модели (при фронтальном изменении лексики). В таких пословицах общая морфолого-синтаксическая структура, но лексика и образность в них отличаются.

Общая смысловая часть пословиц, варьируясь из одной пословицы в другую, а также в их вариантах, становится инвариантным смыслом, характерным для всех них.

При воспроизведении текста по памяти нередко осуществляется его модификация, которая соответствует познавательным стереотипам говорящего. Наше исследование показывает, что алтайские паремии в дискурсе, сохраняя инвариантный смысл, в основном варьируются на поверхностном уровне: фонетическом, лексическом, морфологическом, композиционно-синтаксическом. Для каждого из уровней характерен ряд конкретных приемов. Итак, рассмотрим их более конкретно.

1. Композиционное варьирование. По композиции многие алтайские пословицы представляют собой параллелизмы. Это основной прием построения поэтических произведений устного народного творчества. При композиционном варьировании происходит компрессия, или сокращение объема, пословицы, возникающие в результате экономии средств ее словесного выражения, а также в результате того, насколько точно запомнил носитель языка и фольклорной традиции ту или иную пословицу.

Часто компрессия способствует превращению двухчастной пословицы-параллелизма в метафорическую одночастную. А.Н. Веселовский отмечал, что параллелизм является «видоизменяющейся композиционной формой», служащей основой возникновения ряда других изобразительно-выразительных средств (метафор, символов) [7]. Параллелизмы иногда распадаются, вследствие чего они становятся одночленными. По Веселовскому, одночленный параллелизм возникает там, где «один из членов параллели умалчивается, а другой является его показателем; это *pans pno toto* < лат. 'часть за целое'; так как в параллели существенный интерес отдан действию из человеческой жизни, которая иллюстрируется сближением с каким-нибудь природным актом, то последний член параллели и стоит за целое» [Там же, с. 138].

Параллельные синтаксические структуры в пословице, подвергаясь компрессии, утрачивают вторую часть, и тогда образное значение второй ее части переносится на первую часть, таким образом происходит метафоризация. Вся смысловая нагрузка переходит на ее образную часть. При сопоставлении одной и той же пословицы на алтайском и тувинском языках оказалось, что в алтайских одночастных пословицах произошла утрата их второй части. При этом зафиксировано сокращение их объема, компрессия избыточной информации. В одних случаях исчезает вторая часть пословицы – суждение о чело-

веке, и остается первая, образная часть, которая приобретает метафорический смысл, например:

алт. *Борсук калжанын бодонбос* [5] 'Барсук своей лысины не замечает';

тув. *Борзук калчанын бодонбос, / Боду кижжи жаманын билинбес* [8] 'Барсук о своей лысине не знает, / Плохой человек о своих недостатках не знает'.

Компрессия может сопровождаться и другими грамматическими и синтаксическими средствами. При композиционном варьировании может произойти разрывание пословицы за счет введения дополнительных деталей. При этом во внутренней грамматической структуре происходит изменение форм сказуемых, например: *Чеченинге чет кезип болбозыг* [9] 'Своим остроумием лиственницу не срубишь' (букв.: срубить не сможешь); *Чеченинге чет кеспезинг, / Чегинге туу ашпазын*³ 'Своим остроумием молодую лиственницу не срубишь, / 'Своей добропорядочностью гору не перевалишь'.

В первом примере сказуемое выражено аналитической формой *кезип болбозыг* 'срубить не сможешь' с модальной семантикой невозможности, а во втором примере синтетической формой сказуемого *кеспезинг* 'не срубишь' – с семантикой утверждения.

Перестановка частей двухчастной пословицы может быть обусловлена особенностями памяти исполнителя, тем, как он вспомнит ту или иную пословицу. Например: *Байдан жедер, / Майдан тамар* [6] 'От богатого достанется, / От масла капнет'; *Үстен тамар, / Байдан жедер*⁴ 'С масла капнет, / От богатого достанется'.

Примеров пословиц с переставленными частями в алтайском паремиологическом фонде встречается немного.

2. Синтаксическое варьирование. Изменения могут касаться синтаксических конструкций тогда, когда одна и та же мысль выражается разными типами предложений: простыми или сложными, именными или глагольными. Так, в следующем примере первый вариант имеет форму сложного бессоюзного предложения, выражающего противительные отношения, второй – форму сложного противительного предложения с союзом *je* 'но': *Көс кичү – түбү терен* [6] 'Глаза и малы – / Их дно глубокое'; *Көзи кичинек те болзо, / Je түби онын терен* [10] 'Хоть глаза и малы, / Но дно их глубокое'.

Варьирование может быть связано с эллипсисом одного из членов предложения: *Агын сууны күрле кечер, / Ас улус жөплө жөнер* [9] 'Быстротечную реку по мосту переходят, / Малочисленный народ согласиём победит'; *Агын сууны салла, / Ас улус жөплө*⁵ 'Быструю реку по мосту, / Мало людей согласиём'.

³ Запись 2004 г. Емекеева Эмил, 1932 г.р., с. Хабаровка Онгудайского района.

⁴ Запись 2006 г. Танзаев Лазарь Васильевич, 1930 г.р., с. Саратан Улаганского района.

⁵ Запись 2005 г. Кудачинова Чынды, 1936 г.р., с. Кокаря Кош-Агачского района.

Опущение сказуемого, несомненно, происходит с целью лаконичного выражения пословицы. Так, противительные отношения в одной и той же паремии могут быть выражены разными способами: в первом варианте с именным сказуемым *бол* 'быть', а во втором – без него: *Ажы-тузум ас болды – / Бойым бажым тас болды* [6] 'Хлеба-соли мало стало – / Моя голова плешивой стала'; *Аш ас – бажым тас*⁶ 'Хлеба мало – голова моя плешива [стала]'.

Варианты пословицы могут быть построены разными типами сложного предложения. В первом примере пословица построена в форме сложного определительного предложения, во втором – в форме сложного условного предложения: *Озо келгени от алар, / Кийинде келгени куру калар*⁷ 'Тот, кто раньше придет, огонь получит, / Тот, кто позже придет, пустым останется'; *Озолото – от алар / Сондого – сок калар* [5] 'Опередит – огонь получит, / Опоздает – один останется'.

В синтаксических вариантах пословицы может быть изменена актантно-ролевая структура предложения: *Ардак уул адазына кару, / Эрке кыс энезине кару* [11] 'Баловень сын отцу дорог, / Неженка дочь матери дорога'; *Адазы уулына кару, / Энези кызына кару*⁸ 'Отец сыну дорог, / Мать дочери дорога'.

3. Морфологическое варьирование. В вариантах пословицы могут различаться не только лексемы, но и морфемы слов: формы падежа, числа именного компонента, формы сказуемого. Так, сказуемые в алтайских пословицах могут быть выражены и синтетическими, и аналитическими сложными формами: *Саан ийзе – сүт чыкпас, / Кадап ийзе – кан акпас* [11] 'Доишь – молоко не выходит, / Тычешь – кровь не течет'; *Сайза – каны жок, / Сааза – сүди жок*⁹ 'Тычешь – крови нет, / Доишь – молока нет'.

4. Лексическое варьирование. При лексическом варьировании происходят замены в отдельных словах, и они не затрагивают всей лексической структуры изречения. В вариантах пословицы между их опорными лексемами можно усмотреть различные отношения.

1) Лексические замены, произошедшие по принципу синонимии:

*Көзи жарапты көрүп алганча, / Угы жакшыны талдап ал*¹⁰ 'Чем жениться, выбирая по красивым глазам, / Лучше жениться, выбирая по хорошему роду'; *Бөрү-*

⁶ Запись 2006 г. Орсулова Любовь Алексеевна, 1940 г.р. с. Улаган.

⁷ Запись 2006 г. Чулунова Анисья Трифоновна, 1936 г.р., с. Балыктуюль, Улаганского района.

⁸ Запись 2006 г. Енчинова Ольга Митрофановна, 1927 г.р., с. Улаган.

⁹ Р.Ф. НИИ Института алтаистики Республики Алтай. ФМ 377. Записано К.Е. Укачиной в с. Белтир от информантов Т. Саблаковой 1936 г.р., Л.Б. Барбачаковой 1944 г.р., К.А. Попошевой 1911 г.р., 1985 г.

¹⁰ Запись 2004 г. Акулова Танытпас Николаевна, 1952 г.р., с. Мендюр-Соккон Усть-Канского района.

ги јакишыны көрүп алганча, / Сөдги јакишыны сурап ал [12] 'Чем жениться, выбирая по красивой шапке, / Лучше жениться, выбирая по хорошему роду'.

В первой части вариантов пословицы представлены перифразы со значениями: *көзи јараши* 'красивые глаза' – здесь имеется в виду красивая невеста, *бөрү-ги јакишы* 'хорошая шапка' – богатая невеста, во второй – близкие по значениям синонимы: *ук* 'происхождение, род' и *сөдк* 'род'.

2) Лексические замены между собой бывают связаны родовидовыми отношениями. Так, в следующих вариантах лексема *ан* 'зверь' выступает родовым по отношению к лексеме *элик* 'косуля'; в другой пословице по отношению к лексеме *тон* 'шуба' родовой является лексема *кеп* 'одежда': *Аннын мойнын ок кезер, / Эрдин мойнын јок кезер* [6] 'Шею зверя пуля пробьет, / Шею мужа нищета пробьет'; *Элик мойнын ок кезер, / Эрдин мойнын јок кезер* [11] 'Шею косули пуля пробьет, / Шею мужа нищета пробьет'.

3) Лексические замены лексем могут происходить по принципу контактной близости предметов или расположения. Лексическими синонимами выступают названия частей тела: *арка* 'спина' и *төбө* 'темя': *Јаман ийт аркадан кабар, / Јаман кижии јакадан тудар* [5] 'Злая собака за спину хватает, / Злой человек за воротник хватает'; *Јаман ийт төбөдөн кабар, / Јаман кижии јакадан тудар* [6] 'Злая собака за темя хватает, / Злой человек за воротник хватает'. Эти две разные части тела упоминаются, возможно, потому, что здесь важны соматизмы, которые расположены в затылочной части тела человека.

В следующих синонимичных изречениях ключевые лексемы *јер* 'земля' и *таш* 'камень' также являются взаимозаменяемыми: *Ачынган кускун јер чоккыыр* [11] 'Разгневанный ворон землю клюет'; *Ачуулу кускун таш чоккыыр*¹¹ 'Ворон с горечью камень клюет'.

Лексема *јер* 'земля' заменена на лексему *таш* 'камень', которая употреблена в собирательном значении «камень, песок, земля».

4) Лексическое варьирование в пословице может происходить в результате эвфемистической замены. В этом случае варианты могут различаться лексемами, содержащими стилистическую окраску. Например: *Талдаганы – тас, / Тайанганы – сас* [11] 'То, что выбрал, – лысое, / То, на что опирался, – болото'; *Талдаганы – тап, / Тайанганы – бок*¹² 'То, что выбрал, – камень, / То, на что опирался, – говно'.

В первой части пословицы варьируются лексемы: *тас* 'лысый' и *тап* 'камень', – которые ассоциируются друг с другом на основе признака «гладкий», т.е. здесь имеется в виду такая поверхность, где отсутствует какая-либо растительность. Во второй части пословицы варьируются лексемы *сас* 'болото' и *бок* 'говно' на основе общего признака «неприятное место».

5. Диалектное варьирование. Фонетические варианты чаще всего представлены в диалектных вариантах пословиц, поэтому мы эту разновидность варьирования особо не выделяем и рассматриваем в рамках диалектного варьирования.

При сопоставительном анализе современных алтайских пословиц, зафиксированных в речи жителей южных районов Горного Алтая – алтай-кижи, теленгитов, телеутов, оказалось, что они присутствуют и в речи носителей северных диалектов – челканского и кумандинского диалектов. При этом у них имеются некоторые диалектные, а именно, фонетические, морфологические и лексические отличия, которые не влияют существенно на смысл пословиц. Так, к примеру, в челканских пословицах в начале слова употребляется среднеязычный сонорный звук *нь*, которому в алтайском языке соответствует *ј*, например: алт. *Јаман кадыт јанарыла коркыдар, / Јаман эр өлөриле коркыдар* [5] 'Плохая жена своим уходом пугает, / Плохой муж своей смертью пугает'; челк. *Ньемен каат ньанатаныла каадаар, / Ньемен эр өлөтөниле корыктырар* [13] 'Плохая жена своим уходом грозит, / Плохой муж своей смертью пугает'.

В пословицах на челканском диалекте аффикс сравнительного падежа имеет вариантные формы =*жи*, в алтай-кижи =*ча*, вместо *ч* в челканском употребляется звонкий *ж*, например: челк. *Такишы аш артканжи, ньемен иш тьарылзын* [Там же]; алт. *Јакишы курсак артканча, јаман ич јарылзын* [11] 'Чем хорошей пище пропадать, пусть лучше плохое пузо лопнет'.

Некоторые алтайские пословицы полностью совпадают с пословицами тувинцев, хакасов, шорцев, что свидетельствует о близких языковых и культурно-исторических контактах этих соседних этносов, о существовании в прошлом общетюркского паремиологического фонда.

Итак, алтайские пословицы в процессе многократного устного воспроизведения в течение времени варьируются, в результате чего у них появляются различные исторические, локальные (диалектные) варианты, в которых присутствуют фонетические, лексические, грамматические, синтаксические, композиционные отличия. Появление фонетических вариантов обусловлено произношением этих текстов в речи, а лексических, грамматических и синтаксических – зависит от самых разных факторов: от наличия синонимических средств замены, от владения языком, от особенностей памяти говорящего. Несмотря на формальные изменения в этих текстах, их содержание остается всегда неизменным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. 2-е изд. доп. М., 2004. 432 с.
2. Благова Г.Ф. Пословица и жизнь. Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Восточная литература РАН, 2000. 222 с.

¹¹ Запись 2004 г. Белешева Дыламаш, с. Хабаровка Онгудайского района, 1929 г.р. Запись 2004 г.

¹² Запись от того же информанта.

3. Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 15 с.
4. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
5. Алтайские пословицы и поговорки / Сост. С.С. Суразак. Горно-Алтайск, 1956. 42 с.
6. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований. М.: 1893. С. 217–237.
7. Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 101–154.

8. Тувинские пословицы и поговорки / Сост. М. Хадаханэ, О. Саган-Оол. Кызыл, 1966.
9. Алтай албатынын чүмдү сөстөри / Сост. Т.С. Тюхтенев, Г.Д. Голубев. Горно-Алтайск, 1962. 36 с.
10. Календарь / Сост. С. Танытпасов. Горно-Алтайск, 2003. 754 с.
11. Алтай кеп-сөстөр / Сост. Л. Кокышев. Горно-Алтайск, 1959. 56 с.
12. Кудачинова М.С. Элдин эрине сөстөри. Горно-Алтайск, 2005. 118 с.
13. Алтайский фольклор / Сост. Е.П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1988. С. 208–210.

Ю.В. ЛИМОРЕНКО

ОНОМАСТИКА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ В СЕРИИ «ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРНА РОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

канд. филол. наук,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: folklor@ngs.ru

В статье рассматриваются способы отражения имен персонажей в русских переводах фольклорных текстов, издаваемых в томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Имена и прозвища персонажей могут транслитерироваться или переводиться (полностью или частично) в зависимости от их семантики, а также их связей с сюжетом текста и фольклорной традицией.

Ключевые слова: перевод фольклора, издание фольклора, ономастика, семантика имени.

Статья посвящена анализу способов передачи ономастики в русском переводе произведений устного народного творчества сибирских этносов.

Вопрос о передаче личных имен, прозвищ и других обозначений персонажей в томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» решается неоднозначно. Во многом его решение зависит от специфики конкретных текстов, от состава и формы имен. За годы работы над серией в этой области накоплен богатый опыт. В большинстве случаев имена персонажей остаются в русском тексте без перевода, даже если имя имеет прозрачную этимологию. Это позволяет избежать излишней русификации текстов, появления в них имен, подобных именам индейцев в романах о Диком Западе; русский читатель имеет возможность увидеть имена персонажей так, как они звучат в национальном языке, познакомиться с ономастикой других народов.

В произведениях фольклора можно выделить две группы личных имен. Первая – это имена, которые имеют устоявшееся написание, закрепившееся в научной литературе по этнографии и фольклору, в мифологических энциклопедиях, иногда и в художественной литературе. Как правило, это имена мифологических персонажей: божеств, духов-покровителей и т.д. Следуя данной традиции, авторы серии сохраняют в томах принятое написание этих имен. Вторая группа имен – имена всех прочих персонажей, не имеющие традиционного, устоявшегося русского написания. Эта

группа наиболее интересна с точки зрения способов передачи в переводе.

В изданиях народного эпоса имена героев традиционно передаются транслитерацией, буквальное их значение (если оно известно) обычно дается в комментариях к текстам. Разнообразные постоянные эпитеты героев, как правило, переводятся. Эта традиция идет еще от первых изданий эпических текстов и сохраняется в томах серии, посвященных эпическим произведениям*.

См.: *Эвенкийские героические сказания* / Сост. А.Н. Мыреева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); *Бурятский героический эпос* / Сост. М.И. Тулоханов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 312 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); *Якутский героический эпос*. Кыс Дэбилэй. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); *Якутский героический эпос*. «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10); *Тувинские героические сказания* / Сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1997. 584 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12); *Алтайские героические сказания*. Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. 668 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15); *Хакасский героический эпос* / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил.

Прозаические фольклорные тексты нередко требуют других подходов к этой проблеме. Несколько томов серии, посвященных прозаическим фольклорным жанрам, дают примеры разных способов передачи имен. Рассмотрим основные варианты отражения имен:

- имя остается без перевода, транслитерируется, а его перевод и толкование помещаются в Указателе персонажей;

- имя переводится полностью; обычно это не личное имя персонажа, а прозвище с ясно выраженной семантикой. Нередко эта семантика связана с содержанием текста, в котором действует персонаж;

- составное имя передается частичным переводом: эпитет или прозвище переводятся, а личное имя транслитерируется (подробнее о переводе составных имен см.: [1]).

Ниже мы рассмотрим, как решен вопрос о передаче ономастики в четырех последних по времени выхода томах серии, включающих в себя прозаические тексты.

В томе «Якутские народные сказки» [2] встречаются все три способа оформления имен. Самый частый метод – **транслитерация**. Во-первых, транслитерируются имена, этимология которых неясна или недостоверна: **Лыыбара** – имя, этимология которого указана предположительно: «возможно, от *лыыба* – мелкая рыба» [Там же, с. 425]; персонаж – рыбак; **Тээп-Тээп** – имя старика, этимология неясна; **Ньыы-Ньыы** – имя старушки, по-видимому, образовано от звукоподражания с неясным значением [Там же, с. 426]. Во-вторых, транслитерацией передаются имена божеств, так как они имеют принятое в этнографической литературе написание: **Айыысыт, Джёсё-гёй, Байанай** и др. В-третьих, транслитерацией передаются некоторые имена, значение которых можно истолковать: **Таал-Таал** – имя старушки (от як. *таал* – селезёнка [Там же, с. 427]); **Тээлэй** – также имя старушки (от як. *тээлэй* – гриб [Там же]), **Хоп-Джин** – имя женщины (як. *хоп-дын* – аккуратный [Там же]); **Бэйбэрикээн** – имя старушки («*бэйбэрикээн* от *бэй-бэрий* ‘ходить короткими, но быстрыми шагами, касаться ногами, семенить’» [Там же]); **Сэбирдэх Түөс** (Сэбирдэх Түөс) – букв. «лиственная грудь» [Там же, с. 426]; **Симээхсин** – имя старушки, встречающееся в эпосе и сказках (буквального перевода в томе сказок не дается, хотя в томе «Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготок» указано, что имя происходит от як. *симэхсин* – ‘гнилое дерево’ [3]).

Переведенных полностью имен намного меньше, чем транслитерированных. **Заячий Хвост** (*Куо-*

бах Кутуруга) – имя старика; **Господин Месяц** (*Ый Тойон*), **Господин Плеяд** (*Ургэл Тойон*), **Господин Солнце** (*Күн Тойон*), **С Лунным Светом Шаманка** (*Ыйдыналаах Удаһан*), **С Плавной Походкой Шаманка** (*Күөгэл Удаһан*), **Пугливая Шаманка** (*Ургүүк Удаһан*) – волшебные персонажи. **Айыы Жаворонок** (*Айыы Күөрэгэй*), **Айыы Птенчик** (*Айыы Далбарай*) – жены главного героя. Все эти имена можно считать не столько личными именами, сколько прозвищами; тогда решение перевести их вполне очевидно.

Частичный перевод встречается реже всего и применяется к именам, состоящим из двух и более компонентов. В томе найдено только два имени, переданных подобным образом: **Славный Юджюэн** (*Үчүгэй Үдүйэн*) («*үөдүйэн* от *үөдүй* ‘пускать ростки, расти, произрастать, происходить, возникать, возрождаться’... в данном случае имеет значение «хороший росток» [2, с. 426]); **Худой Ходжугур** (*Куһаһан Ходьугур*) («*ходьугур* – звукоподражание, обычно употребляется, когда человек, быстро, но внятно говорит» [Там же, с. 427]). Та часть имени, которая играет роль эпитета, переводится, а личному имени дается толкование в Указателе персонажей.

Отдельно нужно отметить, что русские по происхождению имена передаются в традиционной русской форме: **Николай** (*Ньукүлай*), **Иннокентий** (*Эгизн-тэй*), – хотя их якутское произношение отличается от русского.

В томе «Фольклор юкагиров» [4] основной принцип передачи имен – транслитерация: **Кулитчан** (*Кулитчаан*), **Ламадо** (*Лаамэдуо*) и т.д. Частично переведенное имя в томе встречается всего одно: это **Дедушка Огонь Мэру** (*Хайчиэ Лачин Мэруу*). Поскольку он не является мифологическим персонажем с устоявшейся формой имени, авторы сочли возможным перевести два из трех компонентов его имени. Том юкагирского фольклора дает и несколько уникальных примеров передачи имен. Так, имя персонажа **Пэлдудиз** в одном из текстов транслитерировано, однако в комментариях в этом тексте дается буквальное значение имени: «старик» [Там же, с. 470]. Компонент *пэлдудиз* входит в состав другого имени – *Сэмтэнэй-пэлдудиз*, переданного как **Сэмтэнэй-старик**. В томе встречаются и имена, полностью или частично образованные от русских слов: **Бисерная Борода** (*Бисер-Борода*), **Червь-Оплетай** (*Кэлидьэ-Оплетай*); русские компоненты в таких именах остаются неизменными, юкагирские – переводятся.

В томе «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [5] имена большинства персонажей – это более или менее развернутые их описания. Основанием для наименования персонажа может быть его возраст, общественное положение, внешность, происхождение, функция и другие признаки. Поэтому практически все имена, кроме имен мифологических персонажей, переведены. **Белый-Ворон** (*Яңк-Хулах*) – мифический помощник людей; **Ворона-С-Бусами-На-Ушах** (*Сакң-Пальпа-УринЖва*) – девушка; **Поварешка** (*Тай-рись*) – мужчина, муж героини; **Восточный-Ветер**,

В.Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16); *Шорские* героические сказания / Вступ. ст., подгот. поэтического текста, пер., коммент. А.И. Чудоякова; музыковедч. ст. и подгот. нотного текста Р.Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

Восточный-Ветер-Господин (*Холы-Вѳт, Холы-Вѳт-Ойка*) – сказочный персонаж; **Мансийский-Мужчина** (*Маньси-Хум*) – победитель чудовищ; **Сиротка** (*Савалап-Агирись*) – девочка – персонаж сказки.

Мифологические персонажи, такие как божества, духи-покровители, называются так же, как в мансийских текстах: **Нѳр-Ойка** (*Нѳр-Айка*) – дух-покровитель (букв.: «Владыка гор»); **Тяка-Акв** (*Тѳка-Акв*) (букв.: Бабушка, дух огня), **Пакв-Посы-Войкан-Отыр** (*Пѳкв-Пѳсы-Войкан-Отыр*) – дух-покровитель (букв.: «Светлый, как ядро ореха, богатырь») и т.д.

Тексты, которые ранее публиковались на русском языке в других изданиях, иногда дают транслитерированные варианты имен там, где по нормам Серии требовался бы перевод. Так, имя **Тирп-Нѳлп-Эква** (*Тирп-Нѳлп-Эква*), буквально означающее «Женщина-С-Коростой-На-Носу», впервые появляется в тексте «Священная сказка о возникновении Земли», который уже был опубликован на русском языке в книге «Мифы, предания, сказки хантов и манси» [6]. Воспроизводя текст по этому изданию, авторы тома сохранили написание имени, поэтому и в других текстах тома, где встречается этот персонаж, ее имя передается так же. По аналогии с Вороной-С-Бусами-На-Ушах героиню можно было бы именовать Женщиной-С-Коростой-На-Носу, но, чтобы не вносить путаницу, имя сохранено в том виде, в каком оно впервые появилось в русском издании текста. Этот принцип не всегда выдерживается последовательно. Так, в тексте «Священная сказка об Эква-Пыгрисе» присутствует имя **Царь-Воды** (*Вит-Хѳн*), однако в тексте «Священная сказка о возникновении Земли», о котором уже говорилось выше, тот же персонаж назван **Вит-Хон**, а его дочь – **Дочь-Вит-Хона** (*Вит-Хѳн-Аги*).

В томе «Фольклор ненцев» [7] большинство персонажей имеют не одно, а множество имен и обозначений. Чтобы передать различия всех этих вариантов наименований, они переводятся. Приведем только два примера полных списков имен персонажей: **Восьмиухая-Медведица-Мать, Восьмиухая-Старуха, Его-Восьмиухая-Медведица-Мать, Восьмиухая-Мать, Его-Медведица-Мать, Бабушка, Восьмиухая-Бабушка, Старуха, Зверь, Объект-Охоты, Солнцеликая-Женщина, Медведица, Конь, Восьмиухая-Его-Бабушка-Старушка** (*Синдитет-Хавота-Варко-Небя, Сиднитет-Хавота-Пухутя, Сиднитет-Хавота-Варк-Небяда, Синдитет-Хавота-Небяда, Варк-Небянда, Хадада, Синдитет-Хавота-Хадада, Пухутя, Ханеда, Ханеда-Таня, Хаерадм'-Сядота-Не', Варкѳэ, Юнанэ, Синдитет-Хавота-Пухутя-Хадана, Синдитет-Хавота-Варк*) – мифологический персонаж, праматерь медведей; **Дитятя, Мальчик, Ребенок-Старухи, Противный-Ребенок, Ребенок, Ребенок-Старика, Сын, Единственный-Ребенок, Мужчина, Русский, Стройный-Беленький-Русский, Яв-Мал** (*Нюндя-Ня, вар.: Ня', Хасава-Натекы, Пухутя-Ню, вар.: Пухутя-Хасава-Ню, Натекэя, Натекы, Вэсако-Ню, Хасава-Нюди', Цопой-Нюмд, Хасава, Луса,*

Ябтако-Сэр''-Лусаѳэ, Яв'-Мал) – из всех имен персонажа не переводится только одно, личное – **Яв-Мал**.

Отдельные имена, которые можно считать личными, также остаются без перевода, часто – в составе более сложных, составных имен: **Тирний-Вэсако** – букв.: «Вселенский-Старик»; **Яндэхэ-Вэсако** – букв.: «Старик-Нижнего-Мира»; **Пангдѳ-Хозяин** (*Пангдѳ-Ерв*); **Сяндѳ-Евалѳ** и др.

Таким образом, основные принципы передачи ономастики в томах Серии можно сформулировать так:

– имена традиционных мифологических персонажей, божеств, духов и т.д. транслитерируются с учетом того, что в литературе существует устойчивая традиция их оформления (**Айыысыт, Нуми-Торум**);

– личные имена персонажей, не связанные с мифологическим содержанием, транслитерируются, причем если имя составное, то относящиеся к нему эпитеты, уточнения, приложения и другие характеристики могут переводиться;

– имена, описывающие какие-либо признаки персонажей, или прозвища переводятся, кроме редких случаев, связанных с трудностями поиска эквивалента.

Работая над томом «Мифы, легенды и предания тувинцев» [8], редакторы столкнулись с рядом проблем при передаче имен и прозвищ персонажей. Обилие у персонажей прозвищ (часто при неизвестном настоящем (личном) имени) – характерный признак тувинских легенд и преданий.

Имена мифологических персонажей, таких как Чингис (Кезер-Чингис), транслитерированы, буквальный перевод этих имен дается в Указателе персонажей.

Все же остальные имена можно разделить на три группы: собственно личные имена, имена, сопровождаемые прозвищами, и самостоятельные прозвища.

Личные имена в свою очередь подразделяются на подгруппы:

– имена, у которых имеется прозрачная этимология и ясное значение: **Чылбак-кыс** – букв.: «Грязная-девушка» (имя богатыря), **Кара-Начын** – букв.: «Черный-Богатырь» (имя борца), **Багай-Кара** – букв.: «Бедный-Черный» (имя старика-гадателя), **Кадарчы-Кара** – букв.: «Пастух-Черный» (имя старого пастуха) и др.;

– имена, у которых значение не определяется: **Дугур, Сожул, Самбажык, Чалзан, Чалаа** и др.

Если речь идет о личных именах, в русском тексте их перевод не дается – эта традиция сохраняется с первых томов серии и принята по причинам, названным выше. Все имена, значение которых прозрачно, сопровождаются буквальным переводом в словаре имен персонажей. Например, статья об имени **Кара-Начын** в словаре выглядит так: «Кара-Начын (*Кара-Начын*) – имя силача, букв. «Черный богатырь» 93*».

*Цифра в конце предложения обозначает номер текста, в котором встречается данный персонаж.

Имена, сопровождаемые прозвищами, часты в текстах тома: **Ловун-гадатель** (*Ловун-Чурагачы*), где **Ловун** – собственное имя ламы, а **гадатель** – прозвище; **Моортай-кузнец** (*Моортай-Дарган*); **травница Шагаамай** (*Отъчу-Шагаамай*), **силач Куваанды** (*Мөгө Куваанды*), **Чааран-шаманка** (*Чаараң-хам*) и др. В тувинских текстах прозвища-приложения пишутся с прописной буквы, как и имена, в русском переводе от такого написания отказались, поскольку прозвища в этом случае указывают на профессию, род занятий или свойство персонажа и не требуют обязательного написания с прописной буквы. Дефис между именем и прозвищем в русском написании сохранен в тех случаях, когда прозвище следует за именем (**Моортай-кузнец**). Если прозвище стоит перед именем (**травница Шагаамай**), дефис в русском написании не ставится.

К прозвищам такого типа мы относим и названия чиновничьих званий и должностей, которые, согласно тувинской традиции, прикрепляются к имени. Примеры: **Бургут-чангы** (*Бүргүт-чаңгы*), **Шокар-хунду** (*Шокар-хүндү*), **Амбын-нойон** (*Амбын-нойон*); *чангы* (кит. *цзанги*), *хунду* – чиновничьи звания в феодальной Туве, *нойон* – высокая административная должность.

Прозвища, заменяющие персонажам личные имена, очень разнообразны и встречаются часто. Они никак не связаны с личными именами персонажей; во многих случаях личные имена просто не названы, неизвестны. Примеры: **Мёге-Кадай** (*Мөгө-Кадай*) – прозвище, под которым известна героиня, буквально означает ‘Могучая Женщина’; **Борбак-Сат** – прозвище героя, настоящее имя которого не названо, букв.: ‘Круглый Сат’ (из тувинского рода Сат). Относительно передачи таких прозвищ составители и редакторы тома долго не могли прийти к единому мнению. Решение, которое принято сейчас, предусматривает передачу этих прозвищ без перевода – в противном случае они будут звучать «по-индейски». В указателе имен персонажей все они подробно прокомментированы, там же даются и их буквальные переводы.

Несколько другой подход был предложен по отношению к прозвищам, происхождение которых напрямую связано с содержанием текста. Например, персонаж по имени **Хургулек** (*Хүргүлек*), став свидетелем казни героя-повстанца, забирает себе его *тон* (верхнюю одежду). *Тон* испачкан кровью, она пачкает коня Хургулека и пятнает его самого. За это он получает в народе прозвище, которое по-тувински звучит как *Шылба-Хургулек*. Слово *шылба* означает «цвет крови»; таким образом, прозвище очень красноречиво характеризует и самого Хургулека (в тексте он называется «ненасытным-жадным Хургулеком» – *чилбичазый Хүргүлек*), и отношение к нему народа, сочувствующего повстанцам. Поэтому при переводе текста этого предания было решено перевести это прозвище как **Кровавый Хургулек**. Личное имя персонажа при этом, конечно, остается без перевода.

Другой неоднозначный случай: герой, зачарованный волшебной музыкой, проводит в пещере не день, а многие годы, как Рип Ван Винкль. Вернувшись в свой *аал*, он видит, что остался одиноким и нищим – без дома, без семьи, без потомков. От горя герой постарел, поседел, у него выросла белая борода. За это люди прозвали его **Ак-Сал** (букв. ‘Белая-Борода’). Это прозвище говорит не только о внешности героя, но и о почтении, с которым к нему относятся окружающие. Встретившись в пещере со сверхъестественным существом, герой научился играть на *игиле* – музыкальном инструменте, дотоле неизвестном людям. За искусную игру, пение и сказывание сказок героя любили и почитали: «Его всегда особо на праздники-торжества приглашали. [Когда он] в *аал* приходил, [его] встречали-почитали, угощали-кормили, его сказки по несколько дней подряд слушали» (текст № 34). Как видим, прозвище героя значимо для сюжета мифологического рассказа. Таким образом, в русском тексте его можно было бы перевести как **Белобородый** или **Седобородый**.

Третий любопытный случай возникновения прозвища связан с персонажем по имени **Бургут-чангы** (о прозвище *чангы* говорилось выше). По ходу событий он получает прозвище **Кара-Манчы** за то, что напоил гостя черным (без молока) чаем. Перевод прозвища в этом случае осложнен тем, что слово *манчы* в тувинском литературном языке и в диалектах имеет разные значения. Так, первое его значение в литературном языке – «маньчжур», тогда как в диалектах это слово означает «чай». К маньчжурам персонаж предания не имеет отношения, чай же напрямую связан с содержанием текста; однако если передать прозвище как «Черный Чай», высокая метафоричность полученного перевода выглядит неестественной в русском тексте.

Таким образом, учитывая опыт издания томов серии и ономастическую специфику конкретных текстов, можно предложить следующие способы передачи имен:

- имена мифологических персонажей, имеющие традиционное написание в научной литературе, транслитерируются в соответствии с этой традицией;

- имена персонажей с прозрачной семантикой могут переводиться в случаях, если они играют роль прозвищ, а также в некоторых других случаях, не поддающихся систематизации. Имена, которые играют роль личных, хотя по происхождению являются прозвищами, остаются без перевода.

- частичный перевод имен используется в случаях, когда имя состоит из нескольких частей, одна из которых может считаться личным именем, а остальные – приложениями, эпитетами или прозвищами. В этих случаях личное имя транслитерируется, остальные компоненты имени переводятся;

- прозвища, чье происхождение связано с содержанием текста, по возможности переводятся, чтобы читателю была ясна эта связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиморенко Ю.В. Составные имена персонажей эпоса: аспекты перевода // Народная культура Сибири: Материалы XVI науч. семинара-симпозиума Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. Омск: Изд-во «Амфора», 2007. С. 97–101.
2. Якутские народные сказки / Сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухомлева и др. Новосибирск: Наука, 2008. – 462 с.; ил. + компакт-диск. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).
3. Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).
4. Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. М.: Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).
5. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
6. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н.В. Лукина; под. ред. Е. Новик. М.: Вост. лит., 1990. С. 258–272.
7. Фольклор ненцев / Сост. Е.Т. Пушкарева, А.В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.; ил., фото, ноты, компакт-диск. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 23).
8. Мифы, легенды и предания тувинцев / Сост. Д.С. Кулар, З.Б. Самдан, Н.А. Алексеев, Ж.М. Юша; ред. перевода С.П. Рожнова, Ю.В. Лиморенко при участии А.А. Гриневич (рукопись в печати).

Е.И. ЖИМУЛЁВА

ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ДУХОВНЫХ СТИХАХ О РАССТАВАНИИ ДУШИ С ТЕЛОМ

кандидат искусствоведения, младший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: zhimul@ngs.ru

В статье рассматриваются народные представления о посмертной жизни, присутствующие в текстах духовных стихов. Охарактеризованы структурные и содержательные особенности текстов о расставании души с телом, вопросы функционирования их в народной культуре, влияние конфессионального фактора (старообрядчества) на эсхатологические представления носителей традиции. Работа выполнена преимущественно на современном сибирском и западно-русском материале.

Ключевые слова: духовные стихи, похоронно-поминальные обряды, народные представления о загробной жизни.

Проблемы эсхатологии – учения о конце мира и загробной жизни, волновали сознание русского народа на протяжении многих столетий. Свое многообразное отражение эта тема нашла как в книжной рукописной традиции [1], так и в устном народном творчестве: сказках [2; 3], рассказах о посещении душой того света – *обмираниях* [4; 5] и музыкально-поэтических произведениях – духовных стихах. Известно, что в течение многих столетий духовные стихи, содержащие описания посмертного существования души, формировались под влиянием книжной традиции, включающей апокрифы, «слова», жития и поучения [6, с. 247]. При этом, функционируя в рамках фольклорной традиции, эсхатологические сюжеты, образы и мотивы подвергаются заметному переосмыслению под воздействием народного мировосприятия.

В русском народно-поэтическом творчестве присутствуют разнообразные по названиям духовные стихи, в текстах которых повествуется о посмертной жизни. «Вопросы о последних днях мира и будущей жизни затрагиваются и развиваются не только в стихах, специально назначенных изображению этих событий, как-то: «О Страшном Суде», «О Втором пришествии», «О нынешнем веке и будущем», «О вечной муке»; но

и во многих других стихах, которые имеют другой предмет, например: «Прощание души с телом», «О грешной душе», «О Михаиле Архангеле», «О грешной рабе и ее праведной дочери», «О грешных» [6, с. 71]. Изучая эсхатологическую тематику, исследователи чаще всего обращаются к сюжетам большой эсхатологии, т.е. к стихам о Страшном суде и конце мира [6; 7 и др.], поскольку подобные тексты богаты развернутыми, красочными описаниями картин Второго пришествия и посмертной участи праведников и грешников. В то время как малая эсхатология (суд над душой отдельного человека, происходящий сразу «по исходе души от тела») сконцентрирована преимущественно в текстах, повествующих о смерти и прощании души с телом, плаче грешной души и т.п.

В настоящей статье предпринимается рассмотрение особенностей воплощения образов малой эсхатологии в стихах о расставании души с телом, зафиксированных преимущественно в конце XX – начале XXI вв. Материалом исследования в первую очередь послужили современные полевые опубликованные и неопубликованные записи. Привлекались также отдельные образцы, записанные отечественными собирателями фольклора в XIX – начале XX вв.

В научной литературе существуют разные точки зрения на то, какой книжный сюжет явился первоисточником для стихов о расставании души с телом. По мнению В. Сахарова, на появление подобных текстов большое влияние оказало «Слово о поднебесных силах» Авраамия Смоленского [6, с. 186–189]. Ф. Батюшков, полемизируя с В. Сахаровым, находит истоки указанного сюжета в апокрифе «Видение апостола Павла» [8, с. 130], датированном III в. и известном на Руси примерно с XIV в. [9, с. 28]. В начальном разделе апокрифического сказания повествуется о прославлении ангелами души умершего праведника и вознесении ее в рай, а затем об осуждении преступной души грешника и ввержении ее «во тьму кромешную». Мотив разговора души с телом присутствует в «Надгробных песнях» Ефрема Сирина [8, с. 131].

При всем разнообразии вариантов рассмотренные нами фольклорные тексты стихов строятся по определенной, четкой схеме. Открывается стих повествованием рассказчиков об увиденном ими событии – *диве дивном*: смертном часе человека, исходе души от тела. Изредка в качестве вступления присутствуют покаянные строки: *Проспали мы, продремали мы всё Царствие Небесное*. Как правило, в начальном разделе стиха звучит вопрос: *Где вы были, что видели?* Затем следует центральная часть стиха – прощание души с телом, чаще всего выраженное в вопросо-ответной форме, нередко со взаимными укорами друг к другу, и заключительный фрагмент – указание последующего посмертного пути каждого из участников беседы. Завершают стих сокрушения души о несправедливо проведенной жизни, перечисления грехов и описания грядущего воздаяния за все содеянное.

Рассмотрим в первую очередь стихи о расставании души с телом, зафиксированные в различных частях Сибири. Эти образцы были записаны фольклорными и музыкально-археографическими экспедициями в 1990–2000-е гг. в Новосибирской и Омской областях, Красноярском и Алтайском краях, в Республике Алтай, а также на территории Восточного Казахстана, ранее относившейся к сибирскому региону; всего десять текстов¹.

Для анализа композиционных особенностей стихов были составлены таблицы сравнения сюжетных мотивов имеющихся образцов. Результатом анализа явился вывод о том, что структурно сибирские варианты очень близки схеме, описанной выше, т.е. сами

строятся достаточно схематично. Как правило, тексты начинаются с обращения к голубям. Голуби вступают в беседу (предполагается, что в беседу вступает сам исполнитель стиха, вопрошающий голубей. В одном случае эту функцию выполняет «Сам Господь Бог»), при этом в половине случаев выясняется, что под видом голубей явились ангелы-хранители. В ответ на вопрос: *Вы где были, что вы видели?* ангелы рассказывают, что они были *на том/белом/вольном свете, на расстаньще/на ристаньще/на Росстань-горы, у души грешной* и видели *диво дивное*, т.е. как душа с телом *расставалась*.

Далее повествуется о самом моменте «расставания и прощания», душа при этом *слезно/горько плачет*, в некоторых образцах душа *на тело обижалась*, говоря при этом: *Я в тебе прожила, как во тьме пробыла* или же душа и тело предъявляют друг другу взаимные обвинения в *неуважении* и недостатке терпения.

Центральный раздел текста представляет собой беседу души и тела, в процессе развертывания которой обозначается дальнейший путь каждого ее участника. По окончании земной жизни тело *в гроб кладут/в сыру землю*, душе же предстоит либо *Страшен Суд/Суд праведный/на Суду стоять, крепкой ответ держать/на ответ идти, ко Господу с покаянием/перед Богом стары грехи раскрывать*, либо сразу без суда *в муку вечную/в ад кромешный/в смолы кипеть*; мотив Божьего Царства для добрых душ обнаружен нами лишь в одном тексте.

Как правило, отправляясь на Суд, душа заранее осознает невозможность своего оправдания: *Мне ответ-то держать, у меня добрых дел нет*. В некоторых случаях присутствует перечисление грехов, в первую очередь касающихся невыполнения христианских и общечеловеческих норм поведения (непосещение храма, непочитание родителей). В заключительном разделе в двух текстах появляются укоры грешной души родителям за то, что те не воспитали своих детей должным образом:

*А увы-та, увы, отец с матерью
Вы на што, на што нас породили,
Добру-та делу нас не учили.*

Высказываются также упреки и по отношению к самим родителям, поскольку те *В Божий храм-то вы, вы не хаживали, Божью заповедь вы не учивали*. В то же время осужденные души признают и свою вину: *А мы, дети, вас не слушали, а мы сами себя в муку посылали*.

Изредка встречается мотив поиска душой своего места на том свете: *Полетела душа да на восход солнца* или же: *Глянула душа в праву сторону*. Соответственно этим ориентирам, местонахождение рая мыслится на востоке и *в правой стороне*, ад же, по народным представлениям, расположен *на закате солнца* (на западе) и *на левой стороне*.

В более полно сохранившихся текстах присутствуют описания рая:

¹ Привлекаемые для написания статьи духовные стихи были записаны участниками экспедиций Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки (руководители Н.В. Леонова, Т.Г. Федоренко), Новосибирского областного центра фольклора и этнографии (руководители А.Р. Каримов, О.А. Кайманакова), фольклористом Е.П. Малаховой, студентами фольклорно-этнографического отделения Новосибирского областного колледжа культуры и искусств Н. Балакиной, Е. Денисовой. В настоящее время записи хранятся в архивах вышеперечисленных заведений и личных архивах собирателей. Автор выражает благодарность всем собирателям фольклора, предоставившим указанные материалы. Опубликованные тексты содержатся в [10, с. 449; 11, с. 125, 126].

*Там раи стоят растворенные,
Там птички поют, птички райские.
Они песни поют херувимские,
Херувимские, серафимские.*

Вид блаженной обители вызывает у души слезы, поскольку она понимает, что жизнь в раю уготована не для нее. И действительно, далее в тексте одного из стихов говорится: *не дали душе даже к раю подойти, в Божий рай зайти.*

Описания преисподней встречаются в текстах чаще, в некоторых случаях они охарактеризованы достаточно ярко и зримо:

*Где огни-то горят неугасимые,
Где червяк-то кишит, неутыляется,
Где смола-то кипит, аки гром гремит.*

Или:

*Там котлы стоят растворенные,
Там костры горят всё кипучие.*

В целом же можно сказать, что в рассмотренных нами сибирских вариантах стиха господствует как бы заранее предопределенное пессимистичное решение участи человеческой души на том свете, осуждение ее на вечную муку. При этом постоянно акцентируется мотив ее греховности, и, как следствие этого, невозможность достижения Небесного царства.

Перечисленные особенности сибирских текстов, а также определенная назидательность, присутствующая в них, на наш взгляд, во многом объясняются тем обстоятельством, что большинство из них записано либо непосредственно от приверженцев «старой веры», либо, по-видимому, было заимствовано православными от старообрядцев. Суровость суда над душой, подробные описания загробных мучений, нравоучительный характер текстов особенно свойственны эсхатологическим представлениям «хранителей древлего благочестия» [12, с. 40, 41].

Мысль о своеобразии осмысления в стихах эсхатологической тематики, формирующегося под влиянием конфессионального фактора, подтверждают некоторые известные нам записи, выполненные от старообрядцев Архангельской и Нижегородской областей (по два текста из каждой области) [13, с. 357–359; 14, с. 210–212]. В указанных образцах также достаточно ярко проявляется обозначенная назидательная идея. Так, в одном из стихов присутствует следующий эпизод, затрагивающий тему воспитания детей:

*Отцы-матери во огне горят,
Ихни детушки во смоле кипят,
Во смоле кипят, на отца, на мать
Жалобу творят:
– Вы отец и мать, не учили нас.
– Мы учили вас, но вы не слушали нас [13, с. 358–359].*

Близкий приведенному выше мотив взаимных укоров содержится в уже цитированном стихе, записанном на Алтае от представительницы «старой веры».

В связи с указанной назидательной направленностью духовных стихов о расставании души с телом обращает на себя внимание существующая информация о ситуации исполнения одного из них: «Мать пела стих, укладывая детей спать» [15, с. 197]. Возможно, что основным предназначением подобных текстов в старообрядческой традиции являлась именно воспитательная функция, присутствующая в них.

О ярко выраженной нравоучительной функции духовных стихов свидетельствуют также тексты, зафиксированные в XIX – начале XX вв. в период активного бытования. В этом отношении особенно показательны три образца, вошедших в собрания стихов А.Н. Соболева, П.В. Киреевского, П.И. Якушкина и переизданных в конце XX – начале XXI вв. [16, с. 225; 17, с. 286–287; 18, с. 290–292]. Тексты «Прощанье души с телом» [17, с. 286–287] и «Стих про душу великой грешницы» (по сути, тоже стих о расставании души с телом) [18, с. 290–292] можно оценить как свод правил христианской жизни в ее народном понимании, а также тех проступков, которые совершать недопустимо. Перечисленные в этих пространственных списках грехи, как правило, касаются несоблюдения церковных уставов (постов, посещения богослужений, участия в таинствах исповеди и причащения), нарушения неписаных обычаев, сформировавшихся в сугубо народной среде (нечестный раздел покосов, прядение льна в пятницу и т.д.). В стихах также присутствует осуждение поведения, относящегося к колдовству (вынимание спорыньи из хлеба, выдаивание чужих коров, проклинание детей, разлучение мужа с женой, колдовство на свадьбах и т.п.). В третьем же тексте [16, с. 225] особенно явно присутствует мотив осознания греховности, запоздалого раскаяния и невозможности оправдания: *Чем я, грешная, оправдаюсь? Окаянная, чем порадуюсь?* Во всех этих текстах также присутствует мотив неизбежности вечной муки, выраженный в словах: *От Христа пойду в муку вечную.* Судя по этим достаточно хорошо сохранившимся стихам, бытовавшим в XIX в., можно предположить, что воспитательная функция была изначально присуща образцам этого жанра. Рассматривая близкие по содержанию тексты, Г.П. Федотов констатирует, что «в духовных стихах мы находим данный в мельчайших подробностях моральный кодекс народа» [7, с. 84].

Обратимся далее к образцам текстов стиха о расставании души с телом, зафиксированных в конце XX в. в западно-русском регионе и опубликованных в Смоленском музыкально-этнографическом сборнике [19]. Общая последовательность основных эпизодов стиха в смоленских текстах сохраняется, при этом присутствуют некоторые варианты уже охарактеризованных сюжетных мотивов. Например, душа после укоров, обращенных к телу, в поисках пристанища начинает *летать по белу свету*:

*А мне, душе, в небесах летать.
Литала йина ровна сорок дней.
После сорок дней привакоилась [19, с. 379]
Или: Палятела душа дай на кладбища [Там же, с. 378].*

В ряде смоленских стихов встречаются подробные описания рая (особенно растущего там кипарисного древа и ангельского пения), при этом сообщается, что *А у нашем раю жить весела, жить весела, жить некаму* [Там же, с. 346], поскольку очевидно, по народным представлениям попасть в рай практически невозможно.

Присутствуют и более явные отличия западно-русских стихов от текстов, записанных у сибирских старообрядцев. Так, в смоленских образцах круг рассказчиков о «диве дивном» более разнообразен. Это и чернушки-монашки, и голуби-ангелы, и ангелы, приплывающие на корабле по морю, и *свет Николушка, Господь Бог, Матерь Божия*, и даже *пчелы ярые и сера утица*. Смоленские образцы богаты описаниями не только основных сюжетных мотивов, но и деталями, не имеющими непосредственного отношения к основной сюжетной линии (например, описание шествия чернушек).

При сохранении эпизода наказания грешников в аду (как правило, в кипящей смоле) все же достаточно часто встречается мотив Божьего суда, преобладающий над мыслью о неминуемой каре:

А Бох мне судить будить [Там же, с. 379] / *А мне – идтить в ответ к Самаму Госпаду* [Там же, с. 395] / *А мне, душе, да Бога йдтить, перед Богом стать, правду сказать* [Там же, с. 339].

В ряде смоленских текстов встречается мотив покаяния (*пиряд Госпадам стыять, в грехах каятца* [Там же, с. 346]), и чаще всего отсутствует заранее предопределенный пессимистичный исход.

Основной же отличительной особенностью западно-русских стихов является наличие так называемых «поминальных» или «прощальных» концовок (*Помяни, Господи, да Иванову душу* [Там же, с. 115] / *Табе, Полька, не ходить и дорожки не торить* [Там же, с. 395] и т.п.), присутствующих в большинстве рассмотренных стихов (всего было рассмотрено 20 текстов), а также в упоминании в основном разделе текста имен конкретных людей (например, *Женькина душа с телым расталася* [Там же, с. 327]).

Подобные особенности трактовки общераспространенного сюжета в стихах, записанных на Смоленщине, продиктованы, на наш взгляд, ситуациями, в которых исполнялись эти тексты. Эти стихи воспринимались носителями традиции прежде всего как поминальные стихи, которые пелись во время похорон и последующих за ними поминальных дней. Этим обстоятельством и объясняется включение концовок с «плачевыми» текстами, актуализация содержания текстов через упоминание в них имен конкретных людей, сглаженность мотива загробной кары, явно осязаемое в текстах желание смягчить участь усопшего. Устойчивость и распространенность подобных модификаций в смоленских стихах свидетельствуют о прочном внедрении их в похоронно-поминальный обряд.

Таким образом, рассмотрев тексты стихов о расставании души с телом, бытующие в сибирской и западно-русской фольклорных традициях, можно проследить связь между описаниями картин загробного

мира и особенностями функционирования этих стихов в каждой из традиций. Поскольку в сибирских вариантах стиха нравоучительная функция выражена более ярко, мотив неминуемости наказания в них присутствует постоянно, часто встречаются перечисления различных согрешений, а картины адских мучений представлены более выпукло и подробно. Западно-русские стихи не столь категоричны в оценке человеческой участи на том свете, мотив обязательного наказания в них хотя и сохраняется, но звучит менее остро. В целом же стихи о расставании души с телом наглядно демонстрируют «строгость нравственного закона, под которым живет народ» [7, с. 83]. Мотив невозможности спасения (с этим связана пустота райских обителей, о которой упоминается в стихах), присутствующий в большинстве рассмотренных стихов, в целом противоречит православному учению, включающему в себя возможность прощения путем покаяния, с надеждой на Божье милосердие. В преобладании мотива неумолимого наказания можно обнаружить «тяжкое искажение, потемнение веры в Христа Спасителя», что, по мнению Г.П. Федотова, приводит к «трагической безнадежности эсхатологии» [Там же, с. 120]. Эта безнадежность отчасти сглаживается за счет действия «нравственного императива» [18, с. 27], сконцентрированного в стихах и служащего к наставлению и назиданию носителей фольклорной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной традиции. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.
2. Елеонская Е. Представление «того света» в русской народной сказке // Этнографическое обозрение. 1913. № 3–4, кн. ХСVIII–ХСIX. С. 52–53.
3. Пигин А.В., Разумова И.А. Эсхатологические мотивы в русской народной прозе // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 52–79.
4. Толстой Н.И., Толстая С.М. О жанре «обмирания» // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.
5. Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22–26.
6. Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской литературе и их влияние на народные духовные стихи. Тула: Типография Н.И. Соколова, 1879.
7. Федотов Г.П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; послесловие С.Е. Никитиной; подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.
8. Батюшков Ф.Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: опыт историко-сравнительного исследования. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1891.
9. Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.
10. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск: Наука, 1991. – (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока).
11. Фольклорно-этнографические и песенные традиции русских Алтая: учеб. пособие: в 2 ч. / О.С. Щербакова; Алт. ГАКИ. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2005. Ч. 2: Хрестоматия.
12. Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: религиозно-философские основы и отношение к обществу: Автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. М., 2000.

13. Духовные стихи на Пинеге в записях А.М. Астаховой 1927 г. / Публикация Л.И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1990. Вып. 3. С. 180–218.

14. Духовные стихи. Канты: Сборник духовных стихов Нижегородской области / Сост., вступ. ст., подготовка текстов, иссл. и коммент. Е.А. Бучилиной. М.: Наследие, 1999.

15. «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...»: Старобрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент.: О.А. Савельева, Л.Н. Новикова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001.

16. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Про-

кошина. М.: Моск. рабочий, 1991. (Из золотых кладовых мировой поэзии).

17. Церковь и народное творчество. Сборник докладов. Русские народные песни и духовные стихи, собранные Петром Киреевским. Первое переиздание с прижизненного авторского издания 1848 года. М., б/и, 2004.

18. Народные духовные стихи / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова; Прилож. и послесл. А.В. Кулагиной. М.: Русская книга, 2004. – (Библиотека русского фольклора; т. 14).

19. Смоленский музыкально-этнографический сборник. М.: «Индрик», 2003. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. – (Смоленский музыкально-этнографический сборник).

П.Е. ПРОКОПЬЕВА

ПТИЦЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ (ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

канд. пед. наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера, г. Якутск
e-mail: pprot@yandex.ru

В статье анализируются образы птиц в традиционных представлениях лесных юкагиров – гагары, утки, кукушки, совы и ворона. Характеристики птицам давались с учетом их внешнего вида, поведения и образа жизни. Приметы и поверья, сложившиеся вокруг той или иной птицы, изначально содержат мысль о необычности птицы, считая ее источником или предвестником будущих событий. Воззрения юкагиров в этой сфере во многом сходны с представлениями о них других народов. Одни совпадения предопределены типологически, другие – возникли вследствие генетических и культурных связей между народами.

Ключевые слова: традиционные представления, лесные юкагиры, образы птиц.

Лесные юкагиры-одулы проживают в Верхнеколымском улусе Республики Саха (Якутия). Специфика их хозяйственной деятельности, издревле связанной с охотой, собирательством и рыболовством, способствовала формированию у них традиционных представлений, в центре которых – отношения человека и природы, взаимодействие человеческого и животного миров.

Птицы как представители природного, приоритетного для жизнеобеспечения человека мира занимают важное место в традиционных воззрениях юкагиров. Им отведены самые разные роли и функции, связанные с процессами социального и этнокультурного развития народа. В этнической картине мира юкагиров, как и других народов, не все птицы, характерные для местной среды обитания, одинаково значимы: часть образов птиц не несет какой-либо серьезной смысловой нагрузки, другая – наделена особым статусом и семантикой.

Фольклорные и этнографические материалы о птицах, собранные у лесных юкагиров, показывают, что носителями определенных характеристик, эволюционировавших в контексте заданного образа, являются гагара, утка, кукушка, сова и ворон. Описанию и анализу образов этих птиц в традиционных представлениях юкагиров и посвящена настоящая статья.

Птицы – одни из популярных персонажей мифов о происхождении мира. Типичность их образов в мировом фольклоре свидетельствует о том, что главной причиной выбора тех или иных птиц, участвующих в первотворении, стали их отличительные особенности и способности, необходимые с точки зрения мифологического мышления для мироустройства. У народов Сибири к таким птицам относятся утка и гагара, которые нередко в паре противопоставляются друг другу.

Гагара (хаҕуэл). У лесных юкагиров зафиксирован миф о сотворении земли двумя создателями – Христом и Сатаной [1]. Сатана по приказу Христа ныряет в океан за землей, обернувшись в гагару, но просыпает песок. Из вычищенного из-под его длинных ногтей песка Христос создает землю и горы, Сатана же ныряет в воду и больше не появляется. Данный миф по многим показателям универсален: в нем присутствуют взгляды на творение как результат дуального противостояния антагонистов, представления о творцах – братьях по происхождению, воззрения на вертикальное строение вселенной с соединяющей три ее части космической рекой. Не является исключением и образ гагары. Привязанность гагары (в силу физических особенностей) к водной стихии позволила многим на-

родам Севера причислить ее к разряду «нечистых» птиц, тесно связанных с Нижним миром и потусторонними силами [2].

Логично думать, что благодаря сверхъестественным свойствам, предписываемым гагаре, стало возможным включение этой птицы в число шаманских духов, помогающих в путешествии шамана по трем уровням мироздания и его общении с божествами и мистическими силами. Сведения о том, что гагара являлась одним из помощников шаманов юкагиров тундры, находим у исследователя культуры юкагиров конца XIX – начала XX вв. В.И. Иохельсона [3]; это находит подтверждение и в устном народном творчестве юкагиров [4].

В юкагирском фольклоре образ гагары как шаманской птицы, видимо, вследствие влияния жанра сказки претерпевает изменения – она не есть шаманский дух, а сама шаманка. Сказка «Выдра и гагара» (архив автора)¹ повествует о том, как юноша-выдра влюбился в красивую девушку-гагару, которая ходила, принимая обличье других птиц. Отец выдры догадался, что это «девушка шаманского рода», и предупредил сына о возможной опасности. Гагары потребовали от юноши за невесту обменять их место жительства – озеро на реку. Выслушав мнение отца, юноша понял, что это ни к чему хорошему не приведет. В конце сказки дочь гагары улетает в страхе быть побитой разгневанным отцом юноши-выдры. Интересно примечание, сделанное рассказчиком В.Г. Шалугиным: «...таат лондо йолаат молдо лъэһи шаашэт ньиэрги поньоол, моһоги, пиэришэги, нигиэһун, тамунги чумут бисьэрэк, чуһлээд омни маһил титимизий. Имилдэгэн кизий-уклаһнэтбэнги нойдэ лагин чумут пойнэй. Тамунгэт идьии тудэл алмагоот эл гудэ, тудэл эрчоодэ эл аат. Таат монги». – «...после изгнания сейчас только одежда осталась, шапочка, крылья, передник, это все в бисере, как старинная одежда. По животу, от передней части до ног, все белое. Поэтому теперь она не шаманка, она плохое не сделает. Так рассказывали». Далее В.Г. Шалугин по-русски добавил: «Гагара свою одежду выкинула. Оставила только вот эту. Гагара представлялась как предок эвенских шаманов. Одежда, как у эвенов. Птица таежных эвенов». Этот комментарий привлекает внимание в том плане, что в образе гагары сделан акцент на ее внешнем виде, своеобразие которого послужило основанием для проведения аналогии с одеждой эвенов. Красивая наружность птицы подчеркивается и в других фольклорных текстах юкагиров: им хорошо знаком сюжет о том, как Ворона раскрашивала Гагару [5].

Утка (оожии нодо). Что касается отношения юкагиров к утке, то данные фольклора и этнографии также указывают на близость их представлений с воззрениями других сибирских народов, у которых утки «ассоциируются с небом, небесными богами и добрыми духами, символизируют благополучие рода, оли-

цетворяют душу человека...» [6, с. 53]. Утки – перелетные птицы, и этот факт, безусловно, не мог остаться незамеченным для охотника. С учетом того, что у северян эти птицы составляли немаловажную часть рациона, неудивительно восприятие ими утки как благодетельного существа, приносящего с собой тепло и пропитание. Способность птиц осуществлять перелеты, трактуемая как близость к небесной сфере, запечатлена юкагирами в названиях астральных тел: известно, что они называли Млечный путь дорогой перелетных птиц. Эти взгляды также носят универсальный характер: «Млечный путь представляется в разных традициях как “путь птиц” или “путь душ”, ведущий в иной мир...» [8, с. 659]. Связь образа утки с приходом долгожданной весны, солнечных дней просматривается и в фольклоре юкагиров [7, с. 48], где имеются сказки о том, как утка мородушка во время неожиданно наступивших морозов нашла теплые края².

Кукушка (кукки нодо; кукун нодо). Еще одной птицей, которой посвящены различные поверья, обычаи и фольклорные рассказы юкагиров, является кукушка. Ее образ в мифологии и фольклоре многих народов мира совпадает: эта птица олицетворяет одиночество; считается, что она обладает магическими способностями. У народов Севера кукушка возведена в ранг шаманских духов. Такие же представления обнаруживаются в духовной культуре юкагиров.

Название кукушки в юкагирском языке возникло на основе звукоподражания и фонетически сходно с тем, как ее называют в некоторых других языках, например, русском или английском. Юкагиры именуют ее *кукки нодо* или *кукун нодо* (*нодо* «птица»). Интересно второе название кукушки, которое буквально переводится как «чертова птица» (от *кукул* «черт»). В юкагирском фольклоре существуют два текста, где кукушка соотносится с нечистой силой³. Один из них [4, с. 35] повествует о больной женщине, которая с помощью некто, похожего на птицу, принимает птичий облик и улетает от своих непослушных детей. Сказка не уточняет, в какую именно птицу превратилась женщина и кем являлся пришелец, однако название сказки «Кукушка» служит, на наш взгляд, ответом на эти вопросы. Сюжет о женщине, обернувшейся кукушкой и улетевшей прочь от непослушных детей, широко распространен у народов Севера. В юкагирском тексте превращение в кукушку происходит при посредничестве птицеподобного существа, способного колдовать. Надо сказать, что подобный сюжет имеется также у соседей верхнеколымских юкагиров – эвенов Средней Колымы [9, с. 238–239]. Еще одна мифологическая сказка, тоже имеющая название «Кукушка»⁴, рассказывает о женщине, сбежавшей от своего

¹Записано от В.Г. Шалугина (г.р. 1934) в 2001 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия).

²Личный архив автора (тексты записаны в 2000 г. от Г.В. Шалугина (г.р. 1923) и в 2001 г. от М.М. Лихачева (г.р. 1930) в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия)).

³Оба текста записаны от одного информатора – В.Г. Шалугина.

⁴Текст записан от В.Г. Шалугина в 2001 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия).

мужа с «не то человеком, не то птицей». Муж отправляется на поиски своей жены и находит ее живущей у горных людей с тремя детьми. Шаман говорит людям, чтобы они держались подальше от этой женщины, так как она «эрчэ миэбэньи, кукулньэ ньаһаа эгужуй» – «плохая, с чертом ходит». В финале женщина оставляет своих детей и улетает с чертом. Повествование заканчивается такими словами: «Кукул эрулутул паайк милльэлмэлэ, тамунгэт уөрпэнки өйльэлэлэ. Таат кукул, миндэлэ, көүдэйльэлмэлэ. Хадунгэт эрэ йаан уөнъэлэлэ, таң уөрпэнки шоромогоот эл күдэс-оон таат чабайльэлги». – «Чертом испорченную женщину взял, поэтому детей не было. Так черт, взяв, унес. Откуда-то троих детей заимела, эти дети людьми не стали, так сгинули».

Оба произведения объединяет концовка: птицеподобное существо уносит с собой героиню, та бросает своих детей. Из последнего текста становится очевидным, что у юкагиров образы кукушки и черта были тождественны друг другу. Так было в прошлом, подчеркивается в сказке: «Идьи чуэтэ йуөнуга адиң нодогэлэ. Адуөн омось нодолок, адуөн кукун подок» – «Теперь всегда видят эту птицу. Это – хорошая птица, это – кукушка». Можно предположить, что проведению аналогии между образами кукушки и черта способствовало наблюдение за странными и неприемлемыми с точки зрения морали действиями этой птицы в отношении своих птенцов. Это могло сыграть свою роль в том, что юкагиры стали думать о причастности кукушки к чему-то сверхъестественному, неординарному, а впоследствии причислили кукушку к помощникам шамана [3, с. 280, 285–286]. Здесь мы солидарны с мнением Н.А. Алексеева, пишущем о якутской мифологии: «Кукушку, видимо, отнесли к шаманским духам из-за нестандартности ее поведения – в отличие от других птиц она сама не высиживает птенцов» [10, с. 469].

Сверхъестественные возможности кукушки нашли отражение в верованиях юкагиров. По словам М.М. Лихачева, у юкагиров кукушку не убивали, если же убивали, то делали девять шашлыков и съедали их. На том месте, где убили кукушку, старались уснуть, чтобы увидеть сон, «как будешь жить до смерти»⁵. Об этом же свидетельствует сообщение А.В. Слепцовой: «Тэт омось модотойок, тамун лэйдидин эрдьиңидэ, кукушка куддэк, тамун лэк, таң шаал архаа йоңжок, йоңжоңидэ, тэтин пундууңитэм, ходо модотойок». – «Ты хорошо [ли] жить будешь, это если узнать хочешь, кукушку убей, это съешь, около того дерева усни, если уснешь, тебе расскажут, как будешь жить»⁶. От Е.Н. Дьячковой нами записан следующий рассказ: «Шоңдильэңоот кудэтэй, эмилмэ модотойок, «ку-ку-

ку» – мони кукушка. Хаахаа мони: «Айааңик, угуйэ кушлэмдэ кэлтэй омосьоон. Мондьэ: «Хаахаа, нэмдик айааритэмэ, айаатэмэ. «Йуөмэк, йуөтэмэк, угуйэ омосьоодэк кэлтэй, айаатэймэт, йобоһотэймэт, йобоһотчэмэт». Угуйэлмэ Егор Иванович, Григорий Иванович чомоолбэдэк кудисиһнульэлңа. Куддэлэ, эхсильэ наһаа нингэйэ чуулэк кэсиһнуңилэ. Мит наһаа айаанундьиһили, мэнмэгэт, мэнмэгэт, айаат, айаат, ладонь шапаһаттэ, шапаһаттэ, лэңдэлцин. Лэңдэлцин мит молин айаанундьиһили. Хаахааа лоңдаануй... «Хаахаа, нуоон мэ мэнмэгэк?» «Мэ айаайэ, обязательно надо таат айаадин, мэнмэгэдин». Ежели эрчоон кэлтэй, кукушка аай өрньэтиһи. Кукушка, эрчоон кэлтэтуонэ, угуйэлмэ ажоон-ажоон, йэльоодбэ уксидуонэ, тоунуги өрньэнуһи. Эрчоон кэлтэй, арпааңик, омось модоңик, Хойлцин ньаасьяаңик, эрчоон өйльэгэн, эрчоон эл кэлгэн». – «Когда наступит пора таянья снега, ночью сидишь, «ку-ку-ку» – говорит кукушка. Дедушка говорит: «Радуйтесь, завтра что-то хорошее будет». Говорю: «Дедушка, чему буду радоваться?» «Увидишь, увидите, завтра хорошее придет, будете радоваться, насытитесь, наедитесь». Утром, Егор Иванович, Григорий Иванович лося убили. Убив, на ветке много мяса привезли. Мы очень радовались, прыгали-прыгали, радуясь, в ладоши хлопали, от того что будем кушать. Мы радовались только тому, что поедим. Дедушка танцует... «Дедушка, ты почему прыгаешь?» «Радуюсь, обязательно надо так радоваться, прыгать». К плохому кукушка тоже кричит. Кукушка, если плохое будет, утром рано-рано, когда солнце восходит, тогда кричит. Плохое придет, остерегайтесь, хорошо живите, Богу молитесь, чтобы плохого не было, чтобы плохое не пришло»⁷.

Сова (мушулупкаа). Даром прорицания, шаманскими способностями наделена в традиционных представлениях юкагиров сова. Видимо, не случайно, в одной из сказок ее другом названа кукушка [5, с. 31]. Жених-сова, рассерженный отказом невесты, дочери маленького гуся, начинает шаманить, от чего все водоплавающие птицы полиняли. Это наказание весьма серьезное для птиц: в период линьки водоплавающие не могут летать, поэтому им приходится очень трудно. Сова запрещает кукушке куковать в период линьки птиц – она таким образом давала знать птицам о наступлении этого периода. О шаманской силе совы говорится в другой сказке – «Почему мышь маленькая» [1, с. 30]. Сова, которая «среди птиц сильным шаманом считается», прокляла мышь за то, что та украла ее яйцо. С тех пор мышка маленькая, некрасивая, живет в норе. В юкагирском фольклоре проклинать могут и другие птицы, например, глухарь, кукушка [5; 7], но лишь сова прямо называется шаманом.

У юкагиров сова являлась духом-помощником шамана. Юкагиры также верили, что сова, как и ку-

⁵ Приведенные в статье сообщения М.М. Лихачева записаны на русском языке. Данная информация записана от него в 2003 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) (Личный архив автора).

⁶ А.В. Слепцова родилась в 1930 г. Запись сделана в 2002 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) (Личный архив автора).

⁷ Е.Н. Дьячкова родилась в 1919 г. Рассказ записан в 2005 г. в пос. Зырянка Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) в рамках фольклорно-лингвистической экспедиции ИПМНС СО РАН (Личный архив автора).

кушка, может предчувствовать какие-либо события: «Сидя на верхушке высокого сухого дерева, она всегда глядит в сторону, откуда следует ожидать удачу или неприятность» [5, с. 132].

Ворон (чомпарнаа). Устойчивую характеристику в традиционном мировоззрении юкагиров имеет и ворон. В.И. Иохельсон писал о нем: «...в юкагирской мифологии нет упоминания о Вороне как Творце или Первопредке, но сказки о нем как о презренном обманщике, который подбирает и пожирает экскременты, все еще бытуют и на Колыме, и в тундре» [3, с. 426]. В фольклоре Ворон – отрицательный герой, он – лгун, вор и даже убийца [Там же, с. 344–350; 5, с. 28–29; 7, с. 48]. Вероятно, что нелицеприятным мнением о себе ворон обязан не только своим образом жизни, но и такими отличительными чертами, как черный окрас, характерный голос-крик. К ворону как зловещей птице приравнивается и ворона. Мы записали такие отзывы об этой птице: «Ворона – плохая птица. Всякую пакость кушает. Что попало в рот берет» (М.М. Лихачев)⁸; «Маленький парнаа – эрчоодэк. Айануннуй шоромо амдэдуонэ, лэйдин. Эрчоодэк ныйэтэмлэ, эрчоодэк кэлгэн. Адиң парнаа нинабэллэ». – «Маленькая ворона⁹ – плохая [птица]. Радуетса, если человек умирает, чтобы кушать. Плохое кличет, чтоб плохое пришло. Эту ворону не люблю» (Е.Н. Дьячкова).

Изучение традиционных представлений лесных юкагиров о птицах убеждает в том, что наиболее полную информацию о причинах выбора образа для той или иной птицы предоставляет фольклор. Жанровая специфика устного народного творчества обеспечивает раскрытие характера персонажа, выявление значения и функций героя в ходе разворачивания событий. Анализ фольклорных произведений свидетельствует о том, что основанием для наделения птицы определенной характеристикой является выделение каких-либо своеобразных черт в ней, связанных с ее внешним видом, поведением и образом жизни. Отличительные особенности гагары, кукушки и совы способствовали тому, что их образы соотносились с принадлежностью к миру шаманских духов: в шаманстве они начинают исполнять роль медиаторов; а в сказочных жанрах гагара и сова сами выступают в образе шаманов.

Собранные нами у лесных юкагиров полевые материалы убеждают в том, что в быту связывание какого-нибудь события с конкретным животным, в том числе с птицей или рыбой, часто происходит тогда, когда они ведут себя иначе, чем другие. Так, в одном случае удача в охоте и рыбалке стала следствием того, что поймалась рыба, кричащая по-птичьи¹⁰. По нашему мнению, возникшие поверья изначально содержали мысль о необычности птицы, источника или предвестника будущих событий.

Воззрения юкагиров на птиц во многом сходны с представлениями о них других народов. В мировой мифологии и фольклоре универсальным является образ кукушки. Оригинальность юкагирских представлений о птицах выражается, прежде всего, в самобытных фольклорных сюжетах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунное лицо: сказки юкагиров / Сост. и обраб. Л.Н. Жукова, О.С. Чернецов. Якутск: Кн. изд-во, 1992. С. 32–33.
2. Прокопьева П.Е. Особенности мифа о ныряющей птице у юкагиров // Север Азии в этнокультурных исследованиях: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона (г. Якутск, 16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 53–58.
3. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / В.И. Иохельсон; пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. С. 285–286.
4. Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. С. 408–411.
5. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия. / Сост. Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. Якутск: Изд. Якут. гос. ун-та, 1989. Ч. I: Сказки. С. 27–31.
6. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (Прауральский космогонический миф): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 1992.
7. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск, 1996. С. 53.
8. Мифология: энциклопедия / Под ред. Е.М. Мелетинского / Репринт. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 2008.
9. Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров). Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2005.
10. Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. С. 468.

⁸ Записано в 2003 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия).

⁹ Ворона названа маленькой, видимо, потому, чтобы подчеркнуть, что речь идет не о вороне. Юкагирское название ворона *чомпарнаа* буквально переводится как 'большая ворона'.

¹⁰ Сообщила А.В. Слепцова в 2000 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия).

SUMMARY

Romodanovskaya, E.K. Translated collections of works as complexes of new plots in Russian literature.

The paper studies three collections of works translated from the Polish language in the 17th century, which served a source of new plots found in the Russian literature.

Keywords: Old Russian literature, translated literary works, textual study, plot complexes.

Balburow E.A. Memory and time: the problem of literary integrity in M. Proust's novel «In Search of Lost Time».

The paper considers the non-classical principles of literary integrity in M. Proust's novel «In Search of Lost Time». These in aggregate formed the concept of Proust's «inner book» – a book of memory which preserved a true reality of life-time passed, its vivid time. The analysis of the role of involuntary reminiscences and impressions contained in the work-of-art completion of M. Proust's epopee reveals essential features of non-classical novel poetics and throws light on the problem of literary truth and authenticity. The isomorphic relations of Proust's narration to the author's intrinsic psychological world, the presence of architectonic peculiarities of inner speech in the composition structure have been convincingly substantiated.

Keywords: integrity, memory, lost time, involuntary reminiscences, impressions, simulyakr, inner book.

Proskurina, E.N. G. Gazdanov and V. Nabokov: an unfamiliarity plot.

The paper presents some aspects of literary relations between G. Gazdanov and V. Nabokov, two leading persons of the first Russian emigration.

Keywords: biographical plot, literary game, creative dialogue.

Kapinos E.V. Martha-Mariinsk mercy abode as depicted in Bunin's story «Chisty Ponedelnik»

Using a micro-poetic level, the paper analyses a final scene of Bunin's story «Chisty Ponedelnik» (the action takes place in Martha-Mariinsk mercy abode). Special attention is paid to the image of the prioress – Grand Duchess Elizaveta Fyodorovna. The author attempts to point out the senses arising in comparing the plot of anonymous main characters with the plots underlying concrete historic persons described in Bunin's story.

Keywords: Martha-Mariinsk mercy abode, M.N. Nesterov, micro-poetics, plot, motif, historical context.

Vasilyeva, G.M. «To become a proverb and byword to all people»: the image of Goethe and images of «Faust» in A.P. Chekhov's prose.

In the perspective of the Russian literary language, German appears to be not so much like a language but as a text in a sense. A German phrase of any size is interpreted in Russian discourse as a quotation. Even if such “a quotation” does not cite anything in reality, it refers to some «source». To a considerable extent the text creates its context by itself, it possesses the ability of regenerating lost outer-

textual connections, creating new ones instead of the lost ones. The Russian writer compares Goethe's tragedy with the Books of the third cycle of Old Testament canon – Holy Scripture. Goethe's «bifurcation», the parallel existence of his polar hypostases – tragic, mellow and caricature ones (each with its own range of plots and stable motives) – testify to the importance of the group of problems relevant to that period of time, which this figure was able to actualize.

Keywords: phrase, sounding, image, context, polar, rumour, scribe, temple.

Nepomnyashchikh N.A. «An incendiary» as a complex of motifs in the literature of the beginning of the 1920s (L. Andreev, M. Voloshin, A. Remizov, L. Leonov, and others)

The paper considers a complex of motifs, relating to the figurative conceiving of a revolution as a destructive fire implying arson and incendiary motifs characteristic of the beginning of the 1920s literature. The proletarian authors came to view an incendiary as a symbol of a revolutionary hero. M. Voloshin, A. Remizov, L. Leonov interpret a fire element as a disastrous catastrophe and conceive an incendiary as its instigator.

Keywords: literature of the beginning of the 1920s, plots and motifs, images of fire in literature.

Sevastyanova, S.K. Patriarchy Nikon's Epistolary heritage in Orthodox memory of culture: traditional methods of dealing with Scripture texts.

The article considers the methods of Patriarchy Nikon's dealing with Bible sources of his letters and messages to the contemporaries and concludes that the ways and techniques of the author's dealing with Scripture books corresponded to the tradition of the Orthodox written culture.

Keywords: traditional source, citation, continuity, Bible lexicon and phraseology, citation implementation, writers of patriarchal milieu.

Bologova, M.A. Reminiscences inspired by F.I. Tyutchev in the context of E. Shklovsky's lyrics of protection.

The paper deals with the inter-relations of plot-motif structure of the stories in E. Shklovsky's book «That Land» and F. Tyutchev's lyrics. The prose by a contemporary writer gets into dialogue relations to a classical author's poetry, sometimes parodying well-known poems and sometimes appealing to them as highest truth about man. The inter-contextual references become possible due to a common motif of protection from fear and desires, peculiar to both the poet and the writer.

Keywords: F.I. Tyutchev, E.A. Shklovsky, modern Russian literature, plot, motif, literary tradition.

Malinina, E.E., Semenova, M.V. Image of a hero in Japanese ego-novel.

The problem of defining an ego-novel genre in the Japanese literature includes, in particular, the problem of revealing literary means of depicting a hero. This paper attempts to single out some of such means of depicting the main character on the basis of the material of

the literary works by Tayama Katay – a prominent writer of the beginning of the 20th century, a founder of the ego-novel genre in the Japanese literature.

Keywords: Japanese literature, ego-novel, Tayama Katay.

Kulikova, Ye.Yu. «The ‘Flying Dutchman» in N.Gumilev’s «Strayed Tram».

The paper views the central motif of a tram through the prism of a number of literary variations of the motif of ghost ships, primarily that of «The Flying Dutchman». The ontological voyage of the poem’s protagonist – travelling to Hades’ kingdom in a kind of Kharon’s boat – is analyzed against the background of E. Poe’s and W. Hauff’s novellas about ghost ships, V. Khodasevich’s «In Berlin», M. Lermontov’s «The Ghost Ship» and «Das Geisterschiff» by J.Ch. von Zedlitz. This analytical approach allows to discern Gumilev’s recurrent motifs of wandering and voyage in his last «poetic will».

Keywords: lyrical plot, composition, motif, voyage, ships, street-car, “Flying Dutchman” legend.

Barinova, E.E. Riddle genre in popular scientific literature for children.

Among all other literature genres it is a riddle that reflects the peculiarities of human cognitive activity in full and it has been of considerable importance in developing scientific thinking forms. The metaphoric language of a riddle expresses dialectics of creative and logical thinking, objectivity and subjectivity, abstractedness and concreteness. In our opinion the riddle can be designated as a form of knowledge dissemination most adapted for children’s perception of the world around. A heuristic and didactic potential of a riddle text is extensively used in popular scientific literature for children. The deep historical roots of a popular scientific genre are traced using the instance of the riddle.

Keywords: popular scientific literature, popular scientific literature for children, popular scientific genre, riddle, scientific discourse, dissemination techniques.

Silantyev, I.V. Philosophy of discourse in V. Pelevin’s novel «Generation “P”»

The article deals with some aspects of discourse interrelations in V. Pelevin’s «Generation “P”». It is shown that a mixture of discourses is the main structure-forming mechanism of the novel.

Keywords: V. Pelevin, «Generation “P”», discourse.

Kovaleva, T.I. On a plot fragment from Kirill Belozerskiy’s Life in Ferapont Belozerskiy’s Life.

The article compares the plot situations of the *creation of monastery* in both writings, clears up the methods used by the authors in constructing the plots of the Lives, and determines the role of the similar fragment in these texts.

Keywords: Old Russian literature, poetics, hagiography, literary source, text citation, plot situation.

Lushnikova, G.I. A cognitive approach to interpreting literary parody.

The basis of literary parody is the relation between a parody text and a prototext, which occurs only under the conditions of emerging certain associations between parody text units and the related original text units. Parody is a cognitive metaphor which presents perceiving an object through perceiving some other one. The main function of parody is that it reforms cognitive stereotypes, adds to changing some scenarios, and under certain conditions, may contribute to reconstructing basic frames. Parody interpretation presupposes decoding and comparing the author’s intentions of the literary work being parodied and the author’s intentions of a parody being done.

Keywords: parody, prototext, interpretation, cognitive metaphor, frame, concept, scenario.

Ilyina, L.A. Common features of evidential verb category in Samoyedic and Yukagir Languages.

The paper compares the verb forms, grammemes and intra-category evidential oppositions in Samoyedic and Yukagir languages. A model of a common Samoyedic evidential category has been constructed and used as a reference pattern. Semantically related evidential forms and functionally similar evidential oppositions in the languages compared have been found out.

Keywords: evidential grammemes, evidential oppositions, cross-linguistic studies, Samoyedic languages, Yukagir languages.

Butorin, S.S. Correlative-relative locative sentences in the Ket language.

The paper describes a system of correlative-relative (pronominal-correlative) locative sentences in which the clauses are conjoined by means of two-component connectives. Examined in the paper is the semantics of these sentences: locational semantics – the location of the situation as a whole and directional semantics – the designation of a departure point and a destination point of the motion of an object being located.

The flexibility of the structure of correlative-relative sentences – postposition, preposition, and interposition is characterized.

Keywords: spatial relations, composite sentence, connectives, correlative-relative locative sentences.

Golovaneva, T.A. Mechanisms of introductive reference in Koryak and Alutor Languages (exemplified by nominations of persons).

The paper studies the reference mechanisms in the folklore texts documented in different dialects of settled and nomadic Koryaks. In the referential aspect the specificity of a folklore text, as contrasted to a household text, consists in a finer degree of protagonist type generalization; this feature allows to use common nouns as referential ones without using any additional actualization component.

Keywords: introductive reference, personal name, description, folklore text, Koryak language, Alutor language.

Fedyunova, G.V. On etymology of particle *taj* ‘ведь, же’ in the Komi and Mansi Languages.

The paper critically analyses the hypothesis of the borrowing of the Komi particle *taj* from the Mansi language. A new version, according to which this particle could be formed in the Komi language as a result of contamination of the demonstrative base *ta-* ‘this’ and the particle *aj*, lost in the Komi language, but preserved in the Udmurt language is suggested. A wide-spread use of the particle in all Komi languages and dialects, as well as a variety of meanings expressed by it in different speech situations favors its interpretation as intrinsic. An indirect proof of the fact that the Komi particle could be borrowed to the Mansi language, rather than otherwise, is availability of a great amount of Komi borrowings in the Mansi language and a rather small number of Mansi borrowings in the Komi language. It is not impossible to ignore the possibility of separate formation of these particles in the contacting and related languages.

Keywords: particles, Komi language, Mansi language, etymology.

Ivanova, G.P. Semantic types of conditional sentences in the Vep language.

The main means of expressing conditional meanings in the Vep language is bivariate compound sentences with conditional verb forms and analytical connectives of non-differentiated semantics.

Keywords: Vep language, conditional compound sentences, conditional, analytical connectives.

Onina, S.V. Structural types of compound nominations in the Khanty Language.

Compound words consisting of two, three, or four components are lexical units integrated in semantic, morphologic, and syntactic aspects. The most productive means of forming compound nominations is a lexical-syntactic one. The paper considers the types of forming set expressions.

Keywords: Khanty language, set expressions, model, two-component nominations, multi-component nominations.

Maltseva, A.A. Functions of the infinitive in the complex sentences in Alutor.

The paper examines functions of the infinitive in the adverbial complex sentences in all dialects of Alutor. The dependent clause with the infinitive predicate has free distribution relative to the main clause and can be attached to it by means of analytic conjunctions, and syntactic coreference of the main clause and subordinate clause arguments is marked with the absolute case.

Key words: Alutor language, infinitive, complex sentence, analytic conjunction, coreference.

Telyakova, V.M. Valency system of sound perception verbs in the Shor Language.

The article pioneers the study of the valency characteristics and the shades of lexical meaning of four Shor involuntary sound perception verbs: *ugul-*, *estel-*, *shabil-* *ert-*, and their Russian syntactic and semantic equivalents like 'звучать', 'слышаться', 'раздаваться', 'разноситься'.

Keywords: Shor language, verbs of hearing perception, valency.

Bayir-ool, A.V. Verb-derived particle *iyik* in analytical constructions with conditional-subjunctive semantics in Tuvinian.

The article deals with the function of a verbal particle *iyik* in forming constructions with unreal condition semantics in Tuvinian. The particle *iyik* presents a reflex of an auxiliary verb *ə* = 'to be', which is not preserved in modern Tuvinian in its finite form marked with *=juk*, typical for the Old Uyghur language. Combining with the participial present-future tense form, the particle *iyik* forms constructions with unreal condition semantics.

Keywords: particle, subjunctive mood, participial form, auxiliary verb.

Fedina, N.N. Allomorphs of local cases indices in Chalcan (in comparison with Turkic languages of South Siberia).

The paper considers the affixes of local cases in the modern Chalcan language as compared with N.A. Baskakov's data, who described the Chalcan language 60 years ago, and in comparison with the related affixes in Khakas, Shor and Altai languages. It has been found, that the Chalcan case paradigm was extended by inclusion of the aditive case to the inventory of local cases, but the number of allomorphs of each case affix was reduced.

Keywords: local cases, dative, locative, ablative, aditive, Chalcan language, Turkic languages.

Zhukova, L.V. Typological analysis of terms of blood relationship in English and Shor Languages.

The paper is devoted to a typological analysis of the sense content of the terms of blood relationship in the English and Shor languages by using a component analysis method. The availability of four semantic distinctive features in Shor in comparison with three features in English and the principle of «a shifted generation system» explains the numerical superiority of the terms of blood relationship in Shor, the availability of several terms of relationship used to denote the same person and the designation of a younger representative of one

generation and an older one of the subsequent, younger generation by a single term of relationship, and this is not found in English.

Keywords: term of blood relationship, semantic feature, shifted generation system, feature of relationship orientation.

Krutova, M.S. Semantic peculiarities of loan-words as used in the titles of the 11th-19th century manuscript books.

The titles of manuscript books frequently contain loan-words which are characterized by variance, testifying to the fact of their being apt to be adapted to the Russian language system. The synonymic names of manuscript books testify to semantic adaptation of a loan-word.

Key words: loan-word, semantics, manuscript, symbol.

Sheremet'yeva, E.S. Inter-relationship of adnominal relatives and coordinating conjunctions.

The article deals with the analysis of combinations *а в случае*, *но при условии* in the aspect of their semantic equivalence.

Keywords: adnominal relative, coordinating conjunction, construction.

Tomas, E.V. Spatial semantics of «*сквозь* / *через* + accusative» constructions (based on the data of the National Russian Language Corpus).

The paper describes and compares spatial meanings conveyed by *сквозь* (*skvoz*) + *accusative* and *через* (*cherez*) + *accusative* constructions with motion verbs. Based on National Russian Language Corpus data, the frequency of occurrence of constructions and predicates is given. The statistic data serve as a basis of differentiating spatial semantics and illustrate the similarities and dissimilarities in the usage of both types of preposition and case form combinations.

Keywords: syntax, spatial semantics, preposition, accusative case.

Khoruk, K.M. Adverbial modifiers of manner as a means of compressing logical propositions of qualitative characterization.

Adverbial modifiers of manner may serve as a means of compressing logical propositions of qualitative characterization of two types: characterization proper and evaluation characterization. An adverbial modifier of manner is a predicate of a compressed logical proposition of qualitative characterization, and the subject of this proposition in the utterance with adverbial modifiers of manner may be expressed either by a predicate of the basic proposition or by the proposition as a whole, or by a subject of the basic proposition.

Keywords: adverbial modifier of manner, compressed proposition, logical propositions of qualitative characterization, evaluation.

Libert, E.A. Past tense in the Low German dialect of Siberian Mennonites.

The paper considers the past tense system consisting of the forms of *Präteritum*, *Perfekt*, *Plusquamperfekt* and the analytical construction *deune* + infinitive in one of the Low German dialects – the dialect language of Siberian mennonites. The basic verb conjugation paradigms as compared with the corresponding paradigms of literary German are given, the specific features of *Präteritum* in this dialect are pointed out. The synonymy phenomenon of *Präteritum* forms and the construction *deune* + infinitive, of *Präteritum* and *Perfekt* in the spoken language of the Siberian mennonites is proved.

Keywords: Low German dialect, Präteritum, Perfekt, analytical construction.

Shapoval, V.V. Novosibirsk regional dialecticisms in the Dictionary of Russian Folk Dialects (issues 1-41): problems of lexicographical authenticity.

The generalizations of lexical items of different regions included in *Slovar' russkix narodnyx govorov* sometimes are not quite accurate.

The semantic descriptions of Novosibirsk regional dialecticisms can be effectively corrected taking into account the data included in the dictionaries *Slovar' russkix govorov Novosibirskoj oblasti* and *Slovar' russkix govorov Sibiri*.

Keywords: dialect vocabulary, lexicographical description, phantom, illustrative material.

Durova, M.V. Models of existential-spatial elementary simple sentences in the Japanese language.

The paper presents an analysis of the models of existential-spatial elementary simple sentences in the Japanese language, considers the components of existential and locative sentences and compares these sentence types using three criteria: the sentence word order, the possibility of subject topicalization, and the existential predicate type.

Keywords: existential sentence, locative sentence, existential predicate, subject, locative.

Voitishek, E.E. «Plant code» in the Japanese culture in the framework of Shynto ceremonial rites (based on hana-fuda flower cards).

The paper deals with the analysis of specific flower, plant, and tree images as collected in the Japanese hana-fuda flower cards reflecting the specificity of long-standing customs and rites. The gaming practice reflects Shynto motives as elements of way of living related to exposing of Japanese national mentality and as marks of religious tradition and confessional beliefs as well. The symbols and images of flower cards may be considered as a kind of «a plant code» of the Japanese culture functioning in the traditional Shynto ceremonial rites, as well as in modern everyday life.

Keywords: hana-fuda flower cards, «plant code» of Japanese culture, Shynto ceremonial rites.

Oinotkinova, N.R. Regularities of Altai proverb variation in spoken language.

The paper addresses the problem of variation of the Altai proverbs in spoken language, and reveals the language principles and the reasons for their variation. In the discourse, the Altai proverbs, having their basic invariant sense unchanged, vary in their phonetical, lexical, morphological, and composition-syntactical structure.

Keywords: proverb variation, Altai proverb variants.

Limorenko, Y.V. Onomastics in Russian translation of folklore texts in the series «Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East».

The paper examines the methods of presenting the names of characters in Russian translation of folklore texts published in the series «Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East». Names and soubriquets of characters can be transliterated or translated (either fully or partially) depending on their semantics and their relations to the content of texts and the national folklore tradition.

Keywords: translation of folklore, publication of folklore, onomastics, semantics of names.

Zhimuleva, E.I. The reflection of folk eschatologic ideas in traditional spiritual poems on the soul departing from the body.

The article examines folk notions on afterlife as found in the texts of traditional spiritual poems. The structural and meaning peculiarities of texts about soul departing from the body are characterized, the problems of their functioning in traditional culture and the influence of the confession (Old-believers' confession) on the eschatologic ideas are characterized. The article is mainly based on the contemporary Siberian and West-Russian materials.

Keywords: Russian traditional spiritual poems, funeral-commemorative rituals, folk ideas about afterlife.

Prokopyeva, P.E. Birds in traditional forest Yukagir conceptions (based on folklore and ethnographic data).

The paper analyses bird images in traditional forest Yukagir conceptions - diver, wild duck, cuckoo, owl, and crow. The birds were characterized taking into account their appearance, behavior and way of living. Omens and beliefs inspired by a certain bird initially include a notion of an extraordinary character of a bird, considering it a source or a herald of future events. The Yukagir attitudes to birds are mainly similar to the ones as expressed by other ethnic nations. Some coincidences are cross-linguistically pre-determined while the other ones emerged as a result of genetic and cultural interaction among the nations.

Keywords: traditional conceptions, forest Yukagirs, bird images.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, должность, ученая степень, место работы, служебный адрес, электронная почта, индекс УДК.

Объем статьи не должен превышать 0,5 п. л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п. л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Фамилия, имя, отчество автора и расположенный под ними заголовок должны быть написаны строчными буквами, жирным шрифтом и выровнены по центру страницы. Сведения об авторе размещаются под заголовком с правой стороны. Ниже следует аннотация с ключевыми словами на русском языке, под ними – фамилия, имя, отчество автора, заголовок, аннотация и ключевые слова на английском языке. Текст статьи начинается на этой же странице.

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].

– сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/ 7.0/97/ 2000; иллюстрации должны выполняться в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.*

*Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*